Боборыкин П.Д.
т.12

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3 ТМОО Т. 3.600.000 З. 3104—88

65012

PKP

3

№. 12. 1897

СБОРНИКЪ
„НИВЫ“
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Въ 12 томахъ.

Томъ XII.

ДЕКАБРЬ 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897 г.

29-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1898 г.

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1898 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА,

которое явится **первымъ** по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ «Стихотворенія» Тургенева, не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ. Полное собраніе сочиненій Тургенева будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе **одного 1898 года**, въ **12 томахъ**, отпечатанныхъ на **хорошо глазированной** бумагѣ, еще болѣе четко, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ, съ приложеніемъ **автографа** и **портрета** И. С. Тургенева, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ **„Сборника Нивы“**, по одному тому въ **началѣ каждаго мѣсяца**. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимиле И. С. Тургенева. Предисловіе. Біографія И. С. Тургенева. Записки охотника. ТОМЪ II. Отцы и дѣти. Наканунѣ. ТОМЪ III. Дымъ. Дворянское гнѣздо. ТОМЪ IV. Новь. Рудинъ. ТОМЪ V. Андрей Колосовъ. Бреттеръ. Три портрета. Жидъ. Пѣтушковъ. Дневникъ лишняго человѣка. Три встрѣчи. Муму. Постоялый дворъ. Томъ VI. Два пріятеля. Затишье. Переписка. Яковъ Пасынковъ. Фаустъ. Поѣздка въ Полѣсье. Ася. ТОМЪ VII. Первая любовь. Призраки. Довольно. Собака. Исторія лейтенанта Ергунова. Бригадиръ. Несчастная. Странная исторія. Степной Король Лиръ. ТОМЪ VIII. Вешнія воды. Стукъ... стукъ... стукъ! Пунинъ и Бабуринъ. Часы. Сонъ. Разсказъ отца Алексѣя. Отрывки изъ воспоминаній. Пѣснь торжествующей любви. ТОМЪ IX. Клара Миличъ. Стихотворенія въ прозѣ. Стихотворенія. ТОМЪ X. Вмѣсто предисловія. Неосторожность. Безденежье. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Нахлѣбникъ. Холостякъ. ТОМЪ XI. Завтракъ у предводителя. Мѣсяцъ въ деревнѣ. Провинціалка. Разговоръ на большой дорогѣ. Вечеръ въ Соррентѣ. ТОМЪ XII. Литературныя и житейскія воспоминанія. Критическія статьи и рѣчи. Некрологи, письма. Переводы. Хронологическій и алфавитный указатели.

☞ Соч. Тургенева могутъ быть пріобрѣтены въ видѣ **безплатнаго** приложенія **только въ теченіе 1898 г.** и отдѣльно отъ „Нивы“ не продаются. ☜

12 КНИГЪ «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ срединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1898** г., печатанный красками.

Подписная цѣна за годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПБ. **5 р. 50 к.** Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) **6 р. 25 к.** Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7 р.**, ЗА ГРАНИЦУ **10 р.**

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

3

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

65012

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1897 г.

АБ Ирбитская городская ЦБС

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Публичная библиотека
Ленинградского
ВУЗа
А5

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

I.

Электрическій свѣтъ красной точкой замигалъ въ матовомъ шарѣ надъ деревянной галлереей, противъ театра нижегородской ярмарки.

Сумерки еще не пали.

Влѣво полоса зари хоронила свой крайній конецъ за старымъ соборомъ, правѣе ее заслоняла мечеть, посылающая кверху удлиненный минаретъ.

Съ цѣлой партіей подгулявшихъ подгородныхъ мужиковъ и бабъ Теркинъ поднимался по ступенькамъ и жмурилъ глаза, внезапно облитый мигающимъ сизо-бѣлымъ свѣтомъ.

Онъ вспомнилъ, что Серафима просила его привезти ей два-три оренбургскихъ платка: одинъ большой, рублей на десять, да два поменьше, рубля по четыре, по пяти. Сейчасъ былъ онъ въ пассажѣ „Главнаго дома“. Тамъ тоже должны торговать мѣщанки изъ Оренбурга — „тетеньки“, какъ онъ привыкъ ихъ звать, наѣзжая къ Макарію; но у него совсѣмъ изъ головы вылетѣла просьба Серафимы. Тамъ онъ затерялся въ сплошной толпѣ, двигавшейся взадъ и впередъ по обѣимъ половинамъ монументальной галлереи. Главный домъ былъ только что отстроенъ и открытъ. Теркинъ, пріѣхавшій наканунѣ въ Нижній, попалъ на ярмарку къ вечеру, часу въ шестомъ. Онъ долго любовался зданіемъ со стороны фасада.

Ему полюбилась сразу эта „махинища“,—онъ такъ мысленно выразился,—съ ея павильонами, золоченой рѣшет-

кой крыши, облицовкой и окраской. Что-то показалось ему въ ней „индійско-венеціанское“, богатое и массивное, отвѣчающее идеѣ восточно-европейскаго торга.

Въ галлереѣ ему пришлось жутко отъ празднично-пріодѣтаго „мужичья“. Онъ за этотъ годъ, — прошло ровно столько со спуска парохода „Батракъ“,—сталъ еще брезгливѣе по части простого люда, находилъ, что „чумазаго“ слишкомъ распустили, что онъ всюду „претъ“, со своимъ „неумытымъ рыломъ“. Эти выраженія выскакивали у него и въ разговорахъ.

Такъ онъ и не докончилъ обзора галлереи Главнаго дома, со всѣхъ сторонъ стѣсненный густой волной народа, глазѣющаго на своды, крышу, верхніе проходы,—на одномъ изъ нихъ игралъ хоръ музыки,—на крикливо выставленный товаръ, на все, что ему казалось диковинкой. Нѣкоторые мужики и бабы шли съ разинутыми ртами.

Теркинъ даже выбранился, когда вышелъ на площадку передъ бульваромъ, гдѣ стоялъ кружкомъ военный оркестръ. Въ пассажѣ Главнаго дома его давила и нестерпимая жара, несмотря на его размѣры, отъ дыханія толпы, не въ одну тысячу, и отъ лампочекъ, хотя и электрическихъ, уже зажженныхъ въ началѣ восьмого.

Съ бульвара повернулъ онъ вправо, прошелъ по мосту черезъ канаву и направился къ театру. Только тогда вспомнилъ онъ про порученіе Серафимы и сообразилъ, что въ деревянной галлереѣ, на той же канавѣ, онъ, навѣрно, найдетъ „тетенекъ“, купитъ у нихъ платки, потомъ зайдетъ въ одну изъ цырюленъ, испоконъ вѣка ютящихся на канавѣ, около театра, гдѣ-нибудь перекуситъ,—онъ очень рано обѣдалъ,—и пойдетъ въ театръ смотрѣть Ермолову въ „Маріи Стюартъ“.

Тѣ, кто его встрѣчали года два, даже съ годъ назадъ, нашли бы перемѣны, не рѣзкія, но характерныя на болѣе пристальный взглядъ.

Кромѣ общей полноты, и лицо раздалось, вѣки стали краснѣе, въ глазахъ сложился родъ усмѣшки, то ласковой, то плутоватой, полной сознанія своей силы и удачи; та же усмѣшка сообщилась и рту. Прическу онъ носилъ ту же; одѣвался еще франтоватѣе. На немъ поверхъ лѣтней свѣтлой пары накинуто было свѣтлое же пальто на полосатой шелковой подкладкѣ.

Не даромъ глаза и ротъ его самодовольно усмѣхались. Въ одинъ годъ онъ уже такъ расширилъ кругъ своихъ

оборотовъ, что „Батракъ“, вполнѣ оплаченный, былъ теперь только подспорьемъ. На низовьяхъ Волги удалось ему войти въ сношенія съ владѣльцами рыбныхъ ловель и заарендовать съ начала навигаціи цѣлыхъ два парохода на Каспійскомъ морѣ и начать свой собственный торгъ съ Персіей. Дѣло пошло чрезвычайно бойко, благодаря его связямъ съ Москвой, съ хозяевами „амбаровъ“ города, изрядному кредиту, главное — смѣткѣ. Онъ самъ не зналъ прежде, что въ немъ сидѣла такая чисто „купецкая“ способность по части сбыта товаровъ и создаванія новыхъ рынковъ. Объ немъ уже заговорили и въ самыхъ важныхъ амбарахъ стараго Гостинаго двора.

Въ деревянной галлереѣ Теркинъ нашелъ почти такую же толкотню, какъ и въ пассажѣ Главнаго дома. Тамъ стояла еще сильнѣйшая духота. И такая же сплошная мужицко-мѣщанская публика толкалась около лавокъ и шкапчиковъ и туго двигалась по среднему руслу отъ входа до выхода.

Издали слѣва, надъ третьей или четвертой лавкой, замѣтилъ онъ вязаные цвѣтные платки, висѣвшіе у самаго прилавка, вмѣстѣ съ дѣтскими мантильками и капорами изъ бѣлаго и сѣраго пуха—кустарный промыселъ города Нижняго.

Тутъ долженъ быть водъ и оренбургскимъ „тетенькамъ“, торгующимъ часто вмѣстѣ съ нижегородскими вязальщицами вещей изъ пуха.

Протискавшись къ прилавку, Теркинъ нашелъ цѣлыхъ двухъ тетенекъ съ оренбургскими платками. Одна была еще молодая, картавая, худая и съ визгливымъ голосомъ.

Онъ рѣдко торговался, съ тѣхъ поръ, какъ у него стали водиться деньги; но съ послѣдней зимы, когда дѣла его такъ расширились, онъ дѣлался незамѣтно прижимистѣе даже въ мелочахъ.

— Платочекъ вамъ?—завизжала тетенька и поспѣшно отерла влажный и морщинистый лобъ.

Она запросила шестнадцать рублей за большой платокъ, съ цѣлую шаль. Теркинъ нашелъ эту цѣну непомѣрной и упорно началъ торговаться, хотя ему захотѣлось вонъ изъ душной галлереи, гдѣ температура поднялась навѣрно до тридцати градусовъ.

Они поладили на двадцати двухъ рубляхъ съ полтиной за всѣ три платка. Пакетъ вышелъ довольно объемистый,

и Теркинъ сообразилъ, что лучше будетъ его оставить въ трактирѣ, куда онъ зайдетъ закусить изъ цырюльни, а послѣ театра — поужинать и взять пакетъ у буфетчика.

Въ цырюльнѣ ему пришлось немного пождать. Одного гостя брили, другого завивали: хозяинъ,—сухощавый пожилой блондинъ, и его молодецъ—съ наружностью истаго московскаго парикмахера, откуда-нибудь съ Вшивой Горки, въ лимонно-желтомъ галстукѣ и съ чолкой, примазанной фиксатуаромъ къ низкому лбу.

Теркинъ присѣлъ на пыльный диванъ, держа въ рукахъ пучокъ разноцвѣтныхъ афишъ. Онъ уже зналъ, что въ театрѣ идетъ „Марія Стюартъ“, съ Ермоловой въ главной роли, но захотѣлъ просмотрѣть имена другихъ актеровъ и актрисъ.

Театральная афиша была не цвѣтная, а бѣлая, огромная, напечатанная по провинціальному, съ разными типографскими украшеніями.

Послѣ „Маріи Стюартъ“ шло „Ночное“.

Онъ взглянулъ на фамиліи игравшихъ въ этой пьесѣ. Ихъ было всего трое: два актера и одна актриса.

„Большова!“—выговорилъ про себя Теркинъ.

И тотчасъ же, отложивъ афишу, онъ провелъ ладонью по волосамъ и задумчиво поглядѣлъ въ полуоткрытую дверь на кирпично-красное тяжелое зданіе театра.

„Большова!—повторилъ онъ и прибавилъ:—А вѣдь это она! Разумѣется!“

И что-то заставило его встать и пройтись по цырюльнѣ.

— Долго еще ждать?—громко спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Сію минуту!—откликнулся хозяинъ.—Только пудры немножко.

Имя „Большова“ запрыгало у него въ головѣ.

Давно ли это было? Лѣтъ пять назадъ. Пріѣхалъ онъ въ Саратовъ. Тогда онъ увлекался театромъ: куда бы ни попадалъ, не пропускалъ ни одного спектакля, ни драмы, ни оперетки. До того времени у него не бывало любовныхъ исторій въ театральномъ мірѣ. Въ труппѣ онъ нашелъ водевильную актрису съ голоскомъ, съ „ангельскимъ“ лицомъ мальчика. Про нее разсказывали, что она барышня хорошей фамиліи, чуть не княжна какая-то; ушла на сцену противъ воли родителей; пока ведетъ себя строго, совсѣмъ еще молоденькая, не больше какъ лѣтъ

семнадцати. Крѣпко она ему полюбилась. Ночей не спалъ; сколько проугощалъ актеровъ, чтобы только съ ней познакомиться. И знакомство это вышло такое милое, душевное. Еще одна, много двѣ недѣли, и навѣрно они бы объяснились. Его удерживало то, что она несомнѣнно дѣвушка, совсѣмъ порядочная: такъ завѣряли его и пріятели-актеры.

Вдругъ она заболѣваетъ корью. А его патронъ, желѣзнодорожный подрядчикъ, услалъ въ Екатеринбургъ депешей.

— Любезнѣйшій, — спросилъ онъ хозяина цырюльни, садясь въ кресло передъ зеркаломъ, — вы знаете, гдѣ тутъ актрисы живутъ?.. Навѣрно, въ номерахъ поблизости?

— А вамъ кого, господинъ?—солидно освѣдомился парикмахеръ.

— Госпожу Большову.

— Надо спросить вонъ въ той гостиницѣ... наискосокъ, вправо отъ театра.

II.

У подъѣзда номеровъ, обитаго тикомъ, въ домѣ, полномъ лавокъ, стоялъ швейцаръ въ сѣрой поддевкѣ и картузѣ, довольно грязный, съ масляннымъ, нахальнымъ лицомъ.

— Артистка Большова?—спросилъ его Теркинъ, протягивая руку къ двери, забранной мѣдными прутьями.

— Здѣсь, пожалуйте!

Швейцаръ ухмыльнулся.

— Въ которомъ номерѣ?

— Я васъ провожу. Во второмъ этажѣ.

Они поднялись по чугунной лѣстницѣ.

— Сюда, въ уголъ пожалуйте, — пригласилъ швейцаръ.—Вотъ въ этомъ самомъ, двадцать восьмомъ номерѣ. Ключъ тутъ. Да я и не видалъ еще ихъ. Въ театръ имъ рано...

Уходя, швейцаръ остановился и прибавилъ:

— За безпокойство, ваше сіятельство!

Теркинъ далъ ему на водку, но повторилъ, покачавъ головой:

— За безпокойство! Теплый вы здѣсь народъ!

Онъ постучалъ въ дверь и только что взялся за ручку, его остановилъ вопросъ:

„А Серафимѣ ты скажешь про этотъ визитъ?“

„Отчего же не сказать!“—отвѣтилъ онъ весело и смѣло отворилъ дверь.

Изнутри его никто не окликнулъ.

„Какъ бишь ее зовутъ?“—подумалъ онъ и сразу вспомнилъ: Надежда Ѳедоровна.

Въ темной передней висѣло подъ простыней много всякаго платья.

— Кто тамъ?—спросилъ женскій голосъ, точно спросонокъ.

Голоса Теркинъ не узналъ; онъ былъ контральтовый и немного хриповатый.

— Надежда Ѳедоровна у себя?—громко выговорилъ Теркинъ и остановился передъ занавѣской, висѣвшей въ отверстіи перегородки.

— У себя, у себя!.. Кто это?.. Подождите минуточку!

Послышался скрипъ мебели и стукъ туфель-шлепальцевъ. Вѣроятно, она лежала и теперь оправляется передъ зеркаломъ.

— Можно?—спросилъ онъ такъ же весело, проникая въ первую половину номера, отдѣленную отъ спальни перегородкой.

— Можно, можно!.. Ахъ Боже мой! Да кто это?

Актриса выставила сперва одну голову въ скважинку портьеръ, спущенныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Курчавая голова, полныя щеки, большіе сѣрые глаза, ласковые и удивленные, и ротъ съ крупными и совсѣмъ бѣлыми зубами—все всплыло передъ Теркинымъ точно въ рамкѣ портрета.

— Надежда Ѳедоровна! Неужто не узнали?

— Ахъ, Боже мой!.. Вася Теркинъ!.. Да?..

Половина портьеры распахнулась, и она выскочила въ батистовомъ пеньюарѣ, съ помятой прической. Она показалась ему выше ростомъ и втрое полнѣе. Бѣлая шея и пухлыя руки промелькнули передъ нимъ, и онъ еще не взвидѣлся, какъ эти пухлыя руки очутились на его плечахъ.

— Голубчикъ! Какъ я рада! Похорошѣлъ ужасно!

Руки спустились и взяли его за локти. И свое полное возбужденное лицо, все еще съ „ангельскимъ“ оттѣнкомъ, она близко-близко подставила къ нему, поднявшись на цыпочки.

— Поцѣлуемся на радостяхъ! Мы вѣдь старые-старые друзья!..

Легкая хрипота въ ея голосѣ не пропадала, но тонъ былъ милый, задушевный и простой, слишкомъ даже простой, на оцѣнку Теркина.

Они поцѣловались три раза, по-крестьянски.

И вдругъ она, высвободивъ одну руку, провела ею по своимъ губамъ, какъ дѣлаютъ бабы и деревенскія дѣвки, когда напьются квасу или проглотятъ стаканчикъ водки.

— Скусно!—выговорила она по-волжски и дурачливо покривила носомъ. — Господи! Онъ сконфузился... Что, молъ, изъ Большовой стало. Была великосвѣтская ingénue... а тутъ вдругъ мужикъ-мужикомъ. Эхъ, голубчикъ! Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Моя спеціальность — бабы да дѣвки. Вотъ сегодня въ „Ночномъ“ увидите меня, такъ ахнете. Это я у васъ на Волгѣ навострилась, отъ Астрахани до Рыбинска включительно. Ну, садитесь, гость будете!..

Она усадила его рядомъ съ собою на диванъ, держала руку въ его рукѣ, оглядывала его съ гримасами и смѣшливо поводила носомъ.

— Красавецъ-мужчина!.. Нечего и говорить! Не устоишь... Никакъ не устоишь!

Ея курчавая голова, короткій носикъ, ласковые глаза мелькали передъ нимъ и настраивали на игривый тонъ; только онъ все еще спрашивалъ себя:

„Неужели это та самая барышня хорошей фамиліи?“

— Да,—выговорилъ онъ, наклоняясь къ ней,—не мало воды утекло. Вонъ вы какая гладкая стали!

— Расплылась?—быстро спросила она серьезнѣе.— Подурнѣла?

— Ужъ сейчасъ и подурнѣла!

— А вѣдь вы, милый человѣкъ, по мнѣ страдали... ась? Помните? У насъ тогда совсѣмъ было дѣло на мази. И почему оборвали вдругъ?

— Забыли?

— Ей-Богу! Точно отрѣзало!

Онъ напомнилъ ей, какъ она заболѣла, а его по дѣламъ услали въ Екатеринбургъ.

— Вѣрно, вѣрно. Потомъ я объ васъ часто вспоминала... честнóй человѣкъ! Видите, сейчасъ васъ узнала, вспомнила и фамилію,—а память у меня прескверная становится. Какъ же вы ко мнѣ-то попали? Это очень, очень мило! Пай-мальчикъ! За это можно васъ поцѣловать.

Ея сочныя губы чмокнули его въ щеку, и правая рука легла на его плечо.

„Актерка, какъ есть актерка!“—подумалъ Теркинъ.

Онъ видѣлъ, что прежняя Большова умерла. Это уже гулящая бабенка. Скитанье по провинціальнымъ театрамъ выѣло въ ней все, съ чѣмъ она пошла на сцену. Его подмывала въ ней смѣсь распущенности съ добродушнымъ юморомъ. И наружность ея нравилась, но не такъ, какъ пять лѣтъ назадъ, — по-другому, на обыкновенный, чувственный ладъ.

Черезъ пять минутъ они сидѣли еще ближе другъ къ другу. Ея рука продолжала лежать на его плечѣ. Она ему разсказывала про свое житье. Ангажементы у нея всегда есть. Послѣдніе два сезона она „служила“ въ Ростовѣ, гдѣ нашла хлѣбнаго торговца, глупаго и „во хмелю благообразнаго“. Онъ ее отпустилъ на ярмарку и самъ пріѣдетъ къ концу, денегъ даетъ достаточно и даже поговариваетъ о „законѣ“, но она сама не желаетъ.

— Да что это мы все всухомятку? — вскричала Большова. — У меня и горло пересохло. Позвоните-ка, голубчикъ.

Пришедшему коридорному она приказала подать сельтерской воды и коньяку.

— Стараго! Слышите? Брандахлыста мы пить не будемъ.

Въ номерѣ было душно, и Теркину хотѣлось пить.

Когда принесли все, Большова налила себѣ коньяку въ стаканъ больше чѣмъ на треть и выпила духомъ.

Теркинъ поглядѣлъ на нее.

— Вы вотъ какъ?—спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ; съ волками жить—по-волчьи выть... Вы плохой питухъ?

— Плохой.

— А я...

Она запнулась и налила себѣ еще коньяку и немножко воды.

— Употребляете?—спросилъ Теркинъ.

Струйка жалости къ бывшему предмету его увлеченія пропо.зла и тотчасъ же перешла въ нездоровое любопытство: ему хотѣлось знать, насколько она пала.

Глаза ея начали на особый манеръ соловѣть, и очень быстро. Онъ догадался, что она выпила на „старыя дро-

жди", и онъ понялъ ея странную возбужденность съ первой минуты ихъ свиданія.

— Вы что на меня смотрите такъ?—говорила она, наливая себѣ опять коньяку. — Рисоваться передъ вами не хочу: вы — пай-мальчикъ... вспомнили обо мнѣ. Вы видите... я вѣдь пьяница.

Она выговорила это медленно, точно смакуя слова, съ масляными глазами, спокойно, почти весело.

— Ну, ужъ и пьяница!

— Кабы ты, — она незамѣтно перешла на *ты*, — кабы ты былъ человѣкъ сурьезный по этой части, ты бы увидалъ, черезъ какую я школу прошла тамъ, въ Ростовѣ.

— Что̀ вы, что̀ вы!.. Милая, вы это такъ... дурачитесь...

— Нѣтъ, голубчикъ, не дурачусь. Должно-быть, это... какъ нынче въ умныхъ книжкахъ пишутъ... атавизмъ... папенька держался горечи, даромъ что былъ тонкій баринъ и въ Парижѣ умеръ. Выпьемъ... а?.. Это даже нехорошо: смотрѣть, какъ я осушаю бутылку, а самому только констатировать фактъ.

Она налила ему и заставила выпить безъ сельтерской воды.

На спиртное онъ былъ довольно крѣпокъ; коньякъ все-таки дѣлалъ свое... Онъ самъ удивлялся тому, что его не коробитъ. Большова выпила уже съ добрый стаканъ. Ея порокъ точно туманилъ ему голову...

III.

„Марію Стюартъ" уже играли, когда Теркинъ предъявлялъ свой билетъ капельдинеру, одѣтому въ красную ливрею, спустился къ оркестру и сѣлъ въ одно изъ креселъ перваго ряда.

Зала, глубокая и въ нѣсколько ярусовъ, стояла полуосвѣщенной. Мужскія темныя фигуры преобладали. Голоса актеровъ отдавались глухо.

До появленія героини Теркинъ озирался и невнимательно слушалъ то, что̀ говорилось на сценѣ. Его тотчасъ же начало раздражать нетвердое, плохое чтеніе тяжелыхъ бѣлыхъ стиховъ актрисой, игравшей няньку королевы, напыщенно-деревянныя манеры актера, по-провинціальному одѣтаго англійскимъ сановникомъ.

Но когда раздались низкіе грудные звуки Маріи Стюартъ, онъ встрепенулся и до конца акта просидѣлъ не мѣняя позы, не отрывая отъ глазъ бинокля. Тонъ артистки, ли-

рическая горечь женщины, живущей больше памятью о томъ, кто она была, чѣмъ надеждами, захватывалъ его и вливалъ ему въ душу что-то такое, въ чемъ онъ нуждался какъ въ горькомъ и освѣжающемъ лѣкарствѣ.

Женщина и ея трагическіе акценты вызвали образъ той, кого судьба послала ему въ подруги.

А развѣ въ немъ такая же страсть, какъ въ ней?.. Н больше получаса назадъ онъ цѣловался съ хмелѣющей бабенкой, которая сама призналась, что она „пьяница". И если у нихъ не дошло дѣло до конца, то не потому, чтобы ему стало вдругъ противно, тошно...

Она сама потрепала его по щекѣ и сказала:

— Красавецъ-мужчина!.. Знаю, что слѣдовало бы намъ закончить это рандеву честь честью, да стоитъ ли, голубчикъ? Право, лучше будетъ такъ, въ сухую, въ память объ ingénue саратовской труппы, о чистенькой барышнѣ, жертвѣ увлеченія театральнымъ искусствомъ.

Стало-быть, у нея зазрѣніе-то явилось, а не у него, даромъ что она была уже въ винныхъ парахъ и про своего ростовскаго купца говорила прямо какъ про безобразника, съ котораго брала деньги.

Она же ему сказала:

— Тебѣ пора, поди, ужъ играютъ первый актъ. А я немножко всхрапну и къ одиннадцати буду свѣжа какъ роза.

И ему это не очень-то понравилось... Звѣрь-то въ немъ проснулся несомнѣнно и подъ уколомъ какихъ впечатлѣній? Память о влюбленности въ милую дѣвушку должна бы сдѣлать ему отвратительнымъ всякое сближеніе съ пьющей и павшей бабенкой. Выходило, видно, наоборотъ.

Онъ ни разу не вспомнилъ о Серафимѣ, вплоть до ухода, когда Большова, провожая его въ переднюю, спросила:

— Что это у тебя за пакетъ? Подарочекъ везешь? Кому?.. Про любовныя дѣла вашего степенства я и не разспросила. А надо бы. Покажи, покажи.

Она развернула и увидала оренбургскіе платки.

— Цѣлыхъ три!.. Вотъ у тебя сколько предметовъ!.. Или все одной султаншѣ?

Онъ отшутился въ томъ же вкусѣ, и ему захотѣлось подарить ей одинъ изъ платковъ.

— Который по вкусу придется? Не угодно ли вотъ этотъ, самый крупный?

Въ желаніи сдѣлать ей подарокъ сказалось что-то купецкое: посидѣла, молъ, со мной, поамурилась, угостила— на̀ вотъ тебѣ гостинцу.

— Вотъ эту косыноцку, коли милость ваша будетъ, — попросила она бабьимъ „цокающимъ“ говоромъ, выбрала одинъ изъ платковъ поменьше и потянулась благодарить его поцѣлуемъ.

— Можетъ, послѣ спектакля встрѣтимся? — спросилъ онъ опять, тоже не безъ умысла.

— Приходи... въ заведеніе... противъ театра, гдѣ Илька Огай поетъ... Тамъ есть и кабинѣ-партикюльѣ. Поужинаемъ... А коли поздно тебѣ покажется, и не надо.

Весь этотъ разговоръ душилъ его теперь. Онъ думалъ объ ужинѣ съ нею, не боялся того, что она совсѣмъ будетъ „готовая“, даже и послѣ того, какъ платки напомнили ему, для кого онъ ихъ покупалъ, и какая красавица ждетъ его дома, шлетъ ему чуть ли не каждый день депеши, тоскуетъ по немъ.

Весь антрактъ просидѣлъ Теркинъ въ креслѣ, перебирая свое поведеніе.

На душѣ стало такъ скверно, что онъ жаждалъ видѣть и слышать Марію Стюартъ, только бы уйти отъ цѣлой вереницы вопросовъ о своемъ чувствѣ къ Серафимѣ. Вѣдь всего годъ прошелъ, какъ они живутъ вмѣстѣ, всего одинъ годъ!

Игра артистки трогала и волновала его и въ слѣдующихъ актахъ. Онъ даже прослезился въ одной сценѣ. Но въ антрактѣ между четвертымъ и пятымъ дѣйствіями въ сѣняхъ, гдѣ онъ прохаживался, глядя черезъ двери подъѣзда въ теплую августовскую ночь, чувство его обратилось отъ себя и своего поведенія къ женщинѣ, къ героинѣ трагедіи и ея соперницѣ, вообще къ сути женскаго „естества“.

Ну, да, онъ самъ недалеко ушелъ отъ перваго гулящаго купчика; да, въ немъ та же закваска, и Серафима, если бы все видѣла и слышала, имѣла бы право бросить его. Но въ этомъ ли все дѣло? Развѣ женщина, въ какомъ угодно положеніи, не раба своего влеченія къ мужчинѣ? Вотъ вамъ королева, узница, въ двухъ шагахъ отъ смерти; и что̀ въ ней яростно заклокотало, когда она стала кидать въ лицо Елизаветѣ, — а отъ той зависѣло помиловать или казнить ее,—ядовитыя обвиненія?.. Что? Да все то же! Женское естество. Присутствіе любимаго

человѣка вызвало нестерпимую обиду, уязвившую не королеву, а мужелюбивую, старѣющую бабенку... Вѣдь ей тогда было сильно за сорокъ, если не всѣ пятьдесятъ.

Въ его ушахъ еще звучали полные силы и гнѣвнаго трепета акценты артистки. Онъ схватилъ вотъ эти слова своей цѣпкой памятью, за которую въ гимназіи получалъ столько пятерокъ:

„Прикосновенье незаконной дщери
Тронъ Англіи позоритъ и мрачитъ,
И весь народъ британскій благородный
Фигляркою лукавою обманутъ!“

Не могутъ онѣ подняться ни до чего выше своей слабости къ мужчинѣ, — все равно, какой онъ: герой или пошлякъ, праведникъ или бѣглый каторжный.

И ему стало ясно, чего не хватаетъ въ его связи съ Серафимой. Убѣжденія, что она отдалась ему не какъ „красавцу-мужчинѣ“,—онъ вспомнилъ прибаутки Большовой,—а „человѣку“. Не онъ, такъ другой занялъ бы его мѣсто, немножко раньше, немножко позднѣе, если взять въ расчетъ, что мужъ ей набилъ оскомину и ограбилъ ее.

Въ ней онъ еще не почуялъ ничего такого, что̀ согрѣвало бы его, влекло къ себѣ душевной красотой. Его она любитъ. Но помимо его, кого и что̀ еще?..

Впервые эти вопросы встали передъ нимъ такъ отчетливо. Онъ не хотѣлъ оправдывать себя ни въ томъ, что̀ вышло и могло еще выйти у Большовой, ни въ томъ, что успѣхъ дѣльца и любостяжателя выѣдаетъ изъ него всѣ другія, менѣе хищныя побужденія. И если бъ онъ самъ вдругъ перемѣнился, сталъ бы жить и поступать только „по-божески“, развѣ Серафима поддержала бы его? Въ ней-то самой нашелъ ли бы онъ откликъ такому перелому? Она не мѣшала бы ему—и только... чтобы не потерять его, свою „цацу“, своего Васю, какъ пьянчужка-актерка все отдастъ, только бы ея не лишали рюмки коньяку...

Въ пятомъ актѣ Теркинъ уже не могъ отдаться судьбѣ Маріи Стюартъ. Ему хотѣлось уйти тотчасъ послѣ главной пьесы, чтобы не смотрѣть на „Ночное“ и не имѣть предлога ужинать съ Большовой.

Искренно выбранилъ онъ себя и за „свинство“ и за глупую склонность къ душевному „ковырянью“. Лучше бы было насладиться до конца игрой артистки.

Въ залѣ еще гулко разносились вызовы; но онъ уже

спѣшилъ къ вѣшалкѣ, гдѣ оставилъ вмѣстѣ съ пальто и пакетъ съ двумя платками.

— Теркинъ! Здравствуйте!

Его окликнули сзади. Онъ обернулся и увидалъ Усатина, которому капельдинеръ тоже подавалъ пальто.

— Мое почтеніе! Весьма радъ! — выговорилъ онъ не сухо и не особенно радушно.

— Вы куда отсюда? Ужинать?

— Не прочь.

— И прекрасно!.. Поѣдемте въ заведеніе Наумова. Потолкуемъ... Давненько не видались!

— Потолкуемъ, — повторилъ Теркинъ и почувствовалъ, что ему не совсѣмъ ловко съ Усатинымъ.

IV.

— Все Москва! Куда ни взглянешь!

Усатинъ повелъ жестомъ правой руки, указывая на бѣлую залу, въ два свѣта, довольно пустую, несмотря на часъ ужина.

— Да, скопировано съ Гурьинскаго заведенія, — подтвердилъ Теркинъ.

Они закусывали за однимъ изъ столиковъ у окна.

Низковатая большая эстрада стояла съ инструментами къ лѣвому углу. Пѣвицы разбрелись по сосѣднимъ комнатамъ. Двѣ-три сидѣли за столомъ и пили чай. Мужчины хора еще не показывались.

— Москва все себѣ заграбастала, — продолжалъ возбужденнѣе Усатинъ, отправляя въ ротъ ложку свѣжей икры. — И ярмарка вовсе не всемірный, а чисто-московскій торгъ, отдѣленіе Никольской съ ея переулками. И къ чему такіе трактирищи съ глупой обстановкой? Хоръ изъ Яра, говорили мнѣ, за семь тысячъ ангажированъ. На чемъ они выручаютъ? Видите—народу нѣтъ, а ужъ первый часъ ночи. Дерутъ анаѳемски.

Онъ взялъ карту винъ.

— Не угодно ли полюбоваться?.. Губонинское бѣлое вино — три съ полтиной бутылка. Это поощреніе отечественныхъ промысловъ и охранительная торговая политика!

Теркинъ слушалъ его, опустивъ немного голову. Ему было не совсѣмъ ловко. Дорогой, на извозчикѣ, тотъ разспрашивалъ про дѣла, поздравилъ Теркина съ успѣхомъ; про себя ничего еще не говорилъ. „Исторія“ по акціо-

нерному обществу до уголовнаго разбирательства не дошла, но кредитъ его сильно пошатнула. Съ прошлаго года они нигдѣ не сталкивались, ни въ Москвѣ, ни на Волгѣ. Слышалъ Теркинъ отъ кого-то, что Усатинъ опять выплылъ и чуть ли не мастеритъ новаго акціонернаго общества.

Не хотѣлось ему имѣть передъ Усатинымъ видъ человѣка, который точно передъ нимъ провинился. Правда, онъ уѣхалъ изъ усадьбы въ родѣ какъ тайкомъ; но мотивъ такого отъѣзда не трудно было понять: не желалъ пачкаться.

— Такъ вы теперь въ большихъ дѣлахъ?—началъ Усатинъ, какъ бы перебивая самого себя.—И въ одинъ годъ. У кого же вы тогда раздобылись деньжатами,—помните, ко мнѣ въ усадьбу заѣзжали?

Глаза Усатина заискрились. Онъ отправилъ въ ротъ еще ложку икры.

— Раздобылся, — отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшечкой и тутъ только разсердился на Усатина за такой простой вопросъ.

— Деньги не больно большія были, — добавилъ онъ небрежнымъ тономъ.—И вы, Арсеній Кирилычъ,—теперь дѣло прошлое,—совѣсть мою тогда пытали. Должно-быть, хотѣли поглядѣть: поддамся я или нѣтъ?

Такой оборотъ разговора Теркинъ нашелъ очень ловкимъ и внутренно похвалилъ себя.

— Пыталъ?.. Ха-ха!.. Я вамъ, Теркинъ, предлагалъ самую простую вещь. Это дѣлается во всѣхъ „обществахъ“. Но такой ригоризмъ въ васъ мнѣ понравился. Не знаю, долго ли вы съ нимъ продержитесь. Если да, и богатымъ человѣкомъ будете — исполать вамъ. Только наврядъ, коли въ васъ сидитъ человѣкъ съ дѣловымъ воображеніемъ, способный увлекаться идеями.

— Какъ вы, Арсеній Кирилычъ,—подсказалъ Теркинъ и поглядѣлъ на него исподлобья.

— Да, какъ я! Вы тогда, я думаю, сѣли на пароходъ да дорóгой меня честили: „хотѣлъ, молъ, подъ уголовщину подвести, жуликъ, волкъ въ овечьей шкурѣ...“ Что жъ!.. Оно на то смахивало. Человѣку вы уже не вѣрили, тому прежнему Усатину, которому все Поволжье вѣрило. И вотъ, видите, я на скамью подсудимыхъ не попалъ. Если кто и поплатился, то я же.

— И значительно?

— Ужъ, конечно, половина моихъ личныхъ средствъ ушла на то, чтобы ликвидировать съ честью.

— Нѣшто вы прикончили „общество“?

— Нѣтъ, я его преобразовалъ, связалъ его съ эксплуатаціей моего завода и открылъ другіе источники.

— И Дубенскій у васъ находится попрежнему?

Усатинъ слегка поморщился.

— Это — ригористъ... почище васъ. Мы съ нимъ разстались. Я на него не въ претензіи за то, что онъ слишкомъ неумѣренно испугался уголовщины.

„Аферистъ ты! Игрокъ! Весь прогоришь и проворуешься окончательно. Отъ прежняго Усатина мокренько не останется!“ — говорилъ про себя Теркинъ, слушая своего собесѣдника.

— Вотъ не угодно ли обслѣдовать этотъ невзрачный кусочекъ?

Усатинъ вынулъ изъ кармана что-то завернутое въ бумагу.

— Что такое?—спросилъ Теркинъ.

— Разверните.

Въ бумагѣ оказался кусочекъ какого-то темноватаго вещества.

— Это—мыло! Но изъ чего оно добывается? Вотъ въ томъ-то вся и штука. Одинъ бельгіецъ-техникъ предложилъ мнѣ свой секретъ. Нигдѣ, кромѣ Америки да нашихъ нефтяныхъ мѣстъ, нельзя съ этимъ кусочкомъ мыла такихъ дѣлъ надѣлать!..

— Ой ли, Арсеній Кирилычъ?

— Я вамъ это говорю!

Усатинъ откинулъ голову; жирное его тѣло заколыхалось, лицо все пошло бликами, глаза заискрились.

„Попалъ на зарубку!“—подумалъ Теркинъ.

Половой подалъ заказанное ими блюдо—стерлядку по-американски. Хоръ запѣлъ какой-то вальсъ. Подъ пѣніе Усатинъ заговорилъ еще оживленнѣе.

— Привилегія уже взята на Францію и Бельгію.

— Вотъ на этотъ самый комочекъ?

— Да, да, Теркинъ! На этотъ самый комочекъ. Послѣ ярмарки ѣду въ Питеръ; тамъ надо похлопотать,—и за границу за капиталами. Идея сразу оцѣнена. Въ Парижѣ денегъ не намъ чета, хоть долгу у нихъ и десятки милліардовъ!

— И въ податяхъ недохватки. И виноградники филлоксера выдрала во сколькихъ департаментахъ!

6502
АБ Ирбитская городская ЦБС

— Никакая филлоксера ихъ не подведетъ! Деньжищъ, сбереженій все-таки больше, чѣмъ во всей остальной Европѣ, за исключеніемъ Англіи.

— По теперешнимъ чувствамъ господъ французовъ къ намъ, русскимъ, не мудрено заставить ихъ тряхнуть мошной. Только сдается мнѣ, Арсеній Кирилычъ, вся ихъ дружба и сладость по нашему адресу значитъ одно: „отшлепай ты вмѣстѣ съ нами нѣмца". А когда мы у него Эльзасъ и Лотарингію обратно отберемъ, тогда и дружбу по шапкѣ!

— Очень можетъ быть, и не въ этомъ дѣло. Доходъ съ ренты у нихъ падаетъ; правительство не желаетъ больше трехъ процентовъ платить. А мы имъ восемь—десять гарантируемъ.

— Или, по-меньшей мѣрѣ, посулимъ.

Смѣхъ Теркина вырвался у него невольно. Онъ не хотѣлъ подзадоривать Усатина или безцеремонно съ нимъ обходиться.

— Вѣрьте мнѣ,—говорилъ ему Усатинъ, передъ ихъ уходомъ изъ трактира, положа локти на столъ, весь распаленный своими новыми планами.—Вѣрьте мнѣ. Ежели у человѣка, пустившагося въ дѣла, не разовьется личной страсти къ созданію новыхъ и новыхъ рынковъ, новыхъ источниковъ богатства,—словомъ, если онъ не артистъ въ душѣ, онъ или фатально кончитъ совсѣмъ пошлымъ хищничествомъ, или забастуетъ—такъ же пошло—и будетъ себѣ купончики обрѣзывать.

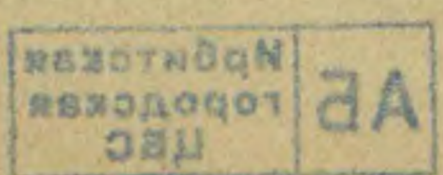
— Позвольте, Арсеній Кирилычъ, — возразилъ Теркинъ, — будто нельзя посмотрѣть на свою дѣлецкую карьеру какъ на средство послужить родинѣ?

Онъ поднялъ голову и пристально поглядѣлъ на Усатина. Собственныя слова не показались ему рисовкой. Вѣдь онъ души своей одному дѣлечеству не продавалъ. Еще у него много жизни впереди. Когда будутъ ворочать милліонами, онъ покажетъ, что не для одного себя набивалъ онъ мошну.

— Родинѣ!

Усатинъ пренебрежительно тряхнулъ своей лысой головой.

— Однако, позвольте,—Теркинъ понизилъ голосъ, но продолжалъ съ легкимъ вздрагиваніемъ голоса.—Вы изволили же въ былые годы служить нѣкоторымъ идеямъ. И я первый обязанъ вамъ тѣмъ, что вы меня поддержали...

не какъ любостяжательный хозяинъ, а какъ человѣкъ съ извѣстнымъ направленіемъ...

— Направленіе!—остановилъ его Усатинъ.—Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ,—онъ рѣзнулъ себя по затылку,—и когда эту самую родину изучишь хорошенько, придешь къ тому выводу, что только забывая про всякія цивическія затѣи, и можно двигать ею. И вамъ, Теркинъ, тотъ же совѣтъ даю. Не садитесь между двухъ стульевъ, не обманывайте самого себя, не мечтайте о томъ, чтобы подражать дѣльцамъ, какіе во Франціи были въ школѣ сенсимонистовъ. Они мнили, что перестроятъ все общество во имя гуманности и братства, а кончили тѣмъ, что стали банковскими воротилами. Все это—или пустая блажь, или безсознательная, а то такъ и умышленная фальшь!..

Онъ опять вынулъ изъ кармана бумажку съ кусочкомъ мыла.

— Вотъ я распалился этимъ комочкомъ безъ всякой филантропіи и высшихъ соціальныхъ идей, и цѣлый край будетъ кормиться около этого комочка! Такъ-то-съ, батюшка! А за симъ прощайте! Желаю добраго успѣха!.. И знайте, что безъ игрецкаго задора—все окажется мертвечиной!

— Загадывать не стоитъ! — сказалъ, подымаясь отъ стола Теркинъ.

— Будетъ у васъ идея... настоящая, на которую капиталисты сейчасъ пойдутъ, какъ на удочку,— валяйте!.. Понадобится вамъ смекалка Усатина,—идите къ нему... Онъ васъ направитъ, даромъ, что вы его подъ сумнѣніемъ держали.

Внизу, на крыльцѣ, они простились пріятельски. Теркинъ пошелъ пѣшкомъ къ станціи желѣзной дороги, гдѣ стоялъ въ номерахъ.

V.

На площадкѣ передъ рестораномъ Откоса, за столиками, сидѣла вечерняя публика, наѣхавшая снизу, съ ярмарки,—почти все купцы. Виднѣлось и нѣсколько шляпокъ. Изъ ресторана слышно было пѣніе женскаго хора. По верхней дорожкѣ, надъ крутымъ обрывомъ, двигались въ густыхъ уже сумеркахъ темныя фигуры гуляющихъ,—больше мужскія.

Внизу Волга лежала плоскимъ темноватымъ пластомъ, сдавленная песчаными перекатами. „Телячій Бродъ“, пол-

зущій вдаль до Печерскаго монастыря, суживалъ русло неправильной линіей. Луговой берегъ рѣки уходилъ на десятки верстъ отъ села Боръ, гдѣ бѣлыя церкви еще довольно ярко выплывали на буромъ фонѣ. Кое-гдѣ тускловато отливали, въ родѣ небольшихъ лужицъ, выемки, не высохшія съ половодья. Подъ самымъ Откосомъ слышалось унылое гудѣніе пара сигнальныхъ свистковъ. По водѣ, вверхъ и внизъ, разбрелись баржи и расшивы, а пароходы съ цвѣтными фонарями стояли въ нѣсколько рядовъ, бѣлѣя своими трубами и длинными рубками на американскій манеръ.

Ночь собиралась звѣздная и безлунная, очень тихая, съ послѣднимъ отблескомъ зари. Въ сторону моста сгустились мачты и трубы, и дымка ходила надъ ярмарочнымъ урочищемъ. Влѣво взглядъ забиралъ только кругозоръ до Егорьевской башни кремля, замыкавшей наверху всю панораму.

На самой вышкѣ, у обрыва за кустами, стоялъ Теркинъ.

Онъ только что пріѣхалъ съ ярмарки нарочно—на прощаньѣ съ Нижнимъ посидѣть на Откосѣ. Видъ оттуда рѣки былъ ему неизмѣнно дорогъ, а на этотъ разъ его влекло и довольно жуткое душевное настроеніе, съ какимъ онъ возвращался домой, туда въ посадъ Чернуха, на низовьяхъ, гдѣ они съ Серафимой провели зиму.

Въ немъ съ того ярмарочнаго вечера, когда онъ побывалъ на „Маріи Стюартъ“ и поужиналъ съ Усатинымъ, закопошилось что-то новое и вмѣстѣ очень старое. Сквозь довольство своими дѣлами и въѣдавшіеся въ него порывы самолюбія, любованія своей удачей и смѣткой, повадокъ пріобрѣтателя и хозяина, онъ распознавалъ и смутное недовольство многимъ, такъ что въ него забралось тревожное желаніе разобраться и въ чувствѣ къ Серафимѣ, въ ея натурѣ и убѣжденіяхъ.

Ночь и рѣчная даль навѣвали на него пріятную унылость. Не было уже охоты „ковырять“ въ душѣ и разстраивать свой созерцательный „стихъ“.

Вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, у самаго обрыва на скамейкѣ сидѣлъ кто-то.

Теркинъ поглядѣлъ туда, и взглядъ его остановился на спинѣ плотнаго мужчины, сидѣвшаго къ нему въ полпрофиля. Эта спина, и волосы, и фуражка показались ему знакомыми.

„Кузьмичевъ?“—умственно спросилъ онъ, но не тотчасъ окликнулъ его.

„Онъ и есть!“—утвердительно отвѣтилъ себѣ Теркинъ.

Капитана „Бирюча“ онъ не видалъ въ этотъ пріѣздъ и какъ будто избѣгалъ этой встрѣчи. Ему еще съ конца прошлой навигаціи было извѣстно, что Кузьмичеву грозило дѣло по жалобѣ Перновскаго за самовольную высадку съ парохода. Дошло до него и письмо Кузьмичева Великимъ постомъ, гдѣ тотъ обращался къ нему, какъ къ вліятельному пайщику ихъ товарищества, разсказывалъ про измѣнившееся къ нему отношеніе хозяина парохода, просилъ замолвить за него словечко, жаловался на необходимость являться къ судебному слѣдователю, намекалъ на то,—но очень сдержанно,—что Теркинъ, быть-можетъ, захочетъ дать свое свидѣтельское показаніе, а оно было бы ему „очень на-руку“.

Это письмо Теркинъ оставилъ безъ отвѣта. Сначала хотѣлъ отвѣтить, черезъ два дня уѣхалъ надолго въ Астрахань и совсѣмъ забылъ про него.

„Вѣдь я свински поступилъ!“ — пронизала его мысль, когда онъ снова оглядѣлъ фигуру Кузьмичева.

— Андрей Ѳомичъ!— не громкимъ, но звучнымъ голосомъ назвалъ онъ капитана, подошелъ къ нему сбоку и прикоснулся рукой къ его плечу.—Вы это?

— А-а, Василій Иванычъ!

Кузьмичевъ быстро поднялся съ мѣста, снялъ картузъ и не сразу пожалъ протянутую ему руку, охваченный неожиданностью появленія Теркина.

— Созерцаете?—спросилъ тотъ, не выпуская его руки.— И я тоже... Вы никакъ пришли сверху?

— Точно такъ... Сегодня утромъ.

— Пустите-ка меня на скамеечку!—сказалъ Теркинъ.

Они оба присѣли.

— Надолго ли къ намъ?—спросилъ Кузьмичевъ.

Глаза онъ отвелъ въ сторону. Въ его тонѣ Теркинъ заслышалъ съеженность, какой прежде никогда не бывало.

„Считаетъ меня пошлякомъ, — подумалъ онъ, — и, по-своему, правъ“.

— Я завтра въ обратный путь. И весьма радъ нашей встрѣчѣ, Кузьмичевъ. Какъ это хорошо, что меня надоумило поѣхать на Откосъ!

Кузьмичевъ все еще не глядѣлъ на него.

— Съ „Батракомъ“ мы, Василій Иванычъ, разминулись

повыше Юрьевца... Ходокъ отличный, даже завидки берутъ, когда на такой скверной посудинѣ, какъ „Бирючъ“, валандаешься.

Про себя онъ, видимо, не хотѣлъ заводить рѣчь сразу.

— Кузьмичевъ!—окликнулъ Теркинъ на другой ладъ.— Вы вѣдь на меня въ сердцахъ?

— Я, Василій Иванычъ?

— А то нѣтъ?

— Въ сердцахъ... Это не вѣрно сказано, а только...

— Стойте, я за васъ доскажу... Въ прошломъ году, помните, когда вы меня провожали при спускѣ „Батрака“... въ ваше положеніе я недостаточно вошелъ... Знаете, въ чаду хозяйскаго торжества... И на письмо ваше не отвѣтилъ. Въ этомъ чистосердечно каюсь. Не то чтобы я струсилъ... а зарылся. Вотъ настоящее слово. И вы въ правѣ считать меня... ну, да слово сами приберите.

— Вы ужъ слишкомъ, Василій Иванычъ! — заговорилъ Кузьмичевъ, и тутъ только его обыкновенно смѣшливые глаза обратились къ Теркину съ болѣе искреннимъ привѣтомъ.—Канючить я не люблю, но положеніе мое изъ-за той глупой исторіи съ Перновскимъ такъ покачнулось, что просто и не знаю какъ быть.

— Что вы!

— Вашихъ компаньоновъ вы рѣдко видаете. Мой патронъ труса празднуетъ и меня, можно сказать, ни чуточки не поддержалъ... И ежели бы у меня съ нимъ не контрактъ, онъ бы меня еще прошлой осенью расчелъ и оставилъ бы на зиму безъ всякаго продовольствія. Наше дѣло, сами знаете, какое. Конечно, другіе лѣтомъ копятъ на зиму, а я не умѣю, да къ тому же у меня семья... Цѣлыхъ четыре души. Какъ-то совѣстно такія нищенскія фразы употреблять; но это фактъ... Въ ноябрѣ контракту срокъ, и принципалъ меня удерживать не станетъ. Да это еще бы сполагоря... А вотъ гадость... Подсудность эта гнусная. Положимъ, слѣдователь парень хорошій, онъ такъ ведетъ слѣдствіе, чтобы все на нѣтъ свести... Тотъ Іуда-Искаріотъ... уже успѣлъ свою ябеду распустить... Изъ Питера сюда запросъ насчетъ моего недавняго прошлаго. Меня уже два раза „ко Іисусу“ таскали — къ генералу: здѣсь архаровцами-то генералъ, а не полковникъ завѣдуетъ. Того гляди, угодишь въ отъѣздъ по казенной надобности. И мой принципалъ ужъ, конечно, меня выдастъ головой, да и остальные не поддержатъ... Я былъ той

вѣры, Василій Иванычъ, что только вы — человѣкъ другого покроя. Тѣмъ болѣе, что ваше, напримѣръ, показаніе дало бы окраску всему происшествію. Матросы—мои подчиненные. Прокурорскій надзоръ ихъ заподозритъ.

Рѣчь его прервалъ короткій смѣшокъ, точно онъ хотѣлъ сдержать волненіе; стыдно стало своего малодушія.

Теркинъ, слушая его, все время повторялъ себѣ:

„Да вѣдь кто же Перновскаго-то разъярилъ, кто былъ зачинщикомъ всей исторіи? Ты—и больше никто! Развѣ Кузьмичевъ одинъ впутался бы? Тебѣ и надо поддержать его".

— Вотъ что́ я вамъ скажу, Кузьмичевъ, — искренней нотой началъ онъ, кладя ему руку на колѣно.—Спасибо за то, что вы меня человѣкомъ другого покроя считаете... И я передъ вами кругомъ виноватъ. Зарылся... Одно слово!.. Хорошо еще, что можно наладить дѣло. Угодно, чтобы я отъявился къ слѣдователю? Для этого охотно останусь на сутки.

— Вотъ бы чудесно!

Кузьмичевъ круто повернулся къ Теркину и взялъ его руку своими обѣими.

— Это давно была моя обязанность. Насчетъ мѣста вамъ нечего смущаться. Только бы вамъ здѣсь пакости какой не смастерили административнымъ путемъ... Дотяните до ноября,—милости просимъ ко мнѣ.

Наплывъ хорошихъ, смѣлыхъ чувствъ всколыхнулъ широкую грудь Теркина. Онъ подумалъ сейчасъ же о Серафимѣ. Какъ бы она одобрила его поведеніе? И не могъ отвѣтить за нее... Кто ее знаетъ? Быть-можетъ, съ тѣхъ поръ онъ и „зарылся", какъ сталъ жить съ нею...

Ему отраднѣе было въ ту минуту уважать себя, сознавать способность на хорошій поступокъ, чѣмъ выгораживать передъ собственной совѣстью трусливое „себѣ на умѣ".

— Не знаю, право, Василій Иванычъ, какъ и...

— Ничего!.. — прервалъ онъ Кузьмичева. — Знайте, Андрей Ѳомичъ, что Василій Теркинъ, сдается мнѣ, никогда не промѣняетъ вотъ этого мѣста (и онъ приложился пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди) на мѣдный пятакъ. Да и добро надо помнить! Вы меня понимали и тогда, когда я еще только выслуживался, не смѣшивали меня съ дѣлеческимъ людомъ... Андрей Ѳомичъ! Вѣдь въ жизни есть не то что фатумъ, а совпаденіе случайно-

стей... Вотъ встрѣча съ вами здѣсь, на обрывѣ Откоса... А хотите знать: она-то мнѣ и нужна была!

Порывисто вскочилъ Теркинъ.

— Спустимся внизъ, въ ресторанъ. Надо намъ бутылочку распить...

Кузьмичевъ отъ волненія только крикнулъ по-волжски:

— Айда!

VI.

— Милый, милый!

Серафима цѣловала его порывисто, глядѣла ему въ глаза, откидывала голову назадъ и опять принималась цѣловать.

Они сидѣли позднимъ утромъ на террасѣ, окруженной съ двухъ сторонъ лѣсомъ... На столѣ кипѣлъ самоваръ. Теркинъ только что пріѣхалъ съ пристани. Серафима не ждала его въ этотъ день. Неожиданность радости такъ ее всколыхнула, что у нея совсѣмъ подкосились ноги, когда она выбѣжала на крыльцо, завидѣвъ экипажъ.

— Сама-то давно ли вернулась?—спросилъ онъ послѣ новыхъ, болѣе тихихъ ласкъ.

— Я ужъ три дня здѣсь, Вася! Такъ стосковалась, хотѣла въ Нижній ѣхать, депешу тебѣ слать... радость моя!

Опять она стала душить его поцѣлуями, но спохватилась и поднялась съ соломеннаго диванчика, гдѣ они сидѣли.

— Вѣдь ты голоденъ! Тебѣ къ чаю надо еще чего-нибудь! Степанида!

Она заходила по террасѣ около стола. Теплый свѣтъ сквозь наружныя маркизы ласкалъ ея гибкій станъ, въ полосатомъ батистовомъ пеньюарѣ, съ открытыми рукавами. Волосы, заколотые крупной золотой булавкой на маковкѣ, падали на спину волнистой густой прядью.

Теркинъ любовался ею.

Мысль его перескочила быстро къ ярмаркѣ, къ номеру актрисы Большовой, гдѣ они, какихъ-нибудь пять дней назадъ, тоже цѣловались... Онъ вспомнилъ все это и огорчился тѣмъ, что уколъ-то совѣсти былъ не очень сильный. Его не бросило въ жаръ, не явилось неудержимаго порыва признаться въ своемъ рыхломъ, нечистоплотномъ поведеніи.

И на эту женщину, отдавшуюся ему такъ беззавѣтно, онъ глядѣлъ глазами чувственника. Вся она вызывала въ

немъ не глубокую сердечную радость, а мужское хищное влеченіе.

Онъ тотчасъ же сталъ внутренно придираться къ ней. Ея красота не смиряла его, а начала раздражать. Лицо загорѣлое, съ янтарнымъ румянцемъ, онъ вдругъ нашелъ цыганскимъ. Ея пеньюаръ, голыя руки, раскинутые по спинѣ волосы — дѣлали ее слишкомъ похожей на женщину, созданную только для любовныхъ утѣхъ.

Горничной Степанидѣ, тихой немолодой дѣвушкѣ, Серафима отдала приказаніе насчетъ закуски и сейчасъ же вернулась къ нему и начала его тормошить.

— Васюньчикъ мой!.. Пойдемъ туда, подъ сосны... Пока тебѣ подадутъ поѣсть... Возьми съ собой стаканъ чаю... Тамъ вонъ, сейчасъ за калиткой... На хвоѣ какъ хорошо!..

Онъ принялъ ея слова за приглашеніе отдаться новымъ ласкамъ и не обрадовался этому, а съёжился.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ неискренней усмѣшкой,— побудемъ здѣсь... Экъ тебѣ не сидится!

На террасѣ было очень хорошо. Ее отдѣлялъ отъ опушки узкій цвѣтничокъ. Нѣсколько другихъ дачъ, по одной сторонѣ перелѣска, въ полуверстѣ дальше, прислонились въ лощинѣ къ опушкѣ этого лѣса, шедшаго на сотни десятинъ. Онъ принадлежалъ казнѣ; дачи были выстроены на свой счетъ двумя инженерами, докторомъ да адвокатомъ. Одного изъ инженеровъ перевели, — онъ уступилъ свою Теркину еще ранней весной. Съ тѣхъ поръ Серафима жила здѣсь почти безвыѣздно, часто одна, когда онъ отлучался недѣлями. Зиму они проводили то здѣсь, то тамъ: жили въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Астрахани. Скитанье по гостиницамъ и меблированнымъ комнатамъ менѣе ее тяготило, чѣмъ одинокое житье на этой дачѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ богатаго приволжскаго посада, гдѣ у нея не было никого знакомыхъ. Ей сдавалось, что Теркинъ продолжаетъ ёжиться отъ ихъ нелегальнаго положенія. Правда, онъ долженъ былъ разъѣзжать по своимъ дѣламъ; но ему, видимо, не хотѣлось устроиться домомъ ни въ Москвѣ, ни въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ. Онъ, конечно, боялся за нее, а не за себя. Эта деликатность стѣсняла ее. Мужъ ея не преслѣдовалъ,—кажется, забылъ и думать о ея существованіи. Его перевели куда-то за Москву. Ихъ никто не безпокоилъ. Она жила по своему гимназическому диплому,

Нигдѣ — ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ — онъ не выдавалъ ея за жену, и это его стѣсняло.

Серафима недавно, передъ тѣмъ какъ онъ собрался въ Нижній, а она къ своей матери, сказала ему въ шутливомъ тонѣ:

— Вася! Ты все еще за меня смущаешься?.. Что я Анна Каренина, что ли? Супруга сановника? Какое кому дѣло, вѣнчаны мы или нѣтъ, и что господинъ Рудичъ— мой мужъ?.. Коли ты въ законъ вступить пожелаешь,— когда разбогатѣемъ, предложимъ ему отступного, вотъ и все!

Онъ тогда ничего ей не отвѣтилъ, ни въ шутку, ни серьезно; но теперь она ему какъ-то особенно рѣзко казалась ничуть не похожей на жену всѣмъ своимъ видомъ и тономъ. И онъ не могъ освободиться отъ этихъ ненужныхъ и расхолаживающихъ мыслей.

Вмѣстѣ съ Степанидой что-то принесъ для стола карликъ, въ сѣрой парѣ изъ бумажной матеріи, очень маленькій, съ бѣлокурой большой дѣтской головой, безбородый, румяный, на короткихъ ножкахъ, такъ что онъ переваливался съ боку на бокъ.

Ему было уже подъ-тридцать. Звали его Парѳенъ Чурилинъ. Теркину онъ понравился въ Казани, въ парикмахерской, и онъ его взялъ себѣ въ услуженіе. Серафима его не любила и скрывала это. Она дожидалась только случая, чтобы спустить „карлу“. Кухарка уже донесла ей, что онъ тайно „заливаетъ за галстукъ“, только изловить его было трудно.

— Чурилинъ! Какъ изволите поживать? — обратился къ нему Теркинъ, державшійся съ нимъ всегда шуточнаго тона.

— Слава Богу, Василій Иванычъ. Благодарю покорно.

Голосъ у карлика былъ не пискливый, а низковатый и тусклый, точно онъ выходилъ изъ большого тѣла.

Чурилинъ поставилъ на столъ приборъ, при чемъ его маковка пришлась въ уровень съ бортомъ, приковылялъ къ Теркину, еще разъ поклонился ему, по-крестьянски мотнувъ низко своей огромной головой, и хотѣлъ приложиться къ рукѣ.

— Не надо!—выговорилъ Теркинъ и отдернулъ руку.

Въ преданность карлика онъ вѣрилъ и чувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ ласковой заботы о собачкѣ, ко-

торая съ каждымъ днемъ все больше привязывается къ хозяину.

— Ступай, неси судокъ, да не растеряй пробки!

Серафима намекала на то, что наканунѣ у него выпала пробка изъ бутылочки съ уксусомъ. Чурилинъ, и безъ того красный, еще гуще покраснѣлъ. Онъ былъ обидчивъ и помнилъ всякое замѣчаніе, еще сильнѣе — насмѣшку надъ его ростомъ. Въ работѣ хотѣлъ онъ всегда отличиться дѣльностью и все исполнялъ серьезно, всякую малость. И это Теркину въ немъ очень нравилось.

— Такой карпышъ, — говаривалъ онъ, — а сколько серіозу! Для него все важно!

Степанида и Чурилинъ еще разъ пришли и ушли. Теркинъ крикнулъ даже:

— Довольно! Нечего больше таскать!

Когда они остались вдвоемъ съ Серафимой, и она стала наливать ему чай и угощать разной домашней снѣдью, онъ ощутилъ опять неловкость послѣ ея вопроса: „какъ веселился онъ у Макарія?“

Онъ сталъ разсказывать довольно живо про театръ, про „Марію Стюартъ“, про встрѣчу съ Усатинымъ и Кузьмичевымъ, но про встрѣчу съ Большовой умолчалъ, и сдѣлалъ это уже безъ всякаго колебанія.

„Стоитъ въ этомъ каяться!“ — окончательно успокоилъ онъ себя.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ онъ передалъ подробно; не скрылъ и того, что былъ у судебнаго слѣдователя по дѣлу о Перновскомъ.

Всю эту исторію Серафима слышала въ первый разъ.

— Ты почему же мнѣ никогда не говорилъ про это, Вася?.. — спросила она его спокойно, совсѣмъ не тономъ упрека.

— Почему?.. Да не пришлось какъ-то!.. Право слово, Сима!.. Все это вышло какъ разъ передъ нашей встрѣчей. До того ли мнѣ было!

— Развѣ мы мало провели времени на „Сильвестрѣ“, передъ тѣмъ какъ тонуть?..

Этотъ вопросъ вышелъ у нея уже тревожнѣе.

— Или, быть-можетъ, не хотѣлъ тебя смущать, портить первыхъ дней нашего тогдашняго житья... И то, пожалуй, что я не люблю вспоминать про исторію моего исключенія изъ гимназіи...

Изъ этой исторіи Серафима знала далеко не все: ни

его притворнаго сумасшествія, ни наказанія розгами въ селѣ Кладенцѣ.

— Конечно, конечно!

Глаза ея потускнѣли. Она потянулась къ нему лицомъ и поцѣловала въ лобъ.

— Только вотъ что, Вася,—продолжала она потише и вдумчивѣе,—какъ бы тебѣ не впутаться въ лишнюю непріятность... Кузьмичевъ одинъ въ отвѣтѣ.

— Да вѣдь онъ и не выгораживаетъ себя.

— Ну, такъ что жъ?...

— Какъ же ты не хочешь понять, Сима (Теркинъ началъ краснѣть)! Я довелъ Перновскаго до зеленаго змѣя—это первымъ дѣломъ; а вторымъ—я видѣлъ, какъ онъ полѣзъ на капитана съ кулаками, и мое показаніе было очень важно... Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что теперь дѣло кончится пустяками.

— И ты Кузьмичеву пообѣщалъ мѣсто?

— Счелъ это порядочнымъ поступкомъ.

— Да не ты ли говорилъ какъ-то, что онъ хорошій малый, но съ лѣнцой?

— У меня будетъ исправенъ!

Она замолчала; онъ видѣлъ, что въ ней женская „безпринципность“ брала верхъ, и уже не впервые. Въ его дѣла она не вмѣшивалась, но каждый разъ, какъ онъ вслухъ при ней обсуждалъ свои дѣловые поступки, она становилась на сторону „купецкаго расчета“ и не поддерживала въ немъ *того* Теркина, который не позволялъ ему сдѣлаться бездушнымъ „жохомъ“.

— Эхъ, Сима!—вырвалось у него.—Растяжимая совѣсть у вашей сестры!.. Не хочешь понять меня!

— Понимаю!—порывисто крикнула она.—Вася!.. Ты всегда и во всемъ благороденъ! Прости!.. Мы—женщины—трусихи!.. За тебя же боюсь...

И она бросилась его цѣловать, не дала ему доѣсть куска. Онъ долженъ былъ отвести ее рукой и чуть не подавился.

VII.

— Закормила ты меня, Сима! Кажется, я злоупотребилъ этимъ варенцомъ...

Теркинъ бросилъ на столъ салфетку и весь потянулся.

— Курить хочешь? Спички есть? Я сейчасъ принесу...

— Есть, есть!..

Откинувшись на спинку соломеннаго кресла, онъ прищурилъ глаза и ушелъ взглядомъ въ чащу лѣса за частоколъ цвѣтника.

— Экая здѣсь у насъ благодать!—выговорилъ онъ тронутымъ звукомъ.—А? Сима!..

— Да, милый.

— Ты поддакиваешь, а, сдается мнѣ, безъ убѣжденія.

— Почему же?

— Не больно ты, Сима, охотница до лѣсныхъ-то дебрей. Да и насидѣлась, бѣдная, въ этомъ захолустьѣ. А меня хлѣбомъ не корми, только пусти въ лѣсъ. Не знаю самъ, право, что̀ ближе моей душѣ: Волга или лѣсъ.

Онъ раскрылъ глаза, — они глядѣли своими большими темными зрачками, — и ласкалъ ими стройные, крупные стволы сосенъ, выходившихъ изъ поросли чернолѣсья: орѣшника и кустовъ лѣсныхъ мелкихъ породъ.

— Для этого надо родиться,—тихо отвѣтила Серафима, но не начала жаловаться на скуку, хотя частенько скучала тутъ, на этой опушкѣ, въ его отсутствіе.

Ему бы хотѣлось поговорить на свою любимую тему; онъ воздержался, зная, что Серафима не можетъ войти въ его душу по этой части, что она чужда его безкорыстной любви къ родной рѣкѣ и къ лѣсному приволью, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣчалъ.

— Что же ты про матушку-то свою не скажешь мнѣ ничего? Какъ живетъ-поживаетъ? Чѣмъ занята? Она вѣдь, сколько я ее по твоимъ словамъ разумѣю,—натура цѣльная и дѣятельная.

— Да что̀, Вася... —Серафима точно прервала себя и присѣла къ нему поближе.—Мамаша вѣдь опять къ старой вѣрѣ повернула.

— Чего повертывать? Она и всегда была въ ней.

— Они съ отцомъ и со мною, — прибавила она, улыбнувшись,—въ единовѣріи состояли. Ты знаешь?

— А теперь?

— Прежде они вѣдь безпоповской вѣры были... Вотъ старая-то закваска и сказалась. Отъ одиночества что ли или другое что̀... только она теперь съ сухарниками держится.

— Съ кѣмъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Съ сухарниками... Потѣха! Это, видишь, такіе же безпоповцы... Только у нихъ бѣглыхъ поповъ нѣтъ... На-

дѣла возня съ ними... Дорого стоятъ, полиція травитъ, и безобразіе отъ нихъ идетъ большое.

Теркинъ слушалъ съ интересомъ и то и дѣло взглядывалъ на Серафиму. Она говорила съ веселымъ выраженіемъ въ глазахъ, и ея алый ротъ складывался въ смѣшливую мину.

— Что же это значитъ сухарники?.. Я въ толкъ не возьму...

— Погоди, Вася! Я тебѣ объясню... только все это со стороны—просто потѣха!..

— Почему же потѣха?—строже спросилъ онъ.—Каждый по-своему вѣритъ. Лучше это, чѣмъ никакого закону не знать и никакого предѣла для того звѣря, который въ насъ сидитъ.

— Милый! Да ты послушай и говори потомъ... Развѣ это не жалко: мать—умная женщина, всегда была съ царемъ въ головѣ—и вдругъ въ такое изувѣрство удариться!

И, не давая ему возразить, она опять съ насмѣшливой миной заговорила быстро:

— Сухарники они вотъ почему. Отъ какого-то старца,—тамъ гдѣ-то на Иргизѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, ужъ не знаю,—ихъ начетчикъ получилъ мѣшечекъ съ сухарями. Ими онъ причащалъ. Поповъ, молъ, бѣглыхъ не наберешься, и повѣрье, молъ, такое—и сіе во спасеніе...

— Что жъ эти сухари-то обозначаютъ?

— Запасные, видишь, дары... Какъ это называется—агнецъ, что ли?

— А-а! И потомъ что?

— Вася! Ты точно сказку слушаешь... Ха-ха!

— Вовсе нѣтъ, Сима... Это очень занятно. Я всегда про расколъ люблю узнавать.

— Охота!.. Такъ вотъ, видишь, старецъ-то, какъ помирать сталъ, и оставилъ мѣшечекъ начетчику, разумѣется, мужику... фамилію я забыла... И началъ этотъ мѣшокъ съ сухариками переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного начетчика къ другому, по завѣщанію. Разумѣется, прежніе-то кусочки, отъ агнца-то, давно перевелись, а только крошки запекали въ просвиры и рѣзали потомъ на новые кусочки и сушили.

— Вотъ оно что!

— И кому удавалось захватить этотъ самый мѣшечекъ,

тотъ и дѣлался столбомъ благочестія и выше всякаго наставника... Вотъ теперь тамъ, у насъ, мѣшечекъ хранится у одной старой хрычовки...

— Серафима! Почему же хрычовки?

— Да потому, что я ее знаю. Еще дѣвочкой ее видала... Старушенція-то въ дѣвахъ пребываетъ... Зовутъ ее Глафира Власьевна. Простая мѣщанка; торговлишка была плохенькая, а теперь разжилась. И какъ бы ты думалъ... Все ихъ согласіе передъ ней какъ передъ идоломъ преклоняется... Въ молельнѣ земные поклоны ей...

— И мать твоя также?

— И она!.. Ну какъ же не жалко и не обидно за нее?.. Я-было пробовала стыдить ее, такъ она, кажется, въ первый разъ въ жизни такъ разсердилась... Просто вся затряслась... А ты послушай дальше, какія штуки эта бабаяга выдѣлываетъ...

Серафима встала и начала ходить по террасѣ, заложивъ руки за спину. Теркинъ слѣдилъ за ней глазами и оставался у стола.

— Что жъ дѣлать!.. — выговорилъ онъ съ жестомъ головы.—Какъ ты сказала, Сима: старыя дрожди всплыли... Вѣроятно, и то, что она тайно считала переходъ въ единовѣріе измѣной и захотѣла загладить вину и за себя, и за мужа.

— Ужъ не знаю, Вася; но вотъ ты сейчасъ увидишь, до какого безобразія и шутовства это доходитъ... Какъ подойдетъ Великій постъ и начнется говѣнье, у нихъ на каждый день полагается тысячу поклоновъ...

— Тысячу!—вскричалъ Теркинъ.

— А ты какъ бы думалъ? И какихъ! Не такъ, какъ у никоніанцевъ (она произнесла это слово, нахмуривъ нарочно брови), а какъ слѣдуетъ. Маменька называетъ: „съ растяженіемъ суставовъ“. Понимаешь? ха-ха!..

— Понимаю. Для нихъ это не смѣшно.

— Вѣдь она не молоденькая... Ты вотъ какой у меня богатырь... А положи-ка ты въ день тысячу земныхъ поклоновъ, перебери на лѣстовкахъ-то, сколько полагается, бубенчиковъ...

— Какихъ такихъ?

— Зарубочекъ... Ты видалъ раскольничьи лѣстовки?

— Какъ же... У насъ въ Кладенцѣ тоже вѣдь безпоповцы... Чуть ли не по бѣглому священству.

— Кладутъ они поклоны... Совсѣмъ разомлѣютъ, спину отобьютъ... Соберутся къ исповѣди... и причастія ждутъ... Наставникъ выйдетъ и говоритъ: „Глафира, молъ, Власьевна которымъ соизволила выдать кусочки, а которымъ и не прогнѣвайтесь...“ И пойдутъ у нихъ вопли и крики... А взбунтоваться-то не смѣютъ противъ Глафиры Власьевны. Одно средство—ублажить ее, вымолить на колѣняхъ, чрезъ всякія униженія пройти, только бы она смиловалась...

— Неужели и мать твоя такимъ же манеромъ?

— Она у ней и днюетъ, и ночуетъ. И меня хотѣла вести туда, да я прямо отрѣзала ей: „ужъ вы меня, маменька, отъ этихъ благоглупостей освободите“.

— Неужели такъ и сказала: „благоглупостей“?

— Такъ и сказала.

— Напрасно.

— Что это, Вася! Ты сегодня точно нарочно меня дразнишь! Съ какой стати!.. Ты, сколько я тебя понимаю, такъ далекъ отъ подобнаго дремучаго изувѣрства...

— Это дѣло ея совѣсти.

Теркинъ тоже всталъ, отошелъ къ периламъ и сѣлъ на нихъ.

— Да вѣдь досадно и больно за мать!.. Помилуй, она теперь только и спитъ, и видитъ, какъ бы ей отъ Глафиры мѣшечекъ достался, когда та умирать станетъ. Она ужъ начала ей подарки дѣлать, начетчиковъ и уставщиковъ угощаетъ, навѣрно и денегъ даетъ... Я побаиваюсь, чтобы они и совсѣмъ ея не обработали... На мельницѣ арендаторъ—тоже безпоповецъ и въ моленной у нихъ одинъ изъ заправилъ... Хоть ты бы когда заѣхалъ, вразумилъ ее!..

— Нѣтъ, Сима,—серьезно и вѣско сказалъ Теркинъ,—я въ эти дѣла вмѣшиваться не буду. Мать твоя вольна дѣйствовать, какъ ей совѣсть указываетъ. По міру она не пойдетъ... У насъ есть чѣмъ обезпечить ее на старости.

— И опять же, Вася, она и меня безъ всякой надобности смущаетъ.

— Чѣмъ же? Вѣдь ты въ ихъ согласіе не поступишь!

— Не этимъ, конечно... А насчетъ все той...

Она запнулась.

— Кого?—недоумѣвалъ Теркинъ.

— Да Калерькиной доли!..

Теркинъ поморщился.

— Зачѣмъ ты, Сима, такъ называешь Калерію Пор-

фирьевну? Это для тебя слишкомъ... какъ бы помягче выразиться... некрасиво.

— Ну, хорошо, хорошо! Ты вѣдь знаешь, что мать была на моей сторонѣ и не допускала, чтобы то, что̀ отецъ оставилъ, пошло только ей.

— А теперь, выходитъ, стала по-другому думать?

— Все изъ-за святости! Хочетъ въ наслѣдницы къ Глафирѣ попасть! Удостоиться быть хранительницей мѣшечка съ сухарями!

— Сима! Такъ неладно... говорить о матери, которая въ тебѣ души не чаяла. Я ее весьма и весьма понимаю. Она ушла теперь въ себя, хочетъ очиститься отъ всякой грѣховной нечистоты, отъ всякаго суетнаго стяжанія. Сухарики или другое что̀, но это протестъ совѣсти, и мы должны отнестись къ нему съ почтеніемъ. Тутъ не одно суевѣріе...

Глаза Серафимы сверкнули. Она остановилась прямо къ нему лицомъ и вскинула по воздуху правой рукой.

— И все это не то! Она и на Калерію-то виды имѣетъ. Надо, молъ, ее ублажить, подѣлиться съ ней по-божески, тронуть ее христіанской добродѣтелью и привлечь къ своей вѣрѣ.

— Что жъ, каждый фанатикъ такъ поступаетъ и чувствуетъ.

— Ты самъ говоришь: фанатикъ!

— Фанатизмъ-то, умные люди писали,—верхъ убѣжденности, Сима!

— Ахъ, полно!

Она подошла къ нему, опустила на его плечо обѣ руки, поцѣловала его въ лобъ и затуманилась.

— Да что жъ ты такъ волнуешься? — спросилъ онъ довольно ласково.

— То, Вася, что я не хотѣла нашу встрѣчу разстраивать... и думала отложить непріятный разговоръ до завтра. А къ этому подошло...

— Какой еще разговоръ?

— Я здѣсь письмо нашла, когда вернулась. Отъ нея.

— Отъ кого?

— Да отъ Калеріи же. Изволитъ извѣщать о своемъ пріѣздѣ.

— Вотъ какъ!

Теркинъ поднялся и отошелъ къ ступенькамъ террасы.

65012
АБ Ирбитская городская ЦБС

— Сима!—окликнулъ онъ.—Покажи мнѣ это письмо, если тамъ особыхъ тайнъ нѣтъ.

— Изволь! Хоть сейчасъ! Лучше ужъ это поскорѣе съ плечъ спустить!

Она побѣжала въ комнаты.

VIII.

Между краснѣющими стволами двухъ сосенъ, у самой калитки, вдѣлана была доска для сидѣнья. Теркина потянуло туда, въ тѣнь и благоуханіе.

Онъ быстро спустился съ террасы, пересѣкъ цвѣтникъ, вошелъ въ лѣсъ и присѣлъ на доску. Серафима его увидитъ и прибѣжитъ сюда. Да тутъ и лучше будетъ говорить о дѣлахъ—люди не услышатъ.

Это была его первая мысль, и она его ударила въ краску.

Сейчасъ же недовольство, похожее на нытье зубовъ, поднялось у него на сердцѣ. То, что̀ и какъ ему говорила Серафима, по поводу этого письма Калеріи, ея тонъ, выраженія насчетъ матери — оставили въ немъ тошный осадокъ и напомнили уже не въ первый разъ тайное участіе въ ея поступкѣ съ двоюродной сестрой.

Чего же выгораживать себя? Онъ—ея сообщникъ. Она ему отдала двѣ трети суммы, завѣщанной старикомъ Безпаловымъ своей племянницѣ. Положимъ, онъ выдалъ ей вексель, даже настоялъ на томъ, зимой; но онъ зналъ прекрасно, откуда эти деньги. Имѣлъ ли онъ право распорядиться ими? Вѣдь она ничего не писала Калеріи. Цѣлый почти годъ прошелъ съ того времени, и онъ не спросилъ Серафимы, знаетъ ли Калерія про смерть дяди, писала ли ей она или мать ея?

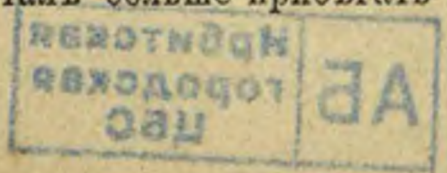
Какого же еще сообщничества?

Его глаза затуманеннымъ взглядомъ остановились на фасадѣ дачи, построенной въ видѣ терема, съ пѣтушками на острыхъ крышахъ и башенкой, гдѣ онъ устроилъ себѣ кабинетъ. Вѣдь здѣсь они не живутъ, а скрываются. И дѣла его пошли бойко на утаенныя деньги, и та, кого считаютъ его женой, украдена имъ у законнаго мужа.

„Воровская жизнь!“

Эти два слова выскочили въ его головѣ сами собой, какъ ясный откликъ на тревогу совѣсти.

„Да, воровская!“—повторилъ онъ уже отъ себя и не сталъ больше прибѣгать ни къ какимъ „смазываньямъ“—

такъ онъ называлъ всякіе неискренніе доводы въ свое оправданіе.

„Надо очиститься—и сразу!"—рѣшилъ онъ безъ колебаній, и такое быстрое рѣшеніе облегчило его, высвободило сразу изъ-подъ несносной тяжести.

Въ дверяхъ террасы показалась Серафима. Она торопливо оглянулась вправо и влѣво, не нашла его, прищурилась, ища его глазами въ цвѣтникѣ.

Ея гибкій станъ сталъ пышнѣе, волосы, закинутые на спину, давали ея красотѣ что-то и вызывающее, и чрезвычайно живописное. Въ другое время онъ самъ бы бросился къ ней цѣловать ее въ искристые чудные глаза.

Въ ту минуту онъ нисколько не любовался ею. Эта женщина несла съ собою новую позорящую тревогу, неизбѣжность объясненія, гдѣ онъ долженъ будетъ говорить съ нею какъ со своей сообщницей и, навѣрно, выслушаетъ отъ нея много ненужнаго, рѣзкаго, увидитъ опять, въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, растяжимую совѣсть женщины.

И едва ли не впервые сознался онъ, что красота еще не все, что чувственное влеченіе не владѣетъ имъ всецѣло.

— Гдѣ ты?—окликнула Серафима со ступенекъ террасы.

— Здѣсь, на завалинкѣ! Въ лѣсу!

— Отличное мѣсто!

Она скоро подошла, легко скользя подъемистыми ногами, въ атласныхъ туфляхъ, по мягкой хвоѣ, и поцѣловала его въ волосы.

— Подвинься! Будетъ мѣста и на двоихъ.

Двоимъ было такъ тѣсно, что ея плечо плотно уперлось въ его грудь.

Онъ опустилъ глаза и проговорилъ очень тихо:

— Нашла письмо?

— Вотъ оно.

Она держала письмо въ лѣвой рукѣ, высвободила правую и развернула листокъ, въ осьмушку, исписанный крупнымъ разгонистымъ, скорѣе мужскимъ почеркомъ.

— Хочешь прочту?—спросила она.

— Зачѣмъ! я самъ.

Руки Калеріи онъ до тѣхъ поръ не видалъ. Разбиралъ онъ ее свободно. Серафима положила голову на его лѣвое плечо и слѣдила глазами вдоль строкъ, перечитывая письмо уже въ четвертый разъ.

— Видишь, Вася, отъ великихъ-то идей сестрица грамотности все-таки не добыла. Пишетъ „пуститься въ путь“ безъ мягкаго знака въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Ахъ, Сима!

Теркинъ мотнулъ головой.

„Этакая у женщинъ злоба!“—подумалъ онъ.

Замѣчаніе Серафимы было слишкомъ ужъ невеликодушно. Придираться къ ошибкѣ, да еще къ такой мелкой и въ письмѣ, гдѣ онъ съ первыхъ же строкъ распознавалъ отличнаго „человѣка“! Калерія писала просто, безъ всякихъ подходовъ и намековъ, извѣщала о свой поѣздкѣ на Волгу. Оказывалось изъ этого письма, что тетка написала ей о смерти старика Безпалова нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе. Она, должно-быть, со стороны слышала, что ей достались какія-то деньги, бывшія въ дѣлахъ у дяди послѣ отца; но она на этомъ не останавливалась, какъ на главномъ содержаніи своего письма. Скорѣе, она мечтала о чемъ-то, завести что-то такое на родинѣ, для чего надо бы раздобыться небольшимъ капиталомъ. Ей очень хотѣлось навѣстить и тетку,—той она писала въ одинъ день съ Серафимой. Видно было, что ей извѣстна исторія двоюродной сестры; и опять-таки никакихъ нескромностей не было въ письмѣ, ни фразъ дешеваго либеральничанья.

Теркинъ ожидалъ чего-нибудь слащаваго, поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ на евангельскій манеръ—и этого не оказалось. Такъ могла писать только искренняя, добродушная женщина, далеко не безграмотная, хотя и не твердая въ мягкихъ знакахъ.

Онъ довольно долго читалъ всѣ четыре страницы и на нѣкоторыхъ строкахъ останавливался. За нимъ нетерпѣливо слѣдила Серафима.

— Значитъ,—выговорила она, поднимая голову съ его плеча.—Калерія Порфирьевна пожалуетъ сначала сюда, а потомъ прослѣдуетъ къ мамашѣ.

— Можетъ, завтра будетъ въ Посадѣ, коли выѣхала въ тотъ самый день, какъ назначила себѣ.

— И вдругъ здѣсь плюхнется гостить! — вырвалось у Серафимы.

Слово „плюхнется“ заставило его поморщиться.

— Какъ же намъ ее не принять?—спросилъ онъ серіозно, и по его глазамъ Серафима увидала, что онъ совсѣмъ не въ такихъ чувствахъ, какъ она.

— Мнѣ пускай,—только гдѣ же мы ее помѣстимъ?

— А наверху? Тамъ вѣдь есть цѣлая комната.

— Наверху—ты...

— Что жъ изъ этого?

Взглядъ его договорилъ:—„неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ не нравится твое поведеніе?“

Теркинъ всталъ, отстранилъ ее слегка плечомъ и отошелъ къ слѣдующему стволу.

— Нешто это ударъ грома, что ли, пріѣздъ Калеріи Порфирьевны?.. Къ нему надо было готовиться. Да, судя по ея письму, она совсѣмъ не такая особа, чтобы бояться отъ нея какихъ-нибудь каверзъ.

— Въ тихомъ омутѣ...

— Полно, Серафима! Это, наконецъ, некрасиво! На что ты злишься? Дѣвушка насъ любитъ, ничего не требуетъ, хочетъ, видимо, все уладить мирно и благородно... А мы,— я говорю: мы, такъ какъ и я тутъ замѣшанъ,—мы скрыли отъ нея законнѣйшее достояніе и ни строчки ей не написали до сегодня. Надо и честь знать.

Пальцы правой руки его нервно начали отковыривать кору сосны.

Серафима тоже поднялась. Ея глаза заблестѣли. На щекахъ явилось по красноватому пятну около ушей.

— Такъ по-твоему выходитъ,—начала она глухо, какъ будто у нея перехватывало въ горлѣ,—мы обязаны ей въ ножки хлопнуться, какъ только она вотъ на эту террасу войдетъ, и молить о помилованіи?

— Повиниться надо, первымъ дѣломъ!

— Глупости какія!

— Не глупости, Серафима, не глупости! — голосъ его звучалъ строже. — Это дѣло вашей совѣсти попросить у нея прощенія; мать твоя, навѣрно, такъ и поступила; но тутъ я замѣшанъ. Я сознательно воспользовался деньгами, взялъ ихъ у тебя, выдалъ документъ не ей, не Калеріи Порфирьевнѣ, а тебѣ, точно ты ихъ собственница по праву. Беру всю вину на себя... И деньги эти отдамъ ей, а не тебѣ,—не прогнѣвайся!

— Гдѣ ты ихъ возьмешь? Есть ли онѣ у тебя вотъ въ настоящую минуту?.. Изъ десяти слишкомъ тысячъ, что у меня на рукахъ остались, одной трети даже нѣтъ.

— Додадимъ!

— Додашь три-четыре тысячи, а не двадцать!.. Что ты хорохоришься, Вася!—У тебя капитала нѣтъ, и всѣ твои новыя дѣла держатся пока однимъ кредитомъ!

— Мало ли что! Заложу „Батрака“. Онъ у меня чистый... Предложу пока документъ. Не бойся, тебя не выдамъ; прямо скажу ей, что ты, по добротѣ ко мнѣ, ссудила меня...

— Чужими деньгами!.. Не хочу я этого! Ни за что! Чтобы Калерія сочла тебя за какого-то темнаго авериста и меня же стала жалѣть да на благочестивую жизнь сбивать?.. Ты не имѣешь права такъ грязнить себя передъ ней... И все изъ-за чего? Изъ какой-то нелѣпой гордости! Это фордыбаченье называется, а не честность! Мамаша тоже отъ себя подбавитъ. Разрюмится надъ Калеріей, повинится ей, чтобы ей самой легче было свое скитское покаяніе приносить... Потомъ у Калеріи выманитъ тысчонку-другую на какую-нибудь богадѣльню для безпоповскихъ старухъ, выжившихъ изъ ума!.. Въ васъ изувѣрство, а не любовь. Не умѣете вы любить! Вотъ что!

Грудь ея пошла волнами, руки выдѣлывали круги въ воздухѣ, волосы совсѣмъ распустились по плечамъ.

— Сима!—сказалъ Теркинъ строго, стоя все еще у дерева,—совѣсти своей я тебѣ не продавалъ... Мой долгъ—не только самому очиститься отъ всякаго облыжнаго поступка, но и тебя довести до сознанія, что такъ не гоже, какъ покойный батюшка Иванъ Прокофьичъ говорилъ въ этакихъ дѣлахъ.

— Не бывать этому! Не бывать! Я не позволю тебѣ срамиться передъ Калерькой!

Не желая разрыдаться передъ нимъ, Серафима побѣжала къ террасѣ и не замѣтила, какъ выронила изъ рукъ письмо Калеріи.

Теркинъ увидалъ это, тихо подошелъ, поднялъ, сѣлъ опять на доску и сталъ вчитываться въ письмо—и ни разу не взглянулъ вслѣдъ своей подругѣ.

IX.

На полпути лѣсомъ расплылась глинистая разъѣзженная дорога. Глубокія колеи шли по нѣскольку въ рядъ. Справа и слѣва вились тропки между порослями рябины и орѣшника.

По одной изъ тропокъ Теркинъ шелъ часу въ шестомъ вечера. Жаръ еще не спадалъ. День, хоть и въ августѣ, задался знойный.

За раннимъ обѣдомъ они опять крупно поговорили съ Серафимой. Она не сдавалась. Ея злобу къ Калеріи на-

шелъ онъ еще нелѣпѣе, замолчалъ къ концу обѣда, поднялся къ себѣ наверхъ, гдѣ не могъ заснуть, и ушелъ въ лѣсъ по дорогѣ въ деревню Мироновку, куда онъ давно собирался. Узналъ онъ въ Нижнемъ, что тамъ въ усадьбѣ проводитъ лѣто жена одного изъ пайщиковъ его пароходнаго товарищества.

Онъ очень бы радъ просидѣть тамъ весь вечеръ, если застанетъ то семейство, и вернуться попозднѣе.

Стычка съ Серафимой — по счету первая за весь годъ. Это даже удивило его. Значитъ, онъ самъ сильно опошлѣлъ, и ей не въ чемъ было уступать ему или противорѣчить. Не раздраженіе запало въ немъ, а тяжесть отъ раздумья. Онъ поступитъ такъ, какъ сказалъ еще утромъ. Никакой стачки, никакого „воровского“ поступка онъ не допуститъ. Въ этомъ ли одномъ дѣло?

Сегодня онъ зачуялъ ясно свое душевное одиночество. Серафима — его любовница, но не подруга. Изъ двоихъ Теркиныхъ, что борются въ немъ безпрестанно, она не поддержитъ того, который еще блюдетъ свою совѣсть.

Въ Серафимѣ начиналъ онъ распознавать яркій образецъ теперешней „распусты“ (это слово онъ употребилъ не въ первый разъ сегодня, а выучился ему у одного инженера, когда ходилъ въ нарядчикахъ). Онъ—крестьянскій пріемышъ. Она — дочь такихъ же мужиковъ, пробравшихся въ купечество, да еще раскольниковъ. А что они изъ себя представляютъ? Ихъ обоихъ кинула нынѣшняя жизнь въ свалку и можетъ закрутить такъ, что и на каторгѣ очутишься.

Не уголовщины онъ боится. Онъ себя самого ищетъ; не хочетъ онъ измѣнять тому, что въ него своимъ житьемъ вложилъ отецъ его по духу, Иванъ Прокофьевъ Теркинъ. Голосъ правды всегда поднимается въ немъ вмѣстѣ съ образомъ покойнаго. Его рослая и своеобычная фигура всплываетъ передъ нимъ, и онъ точно слышитъ его рѣчь съ волжскимъ оканьемъ, съ раскатами его горячихъ обличеній и сѣтованій на мірскую неправду, на хищную „мразь“, овладѣвающую всѣмъ. Себя самого разглядывать трудно. На живомъ существѣ, съ которымъ связалъ себя, выходитъ яснѣе. Года достаточно было, чтобы распознать въ Серафимѣ кровное дитя всеобщей русской „распусты“. Она его страстно любитъ—и только. Эта любовь едва ли переcоздастъ ее. Ни разу не начала она съ нимъ говорить о своей душѣ, на чемъ держится ея жизнь, есть ли

у нея какой-нибудь „законъ“ — глупый или умный, къ какому исходу вести житейскую ладью, во что̀ выработать себя — въ женщину ли съ правилами и упованіями или просто въ бабенку, не знающую ничего, кромѣ своей утѣхи: будь то связь, кутежъ, франтовство или другая какая блажь.

Да, она — кровное дитя распусты, разлившейся по нашимъ городамъ. Ее такою сдѣлалъ теперешній губернскій городъ, его кутежи, оперетка, клубы, чтеніе всякаго грязнаго вздора, насмѣшки надъ честностью, строгими нравами, родительской властью, надъ всѣмъ, что̀ нынче каждый карапузикъ-гимназистъ называетъ „глупымъ идеализмомъ“. Студенты — такого же сорта. Отъ мужчинъ — офицеровъ, адвокатовъ, чиновниковъ, помѣщиковъ — дѣвочка-подростокъ научается всякимъ гадостямъ, привыкаетъ безстыдно обращаться съ ними, окружена безпрестанными скандалами, видитъ продажность замужнихъ женъ, слушаетъ про то, какъ нынче сходятся и расходятся мужья и жены, выплачиваютъ другъ другу „отступное“, выходятъ снова замужъ, а то такъ и послѣ развода возвращаются къ прежней женѣ или мужу.

Разводъ! Серафима за цѣлый годъ ни разу серьезно не разобрала съ нимъ своего положенія. Каковъ бы ни былъ ея муженекъ, но вѣдь она убѣжала отъ него; нельзя же имъ безъ сроку состоять въ такой „воровской жизни“, какъ онъ сегодня про себя выразился тамъ, въ лѣсу, передъ калиткой палисадника. Она не хочетъ приставать къ нему, впутывать его въ счеты съ мужемъ, показываетъ безкорыстіе своей страсти. Положеніе-то отъ этого не мѣняется. Надо же его выяснить, и ему первому не слѣдъ играть роль безнаказаннаго похитителя чужихъ женъ.

Значитъ, надо прикрыть все бракомъ?

Этого вопроса онъ не испугался. Онъ пошелъ бы на женитьбу, если бъ такъ слѣдовало поступить. Зачѣмъ обманывать самого себя?.. И въ брачной жизни Серафима останется такою же. Пока страсть владѣетъ ею—она не уйдетъ отъ него; потомъ — онъ не поручится. Даже теперь, въ разгарѣ влеченія къ нему, она не постыдилась высказать свое злобное себялюбіе. Предайся онъ ей душой и тѣломъ — у него въ два-три года вмѣсто сердца будетъ мѣдный пятакъ, и тогда они превратятся въ закоренѣлыхъ сообщниковъ по всякой житейской пошлости и грязи.

Отъ раздумья лицо Теркина блѣднѣло. Онъ шелъ по лѣсной дорожкѣ замедленнымъ шагомъ. Не могъ онъ отрѣшиться отъ надвигавшихся на него грозныхъ итоговъ и не рѣшался еще ни на какой безповоротный приговоръ.

Къ красивой и пылкой женщинѣ онъ еще не охладѣлъ какъ мужчина. Да и человѣку въ этой женщинѣ онъ хотѣлъ бы сочувствовать всѣмъ сердцемъ. И не могъ. Она его не согрѣвала своей страстью. Точно онъ уперся сегодня объ стѣну.

Часамъ къ шести Теркинъ вышелъ на опушку. Передъ нимъ на много десятинъ легла порубка и обнимала горизонтъ. За мелкими кустами и рядомъ срубленныхъ пней желтѣло жнивье, поднимавшееся немного на пригорокъ.

Эта порубка вывела его сразу изъ раздумья. Ему стало жалко лѣса, какъ всегда и вездѣ. Минуту спустя онъ сообразилъ, что, вѣроятно, эта порубка сдѣлана правильно. Онъ даже слыхалъ про это отъ своего кучера. Лѣсъ былъ казенный и шелъ на десятки верстъ наполовину хвойный, наполовину чернолѣсье, къ тому краю, гдѣ онъ теперь шелъ.

Его отклонило въ сторону завѣтной мечты; наложить руку на лѣсныя угодья, тамъ, въ костромскихъ краяхъ. Ему вспомнилась тотчасъ же усадьба съ паркомъ, сходящимъ къ Волгѣ, на которую онъ глядѣлъ нѣсколько часовъ жадными глазами съ колокольни села, куда отецъ возилъ его.

Все это еще не ушло отъ него. Устья и верховья Волги будутъ служить его неизмѣнной идеѣ — бороться съ гибелью великой русской рѣки.

И эти же бодрящія мысли вернули его опять къ своей связи съ Серафимой. Начиналъ онъ при ней мечтать вслухъ о томъ же, она слушала равнодушно или видѣла въ этомъ только хищническій барышъ, алчное купецкое чувство наживы или тщеславіе.

Онъ миновалъ порубку и вышелъ на старую опушку лѣса. Тутъ проселокъ врѣзался между двумя жнивьями. Слѣва давно уже сжали рожь; направо, нѣсколько подальше, сизыми волнами протянулось нѣсколько загоновъ ярового.

На одной полосѣ уже началось жнитво. Двѣ бабы, въ рубахахъ и повойникахъ, ныряли въ овесъ, круто нагибая спины, и взмахивали въ воздухѣ серпами.

Такъ онѣ работали навѣрно съ пятаго часа утра. Одна изъ нихъ связала снопъ, положила его къ остальной копнѣ, выпрямила спину и напилась чего-то изъ горшка.

Солнце жаркаго заката било ей прямо въ лицо, потное и бурое отъ загара.

Опять жнитво съ бабами отнесло его къ дѣтству, въ томъ селѣ Кладенцѣ, которое ему давно опостылѣло.

„Вотъ она, страда!“ — подумалъ онъ и остановился на перекресткѣ, откуда жницы виднѣлись только своими согнутыми спинами.

Жалость, давно заснувшая въ немъ, закралась въ сердце,— жалость все къ той же мужицкой долѣ, къ непосильной работѣ, къ нищенскому заработку. Земля тощая, урожай плохой; сжатыя десятины ржи кажутъ рѣдкую солому; овесъ, что̀ бабы ставятъ въ копны, низкій и не матерый.

Все та же тягота!

Его потянуло въ деревню. Дороги онъ не зналъ какъ слѣдуетъ. Она должна лежать на берегу рѣчки, лѣвѣе, а внизу, по ту сторону моста, село и церковь. Такъ разсказывалъ ему кучеръ.

Съ перекрестка Теркинъ взялъ вправо, прошелъ съ полверсты, сталъ оглядываться, не видать ли гдѣ гуменъ, или сада, или крыши помѣщичьяго дома. Говорили ему, что передъ деревней идетъ глубокій оврагъ съ дубовымъ лѣскомъ.

Ничего не было видно. Теркинъ прошелъ еще саженъ со сто. На озимой пашнѣ работалъ мужикъ. Стояла телѣга. Должно-быть, онъ сѣялъ и собирался уже шабашить.

Онъ началъ его звать. Мужикъ, молодой парень въ розовой рубахѣ и сапогахъ, не сразу услыхалъ его, а скорѣе замѣтилъ, какъ онъ манитъ его рукой.

Мужикъ подбѣжалъ безъ шапки.

— Какъ пройти въ Мироновку?—спросилъ Теркинъ.

Тотъ началъ сильно вертѣть ладонью правой руки, весь встряхивался и мычалъ.

Онъ набрелъ на глухонѣмого.

— Ну, ладно! Не надо! Извини!—выговорилъ Теркинъ, и ему стало какъ бы совѣстно за то, что онъ подзывалъ этого бѣднягу.

„А вѣдь *она* мучится! — подумалъ онъ тотчасъ послѣ

того. — И то сказать, мнѣ не пристало нервничать какъ барышнѣ. Я долженъ быть выше этого!"

Въ Мироновку онъ такъ и не попалъ, а пошелъ назадъ, къ порубкѣ. Ходьбы было не больше часа. Въ восьмомъ часу къ чаю онъ будетъ на дачѣ.

Глухонѣмой поглядѣлъ на него удивленными и добрыми глазами и вернулся къ телѣгѣ.

X.

— Куда Василій Иванычъ пошелъ, въ какую сторону?

Серафима спрашивала карлика Чурилина на крыльцѣ, со стороны воротъ.

Тотъ шелъ изъ кухни, помѣщавшейся отдѣльно во флигелькѣ.

— Не могу знать, Серафима Ефимовна.

Чурилинъ заслонилъ себѣ глаза дѣтской своей ручкой и тотчасъ же началъ краснѣть. Онъ боялся барыни и ждалъ, что она вотъ-вотъ „забранится".

— Какъ же ты не знаешь? Кто-нибудь да видѣлъ.

— Степанида Матвѣвна, можетъ, видѣли?

— Нѣтъ, не видала... Кучеръ гдѣ?

— Кучера нѣтъ... повелъ лошадей на хуторъ — подковать, никакъ.

— Ахъ ты, Господи!

Черезъ переднюю и гостиную Серафима выбѣжала на террасу, гдѣ они утромъ такъ цѣловались съ Васей.

Онъ скрылся. Никто не видалъ, куда онъ пошелъ по дорогѣ, къ посаду или лѣсомъ.

Внутри у ней все то кипѣло, то замирало... Она въ первый разъ рыдала въ спальнѣ, уткнувъ голову въ подушки, чтобы заглушить рыданія.

За обѣдомъ Вася не сказалъ ей ни одного ласковаго слова. Протяни онъ ей руку, взгляни на нее помягче, и она, конечно бы, „растаяла".

Потомъ, когда она выплакалась, то подумала:

„Оно, пожалуй, и лучше, что за столомъ не вышло примиренія".

Она не можетъ уступить ему, не хочетъ, чтобы онъ выказалъ себя передъ той „хлыстовской богородицей",— она давно такъ зоветъ Калерію,—жуликомъ, воромъ, приносить ей такое же „скитское покаяніе", о какомъ теперь сокрушается ея мать, Матрена Ниловна.

Но вотъ уже больше получаса, какъ она затосковала по

Васѣ, поднималась къ нему наверхъ, сбѣжала внизъ и начала метаться по комнатамъ... Страхъ на нее напалъ... Мелькнула мысль, что онъ совсѣмъ уйдетъ, не вернется или что-нибудь надъ собою „сотворитъ“.

На террасѣ она ходила отъ однихъ перилъ къ другимъ, глядѣла подолгу въ затемнѣвшую чащу, не вытерпѣла и пошла черезъ калитку въ лѣсъ и сейчасъ же опустилась на доску между двумя соснами, гдѣ они утромъ жались другъ къ другу, гдѣ она положила свою голову на его плечо, когда онъ читалъ это „поганое“ письмо отъ Калеріи.

Опять начало сжимать ей горло. Сейчасъ заплачетъ.

„Нѣтъ, не надо! Не стоитъ онъ!“

Она сдержала себя, встала и тихими шагами пошла бродить по лѣсу, вскидывая глазами то вправо, то влѣво: не мелькнетъ ли гдѣ свѣтлый костюмъ Василія Иваныча.

Страхъ за него, какъ бы онъ не сгинулъ, смѣнили обида и обвиненіе въ чемъ-то въ родѣ измѣны.

„Ну, положимъ,— говорила она мысленно, — мы съ матерью удержали Калерькины деньги; но почему? Потому что мы считали это обиднымъ для насъ. Опять же я никогда не говорила ему, что Калерія изъ этого капитала не получитъ ни копейки!.. Подѣлись! Вотъ что!..“

На такой защитѣ своего поведенія Серафима запнулась.

„Я ее не извѣстила о наслѣдствѣ,—продолжала она перебирать,—да, не извѣстила. Но дѣло тутъ не въ этомъ. Вѣдь онъ-то, небось, самъ зналъ все отлично: онъ, небось, принялъ отъ меня, положимъ, взаймы, двадцать тысячъ, пароходъ на это пустилъ въ ходъ и въ годъ разжился?.. А теперь, нате-подите, изъ себя праведника представляетъ, хочетъ подавить меня своей чистотой!.. Надо было о праведномъ житьѣ раньше думать, все равно, что маменькѣ моей. Заднимъ-то числомъ легко каяться!“

Эти доводы казались ей неотразимыми.

Какъ же не обидно послѣ того, что онъ разомъ и называетъ себя ея „сообщникомъ“, и хочетъ выдать ее Калеріи, а себя выгородить, чтобы она же передъ нимъ умилилась, какой онъ божественный человѣкъ!

Изъ этого круга выводовъ Серафима не могла выйти. Она его любитъ, душу свою готова положить за него, но и онъ долженъ поддерживать ее, а не предавать... И кому? Калеркѣ!

„Мужъ да жена—одна сатана“, — вспомнила Серафима

свою поговорку и весь разговоръ на дачѣ подъ Москвой, когда она разсѣяла всѣ его тогдашнія щепетильности и убѣдила взять у нея двадцать тысячъ и ѣхать въ Сормово спускать пароходъ „Батракъ“.

Кажется, благороднѣе было бы упереться тогда, оставить пароходъ зазимовать въ Сормовѣ и раздобыться деньгами на сторонѣ.

Начало свѣжѣть, пошли длинныя тѣни... Она все еще бродила между соснами. Опять тоска стала проползать ей въ грудь. Куда идти ему навстрѣчу?.. Къ Мироновкѣ? Онъ, кажется, говорилъ что-то про владѣльцевъ усадьбы.

Невыносимо ей дѣлалось такъ томиться. Она вошла въ комнаты. Гостиная, какъ и остальныя комнаты, осталась въ деревѣ, съ драпировками изъ бухарскихъ бумажныхъ одѣялъ, просторная, съ вѣнской мебелью. Піанино было поставлено въ углу между двумя жардиньерками.

Запахъ сосновыхъ бревенъ освѣжалъ воздухъ. Серафима любила эту комнату рано утромъ и къ вечеру.

Нервно открыла она крышку инструмента, опустилась на табуретъ и начала тихую, до-нельзя грустную фразу.

Это было начало *тринадцатаго ноктюрна* Фильда. Она знала его наизусть и очень давно, еще гимназисткой, когда ей давалъ уроки старичокъ-піанистъ, считавшійся однимъ изъ послѣднихъ учениковъ самого Фильда и застрявшій въ провинціи. Тринадцатый ноктюрнъ сдѣлался для нея чѣмъ-то символическимъ. Бывало, когда мужъ разобидитъ ее своимъ барствомъ и бездушіемъ и уѣдетъ въ клубъ спускать ея приданныя деньги, она сядетъ къ роялю и, часто противъ воли, заиграетъ этотъ ноктюрнъ.

Звуки плакали подъ вздрагивающими пальцами Серафимы... Какъ будто они ей самой пророчили черную бѣду—разрывъ съ Васей, другую, болѣе тяжелую измѣну...

Она рада бы была прервать надрывающую мелодію, такую простую, доступную всякой начинающей дѣвочкѣ,— и не могла. Звуки заплетались сами собою, заставляли ее плакать внутренно, но глаза были сухи. Въ груди ныло все сильнѣе.

— Барыня!—окликнула ее сзади изъ двери Степанида.

— Что тебѣ?

— Гдѣ накрывать прикажете къ чаю? Тутъ или на балконѣ?

— На балконѣ!.. Только сдѣлай это одна... безъ карлы.

И она осталась за піанино, дошла до конца ноктюрна и снова начала нестерпимо горькую фразу.

Въ дверяхъ террасы вдругъ стала мужская крупная фигура.

Первое ея движеніе было броситься къ нему на шею. Что-то приковало ее къ табуреткѣ. Теркинъ подошелъ тихо и положилъ руку на верхъ піанино.

— Что это тебѣ вздумалось... такую заунывную вещь?

При немъ она никогда этого ноктюрна не играла.

— Такъ,—отвѣтила она чуть слышно, встала и закрыла тетрадь нотъ.—Ты въ лѣсу гулялъ, Вася?

— Хотѣлъ въ Мироновку, да заплутался.

Онъ разсказалъ ей случай съ глухонѣмымъ мужикомъ.

— Хочешь чаю?

— Хочу.

За чаемъ они сидѣли довольно долго. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ. Онъ много курилъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко; она тоже выкурила двѣ папиросы.

Нѣсколько разъ у нея въ груди точно что загоралось въ родѣ искры, и она готова была припасть къ нему на плечо, ждать хоть одного взгляда. Онъ на нее ни разу не поглядѣлъ.

— Ты, я думаю, усталъ съ дороги... да еще сдѣлалъ верстъ двѣнадцать пѣшкомъ.

— Да... я скоро на боковую!

— Наверху тебѣ все приготовлено,—выговорила она безстрастно и встала.

Въ башенкѣ онъ спалъ въ очень теплыя ночи, но постель стояла тамъ всегда, и онъ тамъ же раздѣвался. Онъ дѣлалъ это „для людей", хотя прислуга считала ихъ мужемъ и женой.

— Хорошо... Спасибо!.. И тебѣ, я думаю, пора бай-бай!..

Никогда онъ не прощался съ ней простымъ пожатіемъ руки.

Наверху въ башнѣ Теркинъ началъ медленно раздѣваться и свѣчи сразу не зажегъ. Въ два большихъ окна входило еще довольно свѣту. Было въ исходѣ десятаго часа.

Въ жилетѣ прилегъ онъ на маленькую кушетку у окна, около шкапа съ платьемъ, и глядѣлъ на черно-синюю стѣну опушки вдоль четырехъ дачъ, вытянувшихся въ линію.

Ко сну не клонило. Его натура жаждала выхода. Онъ выбранилъ себя за малодушіе. Надо было тамъ внизу за чаемъ сказать вѣско и задушевно свое послѣднее слово и привести ее къ сознательному желанію загладить ихъ общую вину.

По лѣсенкѣ проскрипѣли легкіе и быстрые шаги.

— Вася!

Она уже обвилась вокругъ него и цѣловала ему глаза, плечи, шею, руки.

— Какъ ты велишь, такъ и сдѣлаю!.. Господи!.. Только не срами себя... Не начинай первый! Дай мнѣ поговорить съ ней!.. Радость моя!.. Не могу я такъ... Убей, но не мучь меня!

Онъ поцѣловалъ ее въ губы. Серафима почти лишилась чувствъ отъ безумной радости.

XI.

Изъ-подъ опущенныхъ занавѣсокъ утро проникло въ башенку, и лучъ солнца заигралъ на стѣнѣ.

Теркинъ проснулся и сталъ глядѣть на зайчики свѣта, бѣгавшіе передъ нимъ. Онъ взглянулъ и на часы, стоявшіе на ночномъ столикѣ. Часы показывали половину седьмого.

Первая его мысль, когда сонъ совсѣмъ слетѣлъ съ него, была Калерія.

Третій день живетъ она у нихъ, тамъ внизу, въ угловой комнатѣ. Пріѣхала она подъ вечеръ, на другой день послѣ ихъ размолвки съ Серафимой и примиренія здѣсь, на томъ диванчикѣ. Серафима умоляла его не „виниться первому“; онъ ее успокоивалъ, предоставилъ ей „уладить все“.

Послѣ обѣда явилась Калерія неожиданно, въ телѣжкѣ, прямо съ пристани, съ небольшимъ чемоданчикомъ, въ бѣлой коленкоровой шляпѣ и форменномъ платьѣ „сестры“, въ пелеринкѣ, даже безъ зонтика въ рукахъ, хотя солнце еще припекало.

Онъ не видалъ раньше ея фотографіи; представлялъ себѣ не то „растрепанную дѣвулю“, не то „черничку“. Чтеніе ея письма дало ему почуять что-то иное. И когда она точно выплыла передъ нимъ, — они сидѣли на терасѣ,—и высокимъ вздрагивающимъ голосомъ поздоровалась съ ними, онъ ее всю сразу оцѣнилъ. Ея наружность,

костюмъ, тонъ, манеры дышали тѣмъ, что онъ уже вычиталъ въ ея письмѣ къ Серафимѣ.

Та немного опѣшила, но тотчасъ же бойко и шумно заговорила, поцѣловалась съ нею, начала разспрашивать и угощать. Родственныхъ нотъ онъ не слыхалъ подъ всѣмъ этимъ.

Его Серафима назвала Калеріи просто „Вася"; ничего къ этому не прибавила. Калерія поглядѣла на него своими ясными глазами и пожала руку.

Вечеръ прошелъ въ отрывочномъ разговорѣ. Калерія разспрашивала о покойномъ дядѣ, о теткѣ; о мужѣ Серафимы не спросила: она его не знала. Серафима вышла замужъ по ея отъѣздѣ въ Петербургъ.

И вчера онъ только присутствовалъ при ихъ разговорахъ, а самъ молчалъ. Калерія много разсказывала про Петербургъ, свою школу, про общину, уходъ за больными, про разныхъ профессоровъ-медиковъ, подругъ, начальниковъ и начальницъ, и только за обѣдомъ вырвалось у нея восклицаніе:

— Хочется мнѣ у насъ на Волгѣ хоть что-нибудь завести... въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

На денежныя дѣла—ни малѣйшаго намека.

Послѣ обѣда онъ нарочно поѣхалъ на пристань, чтобы дать имъ возможность остаться наединѣ и перетолковать о наслѣдствѣ.

Вернулся онъ къ вечернему чаю, засталъ ихъ въ цвѣтникѣ и не могъ догадаться, было ли между ними объясненіе или нѣтъ.

Когда онъ уходилъ къ себѣ наверхъ, Серафима шепнула ему:

— Не волнуйся ты, Бога ради, все наладится!

Но она не прибавила, что Калерія уже знаетъ „про все".

И у себя наверху онъ не могъ заснуть до второго часа ночи, ходилъ долго взадъ и впередъ по своей свѣтелкѣ, курилъ, медленно раздѣвался и въ постели не смыкалъ глазъ больше двухъ часовъ; они пошли спать около одиннадцати.

Серафима никогда ни однимъ словомъ не обмолвилась ему съ самаго ихъ разговора на свиданіи у памятника, годъ тому назадъ, какой наружности Калерія.

Называла ее „хлыстовская богородица", но въ какомъ смыслѣ, онъ не зналъ.

И весь обликъ Калеріи, съ первой минуты ея появленія, задѣлъ его, повѣялъ чѣмъ-то и новымъ для него, и жуткимъ. Ханжества или сухой божественности онъ не распознавалъ. Лицо, пожалуй, иконописное, не деревянно-истовое, а все какое-то прозрачное, съ удивительно чистыми линіями. Глаза ясные-ясные, свѣтло-сѣрые, чисто русскіе, тихо всматриваются и ласкаютъ: дѣвичьи глаза, хоть и не такіе роскошные, брильянтовые, какъ у Серафимы.

И станъ прекрасный, гибкій. Худощавость и высокій ростъ придаютъ ей что-то воздушное.

Но это все—наружность. Ея разговоръ совсѣмъ особенный. Видно, что никакихъ у нея суетныхъ помысловъ; вся она — въ тихомъ, прочномъ стремленіи къ добру, къ немощамъ человѣка. Это не рисовка.

Не будь тутъ Серафимы, онъ не выдержалъ бы, взялъ бы ее за руку, привлекъ бы къ себѣ какъ сестру и излилъ бы ей всю душу сразу, безъ всякихъ подходовъ и оговорокъ.

Конечно, Серафима, если въ чемъ и призналась ей, то облыжно, съ выгораживаніемъ и его, и себя, такъ чтобы все было „шито-крыто“ и кончилось, до поры до времени, платежомъ процентовъ съ двадцати тысячъ и возвращеніемъ Калеріи тѣхъ денегъ, которыхъ она не истратила.

И во снѣ-то онъ видѣлъ ее, Калерію, въ длинномъ бѣломъ хитонѣ, со свѣчой въ рукахъ.

Лицо у нея точно озарено изнутри розовымъ свѣтомъ, и волосы каштановые, съ золотистомъ отливомъ,—такіе, какіе у нея въ самомъ дѣлѣ,—распущены по плечамъ.

Онъ вскочилъ съ постели и началъ торопливо умываться и одѣваться. Вчерашняя ночная тревога не проходила.

Не хочетъ и не можетъ онъ провести еще день безъ того, чтобы не поговорить съ Калеріей на чистоту отъ всего сердца. Не долженъ онъ позволять Серафимѣ маклачить, улаживать дѣло, лгать и проводить эту чудесную дѣвушку.

Къ чему это? Онъ все возьметъ на себя. Да онъ и долженъ это сдѣлать. Положимъ, ему извѣстно было и раньше, до того дня, когда сталъ колебаться: брать ему или нѣтъ отъ Серафимы эти двадцать тысячъ; ему извѣстно было, что онѣ съ матерью покривили душой, не отослали сейчасъ же Калеріи оставленнаго ей старикомъ капитала,

не вызвали ея, не написали обо всемъ. Но вѣдь любовь къ нему Серафимы додѣлала остальное. Ему она предложила деньги. Онѣ могли и пропасть, пароходъ могъ сгорѣть или затонуть. Онъ былъ бы банкротъ. Ужъ, конечно, она не стала бы взыскивать съ него, да и документъ то онъ ей выдалъ только зимой, пять мѣсяцевъ позднѣе спуска въ воду „Батрака".

Серафима умоляла его „не виниться передъ Калеріей"...

Мало ли что!.. Это — жалкая злоба, дьявольское самолюбіе, безсмысленное высокомѣріе, щекотливость женщины, смертельно не желающей, чтобы ея Вася поступилъ какъ честный человѣкъ, потому только, что онъ ея возлюбленный и не смѣетъ „унизить" себя передъ ненавистной ей дѣвушкой.

Ненавистной! Почему? Это просто закоренѣлость. Чѣмъ же она выше послѣ того самой порочной женщины?.. Вчера онъ наблюдалъ ее. Ни одного искренняго звука не проронила она, ни въ чемъ не выдала внутренняго, хорошаго волненія, сознанія своей вины передъ Калеріей.

Онъ раздвинулъ занавѣски и отворилъ окно.

Садикъ и лѣсъ пахнули на него запахомъ цвѣтовъ и хвои. Утро стояло чудное, теплое, со свѣжестью лѣсныхъ тѣней.

Внизу въ залѣ часики пробили семь. Серафима, конечно, спитъ. Онъ могъ бы тихонько спуститься и пройти къ ней заднимъ крыльцомъ.

Зачѣмъ пойдетъ онъ къ ней?.. Цѣловаться? Не желаетъ онъ, ни капельки не желаетъ. Ему и вчера сдѣлалось почти стыдно, когда Серафима при Калеріи чмокнула его въ губы. Чуть-чуть не покраснѣлъ.

Переговорить съ Серафимой о Калеріи? Допросить ее: было ли у нихъ вчера безъ него объясненіе? Знать это ему страстно хотѣлось.

Серафима способна солгать, увѣрить его, что все обдѣлано. Онъ не поручится за нее. Въ ней нѣтъ честности, вотъ такой, какою дышитъ та—„хлыстовская богородица".

Это пошлое прозвище—пошлое и нелѣпое—пришло ему на память такъ, какъ его произносила Серафима, съ звукомъ ея голоса. Ему стало стыдно за нее и обидно за Калерію.

Изъ-за чего будетъ онъ подчиняться? Молчать? Когда вся душа вотъ уже второй день трепещетъ... Никто не можетъ запретить ему во всемъ обвинить себя самого. Но

допуститъ ли его Серафима до разговора съ-глазу-на-глазъ съ Калеріей?

Вотъ еще вздоръ какой! Развѣ онъ такъ гнусно обабился?

Теркинъ выглянулъ въ окно. Показалось ему, что между деревьями мелькнуло что-то бѣлое.

„Серафима?—подумалъ онъ тотчасъ же и даже подался головой назадъ.—Не спится ей... Все та же злобная тревога и чувственная неугомонность".

Обыкновенно она вставала поздно, любила валяться въ постели... А тутъ ее могла поднять боязнь, какъ бы Калерія не вышла раньше ея и не встрѣтилась съ нимъ.

Все-таки семь часовъ для нея слишкомъ рано.

Опять между розовато-бурыми стволами сосенъ что-то пробѣлѣло.

— Да это она!—вслухъ выговорилъ онъ и весь захолодѣлъ.

Она, Калерія, въ кофтѣ, безъ платка на головѣ, съ распущенными волосами, такъ, какъ онъ видѣлъ ее во снѣ. Это даже суевѣрно поразило его.

Ходитъ съ опущенной головой, чего-то ищетъ въ травѣ. Неужели грибовъ? Не похоже на нее.

Это она, она! Лучше минуты не найдешь. Но она въ кофтѣ и юбкѣ! Хорошо ли захватить ее въ такомъ видѣ? Дѣвушку, какъ она?

Ничего!.. Она должна быть выше всего этого. Сколько она видѣла уже всякихъ больныхъ, мужчинъ обнаженныхъ... Къ ней ничего не пристанетъ.

„Окликну ее!—стремительно подумалъ онъ,—и погляжу, какъ она: стѣснится или нѣтъ?"

— Калерія Порфирьевна!—пустилъ онъ, высунувшись изъ окна, громкимъ шопотомъ.

Серафима не могла услыхать: спальня выходила на другой фасадъ дома.

Звукъ дошелъ до Калеріи. Она выпрямилась, подняла голову, увидала его, немножко, кажется, встрепенулась, но потомъ ласково поклонилась и никакого смущенія не выказала.

— Съ добрымъ утромъ!—выговорила она, или, по крайней мѣрѣ, ему послышались эти слова.

Стремительно сбѣжалъ онъ въ цвѣтникъ.

XII.

Онъ стоялъ передъ ней у тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ была вдѣлана доска, и жалъ ея руку.

Въ другой она держала пучокъ травъ и корешковъ.

— Простите, Бога ради, Калерія Порфирьевна: захотѣлось пожелать вамъ добраго утра.

Ея свѣтлые глаза говорили:

„Что жъ, я ничего, рада васъ видѣть".

— И вы меня извините, Василій Иванычъ. Мы здѣсь по-деревенски. Я и волосы не успѣла уладить, такъ меня потянуло въ лѣсъ.

— Вы что жъ это собирали?.. Я сначала подумалъ — грибы?

— Нѣтъ, такъ, травки разныя, лѣкарственныя... Тамъ, по лѣтамъ, около Питера пріучилась.

Ея худощавый станъ стройно колыхался въ широкой кофтѣ, съ прошивками и дешевыми кружевцами на рукавахъ и вокругъ бѣлой тонкой шеи съ синими жилками. Такія же жилки сквозили на блѣдно-розовыхъ прозрачныхъ щекахъ безъ всякаго загара. Чуть примѣтныя точки веснушекъ залегли около переносицы. Носъ немного изгибался къ кончику, отнимая у лица строгость. Ротъ довольно большой, съ блѣдноватыми губами. Зубы мелькали не очень бѣлые, дѣтскіе. Золотистые волосы заходили на щеки и дѣлали выраженіе всей головы особенно плѣнительнымъ.

Все ея цѣломудренное существо привлекало его еще сильнѣе, чѣмъ это было и вчера, и третьяго дня, въ тѣни и прохладѣ лѣса, на фонѣ зелени и зарумяненныхъ солнцемъ могучихъ сосновыхъ стволовъ.

— Рано встаете?—спросилъ онъ.

— И зимой, и лѣтомъ въ шестомъ часу... А здѣсь какъ хорошо!

— Угодно туда... подальше, еще правѣе?.. Я вамъ тропку укажу.

— Пойдемте, пойдемте... Тамъ и травъ должно быть больше.

Онъ не посмѣлъ предложить ей руку. Его волненіе росло. И страстно хотѣлось открыться ей, и жутко дѣлалось отъ приближенія минуты, когда она услышитъ отъ него, что онъ—вотъ какой, не лучше тѣхъ жуликовъ, ко-

торые выхватили у него бумажникъ у Воскресенскихъ воротъ въ Москвѣ.

Шли они медленно. Калерія нѣтъ-нѣтъ да и нагнется, сорветъ травку. Говоритъ она слабымъ высокимъ голосомъ, похожимъ на голосъ монашекъ. Разспрашивать зря она не любитъ, не считаетъ умѣстнымъ. Ей, дѣвушкѣ, неловко, должно-быть, касаться ихъ связи съ Серафимой... И никакой горечи въ ней нѣтъ насчетъ прежней ея жизни у родныхъ... Не могла она не чувствовать, что ни тетка, ни двоюродная сестра не терпѣли ее никогда.

— Какъ Симочка похорошѣла!—промолвила она точно про себя.—Вы пара, Василій Иванычъ. Совѣтъ да любовь!

Онъ началъ слегка краснѣть.

— Вы насъ осуждаете?—спросилъ онъ, прислонившись къ дереву.

— За что, про что?

— Да вотъ за нашу жизнь.

— Въ какомъ смыслѣ? Что вы, кажется, не вѣнчаны? Значитъ, нельзя вамъ было. Господь не за одинъ обрядъ милуетъ... и то сказать! Знаете что̀, Василій Иванычъ,—она перевела духъ и подняла голову, глядя на круглую шапку высокой молодой сосны,—меня, быть-можетъ, ханжой считаютъ, святошей, а иные и до сихъ поръ—стриженой, ни во что не вѣрующей... Вѣра у меня есть, и самая простая. Всѣ виноваты и никто не виноватъ, вотъ какъ я скажу. Для однихъ одно, для другихъ другое, любовь тамъ, что ли... такая, пылкая, земная... А ежели они не загубили своей совѣсти—все къ одному и тому же придутъ, рано или поздно. Жалость надо имѣть ко всему живому... Кто и воображаетъ, что онъ не живетъ, а пиршествуетъ, и тотъ человѣкъ мучится. Развѣ не такъ, Василій Иванычъ?

— Такъ, такъ!

Онъ глядѣлъ на нее, бѣлую и стройную, въ падающихъ золотистыхъ волосахъ, и слезы подступали къ глазамъ. Въ словахъ ея было прозрѣніе въ его душу, какъ будто она читала въ ней.

— Калерія Порфирьевна! Матушка!..

Слезы душили его. Она взглянула на него немного испуганно.

Теркинъ, какъ стоялъ, такъ и рухнулся передъ ней на колѣни и зарыдалъ.

Она не растерялась, только пучокъ травъ выпалъ у нея изъ лѣвой руки.

— Что̀ вы, голубчикъ, Василій Иванычъ?

Руки ея, съ тонкими пальцами, красивыя и гибкія, коснулись его плечъ.

— Встаньте! Такъ не хорошо!... Такъ только Богу кланяются.

Но въ словахъ ея не слышалось никакого смущенія женщины. Она не приняла этого ни на одну секунду за внезапный взрывъ мужской страсти.

„Значитъ, онъ страдаетъ,—сейчасъ же подумала она,—душа у него болитъ!“

Теркинъ сдержалъ рыданія, схватилъ ея руку и поцѣловалъ такъ порывисто, что она не успѣла отдернуть.

— Что̀ вы! Господи! Развѣ я святая? Василій Иванычъ...

— Вы не знаете,—съ трудомъ сталъ онъ говорить,—не знаете, что́ меня душитъ.

— Встаньте, пожалуйста!

Онъ всталъ и отеръ лицо платкомъ. Рѣсницы были опущены. Ему сдѣлалось такъ стыдно, какъ онъ и не ожидалъ.

— Ну, что̀ такое, голубчикъ? Вотъ присядемъ туда, вонъ видите два пня, нарочно для насъ припасли.

Она говорила весело и мягко, сама взяла его подъ руку и повела.

Въ груди у него трепетали „бабочки“, такъ онъ называлъ знакомое ему съ дѣтства ощущеніе, когда что-нибудь нравственно потрясло его.

— Успокоились?—все такъ же кротко спросила Калерія. — Это ничего, что заплакали... Мужчины стыдятся слезъ... И напрасно. Да и передо мной?.. Я вѣдь уже Христова невѣста.

Она чуть слышно разсмѣялась.

— Калерія Порфирьевна, снимите съ души моей камень!

Признаніе застряло у него въ груди, но онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять сѣлъ рядомъ съ ней на широкій полусгнившій пень.

И довольно спокойно повинился ей, представилъ дѣло такъ, какъ рѣшилъ; выгородилъ Серафиму, выставилъ себя какъ главнаго виновника того, что ея двоюродная сестра задерживала до сихъ поръ ея деньги.

— И только-то?—спросила Калерія.

— Мало этого? Вѣдь это какъ честные люди называютъ... а?.. На ваши деньги я теперь разжился, въ одинъ какой-нибудь годъ, и до сегодня ни гу-гу? Ни самъ вамъ не писалъ, ни на томъ не настоялъ, чтобъ она васъ извѣстила, хоть заднимъ числомъ, ни денегъ обратно не внесъ! Простите меня Христа-ради! Возьмите у меня эти деньги... Я могу ихъ теперь добыть, даже безъ всякаго разстройства въ оборотахъ...

— Василій Иванычъ, — остановила его Калерія. — Вы открылись мнѣ... такъ сердечно!.. Прекрасное у васъ сердце, вотъ что; но въ такую вашу вину я не очень-то вѣрю!

— Не вѣрите?

— Видимое дѣло, вы ее, Серафиму, хотите выгородить. Мнѣ всегда было тяжко, что тетенька и Сима не жаловали меня... И я отъ васъ не скрою... Добрые люди давно обо всемъ мнѣ написали... И про капиталъ, оставленный дяденькой, и про все остальное. Я подождала. Думала, поѣду лѣтомъ, какъ-нибудь поладимъ. Вотъ такъ и вышло. И я вижу, какъ вы-то сдѣлались къ этому причастны. Сима вамъ навязала эти деньги... Вѣрно тогда нужны были до зарѣзу?

— Дѣйствительно!

— И она и вы изъ любви такъ поступили... И что же потеряно? Ровно ничего. Ежели эти двадцать тысячъ у васъ въ дѣлѣ — я вамъ вѣрю. Вы и документъ выдали Симѣ, а она мнѣ навѣрно предложитъ... Какія еще деньги остались—подѣлитесь... Мнѣ не нужно такихъ капиталовъ сейчасъ. Это еще успѣется.

— Значитъ, Серафима еще ничего не говорила съ вами?

Онъ спросилъ это съ двинутыми бровями и горечью въ глазахъ. Ему гадко стало за Серафиму передъ этой безсребреницей.

— Успѣется, Василій Иванычъ... Вѣдь я еще поживу у васъ, если не станете гнать.

— Вы ей ничего не скажете про то, что̀ сейчасъ было говорено... Калерія Порфирьевна, умоляю васъ!

Стремительно схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ.

— Что̀ вы!.. У меня рукъ не цѣлуютъ.

Щеки ея заалѣлись, и вся она трепетно подалась назадъ.

— Голубушка! Не говорите ей!

— Вотъ вы какъ ее любите!.. Любйте!.. Доведите ее до другой правды... А для этого, Василій Иванычъ, не надо очень-то преклоняться передъ нашей сестрой.

„Вотъ вы какъ ее любите!"—умственно повторилъ Теркинъ слова Калеріи. Онъ совсѣмъ въ ту минуту не любилъ Серафимы, былъ далекъ отъ нея сердцемъ, въ немъ говорила только боязнь новыхъ тяжелыхъ объясненій, нежеланіе грязнить свою исповѣдь тѣмъ, чего онъ могъ наслушаться отъ Серафимы о Калеріи, и какъ самъ долженъ будетъ выгораживать себя.

— Дайте мнѣ честное слово.

— Обѣщаюсь. Довольно и этого.

Калерія встала. Поднялся и онъ.

— Голубчикъ, Василій Иванычъ, спасибо вамъ большое. Мнѣ васъ Господь посылаетъ, это вѣрно. Вы меня поддержите въ моихъ мечтаніяхъ. Знаете, на тѣ деньги, какія свободны,—всѣхъ мнѣ пока не надо,—ежели я коечто затѣю, вы не откажетесь добрый совѣтъ дать?.. Такъ вѣдь? Вы—человѣкъ бывалый. Только, пожалуйста, чтобы промежду насъ какъ-будто ничего и не было. Серафима когда заговоритъ со мною о деньгахъ, мнѣ съ какой же стати васъ выдавать? Это дѣло вашей совѣсти... И ее я понимаю: ей обидно было бы, что вы передо мной открылись. Вѣдь такъ?

— Такъ, такъ!

— Дайте срокъ! Придетъ время, и она пойметъ, сколь это въ васъ было выше всякаго другого поведенія. Съ вами она должна дойти до того, что и у нея Богъ будетъ!..

— Простите! Отнялъ у васъ утро! И травки ваши растеряли изъ-за меня... Погуляйте!..

Полный радостнаго волненія, Теркинъ еще разъ пожалъ руку Калеріи и быстро-быстро пошелъ въ чащу лѣса.

Онъ не хотѣлъ, чтобъ ее видѣли съ нимъ, если бъ они вернулись вмѣстѣ къ террасѣ.

XIII.

Степанида въ праздничномъ ситцевомъ платьѣ,—въ домѣ жила гостья, — и въ шелковомъ платкѣ, пріотворила дверь темной спальни.

— Изволили кликать?—спросила она отъ двери.

— Который часъ?

Серафима чувствовала, что давно пора вставать.

— Девять пробило, барыня.

Разговоръ ихъ шелъ вполголоса.

— А Калерія Порфирьевна?

— Э! Онѣ чуть не съ пѣтухами встаютъ. Никакъ ходили гулять въ лѣсъ. Теперь уже одѣлись и книжку читаютъ на балконѣ.

— Въ лѣсъ ходила? Одна?

Вопросъ заставилъ Серафиму подняться съ постели.

— Не видала, барыня.

— Василій Иванычъ дома?

— Нѣтъ, ихъ что-то не видать. Только они никуда не уѣзжали: Онисимъ дома.

Степанида догадывалась, что барыня, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала „ихъ сестрица", что-то не спокойна, и готова была всячески услужить ей, но нашептывать зря не хотѣла.

— Поскорѣе раскрой ставни и дай мнѣ умыться.

Одна Серафима не привыкла ни умываться, ни одѣваться. Она торопила горничную, нашла, что утренній пеньюаръ нехорошо выглаженъ; волосы она наскоро заправила подъ яркую фуляровую наколку, которая къ ней очень шла; но все-таки туалетъ взялъ больше получаса

— Барышня пила чай?—спросила она, когда была уже совсѣмъ готова.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вы не предлагали?

— Онѣ попросили молока и кусочекъ чернаго хлѣба. Самоваръ готовъ... Прикажете подавать?

— Подавайте... да надо же подождать немножко Василія Иваныча, если онъ не вернулся.

Проходя коридорчикомъ мимо комнаты, гдѣ стоялъ буфетный шкапъ, Серафима увидала Чурилина. Карликъ чистилъ ножи, поплевывая на нихъ.

Это ее остановило.

— Чурилинъ!—сердито окликнула она его.

Онъ поклонился ей низкимъ поклономъ своей огромной головы.

— Что это за гадость! Какъ ты чистишь ножи?.. Плюешь на нихъ.

Она говорила ему „ты" нарочно, хотя и знала, что онъ взрослый.

Чурилинъ зардѣлся и сталъ учащенно мигать желтыми рѣсницами.

— Я, Серафима Ефимовна, завсегда...

— Чтобы этого не было!

Въ дверяхъ она обернулась.

— Василій Иванычъ у себя?

— Они еще не приходили.

— Въ лѣсу гуляютъ?

— Не могу знать.

Карликъ сжалъ губы и забѣгалъ глазами. Онъ зачуялъ, что барыня выспрашиваетъ у него про барина, сталобыть, насчетъ чего-нибудь безпокоится. Если бы онъ и зналъ, то не сказалъ бы, когда и съ кѣмъ Василій Иванычъ ходилъ въ лѣсъ. Между нимъ и обѣими женщинами — Степанидой и барыней — шла тайная борьба. Къ Теркину его привязанность росла съ каждымъ днемъ.

— Не могу знать!—не воздержалась Серафима и передразнила его.

Карликъ, съ пылающими щеками, началъ тереть суконкой ножикъ и, только что Серафима скрылась, плюнулъ опять на лезвее.

Въ окно гостиной Серафима увидала бѣлый чепецъ и пелеринку Калеріи. Та сидѣла бокомъ у перилъ и читала, низко нагнувъ голову.

Не могла она не остановиться и не оглядѣть Калеріи. Ничего не было ни въ ея „мундирѣ“, ни въ ея позѣ раздражающаго, но всю ее поводило отъ этой „хлыстовской богородицы“. Не вѣрила она ни въ ея святость, ни въ ея знанія, ни во что! Эта „черничка“ торчитъ тутъ какъ живой укоръ. Съ ней надо объясняться, выставлять себя чуть не мошенницей, просить отсрочить возвратъ денегъ или клянчить: не подѣлится ли та съ нею послѣ того, какъ онѣ съ матерью уже похозяйничали на ея счетъ.

Вчера нѣсколько разъ на губахъ ея застывало начало разговора о деньгахъ, и такъ ничего и не вышло до возвращенія Теркина изъ посада. Самая лучшая минута— теперь, но Василій Иванычъ можетъ придти съ прогулки... А при немъ она ни подъ какимъ видомъ не станетъ продолжать такой разговоръ.

И гдѣ онъ застрялъ? Пожалуй, ходили вмѣстѣ утромъ рано, пока она, „какъ простофиля“, спала у себя.

Кровь заиграла на загорѣлыхъ щекахъ Серафимы.

„Неужели онъ обманулъ ее и уже винился передъ этой фальшивой дѣвулей?“

— Давайте самоваръ!—крикнула она такъ, что Степанида услыхала, и пошла прямо на террасу.

— А! Сима! Съ добрымъ утромъ!

Калерія встала и подошла поцѣловать ее.

Привѣта „съ добрымъ утромъ“ она тоже не любила, находила его книжнымъ, приторнымъ.

— Спасибо! Извини. Я заспалась. Чай сейчасъ будемъ пить... Васи ждать не станемъ. Гдѣ-то онъ запропастился.

Калерія взглянула изъ-подъ тугого навѣса своего бѣлаго чепца и спросила:

— Еще не вернулся Василій Иванычъ изъ лѣсу?

— А ты его не видала?

Вопросъ свой Серафима выговорила со страхомъ, какъ бы голосъ ея не выдалъ.

— Да мы утромъ походили вотъ тутъ. Я травокъ пособирала. Василій Иванычъ въ ту сторону пошелъ... Такъ это давно было... въ началѣ восьмого...

Глаза Калеріи спокойно глядѣли на нее своими свѣтлыми зрачками, и ротъ тихо улыбался.

Она не сочла нужнымъ скрыть, что они видѣлись. Можно его только запутать, если онъ самъ на это намекнетъ при Серафимѣ. О томъ, какъ онъ передъ ней повинился, она не скажетъ, разъ она дала ему слово, да и безъ всякаго обѣщанія не сдѣлала бы этого. У него душа отличная, только соблазновъ въ его жизни много. Будетъ Серафима первая допрашивать ее объ этомъ — она сумѣетъ отклонить необходимость выдавать Василія Иваныча.

— А, вотъ что!

Горло у Серафимы сейчасъ же сдавило.

Подали самоваръ. Она заварила чай и нервно переставляла чашки.

— Какую это ты книжку читаешь, Калерія?

— Для тебя мало занятную. По медицинской части.

— Отчего же для меня незанятную? Ты меня такой дурой считаешь?

— Господь съ тобой! А книжка-то спеціальная... по аптекарской части.

— Ну, ладно...

Голова Серафимы уже горѣла. Стало-быть, они гуляли въ лѣсу. Навѣрно, Вася не выдержалъ, размякъ передъ

нею, бухнулъ ей про все, а послѣ началъ упрашивать, чтобы она все скрыла, не выдавала его.

Коли такъ было, она не будетъ унижаться, допрашивать: ни Калерію, ни его. Не хотѣлъ соблюсти свое достоинство, распустилъ нюни передъ этой святошей—тѣмъ хуже для него. Но ея они не проведутъ. Она по глазамъ его, по тону сейчасъ расчуетъ: вышелъ ли между ними разговоръ о деньгахъ или нѣтъ.

— А! вы здѣсь!—раздался голосъ Теркина сзади изъ гостиной.

„Не вернулся балкономъ, а дорогой, чтобы шито-крыто было“, — быстро сообразила Серафима, неторопливо приподнялась и встрѣтила его у дверей.

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ.

„Покаялся!“—точно молоткомъ ударило ее въ темя.

— Вы съ Калеріей уже гуляли?—спросила она вслухъ, возвращаясь къ столу.

Лица ея онъ не могъ видѣлъ. Голосъ не измѣнилъ ей. Теркинъ поглядѣлъ на Калерію и вмигъ сообразилъ, что такъ лучше: значитъ, та на вопросъ Серафимы отвѣтила просто, что гуляла съ нимъ по саду. Она ему дала честное слово не говорить о его признаніи. Онъ ей вѣрилъ.

— Да, мы съ Калеріей Порфирьевной уже видѣлись.

Свободно протянулъ онъ ей руку, пожалъ и привелъ къ столу.

Онъ это сказалъ также просто. Да и почему же ему бѣгать отъ Калеріи? Серафима въ собственномъ интересѣ должна воздержаться отъ всякихъ новыхъ допытываній.

— Налей мнѣ покрѣпче, Сима! — прибавилъ онъ другимъ тономъ и снялъ съ головы шляпу.

„Каялся, каялся!“—увѣренно повторяла про себя Серафима, и ея руки вздрагивали, когда она наливала ему чай. Внутри у нея клокотало. Такъ бы она и разорвала на клочки эту Калерію!

Скажи та что-нибудь слащавое и ханжеское — она не выдержитъ, разразится.

Ноздри вздрагивали, и въ глазахъ заискрились огоньки.

Теркинъ косвенно взглянулъ на нее и зачуялъ возможность взрыва.

— Дивное какое утро!.. И въ лѣсу благодать какая! Духъ отъ сосенъ! Я въ ту сторону, въ крайній уголъ

лѣса, прошелъ. Вы много травъ понасбирали, Калерія Порфирьевна?

— Нѣтъ, лѣнь разобрала... Такъ захотѣлось побродить.

„Ну да, ну да, замазывайте, заметайте слѣдъ!—думала Серафима, продолжая разливать чай.—Стакнулись проводить меня, какъ полудурью. Не понимаю я!..“

Рука съ чайникомъ дрогнула у нея, и она пролила на подносъ.

— Ахъ ты, Господи!—вырвалось у нея.

— Торопишься очень!—выговорилъ Теркинъ и усмѣхнулся.

— Хорошо, хорошо!

Серафима еле сдерживалась. Она была близка къ истерическому припадку и закусывала себѣ губы, чтобы изъ ея горла не вылетѣлъ хохотъ или крикъ.

— А я долженъ въ посадъ на цѣлый день, — продолжалъ Теркинъ, прихлёбывая чай.

— Дѣло?—спросила Калерія.

Она какъ будто не замѣчала нервности Серафимы.

— Да... Оно и кстати, Калерія Порфирьевна, вы съ Симой побудете... Вамъ вѣдь обо многомъ есть перетолковать... Мнѣ что же тутъ между вами торчать?

Можно бы этого и не говорить, но такъ вышло.

— Какіе же у насъ секреты? — возразила Серафима и поставила чайникъ на конфорку.

— Все, чай, есть!

Калерія обернула голову въ сторону Теркина и тихо улыбнулась ему.

Этой улыбкой она какъ бы хотѣла сказать:

„Ужъ вы не смущайтесь, я васъ не выдамъ“.

Онъ допилъ свой стаканъ и началъ прощаться съ ними.

XIV.

На дачу Теркинъ нарочно вернулся позднѣе.

Внизу ужъ не было свѣта. На крыльцо выскочилъ Чурилинъ и въ темнотѣ подкатилъ какъ кубарь къ крылу двухмѣстнаго тюльбери, на которомъ Теркинъ ѣздилъ или одинъ или съ кучеромъ.

Онъ передалъ карлику разные пакеты и самъ вскочилъ прямо на первую ступеньку подъѣзда.

— Калерія Порфирьевна почиваютъ? — спросилъ онъ Чурилина.

— Такъ точно.

— И барыня также?

— И онѣ у себя въ спальнѣ. Свѣту не видѣлъ сквозь ставни.

„Ну, и прекрасно“, — подумалъ Теркинъ и приказалъ кучеру, вышедшему изъ воротъ:

— Онисимъ! подольше надо проваживать Зайчика. Онъ сильно упрѣлъ...

Къ себѣ онъ пришелъ заднимъ крыльцомъ и отпустилъ Чурилина спать.

„Конечно, — думалъ онъ и дорогой и наверху, собираясь раздѣваться,—онѣ перетолковали, и Калерія не выдала меня“.

Это его всего больше безпокоило. Неужели изъ трусости передъ Серафимой? Развѣ онъ не господинъ своихъ поступковъ? Онъ не ее выдавалъ, а себя самого... Не можетъ онъ умиляться тѣмъ, что она умоляла его не „срамить себя“ передъ Калеріей... Это—женская высшая суетность... Онъ—ея возлюбленный и будетъ каяться дѣвушкѣ, которую она такъ ненавидитъ за то, что она выше ея.

„Да, выше“,—подумалъ онъ совершенно отчетливо и не смутился такимъ приговоромъ.

Передъ нимъ всталъ обликъ Калеріи въ лѣсу, въ бѣломъ, съ разсыпавшимися по плечамъ золотистыми волосами. Глаза ея, ясные и кроткіе, проникаютъ въ душу. Въ ней особенная красота, не „плотская“, не та, что мечется и туманитъ, какъ дурманъ, въ Серафимѣ.

„Дурманитъ?“ — И этого онъ не скажетъ теперь, по прошествіи года?

Вдругъ ему послышались шаги на нижней площадкѣ, подъ лѣстницей.

„Такъ и есть! Она!“

Теркинъ сталъ все сбрасывать съ себя поспѣшно и тотчасъ же легъ въ постель.

Только что онъ прикрылся одѣяломъ, дверь пріотворили.

— Это ты?—выговорилъ онъ какъ можно тише.

— Я!.. — откликнулась Серафима и вошла въ комнату твердой поступью, шурша пеньюаромъ.

— Ты еще не ложилась? — спросилъ онъ и повернулъ голову въ ея сторону.

— Ко мнѣ не разсудилъ вернуться, — начала она возбужденно и такъ строго, какъ никогда еще не говорила

съ нимъ.—Боишься Калеріи Порфирьевны? Не хочешь ея дѣвичьей скромности смущать... Не нынче—завтра пойдешь и въ этомъ исповѣдываться!..

— Сима!

Онъ больше ничего не прибавилъ къ этому возгласу.

— Что жъ!—Серафима сразу сѣла на край постели въ ногахъ. — Что жъ, ты, небось, станешь запираться, скажешь, что между вами сегодня утромъ никакого разговора не вышло, что ты не покаялся ей?.. Я, ты знаешь, ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ помышленіи передъ тобой неповинна. Не скрыла вотъ съ эстолько!—и она показала на палецъ. — А тебѣ лгать пристало? Кому? Мнѣ!.. Господи! Я на него молюсь изъ глупѣйшей любви, чтобы не терпѣть за него, не за себя, униженія, чуть не въ ногахъ валялась передъ нимъ, а онъ, изволите видѣть, не могъ устоять передъ той Христовой невѣстой, распустилъ нюни, все ей на ладонкѣ выложилъ, поди, на колѣняхъ валялся: простите, молъ, меня, окаяннаго, я—соучастникъ въ преступленіи Серафимы, я—воръ, я—такой-сякой!.. Идіотство какое и подлость...

— Подлость!—повторилъ Теркинъ и хотѣлъ крикнуть: „молчи“, но удержался.

— А то, скажешь, нѣтъ? Ты мнѣ вотъ здѣсь слово далъ не соваться самому, предоставить мнѣ все уладить.

— Я тебѣ слова не давалъ!

— Ха-ха!.. Теперь ты и запираться началъ... Отлично! Превосходно! Ты этимъ самымъ себя выдалъ окончательно! Мнѣ и сознанія твоего не надо больше! Все мнѣ ясно. Съ первыхъ ея словъ я увидала, что вы уже стакнулись. Она, точно медоточивая струя, зажурчала: „Что намъ, сестрица, считаться,—Серафима передразнивала голосъ Калеріи, — ежели вы сами признаете, что дяденька оставилъ вамъ капиталъ для передачи мнѣ, это ужъ дѣло вашей совѣсти съ тетенькой; я ни судиться, ни требовать не буду. Вотъ я къ тетенькѣ съѣзжу и ей то же самое скажу... Сама я въ деньгахъ большихъ не нуждаюсь... А въ томъ, что я желала бы положить на одно дѣло, въ этомъ вамъ грѣшно будетъ меня обидѣть“. Небось, скажешь, ты не повинился ей? И она, шельма, раскусила, что ей тягаться съ нами — ничего, пожалуй, и не получишь. Ты ей, разумѣется, документъ предложилъ, а то такъ и пароходъ заложишь и отдашь ей двадцать тысячъ. Меня она ничѣмъ не уличитъ. Завѣщанія нѣтъ; никто

не видалъ, какъ папенька распорядился тѣмъ, что у него въ шкатулкѣ лежало.

— Серафима!—остановилъ ее Теркинъ и приподнялся въ кровати, — не говори такихъ вещей... Прошу тебя честью!.. Это недостойно тебя!.. И не пытай меня! Нечего мнѣ скрываться отъ тебя... Если я и просилъ Калерію Порфирьевну оставить нашъ разговоръ между нами, то щадя тебя, твою женскую тревожность. Пора это понять... Какія во мнѣ побужденія заговорили, въ этомъ я не буду каяться передъ тобой. Меня тяготило... Я не вытерпѣлъ!.. Вотъ и весь сказъ!

— Да на тебя точно туманъ какой нашелъ... Изъ-за чего ты это дѣлалъ? Ну, хотѣлъ ты непремѣнно возвратить ей эти деньги—ты могъ потребовать отъ меня, чтобы я выдала ей сейчасъ же вексель, пока ты не добудешь ихъ. Вѣдь на то же и теперь сойдетъ... Что она потеряетъ?.. Деньги были въ вѣрныхъ рукахъ, проценты мы ей заплатимъ. Еще она спасибо намъ должна сказать, что мы въ какой-нибудь банкъ не положили, а онъ лопнулъ бы... Нынче, что ни день, то крахъ!.. Такъ нѣтъ!— почти крикнула Серафима и всплеснула руками, — скитское покаяніе онъ приносилъ хлыстовской богородицѣ!

— Не смѣй ее такъ называть!

— А-а!.. Вотъ оно что! Какъ только увидалъ эту кривляку, такъ и преисполнился къ ней благоговѣнія!.. Скажите, пожалуйста!

Серафима рѣзко поднялась, отошла къ окну и раскрыла его. Ее душило.

— Ты не понимаешь! Душа моя—для тебя потемки! Обидно за тебя, Серафима!

— А за тебя нѣтъ? — она опять подошла къ кровати и стала у ногъ.—Помни, Вася,—заговорила она съ дрожью нахлынувшихъ сдержанныхъ рыданій, — помни... Ты ужъ предалъ меня... Богъ тебя знаетъ, измѣнилъ ты мнѣ или нѣтъ; но душа твоя, вотъ эта самая душа, про которую жалуешься, что я не могу ее понять... Помни и то, что я тебѣ сказала въ прошломъ году тамъ, у насъ, у памятника, на обрывѣ, когда рѣшилась пойти съ тобой... Забылъ, небось?.. Всегда такъ, всегда такъ бываетъ! Мужчина развѣ можетъ любить, какъ мы любимъ?!

Ему стоило протянуть ей руку и сказать ласково: „Сима, перестань!..“ Онъ молчалъ и головой обернулся къ стѣнѣ.

— Но только знай,—вдругъ громкимъ и порывистымъ шопотомъ заговорила Серафима,—что я не намѣрена терпѣть у насъ въ домѣ такого царства Калеріи Порфирьевны. Пускай ее на Волгу ѣдетъ и лучше бы сюда не возвращалась; а пріѣдетъ да начнетъ опять свои лукавые фасоны—я ей покажу, кто здѣсь хозяйка!

Дверь хлопнула за Серафимой, ступеньки лѣстницы быстро и дробно проскрипѣли, и все замерло въ домѣ.

Теркинъ лежалъ въ той же позѣ, лицомъ къ стѣнѣ, но съ открытыми глазами. Мириться онъ къ ней не пойдетъ. Ея необузданность, злобная хищность давили его и возмущали. Ни одного звука у нея не вылетѣло, гдѣ бы сказались пониманіе, мягкая терпимость, желаніе слиться съ любимымъ человѣкомъ въ одномъ великодушномъ порывѣ.

„Распуста“, — повторилъ онъ про себя то самое слово, какое пришло ему недавно въ лѣсу, послѣ первой ихъ размолвки. Онъ не станетъ прыгать передъ ней... Изъ-за чего? Изъ-за ея ласкъ, ея молодости, изъ-за ея брильянтовыхъ глазъ?..

Кто же мѣшалъ ей поддаться его добрымъ словамъ? Онъ того только и добивался, чтобы вызвать въ ея душѣ такой же поворотъ, какъ и въ себѣ самомъ!.. У нея и раньше была женская „растяжимая совѣсть“, а отъ пріѣзда Калеріи она точно „бѣсноватая“ стала.

Сонъ не шелъ. Теркинъ проворочался больше получаса, потомъ вытянулъ ноги, уперся ими въ нижнюю стѣнку кровати и заложилъ руки за голову.

Кровь отливала отъ разгорѣвшагося мозга. Въ комнату въ открытое окно входила свѣжесть. Онъ подумалъ-было затворить, но оставилъ открытымъ.

Мысли заплетались въ другую сторону. Дѣловой человѣкъ, привычный къ постоянному обдумыванію практическихъ дѣйствій и сложныхъ расчетовъ, помаленьку началъ пробуждаться въ немъ.

А вѣдь Серафима-то, пожалуй, и не по-бабьи права. Къ чему было „срамиться“ передъ Калеріей, бухаться въ лѣсу на колѣни, когда можно было снять съ души своей неблаговидный проступокъ безъ всякаго срама? Именно слѣдовало сдѣлать такъ, какъ она сейчасъ, хоть и распаленная гнѣвомъ, говорила: она сумѣла бы перетолковать съ Калеріей, и деньги та получила бы въ два раза. Можно добыть сумму къ осени и выдать ей документъ.

И то сказать, женщина все отдала ему: честь свою, положеніе, деньги, хоть и утаенныя, умоляла его не выдавать себя Калеріи, не срамиться, — и онъ не исполнилъ, не устоялъ передъ какой-то нервической блажью...

„Блажь!“ — повторилъ онъ мысленно нѣсколько разъ, готовый идти дальше въ своихъ холодящихъ выводахъ, и рѣзко прервалъ ихъ.

Сцена въ лѣсу прошла передъ нимъ вся, съ перваго его ощущенія до послѣдняго. Лучше минутъ онъ еще не переживалъ, чище, отважнѣе по душевному порыву. Отчего же ему и теперь такъ легко? И размолвка съ Серафимой не грызетъ его... Правда на его сторонѣ. Не мѣтитъ онъ въ герои... Никогда не будетъ такимъ, какъ Калерія, но безъ ея появленія зубцы хищническаго колеса стали бы забирать его и втягивать въ тину. Серафима своей страстью не напомнила бы ему про уколы совѣсти...

Съ этимъ онъ заснулъ.

XV.

— Калерія Порфирьевна пріѣхали, — доложилъ Чурилинъ, запыхавшись.

Онъ поднялся стремительно по крутой лѣсенкѣ въ башню, гдѣ Теркинъ у стола просматривалъ какіе-то счеты.

— На извозчикѣ?

— Такъ точно.

— Барыня внизу?

— Внизу-съ.

— Хорошо. Ступай!

Карликъ исчезъ. Теркинъ сейчасъ же всталъ, поправилъ бантъ легкаго шелковаго галстука, подошелъ къ зеркалу, причесалъ немного сбившіеся волосы и встряхнулъ только сегодня надѣтый парусинный костюмъ.

Прошло всего пять дней съ отъѣзда Калеріи, и они ему казались невыносимо длинными... Изъ нихъ онъ двое сутокъ былъ въ отсутствіи. Не спѣшныя дѣла выгнали его изъ дому, а тяжесть жизни съ-глазу-на-глазъ съ Серафимой.

Они избѣгали объясненій, но ни тотъ, ни другая не поддавались. Не требовалъ онъ того, чтобы она просила прощенія, не желалъ ни рыданій, ни истерическихъ ласкъ и чувственныхъ примиреній. Пониманія ждалъ онъ — и

только. Но Серафима въ первый разъ ушла въ себя, говорила съ нимъ кротко, не позволяла себѣ никакой злобной выходки противъ Калеріи и даже сама первая предложила ему обезпечить ее, до выдачи ей обратно двадцати тысячъ, какъ онъ разсудитъ.

Она принесла ему вексель, выданный ей, и настояла на томъ, чтобы онъ его взялъ обратно.

— Если ты не согласишься взять его, Вася,—сказала она съ удареніемъ, но безъ рѣзкости, — я все равно его разорву. Мы ей должны выдать документъ.

— Не мы, а я,—поправилъ онъ.

— Какъ ты найдешь умѣстнѣе.

Вчера вернулся онъ къ обѣду, и конецъ дня прошелъ чрезвычайно прѣсно. Нить искреннихъ разговоровъ оборвалась. Ему стало особенно ясно, что если съ Серафимой не нѣжиться, не скользить по всему, что̀ навернется на языкъ въ ихъ бесѣдахъ, то содержанія въ ихъ сожительствѣ нѣтъ. Подъ видимымъ спокойствіемъ Серафимы онъ чуялъ бурю. Въ груди ея назрѣла еще бо́льшая злоба къ двоюродной сестрѣ. Если та у нихъ заживется, произойдетъ что-нибудь безобразное.

А ему такъ захотѣлось, поджидая Калерію назадъ, отвести съ ней душу, принять участіе въ ея планахъ, всячески поддержать ее. Этого слишкомъ мало, что онъ повинился передъ нею. Надо было заслужить ея дружбу.

— Гдѣ онѣ?—спросилъ Теркинъ у карлика, проходя мимо буфетной.

— На балконѣ-съ.

Калерія, еще въ дорожномъ платьѣ, стояла спиной къ двери. Серафима, въ красномъ фулярѣ на головѣ и капотѣ,—лицомъ. Лицо блѣдное, глаза опущены.

„Не умерла ли мать?“ — подумалъ онъ; ему не стало жаль ея; ея дочернее чувство онъ находилъ суховатымъ, совсѣмъ не похожимъ на то, какъ онъ былъ близокъ сердцемъ къ своимъ покойникамъ, а они ему приводились не родные отецъ съ матерью.

— Калерія Порфирьевна! Съ возвращеніемъ!—ласково окликнулъ онъ.

Она быстро обернулась, еще болѣе загорѣлая, лицо въ пыли, но все такая же милая, со складкой на лбу отъ чего-то печальнаго, что̀ она, навѣрно, сообщила сейчасъ Сера[illegible]имъ.

— Ну, что, все благополучно тамъ?.. Матрена Ниловна здравствуетъ?

Тутъ только онъ вспомнилъ, что съ утра не видалъ Серафимы, пилъ чай одинъ, пока она спала, и сидѣлъ у себя наверху до сихъ поръ.

— Здравствуй, Сима!

Она взглянула на него затуманенными глазами и пожала ему руку.

— Здравствуй, Вася!

— Что это?.. Какъ будто вы чѣмъ-то обѣ смущены?— весело спросилъ онъ и всталъ между ними, ближе къ периламъ балкона.

— Да вотъ, извѣстіе такое я привезла. Что жъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ...

— Умеръ, что ли, кто?.. Матушка ея, небось, въ добромъ здоровьѣ...

— Тетенька... слава Богу...

Калерія не договорила.

— Рудичъ застрѣлился.

Глухо промолвила это Серафима. Лицо было жестко, рѣсницы опущены.

„Заплачетъ? — спросилъ про себя Теркинъ и прибавилъ:—Должно-быть, мужъ—все мужъ!“

Будь это годъ назадъ, его бы пронизало ревнивое чувство, а тутъ ничего, ровно ничего такого не переживалъ онъ, глядя на нее.

— Застрѣлился? — повторилъ онъ и обернулся съ вопросомъ въ сторону Калеріи.

— Тамъ гдѣ-то... гдѣ его служба была... въ Западномъ краѣ, кажется. Тетенька не сумѣла мнѣ хорошенько разсказать. Господинъ Рудичъ былъ тамъ предсѣдателемъ мирового съѣзда.

— А не прокуроромъ?

— Видно, нѣтъ, — отвѣтила Серафима и медленно поглядѣла на Теркина.

Глаза потухли. Въ нихъ онъ ничего не распозналъ, кромѣ какого-то вопроса... Какого?.. Не ждала ли она, чтобы у него вырвался возгласъ: „Вотъ ты свободна, Сима!“

Онъ подумалъ объ этомъ совсѣмъ не радостно... Больше изъ смутнаго чувства внѣшняго приличія, онъ пододвинулся къ Серафимѣ и тихо взялъ ее за руку около локтя. Рука ея не дрогнула.

— Казенныя деньги растратилъ, — выговорила она и повела плечами.—Такъ и надо было ожидать.

Серафима сказала это скорѣе грустно, чѣмъ жестко; но онъ нашелъ, что ей не слѣдовало и этого говорить. Какъ ни какъ, а она его бросила предательски, и Рудичъ, если бы хотѣлъ, могъ надѣлать ей кучу непріятностей, преслѣдовать по закону, да и ему нагадить доносомъ.

— Царствіе небесное! — тихо и протяжно произнесла Калерія.—Срама не хотѣлъ перенесть...

— Игрока одна только могила исправитъ,—точно про себя обронила Серафима.

И это замѣчаніе показалось ему неделикатнымъ.

— Деньги... Карты...—Калерія вздохнула и придвинулась къ нимъ обоимъ...—Души своей не жаль... Господи!— глаза ея стали влажны. — Ты, Симочка, не виновата въ томъ, что̀ сталось съ твоимъ мужемъ.

„Она же ее утѣшаетъ!“—подумалъ Теркинъ.

— Вы съ дороги-то присѣли бы, — обратился онъ къ ней.—Сима, что же ты, чайку бы предложила Калеріи Порфирьевнѣ. Здѣсь жарко... Перейдемте въ гостиную.

— Закусить не хочешь ли?— лѣниво спросила Серафима.

— Право, я не голодна; утромъ еще на пароходѣ пила чай и закусила. Тетенька мнѣ всякой всячины надавала.

Они перешли въ гостиную. Разговоръ не оживлялся. Теркина сдерживалъ какой-то стыдъ взять Серафиму, привлечь ее къ себѣ, воспользоваться вѣстью о смерти Рудича, чтобы хорошенько помириться съ нею, сбросить съ себя всякую горечь. Не одно присутствіи Калеріи стѣсняло его... Что-то еще болѣе затаенное не позволяло ему ни одного искренняго движенія.

Не боялся ли онъ чего? Теперь ему ясно, что радости въ немъ нѣтъ; стало-быть, нѣтъ и желанія оживить Серафиму хоть однимъ звукомъ, гдѣ она распознала бы эту радость.

— Сядьте вотъ рядкомъ, потолкуйте ладкомъ.

Калерія усадила ихъ на диванъ.

— Схожу умоюсь и платье другое надѣну. Вся въ пыли! Даже въ горлѣ стрекочетъ. А угощать меня не трудись, Сима. Право, сыта... Совѣтъ да любовь!

Любимое пожеланіе Калеріи осталось еще въ воздухѣ

просторной и свѣжей комнаты, стоявшей въ полутемнотѣ отъ спущенныхъ шторъ.

— Сима!

Теркинъ взялъ ея руку.

— Знаю, что ты скажешь! — вдругъ порывисто заговорила она шопотомъ и обернула къ нему лицо, уже менѣе жесткое, порозовѣлое и съ возбужденными глазами. — Ты скажешь: „Сима, будь моей женой“... Мнѣ этого не нужно... Никакой подачки я не желаю получать.

— Успокойся! зачѣмъ все это?

— Дай мнѣ докончить. Ты всегда подавляешь меня высотой твоихъ чувствъ. Ты и она,— Серафима показала на дверь,—вы оба точно спѣлись. Она уже успѣла тамъ, на балконѣ, начать проповѣдь: „Вотъ, Симочка, самъ Господь вразумляетъ тебя... Любовь свою ты можешь очистить. Въ благородныя правила Василія Иваныча я вѣрю, онъ не захочетъ продолжать жить съ тобою... такъ“. И какое ей дѣло!.. Съ какого права?..

Въ глазахъ заискрилось. Она начала опять блѣднѣть.

— Успокойся! — повторилъ все тѣмъ же кроткимъ тономъ Теркинъ.

Но онъ не обнялъ ея, не привлекъ, не покрылъ этихъ глазъ, еще недавно прельщавшихъ его, пылкими поцѣлуями.

Ея словамъ онъ не вѣрилъ. Все это она говорила изъ одной своей гордости и ненавистнаго чувства къ двоюродной сестрѣ, ни въ чемъ неповинной, искренно жалѣвшей ее; она ждала, чтобы онъ упалъ на колѣни и радостно воскликнулъ:

„Теперь насъ никто не разлучитъ! Ты не можешь отказать мнѣ!“

Въ груди у него не было порыва — одного, прямого и радостнаго. И она это тутъ только почуяла.

— Ты знаешь, какъ я съ тобой прожила годъ! Добивалась я твоей женой быть? Мечтала объ этомъ? Намекала хоть разъ во весь годъ?

— Развѣ я говорю?

— И теперь мнѣ не нужно... Я вольная птица. Кого хочу, того и люблю. Не забывай этого! Жизни не пожалѣю за любимаго человѣка, но цѣпей мнѣ не надо, ни подаянія, ни исполненія долга съ твоей стороны. Долгъ-то ты исполнишь! Больше вѣдь ничего въ такомъ бракѣ и не будетъ... Я все уразумѣла, Вася: ты меня не любишь,

какъ любилъ годъ назадъ... Не лги... Ни себѣ, ни мнѣ... Но будь же ты настолько честенъ, чтобъ не притворяться... Обидъ я не прощаю... Вотъ что...

Теркинъ хотѣлъ-было удержать ее, Серафима рванулась и выбѣжала изъ гостиной.

За ней онъ не бросился; сидѣлъ на диванѣ разстроенный, но не охваченный пыломъ вновь вспыхнувшей страсти.

XVI.

Лѣсная тропинка сузилась и пошла выбоинами. Приходилось перескакивать съ одной колдобины на другую.

— Дайте мнѣ руку, Калерія Порфирьевна. Такъ вамъ удобнѣе будетъ перейти.

Она, розовая отъ ходьбы и жаркаго ранняго послѣобѣда, протянула Теркину свободную руку... На другой она несла ящичекъ на ремешкѣ.

Собрались они тотчасъ послѣ обѣда. Серафимы не было дома: она съ утра уѣхала въ посадъ за какими-то покупками.

На дачѣ черезъ кухарку стало извѣстно, что въ Мироновкѣ появилась болѣзнь на дѣтей. Калерію потянуло туда, и она захватила свой ящичекъ съ лѣкарствами. Теркинъ вызвался проводить ее, предлагалъ добыть экипажъ у сосѣдей, но ей захотѣлось идти пѣшкомъ. Они рѣшили это за обѣдомъ.

Своимъ отсутствіемъ Серафима какъ бы показывала ему, что ей „все равно“, что она не боится ихъ новыхъ откровенностей. Онъ можетъ хоть обниматься съ Калеріей... Такъ онъ это и понялъ.

До обѣда онъ разспрашивалъ Калерію о ея завѣтныхъ мечтахъ и планахъ, но передъ тѣмъ настаивалъ на томъ, чтобы она, не откладывая этого дѣла, приняла отъ него дѣловой документъ.

— Симы тутъ нечего замѣшивать,—убѣждалъ онъ ее:— я бралъ, я и израсходовалъ, я и долженъ это оформить. Къ ноябрю онъ расплатится съ нею; можетъ, и раньше. Изъ остальныхъ денегъ она сама не желала брать себѣ всего. Пускай Серафима удержитъ, сколько ей съ матерью нужно. На первыхъ порахъ какихъ-нибудь три-четыре тысячи, больше и не надо, чтобы купить землю и начать стройку деревяннаго дома.

Она мечтала о небольшой приходящей лѣчебницѣ для дѣтей на окраинахъ своего родного города, такъ чтобы

и подгороднымъ крестьянамъ сподручно было носить туда больныхъ, и городскимъ жителямъ. Если управа и не поддержитъ ея ежегоднымъ пособіемъ, то хоть врача добудетъ она дарового, а сама станетъ тамъ жить и всѣмъ завѣдывать. Найдутся, Богъ дастъ, и частные жертвователи изъ купечества. Можно будетъ завести нѣсколько кроватокъ или нѣчто въ родѣ ясель для дѣтей рабочаго городского люда.

Теркинъ слушалъ ее сосредоточенно, не перебивалъ, нашелъ все это очень удачнымъ и выполнимымъ и подъ конецъ разговора, держа ее за обѣ руки, выговорилъ:

— Голубушка вы моя! Не откажите и меня принять въ участники! Хочу, чтобъ наша сердечная связь окрѣпла. Я по Волгѣ безпрестанно сную и буду то и дѣло навѣдываться. И въ земствѣ, и въ городскомъ представительствѣ отыщу людей, которые навѣрно поддержатъ вашу благую мысль.

Тонъ его словъ показался бы ему, говори ихъ другой, слащавымъ, „казеннымъ“, какъ нынче выражаются въ этихъ случаяхъ. Но у него это вышло противъ воли. Она приводила его въ умиленное настроеніе, глубоко трогала его. Ничего не было „особеннаго“ въ ея планѣ. Дѣтская амбулаторія!.. Мало ли сколько ихъ заводится. Одной больше, одной меньше. Не самое дѣло, а то, что она своей душой будетъ освѣщать и согрѣвать его... Онъ видѣлъ ее воображеніемъ въ дѣтской лѣчебницѣ съ ранняго утра, тихую, неутомимую, точно окруженную сіяніемъ...

Теперь онъ знаетъ о ней все, о чемъ допытывалось сердце. Больше не нужно. Если бъ они ближе стояли другъ къ другу, онъ не разспрашивалъ бы ея о прожитой жизни, не велъ бы съ ней „умныхъ“ разговоровъ, не старался бы узнать о ней всю подноготную.

Ничего этого ему не надо! Только бы ему удержать въ себѣ настроеніе, навѣянное на него. Кто знаетъ? Начнешь развѣдывать да разсуждать, и разлетится оно. Ему отрадно было держать ее на этой высотѣ, смотрѣть на нее снизу вверхъ.

Они вышли на красивую круглую лужайку.

— Не отдохнуть ли, Калерія Порфирьевна?—спросилъ Теркинъ.

— Хорошо! Здѣсь чудесно!.. Вонъ тамъ дубокъ какой кудрявый... Можно и на травѣ.

— Жаль, что я не захватилъ пледа.

— Ничего! Сколько времени жары стоятъ, земля высохла. Да я и не боюсь за себя.

Подъ дубкомъ они расположились на травѣ, не выѣденной солнцемъ отъ густой тѣни. Дышать было привольнѣе. Отъ опушки шла свѣжесть.

— Василій Иванычъ!

По звуку ея оклика онъ почуялъ, что она хочетъ поговорить о чемъ-нибудь „душевномъ".

— Что, Калерія Порфирьевна?

Она сидѣла облокотившись о стволъ дерева; онъ лежалъ на правомъ боку и опирался головой о ладонь руки.

— Не будете на меня сѣтовать?.. Скажете, пожалуй: не въ свое дѣло вмѣшиваюсь.

— Я-то? Богъ съ вами!

— Такъ и я васъ понимаю; потому буду говорить все, на чистоту... Вѣдь Серафима-то у насъ мучится сильно.

— Серафима?

— А то нешто нѣтъ?.. Вы не хуже меня это видите.

Видѣлъ онъ достаточно, какъ злобствуетъ Серафима, и, зная почему, могъ бы сейчасъ же выдать ее съ головой, излить свое недовольство.

Не надо было говорить всю правду, а этой правды онъ и самъ еще себѣ не могъ или не хотѣлъ выяснить.

— Вижу, — выговорилъ онъ, сейчасъ же перемѣнилъ положеніе, сѣлъ и повернулся бокомъ.

— Смерть мужа,—Калерія замедлила свою рѣчь,—подняла съ души ея все, что тамъ таилось.

„Ничего не подняла добраго и великодушнаго!" — хотѣлъ онъ крикнуть и опустилъ голову.

— Поймите, голубчикъ: ей передъ вами по-другому стало стыдно... за прошедшее. Повѣрьте мнѣ. А она вѣдь вся ушла въ любовь къ вамъ. И боится, какъ бы ваше сожительство не убавило въ васъ желанія освятить все это бракомъ. Вы скажете мнѣ: эта боязнь пустая!.. Вѣрно, Василій Иванычъ; да люди въ своихъ сердечныхъ тревогахъ не вольны, особливо наша сестра. Она мнѣ ничего сама не говорила. Ей, кажется, непріятны были и мои слова, по пріѣздѣ, тамъ на балконѣ, помните, какъ вы вошли... Что жъ! Насильно милъ не будешь! Сима мнѣ не довѣряетъ и къ себѣ не желаетъ приблизить. Подожду! Когда придетъ часъ—она сама подойдетъ.

— И развѣ это не возмутительно? — вдругъ вылетѣлъ

вопросъ у Теркина, и онъ повернулся къ Калеріи всѣмъ лицомъ и присѣлъ ближе.

— Что такое?

— А вотъ эта злоба къ вамъ? Безсмысленная и гадкая!.. Кругомъ передъ вами виновата и такъ ехидствуетъ!

— Василій Иванычъ! Родной! — остановила Калерія. — Не будемъ осуждать ее... Это дѣло ея совѣсти... Познаетъ Бога — и все ей откроется... Теперь надъ ней плоть царитъ. Но я къ вамъ обращаюсь, къ вашей душѣ... Простите, Христа-ради! Не проповѣдывать я собираюсь, не изъ святошества. А вы для меня стали въ нѣсколько дней все равно что братъ. И мнѣ тяжко было бы таить отъ васъ то, что я за васъ чувствую и о чемъ недоумѣваю... Не способны вы оставить Серафиму въ теперешнемъ положеніи... Не способны! Вы сами ее слишкомъ любите, а главное, человѣкъ вы не такой. Вѣдь она на цѣлый день уѣхала не спроста: гложетъ ее тоска и боязнь. Вернется она, вы одни можете сдѣлать такъ, чтобы у нея на душѣ ангелы запѣли. Я только то теперь вамъ говорю, что въ васъ самихъ сидитъ.

Ни одной секунды не заподозрилъ онъ ея искренности. Голосъ ея звучалъ чисто и высоко, и въ немъ ея сердечность сквозила слишкомъ открыто. Будь это не она, онъ нашелъ бы такое поведеніе ханжествомъ или смѣшной простоватостью. Но тутъ слезы навертывались на его глазахъ. Его восхищала хрустальность этого существа. Изъ глубины его собственной души поднимался новый острый позывъ къ полному разоблаченію того, въ чемъ онъ еще не смѣлъ сознаться самому себѣ.

— Калерія Порфирьевна,—выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—Вчера Серафима, по уходѣ вашемъ, начала кидать мнѣ въ лицо ни съ чѣмъ несообразныя вещи, поторопилась заявить, что она въ бракѣ со мной не нуждается... Гордость въ ней только и кипитъ, да задоръ какой-то... Я даже и не спохватился...

— Все это оттого, что она страдаетъ. Не можетъ быть, чтобы вы этого не понимали! Она ждетъ! И если между вами теперь нѣтъ ладу—я въ этомъ повинна.

— Вы!..

— Не во-время явилась. Но я не хотѣла, повидавшись съ тетенькой, не заѣхать опять къ вамъ и не успокоить Серафимы. Богъ съ ней, коли она меня считаетъ лице-

мѣркой! Я изъ-за денегъ ссориться не способна. Теперь я у васъ заживаться не стану. Только бы вы-то съ Симой начали другую жизнь...

Голосъ ея дрогнулъ.

— Ахъ, Калерія Порфирьевна! Всего хуже, когда стоишь передъ рѣшеніемъ своей судьбы и не знаешь: нѣтъ ли въ тебѣ самомъ фальши?.. Не лжешь ли?.. Боишься правды-то.

Теркинъ закрылъ лицо ладонями и упалъ головой на траву.

— Нешто... вы, — Калерія запнулась, — охладѣли къ ней?

— Не знаю, не знаю!

— Старики наши сказали бы: „Это васъ лукавый испытываетъ“. А я скажу: доброе дѣло выше всякихъ страстей и обольщеній. Въ Симѣ больше влеченія къ вамъ... какого? Плотскаго или душевнаго? Что жъ за бѣда! Сдѣлайте изъ нея другого человѣка... Вы это можете.

— Нѣтъ, не могу, Калерія Порфирьевна. Съ ней я погрязну.

— Таково ваше убѣжденіе?.. Лучше, Василій Иванычъ, пострадать, да не отворачиваться отъ честнаго поступка. Ежели вы и боитесь за свою душу и не чувствуете къ Симѣ настоящей любви—все-таки вы ее такъ не бросите!

„Брошу, брошу!“—чуть не слетѣло съ его губъ признаніе.

Онъ молчалъ, отнялъ руки отъ лица и глядѣлъ въ землю, низко нагнувъ голову, чтобы она не могла видѣть его лица.

— Простите меня за то, что разбередила васъ! — сказала тихо Калерія и приподнялась. — Пора и въ Мироновку. Тамъ дѣтки больныя ждутъ.

До выхода изъ лѣса они молчали.

XVII.

Съ того перекрестка, гдѣ всего недѣлю назадъ Теркинъ окликнулъ глухонѣмого мужика, они повернули налѣво.

— Этотъ проселокъ,—сказалъ онъ Калеріи,—навѣрно доведетъ насъ до Мироновки.

Не больше ста саженъ сдѣлали они между двумя по-

лосами сжатой ржи, какъ, выйдя на изволокъ, увидали деревню.

У въѣзда сохранились два почернѣлыхъ столба воротъ, еще изъ тѣхъ годовъ, когда Мироновкой владѣлъ одинъ генералъ изъ „гатчинцевъ“. На одномъ столбѣ держался и шаръ, когда-то выкрашенный въ бѣлую краску. Ворота давно растаскали на топку.

— Вы здѣсь еще не бывали, Василій Иванычъ?—спросила Калерія, ускоряя шагъ. Ей хотѣлось поскорѣе дойти.

— Нѣтъ; на этой недѣлѣ собрался и не дошелъ.

— Есть усадьба? Кто-нибудь живетъ... помѣщики или управляющій?

— Знаю, что въ домѣ живетъ по лѣтамъ семейство одно. Пайщикъ нашего общества, нѣкто Пастуховъ. Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Я самъ не знакомъ съ семействомъ. Да это ничего. Пойдемте въ домъ. Я отрекомендуюсь и васъ представлю. Они, конечно, будутъ рады и дадутъ свѣдѣнія, куда идти, въ какія избы.

— Это не важно! Я и сама найду, только бы туда попасть, въ эту самую Мироновку.

Имъ обоимъ легче стало оттого, что разговоръ пошелъ въ другую сторону.

„Будь, что будетъ!—повторялъ онъ про себя, когда они молча шли изъ лѣсу.—Жизнь покажетъ, какъ намъ быть съ Серафимой“.

Тотчасъ за столбами слѣва начинался деревенскій порядокъ: сначала двѣ-три плохенькихъ избенки, дальше избы изъ сосноваго лѣса, съ полотенцами по краямъ крышъ, нѣкоторыя — пятистѣнныя. По правую руку отъ проѣзда, спускающагося немного къ усадьбѣ, расползлись амбары и мшенники. Деревня смотрѣла не особенно бѣдной; по количеству дворовъ — душъ на семьдесятъ, на восемьдесятъ.

На улицѣ издали никого не было видно; даже на ребятишекъ они не наткнулись.

— Такъ въ усадьбу идемъ?—спросилъ Теркинъ.

— Спросить бы надо.

— Да вамъ что жъ стѣсняться, Калерія Порфирьевна? Она какъ будто конфузилась.

— Я не трусиха, Василій Иванычъ, а только иной

разъ невпопадъ. Можетъ, они тамъ отдыхаютъ. А то такъ Богъ знаетъ еще что подумаютъ. Впрочемъ... какъ знаете...

Просторную луговину, гдѣ шли когда-то, слѣва вглубь, барскіе огороды, а справа стоялъ особый дворикъ для борзыхъ и гончихъ щенковъ, замыкалъ частоколъ, отдѣляющій усадьбу отъ деревенской земли, съ уцѣлѣвшими пролетными воротами. И службы сохранились: бревенчатый темный домикъ — бывшая людская, два сарая и конюшня; за ними выступали липы и березы сада; прямо, все подъ гору, стоялъ двухъэтажный домъ, свѣтло-сѣрый, съ двумя крыльцами и двумя балконами. Одно крыльцо было фальшивое, по-старинному, для симметріи.

Все это смотрѣло какъ будто нежилымъ. Ни на дворѣ, ни у сарая, ни у воротъ—ни души.

— Мертвое царство!—вымолвилъ Теркинъ.

Они вошли въ ворота. И собакъ не было.

На крыльцѣ бывшей людской показалась женщина въ родѣ кухарки, одѣтая не по-крестьянски.

— Матушка,—крикнулъ ей Теркинъ,—подь-ка сюда!

Съ народомъ онъ говорилъ всегда на „ты“.

Женщина, простоволосая, защищаясь ладонью отъ солнца, неторопливо подошла.

— Господа Пастуховы тутъ живутъ?

— Тутъ, только ихъ нѣтъ.

— Уѣхали въ посадъ?

— Совсѣмъ уѣхали... раньше какъ недѣли черезъ двѣ не вернутся.

— Куда? На ярмарку, въ Нижній?

— Нѣтъ, лѣчиться... на воды, что ли, какія. Сергіевскія, никакъ.

Теркинъ и Калерія переглянулись.

— И никого въ домѣ нѣтъ?

— Никого. Вотъ я оставлена да кухонный мужикъ... работникъ опять...

Итти въ домъ было не зачѣмъ.

— А скажите мнѣ, милая,—заговорила Калерія,—у васъ на деревнѣ дѣти, слышно, заболѣваютъ?

Женщина отняла ладонь отъ жирнаго и морщинистаго лба, и брови ея поднялись.

— Какъ же, какъ же. Забираетъ порядкомъ.

— Докторъ пріѣзжалъ? Или фельдшеръ?

— Не слыхать чтой-то. Да безъ барыни кому же доктора добыть?.. Староста у нихъ — мужичонко лядащій... опять же у него бахчи. Его и на деревнѣ-то нѣтъ объ эту пору.

— А въ какихъ избахъ больные ребята? — тревожнѣе спросила Калерія.

Теркинъ смотрѣлъ на ея лицо: глаза у нея стали блестящѣе, щеки поблѣднѣли.

— Да никакъ въ цѣлыхъ пяти дворахъ. Первымъ дѣломъ у Вонифатьева. Тамъ, поди, всѣ ребята лежатъ въ повалку.

— Что жъ это такое?

— Жаба, что ли. Ужъ не знаю, сударыня. Намъ отлучаться не сподручно, да мы и деревенскихъ-то мало видимъ. Тоже... народъ лядащій!..

— Послушайте,—Калерія заговорила быстро, и голосъ сразу сталъ выше, — покажите мнѣ, которая изба Вонифатьева.

— Вонъ самая угловая, коло колодца, супротивъ той бани... гдѣ тропка-то идетъ.

— Хорошо!.. Благодарю!... Василій Иванычъ, я пойду... Подождите меня.

— Почему же я не могу?

— Нѣтъ, это меня только свяжетъ. И, какъ знать, можетъ болѣзнь...

— Заразная?

Теркинъ усмѣхнулся.

— И очень.

— Такъ почему же мнѣ-то больше труса праздновать, чѣмъ вамъ?

— Это мое коренное дѣло, а вамъ изъ-за чего же рисковать?

— Нѣтъ, позвольте!..

Ему захотѣлось непремѣнно проводить ее, помочь, быть на что-нибудь годнымъ.

— Прошу васъ, Василій Иванычъ. Этимъ шутить нечего. Вы—не одинъ...

И ея глаза досказали: подумайте о той, кто вами только и дышитъ.

Онъ послушался.

— Милая,—обратилась Калерія къ женщинѣ,—пока я обойду больныхъ, могутъ вотъ они погулять у васъ въ саду?

— Что же, пущай!.. Это можно.

— Я васъ здѣсь и найду, въ саду. Родной! ужъ вы не сердитесь!..

И легкой поступью она удалилась, ускоряя шагъ. Изъ воротъ она взяла немного вправо и черезъ три минуты уже поднялась къ колодцу, гдѣ стоялъ дворъ Вонифатьевыхъ. Теркинъ не отрывалъ отъ нея глазъ.

„А вдругъ какъ это эпидемія?“—спросилъ онъ и почувствовалъ такое стѣсненіе въ груди, такой страхъ за нее, что хоть бѣжать вдогонку.

— Проводить что ли васъ, баринъ, въ садъ?—спросила женщина.

— Спасибо! Не надо!

Онъ далъ ей двугривенный и пошелъ, оглядываясь на порядокъ, къ воротцамъ стараго помѣщичьяго сада по утоптанной дорожкѣ, пересѣкавшей луговину двора, вплоть до площадки передъ балконами.

Стѣсненіе въ груди не проходило. Стыдно ему стало и за себя: точно онъ баричъ какой, презрѣнный трусъ и нѣженка, неспособный войти ни въ какую крестьянскую бѣду. Неужели въ немъ не ослабло ненавистничество противъ мужиковъ, чувство мести за отца и за себя? Мри они или ихъ ребятишки—онъ пальцемъ не поведетъ.

Нѣтъ, онъ не такъ бездушенъ. Калерія не позволила ему пойти съ нею. Онъ сейчасъ же побѣжалъ бы туда, въ избу Вонифатьевыхъ, съ радостью сталъ бы все дѣлать, что нужно, даже обмывать грязныхъ дѣтей, прикладывать имъ припарки, давать лѣкарство. Не хотѣлъ онъ допытываться у себя самого, что̀ его сильнѣе тянетъ туда: она, желаніе показать ей свое мужество, или жалость къ мужицкимъ ребятишкамъ.

Голова у него кружилась. Въ аллеѣ, запущенной и тѣнистой, изъ кленовъ пополамъ съ липами и березами, онъ присѣлъ на деревянную скамью, въ самомъ концѣ, снялъ шляпу и отеръ влажный лобъ.

Страхъ за Калерію немного стихъ. Вѣдь она привыкла ко всему этому. За сколькими тяжелыми больными ходила тамъ, въ Петербургѣ. И тифъ и заразныя воспаленія... мало ли что!.. Да и знаетъ она, какія предосторожности принимать. Навѣрно, и въ ящикѣ у нея есть дезинфекція.

Онъ мысленно употребилъ это модное слово и значительно успокоился. Подъ двумя липами, въ прохладной тѣни, ему стало хорошо. Прямо передъ его глазами шла

аллея, а налѣво за деревьями начинался фруктовый садъ, тоже запущенный, когда-то переполненный перекрестными дорожками вишенъ, яблонь и грушъ, а въ незанятыхъ площадкахъ — грядами малины, крыжовника, смородины, клубники.

Его хозяйственное чувство проснулось. Всякія такія картины заброшенныхъ помѣстій приводили его въ особаго рода волненіе. Сейчасъ забирала его жалость. Къ помѣщикамъ-крѣпостникамъ онъ изъ дѣтства не вынесъ злобной памяти. Въ селѣ Кладенцѣ „господа“ не живали, народъ былъ оброчный; кромѣ рекрутчины, почти ни на чемъ и не сказывался произволъ вотчинной власти; всѣмъ орудовалъ міръ; да и родился онъ, когда все село перешло уже въ временно-обязанное состояніе. Не жалѣлъ онъ дворянъ за ихъ теперешнюю оскудѣлость, а жалѣлъ о прежнемъ привольѣ и порядкѣ заглохлыхъ барскихъ хозяйствъ. Къ „купчишкамъ“ — хищникамъ, разоряющимъ всѣ эти старыя родовыя гнѣзда, онъ еще менѣе благоволилъ. Даже и тѣхъ, кто умно и честно обращался съ землей и лѣсомъ, онъ не считалъ законными обладателями большихъ угодій. Нужды нѣтъ, что онъ самъ значился долго купцомъ и теперь имѣетъ званіе личнаго почетнаго гражданина: „купчиной“ онъ себя не считалъ, а признавалъ себя практикомъ изъ крестьянъ, „съ идеями“.

Фруктовый садъ потянулъ его по боковой, совсѣмъ заросшей дорожкѣ внизъ, къ самому концу, къ покосившемуся плетню на полъ-горѣ, круто спускавшейся къ рѣкѣ. Оттуда черезъ калитку онъ прошелъ въ цвѣтникъ, противъ террасы. И цвѣтника въ его теперешнемъ видѣ ему сдѣлалось жаль. Долгіе годы никто имъ не занимался. Кое-какіе загрубѣлые стволы георгинъ торчали на средней клумбѣ. Отъ качель удержались облупленные, когда-то розовые, столбы. На террасѣ одиноко стояли два-три соломенныхъ стула.

Дальше когда-то отгорожено было нѣсколько десятинъ подъ второй фруктовый садъ, съ теплицами, оранжереями, грунтовымъ сараемъ. Все это давно рухнуло и разнесено; только большія ямы и рвы показывали мѣста барскихъ заведеній.

Теркинъ долженъ былъ вскарабкаться на валъ, шедшій вдоль двора, чтобы попасть къ наружной террасѣ дома. Опять безпокойство за Калерію заползло въ него, и онъ, чтобы отогнать отъ себя тревогу, закурилъ, сѣлъ на

одномъ изъ выступовъ фальшиваго крыльца, поглядывая въ сторону воротъ и темнѣющихъ вдали избъ деревенскаго порядка.

XVIII.

Бѣлый головной уборъ мелькнулъ на солнцѣ. Теркинъ поднялся и быстро пошелъ къ воротамъ. Онъ узналъ Калерію.

Она тоже спѣшила къ дому, но его еще не примѣтила изъ-за частокола.

— Ну, что?—запыхавшись спросилъ онъ по ту сторону воротъ.

— Не хорошо, Василій Иванычъ.

— Эпидемія?

Глаза ея тревожно мигали, дыханіе было отъ ходьбы прерывисто, щеки замѣтно поблѣднѣли.

— Жаба... и сильно забираетъ.

— Дифтеритъ?

Слово вылетѣло у него порывисто. Она еще усиленнѣе замигала. Видно было, что она не хочетъ ни лгать, ни смущать его.

— Одинъ мальчикъ до завтра не доживетъ,—выговорила она строго, и голосъ ея зазвучалъ низко, дѣтскія ноты исчезли. Блеснула слезинка.

— Значитъ, дифтеритъ?

— Я только у этихъ Вонифатьевыхъ побывала. Тамъ еще дѣвочка... вся въ жару. Горло захвачено, ноги разбиты. А мнѣ сказывали, что еще въ трехъ дворахъ...

— Но развѣ вы справитесь? Вѣдь надо же дать знать по начальству.

— Я и не ожидала такой неурядицы. Какъ заброшенъ у насъ народъ! Сотскаго нѣтъ — уѣхалъ далеко, на всю недѣлю; десятскаго—и того не добилась. Одни говорятъ—пьянъ, другіе—поѣхалъ въ посадъ, сѣно повезъ на завтрашній базаръ. Урядникъ стоитъ за двадцать-три версты. Послать некого... да онъ и не пріѣдетъ: у нихъ теперь идетъ выколачиваніе недоимокъ.

— А земскій врачъ?

— Въ какомъ-то селѣ,—я забыла, какъ называется, тысячи двѣ душъ тамъ, на самой Волгѣ,—тоже открылось повѣтріе, — она не хотѣла сказать: „эпидемія“, — и еще сильнѣе забираетъ.

— Такое же?

— Сколько я поняла, что говорили бабы, тоже на дѣтей.

— Какъ же быть? Да вы присядьте... Умаялись... Вотъ хоть на эти бревна.

Они оба присѣли. Она правой ладонью руки провела по своимъ волосамъ, выбившимся изъ-за бѣлаго ободка ея чепца.

— Знаете что, голубчикъ Василій Иванычъ: бабы ничего не умѣютъ. Пойдемъ къ той женщинѣ... вонъ у людской, которая насъ встрѣтила. Она теперь свободна. Я ей заплачу.

— Забоится, не захочетъ.

— Попробуемъ.

— Хотите, я схожу?

— Нѣтъ, я сама.

Ей не сидѣлось. Они пошли къ домику. Теркинъ палкой постучалъ въ угловое окно и поднялся вмѣстѣ съ Калеріей на крылечко.

Вышла женщина. Калерія объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Хорошія деньги можешь заработать, — прибавилъ Теркинъ.

— Чего Боже сохрани—еще схватишь. Жаба, слышь. У Комаровыхъ мальчонку ужъ свезли на погостъ, третьегось.

— У тебя, матушка, дѣти что ли есть?

— Какъ же, сударь, двое. Я и то ихъ на порядокъ-то не пущаю.

— Десять рублей получишь.

Женщина вскинула рѣсницами и поглядѣла въ бокъ. Посулъ десяти рублей подѣйствовалъ.

— Вы послушайте, — начала Калерія, — васъ я не заставлю цѣлый день около больныхъ дѣтей быть. Лѣкарство снести, передать кому что надо.

— Нѣтъ, сударыня, ослобоните. До грѣха не далеко. Мнѣ свои дѣти дороже.

Она рѣшительно отказалась.

— Ахъ, Боже мой!

Калерія громкимъ вздохомъ перевела дыханіе.

— Пойдемте, Василій Иванычъ... надо же какъ-нибудь.

У воротъ она его остановила.

— Я здѣсь, во всякомъ случаѣ, останусь.

— Какъ, ночевать?

— Ежели не управлюсь... А вы, пожалуйста, меня не

ждите. Сима ужъ навѣрно пріѣхала, безпокоится. Пожалуйста!

— Оставить васъ здѣсь? Это невозможно!

— Полноте! Меня не съѣдятъ.

— По крайней мѣрѣ, мы за вами экипажъ пришлемъ.

— Не нужно!.. Меня кто-нибудь проводитъ. Да я и не заплутаюсь.

— Это невозможно! — почти крикнулъ онъ и покраснѣлъ. — Лѣсомъ чуть не три версты. Я сейчасъ же пришлю, лошадь другую запрягутъ.

— Не важно это, голубчикъ Василій Иванычъ; главное дѣло—дать знать начальству или изъ посада добыть доктора.

— И это сдѣлаемъ!.. Самъ завтра чѣмъ свѣтъ поѣду. Сегодня... туда не угодишь. Теперь ужъ около семи.

— Да есть ли тамъ докторъ?

— Есть. Кажется, цѣлыхъ три; одинъ изъ нихъ и долженъ быть земскій.

— Онъ вѣдь въ томъ селѣ. Остальные не поѣдутъ, пожалуй.

— Настоимъ! Вы-то пожалѣйте себя. Не вздумайте ночевать здѣсь!.. Обѣщайте, что пріѣдете сегодня, ну, хоть къ десяти часамъ.

Онъ держалъ ее за обѣ руки и чувствовалъ во всемъ ея тѣлѣ примѣтное трепетаніе. Съ этимъ трепетомъ и въ его душу проникла нѣжность и умиленное чувство преклоненія. Ничего такого ни одна женщина еще не вызывала въ немъ.

— Родная вы моя!—страстнымъ шопотомъ выговорилъ онъ и съ трудомъ выпустилъ ея руки изъ своихъ.

— Такъ я пойду!.. Въ другіе дворы нужно... Идите, голубчикъ, и не безпокойтесь вы обо мнѣ... Симы тоже не напугайте.

Почти бѣгомъ пересѣкла она луговину по направленію къ колодцу и избѣ Вонифатьевыхъ.

Теркинымъ снова овладѣло возбужденіе, гдѣ тревога за Калерію покрывала всѣ другія чувства. Онъ пошелъ скорымъ шагомъ и въ какихъ-нибудь сорокъ минутъ былъ уже по ту сторону лѣса, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дачи.

Зрѣніе у него было чрезвычайно острое. Онъ искалъ глазами, нѣтъ ли Серафимы на террасѣ... Женской фигуры онъ не замѣчалъ. На дворѣ—никого. Сарай раство-

ренъ. Значитъ, барыню привезли уже изъ посада, и кучеръ проваживаетъ лошадей.

Онъ встрѣтилъ его. Тотъ ему пересѣкъ дорогу слѣва: велъ сѣраго подъ-уздцы. Другую лошадь можно сейчасъ же заложить; она больше сутокъ отдыхала.

— Привезъ барыню?—крикнулъ ему Теркинъ.

Кучеръ остановилъ лошадь.

— Только что угодили, Василій Иванычъ. Дюже упарились.

Сѣрый былъ весь въ мылѣ.

— Что жъ ты такъ?

— Да Серафима Ефимовна все погоняли.

— Проваживать отдай Чурилину, онъ справится; а самъ заложи Мальчика и съѣзди сейчасъ же за Калеріей Порфирьевной въ Мироновку. Ты обѣдалъ въ посадѣ?

— Въ харчевушкѣ перекусилъ.

— Ну, поужинаешь позднѣе. Пожалуйста, другъ!

Теркинъ потрепалъ его по плечу. Кучеръ улыбнулся. Вся прислуга его любила.

— А въ Мироновкѣ-то, Василій Иванычъ, гдѣ барышню-то спросить?

— На порядкѣ тебѣ укажутъ. Она по больнымъ ходитъ.

— Слушаю-съ.

Только саженъ за пять, у крыльца, Теркинъ спросилъ себя: какъ онъ отвѣтитъ, если Серафима будетъ допытываться, что̀ за болѣзнь въ Мироновкѣ.

„Скажу просто—жаба".

Но онъ чего-то еще боялся. Онъ предвидѣлъ, что Серафима не уймется и будетъ говорить о Калеріи въ невыносимо пошломъ тонѣ.

И опять произойдетъ вспышка.

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ у карлика, сидѣвшаго на крыльцѣ.

— Онѣ въ гостиной.

Оттуда доносились чуть слышно заглушенные педалью звуки той же самой унылой мелодіи тринадцатаго ноктюрна Фильда.

„Тоскуетъ и мается",—подумалъ онъ безъ жалости къ ней, безъ позыва вбѣжать, взять ее за голову, расцѣловать. Ея страданія были вздорны и себялюбивы, вся ея внутренняя жизнь ничтожна и плоскодонна рядомъ съ

тѣмъ, что̀ владѣетъ душой дѣвушки, оставшейся тамъ, на порядкѣ деревни Мироновки, рискуя заразиться.

Дверь была затворена изъ передней. Онъ отворилъ ее тихо и вошелъ, осторожно ступая.

— Это ты?

Серафима продолжала играть, только оглянулась на него.

Онъ прошелъ къ двери на террасу. Тамъ приготовленъ былъ чай.

— Хочешь чаю? — спросила она его, не поворачивая головы.

— Выпью!..

На террасѣ онъ сейчасъ же сѣлъ. Утомленіе отъ быстрой ходьбы отняло половину безпокойства за то: какой разговоръ можетъ выйти между ними. Онъ не желалъ разспрашивать, гдѣ она побывала въ посадѣ, у кого обѣдала. Тамъ и трактира порядочнаго нѣтъ. Развѣ изъ пароходскихъ у кого-нибудь... Такъ она ни съ кѣмъ почти незнакома.

Звуки піанино смолкли. Серафима показалась на порогѣ.

— Ходили въ Мироновку?—спросила она точно совсѣмъ не своимъ голосомъ, очень твердо и спокойно.

— Да... Калерія Порфирьевна тамъ осталась... больныхъ дѣтей осмотрѣть.

— Что жъ? Переночуетъ тамъ?

Этотъ вопросъ Серафима сдѣлала уже за самоваромъ.

— За ней надо лошадь послать,—вымолвилъ Теркинъ также умышленно-спокойно.

Изъ-за самовара ему виденъ былъ профиль Серафимы. Блескъ въ глазахъ потухъ, даже губы казались блѣднѣе. Она разливала чай безъ выдающихъ ее вздрагиваній въ пальцахъ.

— Какая же это болѣзнь въ Мироновкѣ?

— Я самъ не входилъ. Жаба, кажется.

— Жаба, — повторила она и поглядѣла на него въ бокъ.—Дифтеритъ, что ли?

— Почему же сейчасъ и дифтеритъ? — возразилъ онъ и сталъ краснѣть.

Краска выступила у него не потому, что ему непріятно было скрывать правду, но онъ опять сталъ бояться за Калерію.

Въ гостиной заслышались шаги.

— Чурилинъ! Кто тамъ?—крикнулъ онъ.

Карликъ подбѣжалъ къ двери.

— Скажи, чтобы сейчасъ закладывали. Сію минуту!.. И ѣхали бы за барышней!

— Боишься,—начала Серафима, когда карликъ скрылся, — боишься за нее... Какъ бы она не заразилась?.. Ха-ха!

Хохотъ былъ странный. Она встала и вся какъ-то откинулась назадъ, потомъ стала щелкать пальцами.

„Истерика... Такъ и есть!"—подумалъ Теркинъ, и ему стало тошно, но не жаль ея.

Серафима пересилила себя. Истерику она презирала и смѣялась надъ нею.

Она прошлась по цвѣтнику нѣсколько разъ, опять вернулась къ столу и стала прихлебывать съ ложечки чай.

Молчаніе протянулось долгой-долгой паузой.

XIX.

— Послушай, Вася, — Серафима присѣла къ нему близко, — ты меня почему же не спросишь: зачѣмъ я ѣздила въ посадъ и что тамъ дѣлала цѣлый день? А?

— Разскажешь сама.

— Тебѣ это безразлично?

Голосъ ея вздрагивалъ. Зрачки опять заискрились. Губы поалѣли, и въ нихъ тоже чуялась дрожь; въ углахъ рта подергивало. И въ лицо ему вѣяло прерывистое дыханіе, какъ въ минуты самой возбужденной страстности.

— Не безразлично, а что жъ я буду приставать къ тебѣ... Ты и безъ того сама не своя.

— Сама не своя!—повторила Серафима, и ладонь руки ея упала на его колѣни.—Такъ я тебѣ разскажу, зачѣмъ я ѣздила... За снадобьями.

— За какими снадобьями?

Онъ повелъ плечами. Ея тонъ казался ему совершенно неумѣстнымъ, даже дикимъ.

— За какими? Аптекаря соблазняла: не дастъ ли онъ мнѣ чего-нибудь менѣе сквернаго, чѣмъ мышьякъ.

— Сима! Что ты?! Шутки твои я нахожу...

— А ты выслушай. Репримандовъ я не желаю, голубчикъ. Мышьякъ — мерзость. Хорошъ только для крысъ. Также и головки отъ спичекъ. Да нынче такихъ и не дѣлаютъ почти. Все шведскія пошли. Ну, хоть опіуму

побольше, или морфію, или хлоралу, если ціанъ-кали нельзя, или той... какъ бишь, синильной кислоты.

Ноздри ея начали замѣтно вздрагивать. Блескъ глазъ усиливался. Она показалась ему небывало хороша и страшна.

— Сима! Да перестань!..

Его физически рѣзало жуткое ощущеніе отъ ея голоса, словъ, лица.

— Не нравится тебѣ? Потерпи! Я долго томить не буду... Ну, ничего настоящаго я не добыла... Тебѣ, быть-можетъ, это и на руку?.. Кидалась даже къ москательщикамъ... Одинъ меня на смѣхъ поднялъ. Вообразила, что найду другое что̀... такое же дѣйствительное... У часовщика нашла... Самый дамскій инструментъ... Бульдогомъ прозывается.

— Револьверъ?

— А то какъ бы ты думалъ? Тридцать рублей предлагала. Онъ бы и отдалъ, да патроновъ у него нѣтъ. „И нигдѣ здѣсь не достанешь“, говоритъ. Если и найдутся пистолеты, такъ другого калибра. Не судьба! Ничего не подѣлаешь!.. Измаялась я: кучера отпустила въ харчевню, а сама съ утра не пивши, не ѣвши. Забрела на набережную, сѣла на траву и гляжу на воду. Все она — Волга, твоя любимая рѣка. Чего же еще проще? Къ чему тутъ отрава или револьверъ? Взяла лодку или по плотамъ подальше пробралась—бултыхъ!—и все кончено! Чего лучше, чего дешевле?..

Онъ не прерывалъ ея. Тонъ ея дѣлался проще. Было что-то въ ея разсказѣ и чудно̀е, и наводившее на него родъ нервнаго усыпленія, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда ему долго стригли волосы.

— А вышло по-другому... Рѣка-то меня и повернула вспять. Отравляться? Топиться?.. Изъ-за чего? Изъ-за того, что мужчины всѣ до одного предатели и вмѣсто любви знаютъ только игру въ любовь, рисовку свою поганую, да чванство, да новизну: сегодня одна, завтра другая! Нѣтъ! Это мы великосвѣтскимъ барынямъ да шальнымъ дѣвчонкамъ предоставимъ!

Серафима усиленно перевела дыханіе.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ, Вася!.. Вотъ черезъ что я перешла, пока вы съ Калеріей Порфирьевной подъ ручку по добрымъ дѣламъ отправлялись. Можетъ, и миловались въ лѣсу,—мнѣ все равно! Слышишь, все равно!

Она сидѣла противъ него все такъ же близко. Теркинъ вышелъ изъ своего полузабытья.

— Если ты серьезно... не дурачишься, Сима...

— Ради Бога, безъ нравоученій!.. Видишь, я, не желая того, ловушку тебѣ устроила! — углы ея рта стало опять подергивать. — Небось ты распозналъ съ первыхъ словъ, что я не побасенки разсказываю, а настоящее дѣло. И что же? Хоть бы слово одно у тебя вырвалось... Одно, единственное!.. Вася!.. Насъ теперь никто не видитъ и не слышитъ. Неужли нѣтъ въ тебѣ настолько совѣсти, чтобы сказать: Серафима, я тебя бросить собираюсь!..

— Кто тебѣ это сказалъ? — вскрикнулъ онъ и оттолкнулъ ее движеніемъ руки.

— Я тебѣ это говорю! Не то что ужъ любви въ тебѣ нѣтъ... Жалости простой! Да я и не хочу, чтобы меня жалѣли... И бояться нечего за меня: смерти больше искать не стану... Помраченье прошло!.. Всѣ, всѣ предатели!

Хохотъ вырвался изъ горла, уже сдавленнаго новымъ приступомъ истерики.

Серафима вскочила и побѣжала черезъ цвѣтникъ въ лѣсъ. Теркинъ не бросился за ней, махнулъ рукой и остался на террасѣ.

Онъ не захотѣлъ догнать ее, обнять или стать на колѣни, тронуть и разубѣдить. Какъ параличомъ поражена была его воля. Онъ не могъ и негодовать, накидываться на нее, осыпать ее выговорами и окриками. За что? За ея безумную любовь? Но всякая любовь способна на безумство... Ему слѣдовало пойти за ней, остановиться и повиниться въ томъ, что онъ не любитъ ея такъ, какъ она его. Развѣ она не увидала этого раньше, чѣмъ онъ самъ?

Въ лѣсу уже стемнѣло. Серафима сразу очутилась у двухъ сосенъ съ сидѣньемъ и пошла дальше, вглубь. Она не ждала за собою погони. Ея „Вася“ погибъ для нея безповоротно. Не хотѣла она ставить ловушку, но такъ вышло. Онъ выдалъ себя. Та — святоша — владѣетъ имъ.

Разсказала она ему про свои поиски яда и пистолета, но про одно умолчала: у заѣзжаго армянина, торгующаго бирюзой, золотыми вещами и кавказскимъ серебромъ, она нашла кинжалъ съ костяной рукояткой, въ родѣ охот-

ничьяго ножа, даже спросила: отточенъ ли онъ. Онъ былъ отточенъ. О себѣ ли одной думала она, когда платила деньги за этотъ ножъ?..

Теперь въ темнотѣ лѣса, куда она все уходила уже задержанной, колеблющейся поступью, она не побоится заглянуть себѣ въ душу...

Ее гложетъ ненависть къ Калеріи, такая, что какъ только она вспомнитъ ея лицо или бѣлый чепчикъ и пелеринку,—дрожь пойдетъ у нея отъ груди къ ногамъ и къ рукамъ, и кулаки сжимаются сами собою. Нельзя имъ больше жить подъ одной крышей. А теперь Калерія, съ этимъ повѣтріемъ ребятъ въ Мироновкѣ, когда еще уѣдетъ? Да и дифтеритъ не приберетъ ея: сперва она ихъ обоихъ заразитъ, принесетъ съ собой на юбкахъ. Уберется она, наконецъ,—все равно, его потянетъ за ней, онъ будетъ участвовать въ ея святошескихъ занятіяхъ. Она все равно утащитъ съ собою его сердце!

„Предатели, предатели!“—шептали запекшіяся отъ внутренняго жара губы Серафимы, и она все дальше уходила въ лѣсъ.

Совсѣмъ стало темно. Серафима натыкалась на пни, въ лицо ей хлестали сухія вѣтви высокихъ кустовъ, кололи ее иглы хвои, она даже не отмахивалась. Въ срединѣ груди ныло, въ сердцѣ нестерпимо жгло, ноги стали подкашиваться. Гдѣ-то на маленькой лужайкѣ она упала какъ снопъ на толстый пластъ хвои, ничкомъ, схватила голову въ руки отчаяннымъ жестомъ и зарыдала, почти завыла. Ее всю трясло въ конвульсіяхъ.

Ни просвѣта, ни опоры, ни въ себѣ, ни подъ собою,—вотъ что заглодало ее, точно предсмертная агонія, когда она послѣ припадка лежала уже на боку у той же сосны и смотрѣла въ чащу лѣса, засинѣвшаго отъ густыхъ сумерекъ. Никакой опоры! Отрывками, въ видѣ очень свѣжихъ воспоминаній годовъ ученья и дѣвичества, уходила она въ свое прошлое. Неужли въ немъ не было ничего завѣтнаго, никакой вѣры, ничего такого, что утишило бы эту бѣшеную злобу и обиду, близкую къ помраченію всего ея существа? Вѣдь ее воспитали и холили; мать души въ ней не чаяла; въ гимназіи всѣ баловали; училась она бойко, книжки читала, въ шестомъ классѣ даже къ ссыльнымъ ходила, тянуло ее во что-нибудь, гдѣ можно голову свою сложить за идею. Но это промелькнуло... Пересилила суетность, купила себѣ мужа—и въ три года образовалась

„пустушка“. Какъ мотылекъ на огонь, ринулась она на страсть. Все положила въ нее... Все! Да что же все-то? Весь пылъ, неутолимую жажду ласки и глупую бабью вѣру въ вѣчность обожанія своего Васи, въ его преклоненіе передъ нею...

И черезъ годъ—вотъ она, какъ звѣрь, воетъ и бьется, готова кидаться какъ бѣсноватая и кусать всѣхъ, душить, рѣзать, жечь.

— Царица небесная! Смилуйся!

Она приподнялась и, сидя на землѣ, опустила голову въ ладони. Нѣтъ, это обмолвка! Вѣры въ ней нѣтъ никакой: ни раскольничьей, ни православной, ни нѣмецкой, ни польской, ни другой какой нынѣшней: толстовской или пашковской... Съ тѣхъ поръ какъ она замужемъ, и въ эти два послѣднихъ года, когда она только жила въ Васю, ни разу, даже у гроба отца своего, она не подумала о Богѣ, о томъ, кто насъ поставилъ на землю, и должны ли мы искать правды и свѣта. Никто вокругъ нея не жилъ въ душу, въ мысль, въ подвигъ, въ милосердіе. Только мать обратилась опять къ божественному; но для нея это—изувѣрство, и смѣшное изувѣрство. Мѣшочекъ съ сухарями, лѣстовки да поклоны съ буханьемъ головы по тысячѣ разъ въ день, да угощеніе пьяныхъ поповъ-разстригъ. Дѣтей нѣтъ, дѣла никакого, народа она не жалѣетъ, теперешняго общества ни въ грошъ не ставитъ, достаточно присмотрѣлась къ его безпутству и пустотѣ...

Что возвратитъ ей любовника? Какое приворотное зелье? Тумана страсти ни на одинъ мигъ не прорвало сознаніе, что въ немъ, въ ея Васѣ, происходитъ броженіе души, и надо его привлекать не однѣми плотскими чарами.

Опять мелькнули въ ея мозгу прозрачное лицо Калеріи и взглядъ ея кроткихъ улыбающихся глазъ. Злоба сдавила горло. Она начала метаться, упавъ навзничь, и разметала руки. Уничтожить разлучницу—вотъ что заколыхало Серафиму и забило ей въ виски молотками.

И когда яростное напряженіе души схватилось за этотъ исходъ, Серафима почувствовала, какъ вдругъ всю ее точно сжало въ комокъ, и она застыла въ сладострастьи кровавой расплаты.

XX.

Стукъ въ дверь разбудилъ Теркина.

Онъ обернулся на окно, завѣшенное шторой. Ему было

невдомёкъ, сколько онъ спалъ; врядъ ли больше двухъ-трехъ часовъ.

— Василій Иванычъ! Батюшка! — послышался дѣтскій шопотъ за дверью.

Говорилъ Чурилинъ.

— Что тебѣ? Войди!

Карликъ въ темнотѣ вкатился—и прямо къ постели.

— Батюшка! Пожалуйте поскорѣе! Страсти какія!

— Пожаръ?

— Барыня, Серафима Ефимовна... онѣ сторожатъ... притаились... что-то съ барышней хотятъ сдѣлать... Кинжалъ я у нихъ видѣлъ...

— Что ты городишь!

Но Теркинъ уже вскочилъ и сейчасъ все вспомнилъ. Легъ онъ, дождавшись Калеріи, въ большомъ волненіи. Она его успокоила, сказала, что мальчикъ еще живъ, а остальныя дѣти съ слабыми формами повѣтрія. Серафима прошла прямо къ себѣ изъ лѣсу. Онъ ее не сталъ ждать и ушелъ наверхъ, и какъ только раздѣлся, такъ и заснулъ крѣпко. Не хотѣлъ онъ новыхъ сценъ и рѣшилъ утромъ рано уѣхать въ посадъ, искать доктора и побывать у мѣстныхъ властей.

— Пожалуйте, пожалуйте!—понукалъ его карликъ.

Теркинъ зажегъ свѣчу и надѣлъ халатъ прямо на ночное бѣлье.

— Говори толкомъ!—грозно крикнулъ онъ.

Чурилинъ, съ блѣднымъ лицомъ и влажнымъ лбомъ, заикаясь, заговорилъ опять шопотомъ:

— Прокрадутся къ барышнѣ, вѣрьте слову... Я васъ и барышню жалѣючи, Василій Иванычъ. Тутъ душегубство будетъ... Пожалуйте, батюшка!

И онъ дергалъ своей ручкой за полы халата, но въ глазахъ его, кромѣ испуга, была твердость воли—захватить покушеніе и уличить Серафиму. Онъ ея не выносилъ и постоянно за ней подглядывалъ.

— Свѣти!—приказалъ ему Теркинъ.

Карликъ покатился впередъ, держа свѣчу. Онъ былъ босикомъ, въ ночныхъ панталонахъ и въ цвѣтной рубашкѣ съ косымъ воротомъ. И Теркинъ въ туфляхъ шагалъ черезъ ступеньку.

— Потише, потише!—пустилъ дѣтскимъ шопотомъ Чурилинъ.

Только что они спустились на площадку, какъ изъ

угловой комнатки, гдѣ спала Калерія, долетѣлъ испуганный возгласъ, а потомъ сдавленный крикъ.

Теркинъ выхватилъ у карлика подсвѣчникъ и побѣжалъ туда. Чурилинъ за нимъ.

У двери, оставшейся не запертой, Теркинъ быстро поставилъ подсвѣчникъ на комодъ и кинулся къ постели; захваченный чувствомъ большой опасности, онъ сразу не могъ разглядѣть въ полутемнотѣ, что тутъ происходитъ.

Новый крикъ,—онъ узналъ голосъ Калеріи,—заставилъ его наброситься на Серафиму, схватить ее сзади за плечи и стремительно отбросить назадъ.

— Такъ ты вотъ какъ!—глухо крикнулъ онъ.

На кровати Калерія въ ночной кофтѣ, съ распущенными волосами, откинулась къ стѣнѣ, спустила ноги и схватилась одной рукой за лѣвое плечо. На бѣльѣ выступила кровь. Она уже не стонала и только другой рукой силилась прикрыться одѣяломъ.

Серафима вырывалась отъ Теркина — на ней былъ пеньюаръ—и правой рукой какъ будто силилась нанести ударъ по направленію къ Калеріи. Вся она дрожала, изъ горла выходилъ хрипъ. Зрачками она тихо поводила, грудь колыхалась, спутанные волосы покрывали лобъ.

— Пусти! Пусти!.. — крикнула она, яростно рванулась какъ разъ къ кровати и упала на одно колѣно.

Карликъ подбѣжалъ къ ней съ другой стороны, схватилъ за свободную руку и повисъ на ней. Теркинъ сталъ выхватывать у Серафимы кинжалъ, вырвалъ съ усиліемъ и поранилъ себя въ промежуткѣ между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Василій Иванычъ! Родной!.. За меня!.. Господи!

Калерія вскочила, забывъ про босыя ноги, и мимо Серафимы бросилась къ Теркину.

Онъ успѣлъ уже нагнуться къ Серафимѣ, схватилъ ее въ охапку, пронесъ къ ней въ спальню, куда уже прибѣжала сонная горничная, почти бросилъ на постель, крикнулъ Степанидѣ: „Ступай отсюда!“ — вытолкалъ ее и заперъ дверь на ключъ.

— Батюшка!.. Баринъ!.. Онѣ на себя руки наложатъ!— вся уже въ слезахъ взмолилась Степанида.

— Не наложитъ! Небось! — гнѣвно и жестко крикнулъ онъ. — Только слышишь, — и онъ грозно поглядѣлъ на нее,— ни гу-гу! Боже тебя сохрани болтать!

Къ Калеріи онъ бросился назадъ, уже совсѣмъ овла-

дѣвъ собою, какъ всегда, въ минуты настоящей опасности.

— Голубчикъ! — встрѣтила она его умоляющимъ тономъ,—ради Создателя, не бойтесь вы за меня и не гнѣвайтесь на нее. Ничего! Чистые пустяки! Видите, я сама могла перевязать.

Она уже сидѣла въ постели, и Чурилинъ держалъ передъ ней ея ящичекъ, откуда она уже достала корпію и бинтъ и обматывала себѣ плечо, подмышку. Одинъ рукавъ кофты она спустила, и въ первыя минуты присутствіе Теркина не стѣсняло ея; потомъ она взглянула на него съ краской на щекахъ и выговорила потише:

— На минуточку... пошлите мнѣ Степаниду... Или нѣтъ, я сама...

— А его вамъ оставить? — спросилъ Теркинъ, указавъ головой на карлика.—Я выйду.

— Онъ—ничего!..

Она даже усмѣхнулась, и въ глазахъ у нея не было уже ни страха, ни даже безпокойства.

Теркинъ вышелъ въ коридорчикъ.

— Бьются онѣ тамъ,—доложила ему шопотомъ Степанида, все еще въ слезахъ.— Позвольте, баринъ, хоть воды... спирту...

Изъ спальни раздавался истерическій хохотъ Серафимы.

— Ничего! Пройдетъ! — такъ же жестко выговорилъ онъ, и тутъ только вспомнилъ, что надо припрятать кинжалъ, брошенный на полъ.

„Вещественное доказательство“,—подумалъ онъ, вышелъ на заднее крыльцо и присѣлъ на ступеньку.

Ночь пахнула ему въ лицо свѣжестью.

Онъ уже не боялся больше за Калерію и ни чуточки не жалѣлъ Серафимы. Его нисколько не трогало то, что эта женщина пришла въ такое безумство, что покусилась на убійство изъ нестерпимой ревности, изъ обожанія къ нему.

„Распуста!—выговорилъ онъ про себя то самое слово, которое выплыло у него въ лѣсу, когда онъ тамъ, дорогой въ Мироновку, впервые опредѣлилъ Серафиму.—Злоба какая звѣрская! — толпились въ немъ мысленно приговоры. — Хоть бы одна человѣческая черта... Никакой сдержки! Да и откуда?.. Ни Бога, ни правды въ сердцѣ! Ничего, кромѣ своей воли да бабьей похоти!“

Ему какъ будто стало пріятно, что вотъ она теперь въ

его рукахъ. Хочетъ—выдастъ ее судебной власти... Бо́льшаго она не заслуживаетъ.

Это проскользнуло только по дну души, и тотчасъ взяло верхъ болѣе великодушное чувство.

„Выпущу завтра—и ступай на всѣ четыре стороны. Дня не останусь съ нею! Калерію Порфирьевну я долженъ оградить первымъ дѣломъ".

И съ новой горечью и надеждой сталъ онъ думать о томъ, что безъ нея, безъ соблазна, пошедшаго отъ этой именно женщины, никогда бы онъ не замаралъ себя въ собственныхъ глазахъ участіемъ въ утайкѣ денегъ Калеріи и не пошелъ бы на такой неблаговидный заемъ.

„Подлость какая! — чуть не вскричалъ онъ вслухъ. — Ограбить дѣвушку, оскорблять ее заочно, ни за что, ни про что, ее возненавидѣть, да еще полѣзть рѣзать ей горло ножомъ сонной, у себя въ домѣ!.."

Тутъ только наплывъ нѣжной заботы къ Калеріи охватилъ его. Его умиленіе передъ этой дѣвушкой „не отъ міра сего" вызвало тихія слезы, и онъ ихъ не сдерживалъ.

— Баринъ!—раздался сзади возбужденный шопотъ Чурилина,—барышня васъ просятъ къ себѣ.

— Легли опять въ постель?

— Да-съ. И сами себя перевязали. Я диву дался...

Карликъ считалъ себя немножко и фельдшеромъ. Ловкость Калеріи привела его въ изумленіе.

Теркинъ перебѣжалъ коридорчикъ.

— Безцѣнная вы моя!

Онъ спустился на колѣни подлѣ кровати и прильнулъ губами къ кисти пораненной руки, лежавшей поверхъ одѣяла.

Калерія прислонилась къ подушкѣ и заговорила тихо, сдерживая слезы:

— Ради Создателя, Василій Иванычъ, простите вы ей! Это она въ безуміи. Истерика! Вы не знаете, вы — мужчина. Надо съ мое видѣть. Вѣдь она истеричка, это несомнѣнно... Прежде у нея этого не было. Нажила... Не оставляйте ее тамъ взаперти. Пошлите Степаниду... Я и сама бы... да это еще больше ее разстроитъ. Навѣрно съ ней галлюцинаціи бываютъ въ такихъ припадкахъ.

— Никакой тутъ болѣзни нѣтъ,—прервалъ онъ.—Просто злоба да... звѣрство!

— Голубчикъ! Она васъ до сумасшествія любитъ. Что жъ

это больше, скажите вы сами?.. Мнѣ такъ прискорбно.. Внесла сюда раздоръ... Я рада-радёхонька буду уѣхать хоть завтра... да мнѣ васъ обоихъ до смерти жалко. Помирить васъ я должна... Непремѣнно!

— Пускай она своей дорогой идетъ!

— Не берите грѣха на душу! Она — ваша подруга. Бракъ—великая тайна, Василій Иванычъ. Простите.

— И вы за кого просите! Не стоитъ она вашего мизинца!

— Подите къ ней, приласкайте... Вѣдь у меня чистый пустякъ... Завтра и боль-то вся пройдетъ... Я въ Мироновку на весь день уйду.

— Воля ваша,—выговорилъ онъ, все еще стоя у кровати,—не могу я къ ней идти... Горничную пущу. Больше не требуйте отъ меня... Ахъ вы!.. Вотъ передъ кѣмъ надо дни цѣлые на колѣняхъ стоять!

— Что вы, что вы!.. Голубчикъ!

Она махнула рукой и тотчасъ отъ боли чуть слышно заныла.

— Милая!.. Гоните меня!.. Почивайте!.. Вѣрьте,—слезы не позволили ему сразу выговорить, — вѣрьте... Василій Теркинъ до послѣдняго издыханія вашъ, вашъ... какъ вѣрный песъ!..

Онъ выбѣжалъ и крикнулъ въ коридорѣ:

— Степанида! Можете идти къ барынѣ. Ключъ въ дверяхъ.

XXI.

Ни одной минуты не смущала Теркина боязнь, какъ бы Серафима „не наложила на себя рукъ“. Онъ спалъ крѣпко, проснулся въ седьмомъ часу, и когда спросилъ себя: „какъ же съ ней теперь быть?“—на сердцѣ у него не дрогнуло жалости. Прощать ей онъ не хотѣлъ, именно *не хотѣлъ*, а не то, что не могъ... И жить онъ съ ней не будетъ, пускай себѣ ѣдетъ на всѣ четыре стороны.

Первая его забота была о Калеріи. Навѣрно, ее лихорадитъ. Испугъ, потрясеніе, да и рана все-таки есть, хотя и не опасная.

Тихо и поспѣшно онъ одѣлся, приказалъ заложить лошадь и, не спросивъ Степаниду, попавшуюся ему на заднемъ крыльцѣ, какъ почивала „барыня“, сейчасъ же послалъ ее узнать, встала ли Калерія Порфирьевна, не угодно ли ей чего-нибудь, и можетъ ли она принять его.

Серафима еще спала и проснулась не раньше восьми.

Въ комнату Калеріи, гдѣ шторы были уже подняты, онъ вошелъ на цыпочкахъ, затаивъ дыханіе. Сердце билось замѣтно для него самого.

— Какъ вы себя чувствуете?

Онъ остановился у двери. Калерія уже сидѣла около туалетнаго столика, одѣтая, немного блѣдная, но бодрая.

— Пустяки сущіе, Василій Иванычъ... А Сима почиваетъ?—спросила она шопотомъ.

— Кажется... Все-таки, — перебилъ онъ себя другимъ тономъ,—нельзя же безъ доктора.

— Для кого? Для нея?

— Для васъ, родная!

— Пожалуйста... Мнѣ можете вѣрить... Я не мало, чай, ранъ перевязывала! Это — просто царапина. Еще бы немножко іодоформу, если найдется.

Она встала, подошла къ нему и правой рукой — лѣвая была на перевязи—взяла его за руку.

— Въ Мироновку-то, голубчикъ, привезти кого... Ужъ я не знаю: не поѣхать ли мнѣ сначала въ посадъ?

— Съ какой стати? Что вы! — чуть не крикнулъ Теркинъ. — Я поѣду... сейчасъ же... Только въ ножки вамъ поклонюсь, голубушка,—онъ впервые такъ ее назвалъ,— не ѣздите вы сегодня въ Мироновку!

— Я пѣшкомъ пойду!

— Не позволю я вамъ этого!

— Да полноте, Василій Иванычъ, — выговорила она строже. — Я здорова! А тамъ мрутъ ребятишки. Право, пустите меня въ посадъ. Я бы туда слетала и въ Мироновку поспѣла...—Она понизила опять звукъ голоса.— Останьтесь при Симѣ. Какъ она еще будетъ себя чувствовать?

— Какъ знаетъ!

— Василій Иванычъ! Грѣхъ! Большой грѣхъ! Вѣдь она не вамъ хотѣла зло сдѣлать, а мнѣ

— Вы—святая!

— Съ полочки снята!..

Она тихонько усмѣхнулась.

— Я не могу за ней ухаживать, не могу! Это лицемѣріе будетъ,—съ усиліемъ выговорилъ Теркинъ и опустилъ голову.

— Знаете что... Прикажите меня довезти до Миронов-

ки, а сами побудьте здѣсь. Только, пожалуй, лошадь-то устанетъ... потомъ въ посадъ...

— Ничего не значитъ! Туда и назадъ десяти верстъ нѣтъ. У насъ вѣдь двѣ лошади!

— Я духомъ... Чаю мнѣ не хочется... Я только молока стаканъ выпью.

Ему вдругъ стало по-дѣтски весело. Онъ точно совсѣмъ забылъ, что̀ случилось ночью, и кто лежитъ тамъ, черезъ коридоръ.

— Въ посадѣ я мигомъ всѣхъ объѣзжу... Запишите мнѣ на бумажкѣ—что̀ купить въ аптекѣ и для себя и для больныхъ.

И тутъ опять страхъ за нее кольнулъ его.

— Калерія Порфирьевна,—онъ взялъ ее за здоровую руку,—не засиживайтесь вы тамъ... въ избахъ... Вѣдь это заразная болѣзнь.

— Дѣтская!

— Подумайте... сколько у васъ впереди добра... къ чему же такъ рисковать?

— Хорошо, хорошо!

— Ну, простите... Вамъ сюда подать молоко?

— Все равно!

И уходить ему не хотѣлось отъ нея.

Когда онъ очутился въ коридорчикѣ и увидалъ Чурилина, тревожно и преданно вскинувшаго на него круглые, огромные глаза свои, мысль о Серафимѣ отдалась въ немъ душевной тошнотой.

— Стаканъ молока и хлѣба подать барышнѣ, сію минуту!

Онъ приказалъ это строго, и карликъ понялъ, что ему слѣдуетъ „держать языкъ за зубами“ насчетъ вчерашняго.

Въ домѣ Теркину не сидѣлось. Онъ понукалъ кучера поскорѣе закладывать, потомъ узнавалъ, подаютъ ли Калеріи Порфирьевнѣ молоко; когда къ крыльцу подъѣхало тильбюри, онъ самъ пошелъ доложить ей объ этомъ и еще разъ просилъ, съ замѣтнымъ волненіемъ въ лицѣ, „быть осторожнѣе, не засиживаться въ избахъ“.

Калерія уѣхала и, садясь въ экипажъ, шепнула ему:

— Пожалѣйте ее, голубчикъ... Совѣтъ да любовь!

Любимая ея поговорка осталась у него въ ушахъ и раздражала его.

„Совѣтъ да любовь!—повторялъ онъ про себя.—Нешто это возможно?..“

Онъ уже не скрывалъ отъ себя правды. Любви въ немъ не было, даже просто жалости, какъ ему еще вчера сказала Серафима на террасѣ... Не хотѣлъ онъ и жалѣть... Вся его страсть казалась ему чѣмъ-то грубоплотскимъ.

„Всѣ такія—самки и больше ничего"...

И чего онъ ждалъ? Почему не уѣхалъ съ Калеріей? Зачѣмъ поддался ея просьбамъ?—Вѣдь онъ могъ бы домчать ее до деревни и сейчасъ же назадъ, и отправиться въ посадъ на той же лошади... Сегодня сильной жары не будетъ. Только бы ему не видѣться до вечера съ Серафимой.

Не хотѣлъ онъ этого не потому, что трусилъ ея. Чего ему ея трусить? Но онъ такъ сталъ далекъ отъ нея, что не найдетъ въ себѣ ни одного добраго слова, о какомъ просила его Калерія. Притворяться, великодушничать онъ не будетъ. Если бъ она и разливалась, ревѣла, кляла себя и просила пощады,—и тогда бы сердце его не раскрылось... Это онъ предчувствовалъ.

Степанида показалась передъ нимъ, когда онъ хотѣлъ подниматься наверхъ.

— Барыня васъ просятъ,—проговорила она шопотомъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ и тотчасъ не повернулъ назадъ, а взбѣжалъ къ себѣ, подошелъ къ зеркалу и поправилъ щеткой волосы.

Ему хотѣлось поглядѣть себѣ въ лицо — нѣтъ ли въ немъ явнаго разстройства. Онъ желалъ войти къ ней вполнѣ овладѣвъ собою. Лицо было серьезное, немного жесткое, безъ особенной блѣдности или румянца. Онъ остался имъ доволенъ и медленно спустился по ступенькамъ лѣсенки.

Серафима ходила по спальнѣ въ своемъ батистовомъ пеньюарѣ и съ фуляромъ на головѣ. Въ комнатѣ стоялъ дорожный сундукъ съ отомкнутой крышкой.

— Василій Иванычъ,—встрѣтила она его окликомъ, гдѣ онъ заслышалъ совсѣмъ ему незнакомые звуки,—вы меня вчера запереть хотѣли... какъ чумную собачонку... Что жъ! Вы можете и теперь это сдѣлать. Я въ вашихъ рукахъ. Извольте, коли угодно, посылать за урядникомъ, а то такъ ѣхать съ доносомъ къ судебному слѣдователю... Чего же со мной деликатничать? Произвела покушеніе на жизнь такого драгоцѣннаго существа, какъ предметъ вашего преклоненія...

Лицо ея за ночь пожелтѣло, глаза впали и медленно двигались въ орбитахъ. Она дышала ровно.

— Серафима Ефимовна, — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ и остался за кроватью, ближе къ двери, — все это лишнее, что́ вы сейчасъ сказали... Ваше безумное дѣло при васъ останется. Когда нѣтъ въ душѣ никакой задержки...

Однимъ скачкомъ она очутилась около него, и опять порывистое дыханіе—предвѣстникъ новой бури—пахнуло ему въ лицо.

— Безъ нравоученій!.. Я за тобой послала вотъ зачѣмъ: не хочу я дня оставаться здѣсь. Доноси на меня, вяжи, коли хочешь,—наши съ тобой счеты кончены...

И такъ же порывисто она подбѣжала къ столу, вынула изъ ящика пакетъ и бросила на столъ, гдѣ лежали разныя дамскія вещи.

— Вотъ калерькины деньги, не надо мнѣ... Сколько истрачено изъ нихъ — мы вмѣстѣ съ тобой тратили... И вексель твой тутъ же. Теперь тебѣ нечего выдавать документъ, можешь безпрепятственно пользоваться. Небось! Она съ тебя взыскивать не будетъ! Дѣло извѣстное, кто въ Альфонсы поступаетъ...

Онъ не далъ ей договорить, схватилъ за руку и, задыхаясь отъ внезапнаго наплыва гнѣва, отшвырнулъ отъ стола.

Еще одинъ мигъ—и онъ не совладалъ бы съ собою и сталъ бы душить ее: до такой степени пронизала его ярость.

— Подлая, подлая женщина!—съ трудомъ разѣвая ротъ, выговорилъ онъ и весь трясся.—Ты посмѣла?..

— Что́ посмѣла? Альфонсомъ тебя назвать?.. А то кто же ты?

— Ты же меня подтолкнула... И ты же!..

Онъ не находилъ словъ. Такая „тварь“ не заслуживала ничего, кромѣ самыхъ мужицкихъ побоевъ. И чего онъ деликатничалъ? Самъ не хотѣлъ рукъ марать? И этого она не оцѣнитъ.

— Ежели ты сейчасъ не замолчишь,—крикнулъ онъ,— я тебя заставлю!

Въ одно мгновеніе Серафима подставила свое лицо съ трепетными ноздрями прямо къ его лицу.

— Бей!.. Бей!.. Чего же ждать отъ тебя, мужицкаго подкидыша...

Она могла обозвать его однимъ изъ тѣхъ прозвищъ,

что бросали ему въ дѣтствѣ! Въ глазахъ у него помутилось... Но рука не поднялась. Ударить онъ не могъ. Эта женщина упала въ его глазахъ такъ низко, что чувство отвращенія покрыло все остальное.

— Рукъ о тебя марать... не стоитъ, — выговорилъ онъ то, что ему подумалось двѣ минуты передъ тѣмъ. — Не ты уходишь отъ меня, а я тебя гоню,—слышишь—гоню, и счастливъ твой Богъ, что я тебя дѣйствительно не передалъ въ руки прокурорской власти! Такихъ надо запирать, какъ бѣсноватыхъ!.. Чтобъ сегодня же духу твоего не было здѣсь!

Все это вылетѣло у него стремительно, и пять минутъ спустя онъ уже не помнилъ того, что сказалъ. Одно его смутно пугало: какъ бы не дойти опять до высшаго припадка гнѣва и такой же злобы, какая у нея была къ Калеріи, и не задушить ея руками тутъ же, среди бѣла дня.

Онъ вышелъ, шатаясь. Голова кружилась, въ груди была острая, колющая боль. И на воздухѣ,—онъ попалъ на крыльцо, — онъ долго не могъ отдышаться и притти въ себя.

XXII.

Въ господскихъ комнатахъ дачи все было безмолвно. Пятый день пошелъ, какъ Серафима уѣхала и взяла съ собою Степаниду. Ея вещи отвезли на подводѣ.

Со вчерашняго дня карликъ Чурилинъ поджидаетъ возвращенія „барина“. Теркинъ заночевалъ въ посадѣ и долженъ вернуться послѣ обѣда. „Барышня“ въ Мироновкѣ. Она тоже раньше вечера не угодитъ домой.

Чурилинъ теперь одинъ завѣдуетъ всѣмъ. Кухарка у себя на кухнѣ, въ особомъ флигелькѣ. Онъ даже и постель стелетъ Калеріи Порфирьевнѣ. Сегодня онъ стола не накрывалъ къ обѣду; къ шести часамъ онъ началъ все готовить къ чаю, съ холодной закуской, на террасѣ, безпрестанно переходя туда изъ буфета и обратно. Ему привольно. Нѣтъ надъ нимъ недружелюбнаго глаза Серафимы Ефимовны. Дождалась она того, что ее „спустили“. Онъ про себя перебираетъ все, что случилось на дачѣ, но не болтаетъ ни съ кѣмъ. Кухарка, должно-быть, провѣдала что-нибудь отъ Степаниды и начала его разспрашивать. Онъ на нее зарычалъ:

— Бабьи пересуды! Ничего я не знаю!.. И ты не судачь!

Кухарка, женщина простая и боязливая, стала его бояться. Онъ теперь первое лицо въ домѣ, и баринъ его любитъ.

Чурилинъ въ радостномъ возбужденіи такъ и катается по комнатамъ; потный лобъ у него блеститъ, и пылающія пухлыя щеки вздрагиваютъ.

Отъ душевнаго возбужденія онъ не устоялъ — вынилъ тайкомъ рюмку водки изъ барскаго буфета. Онъ это и прежде дѣлалъ, но въ глубокой тайнѣ... Своей „головы“ онъ самъ боялся. За нимъ водилось, когда онъ жилъ въ цырюльнѣ, „рѣдко да мѣтко“ заложить за галстукъ, и тогда нѣтъ его буйнѣе: на всѣхъ лѣзетъ, въ глазахъ у него все красное... На ножъ полѣзетъ, какъ ни что! И связать его не сразу удастся.

Онъ поставилъ на столъ бутылку съ хересомъ и графинчикъ водки, отошелъ отъ стола шага на два, полюбовался, какъ у него все хорошо стоитъ, и его потянуло выпить рюмку... Не поддался онъ искушенію... Нѣсколько разъ возвращался на террасу съ чѣмъ-нибудь... Но все уже приготовлено... Самоваръ поставленъ на крыльцѣ кухни.

— Подлость!—вслухъ выговорилъ Чурилинъ, зажмурилъ глаза и укатилъ съ балкона.

Василій Иванычъ его такъ „уважаетъ“ и полное ему довѣріе оказываетъ, а онъ будетъ водку воровски пить, да еще „нарѣжется“, когда теперь-то и слѣдуетъ ему „оправдать“ себя въ глазахъ такого чудеснаго барина.

Онъ привязался къ Теркину какъ собака. Прогони его сейчасъ—онъ не выдержитъ, запьетъ, можетъ, и руки на себя наложитъ. Всей душой стоялъ онъ за барина въ исторіи съ Серафимой Ефимовной. Кругомъ она виновата, и будь онъ самъ на мѣстѣ Василія Иваныча, онъ связалъ бы ее и выдалъ начальству... „Развѣ можно спущать такое дѣло бабѣ?“—спрашиваетъ онъ себя уже который разъ съ той ночи и отвѣчаетъ неизмѣнно:—„Спущать не слѣдуетъ“.

Вмѣсто того, чтобы повиниться и вымолить себѣ прощеніе, она — на-ко, поди! — начала какія „колѣна выкидывать“! И уѣхала-то „съ форсомъ“, къ Калеріи Порфирьевнѣ не пошла, не просила у нея прощенія, а та

разливалась-плакала,—онъ видѣлъ въ дверь, какъ та за нее же убивалась.

Онъ припряталъ кинжалъ, который баринъ вырвалъ въ ту минуту изъ рукъ Серафимы Ефимовны, и у него было такое чувство, точно онъ, именно онъ, Чурилинъ, имѣетъ противъ нея самую главную улику и можетъ всегда уличить ее. Баринъ про кинжалъ такъ и не спросилъ, а на лезвеѣ кровь запеклась, кровь барышни.

„Барышня“ наполняла его маленькое существо умиленіемъ. Онъ ее считалъ „угодницей“. Съ дѣтства онъ былъ очень богомоленъ и даже склоненъ къ старой вѣрѣ. Она для него была святѣе всякой „монашки“ или простой „черничи“.

Ему хотѣлось проникнуть въ то, что теперь происходитъ или можетъ произойти „промежъ“ Василія Иваныча и Калеріи Порфирьевны. За барина онъ ручался: къ своей недавней „сударкѣ“ онъ больше не вернется... Шалишь! Положимъ, она собою „краля“, да онъ къ ней охладѣлъ. Еще бы—послѣ такого съ ея стороны „невѣжества“. Этакая шалая баба и его какъ разъ зарѣжетъ. Удивительно, какъ еще она и на него самого не покусилась.

Чего бы лучше вотъ такую дѣвушку, какъ Калерія Порфирьевна, взять въ „супруги“?

Карликъ замѣчалъ, что у барина къ ней большое влеченіе. Отъ его дѣтскихъ круглыхъ глазъ не укрылось ни одно выраженіе лица Теркина, когда онъ говорилъ съ Калеріей, бралъ ея руку, встрѣчалъ и провожалъ ее... Только онъ не могъ отвѣтить за барина, какое влеченіе имѣетъ онъ къ ней: „по плоти“ или „по духу“.

Она сама Христовой невѣстой смотритъ, и не къ замужеству ее тянетъ. Однако, почему бы ей и не стоять предъ аналоемъ съ такимъ молодцомъ и душевнымъ человѣкомъ, какъ Василій Иванычъ? Если бъ онъ, Чурилинъ, могъ этому способствовать,—сейчасъ бы онъ ихъ окрутилъ, да не вокругъ „ракитова куста“, какъ было дѣло у барина съ Серафимой Ефимовной, а какъ слѣдуетъ въ законъ вступить.

Волновался онъ и насчетъ того, какъ барышня сама себя чувствуетъ и понимаетъ здѣсь, на дачѣ... Ей, должно-быть, жутко. Она вѣдь барину совсѣмъ чужая. Изъ-за нея случилось такое дѣло. И выходитъ, на посторонній взглядъ, точно она сама этого только дожидалась и желаетъ его

довести до точки, влюбить въ себя и госпожой Теркиной очутиться.

„Не таковская!“ — задорно повторялъ про себя Чурилинъ, и если бъ кто изъ прислуги, кухарка или кучеръ, сказали при немъ что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ драться полѣзетъ.

„Нѣтъ, не таковская!“ И ему пріятно было ручаться за нее, вѣрить, что Калерія Порфирьевна не чета той, „бѣсноватой“.

Но коли она не имѣетъ никакихъ видовъ на барина, здѣсь ей изъ-за чего же заживаться? Выходитъ не совсѣмъ какъ бы ладно. Она—дѣвушка посторонняя, а баринъ—молодой, да еще красивый мужчина. Ежели ее что удерживаетъ—такъ мироновскіе больные ребятишки и жалость къ Василію Иванычу. Не желаетъ она его оставить въ большомъ разстройствѣ. Въ Мироновкѣ двое, никакъ, умерло изъ ребятишекъ; поди, затянется... А она не таковская, чтобы бросить или испугаться. И все одна. Изъ посада докторъ пріѣзжалъ; однако, не остался тамъ ночевать, прислалъ фельдшера, да и тотъ,—Чурилинъ это слышалъ, какъ Калерія Порфирьевна сокрушалась,—норовитъ, какъ бы ему „стречка задать“.

За нее Чурилинъ почему-то не боялся, что она можетъ опасно заболѣть. Неужли Богъ допуститъ, чтобъ такая душа вдругъ „преставилась“—въ награду за ея христіанское поведеніе?..

Уѣдетъ Калерія Порфирьевна—и баринъ здѣсь дня не выживетъ, дачу сдастъ, все перевезетъ въ посадъ и пойдетъ кататься по Волгѣ; можетъ, и совсѣмъ переберется изъ этихъ краевъ...

Будетъ ли его брать съ собою или скажетъ:

„Чурилинъ, ты мнѣ, братъ, не нуженъ. Я теперь самъ бобылемъ сталъ: ищи себѣ другого барина!“

Внутри у карлика захолодѣло. Онъ кинется въ ноги Василію Иванычу,—пускай возьметъ, хоть безъ жалованья, только бы не гналъ его.

Незамѣтно для себя, его большая голова дошла до такого ужаснаго вывода. Неужели Серафимой Ефимовной и держалась вся здѣшняя жизнь и его служба, а барышня, при всей своей святости, принесла разгромъ?

Этотъ вопросъ захватилъ его врасплохъ, и такъ ему стало жутко—впору пробраться на балконъ и отхлебнуть изъ графинчика: авось, отойдетъ.

Но онъ воздержался во второй разъ и побѣжалъ въ кухню узнать, какъ самоваръ, раздула ли кухарка уголья, какъ слѣдуетъ; она—рохля, и у нея всегда самоваръ пахнетъ.

Только что онъ перебѣжалъ къ крылечку кухни, какъ со стороны параднаго крыльца заслышался негромкій шумъ экипажа.

Чурилинъ бросился туда встрѣчать барина. Это онъ особенно любилъ: тянулся къ крылу тильбюри, принималъ покупки, начиналъ громко сопѣть.

И баринъ, и кучеръ были оба въ пыли. Теркинъ прикрывался холщевой крылаткой. Лицо у него показалось Чурилину строже обыкновеннаго; но онъ спросилъ его довольно мягко:

— Барышня еще не воротилась?

Особенно звонко выпалилъ Чурилинъ:

— Никакъ нѣтъ, Василій Иванычъ.

Пакетовъ и коробокъ никакихъ не было.

Теркинъ спустился съ подножки и сказалъ кучеру.

— Хорошенько проводи!

О лошадяхъ онъ всегда заботился, и за эту черту Чурилинъ „уважалъ“ его, говаривалъ: „скоты милуетъ“, помня слова священнаго писанія.

— Умыться прикажете?—спросилъ онъ.

— Еще бы!

Онъ силился стянуть съ барина полотняный плащъ и побѣжалъ впередъ съ балкона. Ему хотѣлось сегодня усердствовать... Будь онъ посмѣлѣе, онъ вступилъ бы съ бариномъ въ разговоръ и постарался бы вывѣдать: почему у него видъ „смутный“.

Должно-быть, та „бѣсноватая“ что-нибудь натворила; пожалуй, скандалъ произвела?

Умывался Василій Иванычъ одинъ, но на этотъ разъ онъ допустилъ его до рукомойника, и Чурилину было такъ отрадно, стоя вровень со столикомъ, поливать ему голову.

— Такъ и къ обѣду не бывала Калерія Порфирьевна?—спросилъ Теркинъ, когда карликъ подавалъ ему полотенце.

— И къ обѣду не бывали.

— А какъ слышно: все забираетъ тамъ?

— Доподлинно не слыхалъ, Василій Иванычъ.

Онъ зналъ, что вчера еще умерла дѣвочка, но не хотѣлъ смущать барина.

— Ты не врешь?

— Ей-ей!

„Ложь во спасеніе!“—подумалъ Чурилинъ и доложилъ, что самоваръ готовъ.

XXIII.

Въ лицѣ Калеріи проступала сильная усталость. Теркинъ взглядывалъ на нее тревожно и боялся спросить, какъ „забираетъ“ въ Мироновкѣ.

Калерія выпила чашку, отставила и лѣниво выговорила:

— Совсѣмъ не хочется пить.

Голосъ у нея звучалъ гораздо ниже обыкновеннаго и съ легкой хрипотой.

— Ухòдите вы себя, голубушка, — порывисто выговорилъ онъ и еще тревожнѣе оглядѣлъ ее.

— Нѣтъ, сегодня у меня не особенно много было дѣла... Теперь лучше идетъ.

— Однако, сколько снесли на погостъ?

— Всего трое умерло... Вчера одна дѣвочка... Такъ жалко!

Она сдержала слезы и отвернулась.

— Обо мнѣ что̀...—начала она, мѣняя тонъ,— здѣсь у меня другое на душѣ.

— Объ насъ сокрушаетесь, небось? Такъ это напрасно! Чего разбирать, Калерія Порфирьевна? Никто ни въ чемъ не виноватъ! Каждый въ себѣ носитъ свою кару и свое оправданіе.

Съ отъѣзда Серафимы они еще ни разу не говорили объ „исторіи“. Теркинъ избѣгалъ такого объясненія, не хотѣлъ волновать ее, боялся и еще чего-то. Онъ долженъ былъ бы повиниться ей во всемъ, сказать, что съ пріѣзда ея охладѣлъ къ Серафимѣ. А если доведетъ себя еще до одного признанія? Какого? Онъ не могъ отвѣтить прямо. Съ каждымъ часомъ она ему дороже, — онъ это чувствовалъ... И говорить съ ней о Серафимѣ дѣлалось все противнѣе.

Серафима чуть не выгнала Калеріи, когда та пришла къ ней, вся въ слезахъ, со словами любви и прощенія... И его она въ первый день принималась нѣсколько разъ упрашивать за свою „злодѣйку“.

— Неужли такъ все у васъ и порвано?—спросила Калерія и поникла головой.

Ей замѣтно нездоровилось.

— Я готовъ исполнить что̀ нужно... позаботиться о судьбѣ ея.

— Эхъ, голубчикъ! Это на васъ не похоже. Вѣдь она не за деньги сошлась съ вами.

— Я этого не говорю!

— Бросите вы ее... она погибнетъ. Помяните мое слово.

— Что жъ мнѣ дѣлать?—почти крикнулъ онъ и всталъ со стула.—Я не могу напускать на себя того, чего нѣтъ во мнѣ. Ну, любилъ и привязался бы, быть-можетъ, на всю жизнь... На женитьбу пошелъ бы раньше. Но одной красоты мало, Калерія Порфирьевна. Вы говорите: она безъ меня погибнетъ! А я бы съ ней погибъ... Во мнѣ двѣ силы борются: одна хищная, другая душевная. Вамъ я какъ на духу покаюсь.

Онъ круто повернулся и опять подсѣлъ къ ней. Ему вдругъ стало легко и почти радостно отъ этихъ словъ. Потребность новой исповѣди передъ ней назрѣла. Ничего уже онъ не боялся, никакой обмолвки...

— Погибъ бы я съ ней! У Серафимы въ душѣ Бога нѣтъ!.. Я и самъ въ праведники не гожусь... Жилъ я вдалекѣ отъ помысловъ о божескомъ законѣ... На такихъ, какъ вы, мнѣ стыдно смотрѣть... Но во мнѣ, благодаря Создателю, нѣтъ закоренѣлости. И я почуялъ, что сожительство съ Серафимой окончательно превратило бы меня въ звѣря.

— Какъ вы жестоки къ ней!—тихо вырвалось у Калеріи.

— Нѣтъ, ей-ей, не жестокъ!.. И вѣрьте мнѣ, родная, я не хочу прикрывать такимъ приговоромъ собственную дрянность. Она кричала здѣсь: „всѣ мужчины — предатели!“ Въ томъ числѣ и я, первый... Что жъ... Ко мнѣ она прилѣпилась... Плотью или сердцемъ—это ея дѣло... Я не стану разбирать... Я ей былъ дороже, чѣмъ она мнѣ,—каюсь. И сталъ я распознавать это еще до пріѣзда вашего. На ярмаркѣ, въ Нижнемъ, встрѣтился я съ одной актрисой... когда-то ухаживалъ, былъ даже влюбленъ. Теперь она совсѣмъ свихнулась и вдобавокъ пьянчужка, по собственному сознанію, а съ ней у меня чуть не дошло...

Онъ остановился и покраснѣлъ. Это признаніе вылетѣло у него легко, но тотчасъ же испугало... Ему совѣстно было поднять глаза на Калерію.

— Вотъ видите, Василій Иванычъ... Вы повинились ли ей?

— Нѣтъ, скрылъ, и это скверно, знаю! Но тогда-то я

я догадался, что сердцемъ моимъ она уже не владѣетъ, не трогаетъ меня, нѣтъ въ ней чего-то особеннаго,—онъ чуть-было не обмолвился: „того, что́ въ васъ есть“.— Если бъ не ея ревность и не нашъ разрывъ, я бы жилъ съ ней, даже и въ законномъ бракѣ, безъ высшей душевной связи, и всякому моему хищничеству она стала бы поблажать. Васъ она всегда ненавидѣла, а здѣсь впервые почуяла, что ей нельзя съ вами тягаться.

— Въ чемъ, голубчикъ?

Щеки его запылали. Онъ смѣшался и могъ только выговорить:

— Ни въ чемъ нельзя... кромѣ чувственной прелести. А прелесть эта на меня уже не дѣйствовала.

Онъ смолкъ и глубоко перевелъ духъ. Калерія, блѣдная и съ поблеклымъ взглядомъ, вся сгорбилась и приложила ладонь къ головѣ: ей было не по себѣ — въ головѣ начиналась тяжесть и въ ребрахъ ныло; она перемогалась.

— Любовь все можетъ пересоздать, Василій Иванычъ... Какъ умѣла, она любила васъ... Пожалѣйте ее, Христа ради! Вѣдь она человѣкъ, а не звѣрь...

— Я ей простилъ... Да и какъ не простить, коли вы за нее такъ сокрушаетесь? Вы! Не меня она собралась со свѣту убрать, а васъ! Ея ни прощеніе, ни жалость не передѣлаетъ... Настоящая-то ея натура дала себя знать. Будь я воспитанъ въ строгомъ благочестіи, я бы скорѣе схиму на себя надѣлъ, даже и въ мои годы, но веригъ брачнаго сожительства съ нею не наложилъ бы на себя!

Теркинъ схватилъ ея руку,—она уже сняла съ нея перевязку,—и придержалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Калерія Порфирьевна! Нѣшто мнѣ не страшно было каяться вотъ сейчасъ? Вѣдь я себя показалъ вамъ безъ всякой прикрасы... Вы можете отшатнуться отъ меня... Это выше силъ моихъ: любви нѣтъ, вѣры нѣтъ въ душу той, съ кѣмъ судьба свела... Какъ же быть?... И меня пожалѣйте! Родная...

Губы его прильнули къ прозрачной рукѣ Калеріи. Рука была горячая и нервно вздрагивала.

— Не цѣлуйте!.. Голубчикъ! Василій Иванычъ... За что? Да и боюсь я...

— Чего?

— Отъ меня еще прикинется къ вамъ болѣзнь... Знаете...

сколько ни умывай руки... все есть опасность... Особенно тамъ, въ избахъ.

И, спохватившись, какъ бы не испугать его, она заговорила быстрѣе. Онъ замѣтилъ, какъ она коротко дышала.

— Скорблю я за васъ, милый вы мой Василій Иванычъ. Васъ я еще сильнѣе жалѣю, чѣмъ ее. То, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали,—чистѣйшая правда... Я вамъ вѣрю.. Господь васъ ведетъ къ другой жизни,—это для меня несомнѣнно... Вы меня ни за ханжу, ни за изувѣрку не считаете, я вижу. Во мнѣ съ дѣтства сидитъ вѣра въ то, что зря ничего не бываетъ! И это безуміе Серафимы можетъ обновить и ея, и вашу жизнь. Извѣстное дѣло... Любви два раза не добудешь... Но какой? Мятежной, чувственной вы уже послужили... Серафима еще больше вашего... Я объ одномъ прошу васъ: не чурайтесь ея какъ зачумленной; когда въ ней все перекипитъ, и она сама придетъ къ вамъ,—не гоните ея, дайте ей хоть кусочекъ души вашей...

Она хотѣла еще что-то сказать, отняла руку и опять прошлась ею по лбу.

— Нездоровится вамъ?—испуганно спросилъ Теркинъ.

— Устала... Нынче какъ-то особенно...

— Ухо̀дите вы себя! — почти со слезами вскричалъ онъ и, когда она поднялась съ соломеннаго кресла, взялъ ее подъ руку и повелъ къ гостиной.

— Василій Иванычъ!

Они остановились.

— Вы не бойтесь за меня! Не хорошо! Я по глазамъ вашимъ вижу—какъ вы тревожитесь!..

— Воля ваша! Въ Мироновку завтра васъ не пущу.

— Увидимъ, увидимъ! — съ улыбкой вымолвила она и на порогѣ террасы высвободила руку. — Вы думаете, я сейчасъ упаду отъ слабости... Завтра могу и отдохнуть... Тамъ, право, это... повѣтріе... слабѣетъ... Еще нѣсколько деньковъ—и пора мнѣ ѣхать.

— Ѣхать?—повторилъ Теркинъ.

— Какъ же иначе-то?.. Вѣдь нельзя же такъ оставить все. Серафима теперь у тетеньки... Какъ бы она меня тамъ ни встрѣтила, я туда поѣду... Зачѣмъ же я ее буду вводить въ новые грѣхи? Вы войдите ей въ душу. Въ ней страсть-то клокочетъ, быть-можетъ, еще сильнѣе. Что̀ она, первымъ дѣломъ, скажетъ матери своей: Калерія довела меня до преступленія и теперь живетъ себѣ

поживаетъ на дачѣ, добилась своего, выжила меня. Въ ея глазахъ я—змѣя подколодная.

Она чуть слышно разсмѣялась.

Будь это два года назадъ, Теркинъ, съ тогдашнимъ своимъ взглядомъ на женщинъ, принялъ бы такія слова за ловкій „подходъ".

Въ устахъ Калеріи они звучали для него самой глубокой искренностью.

— Безцѣнная вы моя! — вскричалъ онъ, поддаваясь новому наплыву нѣжности.—Какая намъ нужда?.. У насъ на душѣ какъ у младенцевъ!..

Говоря это, онъ почувствовалъ, какъ умиленное чувство неудержимо влечетъ его къ Калеріи. Руки протягивались къ ней... Какъ бы онъ схватилъ ее за голову и покрылъ поцѣлуями... Еще одно мгновеніе—и онъ прошепталъ бы ей: „Останься здѣсь!.. Ненаглядная моя!.. Тебя Богъ послалъ быть мнѣ подругой! Тебя я поведу къ алтарю!"

— Что это какая у меня глупая голова!..—прошептала вдругъ Калерія, и онъ долженъ былъ ее поддержать: она покачнулась и чуть не упала.

„Господи! Заразилась!" — съ ужасомъ вскричалъ онъ про себя, доведя ее до ея комнаты.

XXIV.

Передъ окномъ вагона сновала публика взадъ и впередъ — мастеровые, купцы, женщины, бѣдненько одѣтыя; старушки съ котомками, въ лаптяхъ, мужики-богомольцы.

Почему-то не давали третьяго звонка. Это былъ ранній утренній поѣздъ къ Троицѣ-Сергію.

Въ углу сидѣлъ Теркинъ и смотрѣлъ въ окно. Глаза его уходили куда-то, не останавливались на толпѣ. И на остальныхъ пассажировъ тѣсноватаго отдѣленія второго класса онъ не оглядывался. Всѣ мѣста были заняты. Раздавались жалобы на безпорядокъ, на то, что не хватило вагоновъ и больше десяти минутъ послѣ второго звонка поѣздъ не двигается.

Имъ владѣло чувство полнаго отрѣшенія отъ того, что дѣлалось вокругъ него. Онъ зналъ, куда ѣдетъ и гдѣ будетъ черезъ два, много два съ половиной часа; зналъ, что можетъ еще застать конецъ поздней обѣдни. Ему хотѣлось думать о своемъ богомольѣ, о мѣстахъ, мимо которыхъ проходитъ дорога — древній путь московскихъ царей; онъ жалѣлъ, что не пошелъ пѣшкомъ по Ярослав-

скому шоссе, съ котомкой и палкой. Можно было бы, если бъ выйти чѣмъ свѣтъ, въ двѣ-три упряжки, попасть позднимъ вечеромъ къ угоднику.

Вотъ пробѣжала молодая дѣвушка, на головѣ платочекъ, высокая, бѣлолицая, съ слабымъ румянцемъ на худощавыхъ щекахъ... И пелеринка ея простенькаго люстриноваго платья колыхалась по воздуху.

Ея ростъ и пелеринка—больше чѣмъ лицо—вытѣснили въ одинъ мигъ все, о чемъ онъ силился думать; въ груди заныло, въ мозгу зароились образы такъ недавно, почти на-дняхъ пережитаго.

И опять ушелъ онъ въ эти образы, не силился стряхнуть ихъ. Давно ли, съ недѣлю, не больше, тамъ, на дачѣ, онъ останавливалъ чтеніе псалтири, и глаза его не могли оторваться отъ лица покойницы... Вѣнчикъ покрываетъ ея лобъ... Въ гостиной безмолвно, и только восковыя свѣчи кое-когда потрескиваютъ. Она лежитъ въ гробу съ опущенными рѣсницами, съ печатью удивительной ясности, какъ будто даже улыбается.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ довелъ ее до ея комнаты, послѣ разговора о Серафимѣ, она заболѣла, и скоро ея не стало. Дѣлали операцію—прорѣзали горло—все равно задушило. Смерти она не ждала, кротко боролась съ нею, успокоивала его, что-то хотѣла сказать, должно-быть, о томъ, что сдѣлать съ ея капиталомъ... Держала его долго за руку, и въ немъ трепетно откликались ея судорожныя движенія. И причастить ее не успѣли.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ такъ близко смерть, и до послѣдняго дыханія стоялъ надъ нею... Слезы не шли, въ груди точно застыло, и голова оставалась все время деревянно-тупой. Онъ смогъ всѣмъ распорядиться, похоронилъ ее, далъ знать по начальству, послалъ нѣсколько депешъ; деньги, уцѣлѣвшія отъ Калеріи, представилъ мѣстному мировому судьѣ, сейчасъ же уѣхалъ въ Нижній и въ Москву добыть подъ залогъ Батрака двадцать тысячъ, чтобы потомъ выслать ихъ матери Серафимы для передачи ей, въ обмѣнъ на вексель, который она ему бросила.

И когда все это было продѣлано, онъ точно вышелъ изъ гипноза, гдѣ говорилъ, писалъ, ѣздилъ, распоряжался... Смерть Калеріи тутъ только проникла въ него и до самаго дна души все перерыла. Смерть эта предстала передъ нимъ какъ таинственная кара. Онъ клеймилъ Се-

рафиму за то, что у нея „Бога нѣтъ“. А самъ онъ какого Бога носилъ въ сердцѣ своемъ? И потянуло его къ простой мужицкой вѣрѣ. Его дѣла: нажива, дѣлечество, даже властные планы и мечты будущаго радѣтеля о нуждахъ родины — стояли передъ нимъ во всемъ ихъ убожествѣ, лжи, лицемѣріи и гордынѣ... Хотѣлъ онъ сейчасъ же уѣхать въ село Кладенецъ и по дорогѣ поклониться праху названнаго отца своего, Ивана Прокофьева. Ему стало стыдно... Надо было очиститься сначала духомъ, познать свое ничтожество, просто, по-мужицки замолить всѣ вольные и невольные грѣхи.

Вѣдь и на Калерію онъ посягалъ. И къ ней его чувство разгоралось въ плотское влеченіе, какъ онъ ни умилялся передъ ней, передъ ея святостью. Она промелькнула въ его жизни видѣніемъ. И смерть ея возвѣстила ему: „Ты бы загрязнилъ ее; потому душу ея и взяли у тебя“.

Поѣздъ, наконецъ, тронулся. Теркинъ прислонилъ голову къ спинкѣ дивана и прикрылъ глаза рукой... Онъ опять силился уйти отъ смерти Калеріи къ тому, за чѣмъ онъ ѣхалъ къ Троицѣ. Ему хотѣлось чувствовать себя такимъ же богомольцемъ, какъ весь ѣхавшій съ нимъ простой народъ. Неужели онъ не наживетъ его вѣры, самой дѣтской, съ суевѣріемъ, коли нужно — съ изувѣрствомъ?

Народу есть о чемъ молить угодника и всѣхъ небесныхъ заступниковъ. Ему развѣ не о чемъ? Онъ — круглый сирота; любить некого или нечѣмъ; впереди — служеніе „князю тьмы“. Въ душѣ—неутолимая тоска. Нѣтъ даже непоколебимой вѣры въ то, что душа его гдѣ-нибудь и когда-нибудь сольется съ душой дѣвушки, явившейся ему ангеломъ-хранителемъ наканунѣ своей смерти.

Онъ почему-то вспомнилъ вдругъ, какое было число: двадцать-девятое августа. Давно ли онъ вернулся съ ярмарки и обнималъ на террасѣ Серафиму... Три недѣли!

Никогда еще не наполняло его такое острое чувство ничтожества и тлѣна всего земного... Онъ смѣлъ кичиться своей особой, строить себялюбивые планы, дерзко идти въ гору, возноситься дѣлеческой гордыней, точно ему удалось заговорить смерть!.. И почему остался живъ онъ, а она изъ-за чумазыхъ деревенскихъ ребятишекъ погибла, безстрашно вызывая опасность заразы?

Не долженъ ли онъ стремиться къ такой же доблестной смерти? Куда ему!

Вагонъ грузно грохоталъ. Поѣздъ останавливался на каждой станціи, свистѣлъ, дымилъ, выпускалъ и принималъ пассажировъ. Теркинъ сидѣлъ въ своемъ углу, и ничто не развлекало его. Къ нимъ въ отдѣленіе влѣзла полная, съ усиками, барыня, нарядная, шумная, начала пространно жаловаться на начальника станціи, всѣмъ показывала свой билетъ перваго класса, съ которымъ насилу добилась мѣста во второмъ.

Ея скрипучій голосъ звучалъ для Теркина точно гдѣ-то вдали; онъ даже не понималъ, о чемъ она кипятится, и ему стало дѣлаться отраднымъ такое отрѣшеніе отъ всего, что̀ входило въ ухо и металось въ глаза.

Привезутъ четвертью часа раньше или позднѣе — все равно онъ попадетъ, куда ѣхалъ.

Онъ ждалъ тамъ, въ знаменитой русской обители, гдѣ ни разу въ жизни не бывалъ, облегченія своей замутившейся душѣ. Желаніе отправиться именно къ Троицѣ пришло ему вчера ночью, въ номерѣ гостиницы. Страстно захотѣлось помолиться за упокой души той, кто уже не встанетъ изъ могилы. Онъ вспомнилъ, какъ послѣ смерти названнаго отца своего, Ивана Прокофьева, служилъ панихиду, заказалъ ее такъ, чтобы только почтить память его, безъ особой вѣры, и зарыдалъ при первомъ минорномъ возгласѣ дьякона: „Господу помолимся“. Тогда ему стало легче сразу. Онъ вернулся къ прежнему равнодушію по части всего божественнаго. Чему онъ вѣритъ, что̀ отрицаетъ,—некогда ему было разбирать это. Жизнь втягивала и не давала уходить въ себя, подвести итоги тому, за что держаться, за какое разумѣніе судьбы человѣка. Съ дѣтства не любилъ онъ „долгополой породы“ и всего, что зовется ханжествомъ. Иванъ Прокофьичъ укрѣпилъ въ немъ эту нелюбовь; но самъ, если не часто говорилъ о Богѣ, то жилъ и дѣйствовалъ по правдѣ, храмъ Божій почиталъ и умеръ, причастившись святыхъ тайнъ.

И, сидя въ вагонѣ, Теркинъ не зналъ, будетъ ли онъ дѣлать вкладъ на поминаніе „рабы Божіей Калеріи“ или отслужитъ одну панихиду или молебенъ преподобному— въ обновленіе своего мечущагося и многогрѣшнаго духа.

Неужели свыше суждено было, чтобы достояніе Калеріи попало опять въ руки Серафимы? Онъ смирялся передъ этимъ. Самъ-то онъ развѣ не можетъ во имя покой-

ницы продолжать ея дѣло?.. Она мечтала имѣть его своимъ пособникомъ. Не лучше ли двадцать-то тысячъ, пока онѣ еще не отосланы къ матери Серафимы, употребить на святое дѣло, завѣщанное ему Калеріей? Богу будетъ это угоднѣе. Такъ онъ не могъ поступить, хотя долговой документъ и у него въ рукахъ... Пускай эти деньги пойдутъ прахомъ. Онъ отъ себя возмѣститъ ихъ на дѣло покойницы.

На полпути Теркинъ вспомнилъ, что на вокзалѣ купилъ путеводителя. Онъ взялъ брошюрку, старался уйти въ это чтеніе, почувствовать въ себѣ русскаго человѣка, переносящагося душой къ старинѣ, когда въ вагонахъ не ѣзжали, и не то, что „смерды“,—цари шли пѣшкомъ или ѣхали торжественно и чинно на поклоненіе мощамъ преподобнаго, избавителя Москвы въ годины народныхъ бѣдствій. Еще разъ попенялъ онъ себѣ, что не отправился пѣшкомъ...

„Сдѣлаю это на обратномъ пути“, — рѣшилъ онъ про себя и положилъ осмотрѣть всѣ тѣ урочища и церкви, про которыя читалъ въ путеводителѣ. Все это—стародавняя Русь. Къ ней надо обратиться съ простодушіемъ и любовью. Каждое мѣсто повито памятью о предкахъ, ихъ мощной, простой жизни, ихъ благочестія. Вотъ село Алексѣевское—любимая вотчина царя Алексѣя Михайловича; Ростокино, гдѣ народъ восторженно встрѣчалъ царя Ивана, послѣ взятія Казани; Леоново, Медвѣдково—бывшая вотчина князя Пожарскаго, потомъ князя Василія Голицына; Тайнинское—обычный привалъ царей, убѣжище Грознаго, мѣсто свиданія Лжедимитрія съ матерью; Большія Мытищи съ „громовымъ“ колодцемъ; Пушкино съ царскимъ дворцомъ; Радонежъ, гдѣ протекла юность Сергія...

Описаніе пышнаго житія царей захватило Теркина. Онъ остановился надъ строками: „въ зимнее время у саней царскихъ, по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, помѣщались, стоя, двое изъ знатнѣйшихъ бояръ, одинъ справа, другой слѣва“.

Родись онъ въ тѣ времена, ему жилось бы по-другому: добылъ бы онъ себѣ больше приволья, простору, или погибъ бы, ища вольной волюшки, на низовьяхъ Волги, на быстрыхъ стругахъ Стеньки Разина. И каяться-то послѣ злодѣйствъ и мучительствъ умѣли тогда не по-нынѣшнему. Образъ грознаго царя-богомольца представился ему,—въ кельѣ, передъ святымъ подвижникомъ, поверженнаго впрахъ и жалобно взывающаго къ Божьему милосердію.

XXV.

— Вотъ и Хотьковъ!—громко сказалъ кто-то изъ пассажировъ.

Поѣздъ стоялъ у длинной узкой платформы.

„Хотьковъ монастырь!"—повторилъ про себя Теркинъ, и выглянулъ изъ окна. Вправо, на низинѣ, виденъ былъ весь монастырь, съ бѣлой невысокой оградой и тонкой каланчой надъ главными воротами. Отъ станціи потянулась вереница—человѣкъ въ двѣсти, въ триста—разнаго народа.

Она казалась безконечной. Въ ней преобладали простые богомольцы, съ котомкой за спиной и посохомъ въ рукѣ.

Теперь Теркинъ зналъ изъ путеводителя, что̀ ихъ потянуло къ этой женской обители передъ посѣщеніемъ Троицы. Тамъ лежали останки родителей преподобнаго Сергія—„схимонахи" Кириллъ и Марія. Когда-то въ Хотьковѣ была „киновія"—общежитіе мужчинъ и женщинъ. Но его самого что-то не тянуло въ этотъ монастырь. Стѣны, башенки, колокольни, корпусы церквей смотрѣли черезчуръ ново, напоминали сотни церковныхъ и монастырскихъ построекъ. Онъ и вычиталъ сейчасъ, что въ немъ не осталось ничего древняго, хотя онъ и основанъ былъ въ самомъ началѣ четырнадцатаго вѣка.

Наискосокъ отъ окна, на платформѣ, у столика стояли двѣ монашки въ некрасивыхъ заостренныхъ клобукахъ и потертыхъ рясахъ, съ книжками, такія же загорѣлыя, морщинистыя, съ туповатыми лицами, какихъ онъ столько разъ видалъ въ городахъ, по ярмаркамъ и по базарамъ торговыхъ селъ, непремѣнно по двѣ, съ кружкой или книжкой подъ покровомъ. На столѣ лежали для продажи издѣлія монастыря — кружева и вышиванія... Тамъ до сихъ поръ водятся большія мастерицы; одна изъ нихъ угодила во дворецъ Елизаветы Петровны и стала мамкой императора Павла.

Эти свѣдѣнія, добытыя изъ зелененькой брошюрки, развлекали его, но не настраивали на тотъ ладъ, какъ онъ самъ желалъ бы. Онъ бросилъ путеводитель, закрылъ глаза и откинулся вглубь. Ему хотѣлось поскорѣе быть у главной цѣли его поѣздки. Осталось всего нѣсколько верстъ до Троицы. День стоялъ не жаркій, уже осенній. Онъ попадетъ, навѣрно, къ концу обѣдни, поклонится мо-

щамъ, обойдетъ всю святыню, съѣздитъ въ Виѳанію и въ Геѳсиманскій скитъ.

Такъ и просидѣлъ онъ въ своемъ углу, съ закрытыми глазами. И только за двѣ минуты до прихода онъ осмотрѣлся и по оживленію пассажировъ увидѣлъ, что поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи.

Огромная толпа высыпала подъ навѣсъ и туго задвигалась къ выходу. Слѣва пестрѣли башни монастырской стѣны.

— Купецъ, а купецъ! Всего-то за двадцать копеекъ! Прикажите подать!— кричалъ извозчикъ съ козелъ пыльной ободранной коляски, парой, самъ—въ полиняломъ балахонѣ и картузѣ на затылкѣ.

Теркинъ сѣлъ, и коляска со звономъ ржавыхъ гаекъ и шарнеръ покатила книзу. Онъ не стерпѣлъ—взялъ извозчика, испытывая безпокойство ожиданія: чѣмъ пахнётъ на него жизнь въ этихъ священныхъ стѣнахъ, на которыхъ въ смутныя времена иноки защищали мощи преподобнаго отъ польскихъ полчищъ и бросали подъ ноги вражьихъ коней градъ желѣзныхъ крючковатыхъ гвоздей, среди грохота пушекъ и пищалей.

Дребезжащая коляска подкатила къ главнымъ воротамъ въ нѣсколько минутъ. И снаружи, и внутри, въ проходѣ башни, заметалась передъ Теркинымъ великорусская базарная сутолока. На длинной площади кверху, вдоль стѣны, шелъ торгъ яблоками, арбузами, всякимъ овощемъ и бакалеей, въ телѣгахъ, на лоткахъ и въ палаткахъ. Въ воздухѣ, засвѣжѣвшемъ подъ частыми, уже осенними облаками, носился плодовый запахъ, какъ бывало на Варварской площади, въ Москвѣ, или теперь на Болотѣ, о ту же пору дня. Во всѣ стороны тѣснились обывательскіе дома съ вывѣсками трактировъ и кабаковъ. Слѣва, подальше, расползлось каменное зданіе монастырской гостиницы — совсѣмъ уже на купецкій московскій ладъ, съ выкрашеннымъ чугуннымъ подъѣздомъ и тиковой драпировкой, какъ многіе бойкіе и грязноватые номера гдѣ-нибудь на Срѣтенкѣ или на Никольской. Гамъ, трескъ извозчичьихъ колясокъ, скрипъ возовъ, крики торговокъ и мужиковъ, пыль клубами, топтанье на одномъ мѣстѣ сѣраго народа, точно на толкучкѣ у Ильинскихъ воротъ,— эта посадская несмолкаемая круглый годъ ярмарочная картина обвѣяла Теркина сразу, и все въ ней было для него такъ досадно-знакомо до мельчайшихъ чертъ. Ни

за что онъ не могъ схватиться, чтобы настроить себя благоговѣйно. Онъ скорыми шагами, чтобы уйти отъ этого перваго впечатлѣнія, двинулся подъ ворота.

Тамъ по обѣимъ сводчатымъ стѣнамъ шелъ такой же торгъ образками, деревянными игрушками и мелкой посудой, четками, крестиками, картинками.—Служки и монахи, приставленные къ продажѣ всѣмъ этимъ добромъ, переговаривались съ разными кумушками, дававшими непомѣрно малую цѣну. Передъ литографіями толпились богомольцы. Нищіе, двумя вереницами, и до воротъ и послѣ нихъ, у перилъ прохода, стояли, сидѣли и лежали и на разные голоса причитали, такъ что гулъ отъ нихъ ползъ вплоть до паперти большой церкви, стоящей вправо, куда шло главное русло народа. По двору, больше влѣво, на булыжникѣ мостовой разсѣлись съ котомками бабы и мужики; въ разныхъ направленіяхъ сновала чистая публика—грузныя купчихи, старушки-барыни, подростки, пріѣзжіе изъ дальнихъ губерній купцы въ сапогахъ бутылками, кое-гдѣ выцвѣтшій военный сюртукъ отставного.

Въ Успенскомъ соборѣ, куда сначала попалъ Теркинъ, обѣдня только что отошла. Ему слѣдовало бы итти прямо къ „Троицѣ“, съ золоченымъ верхомъ. Онъ зналъ, что тамъ, у южной стѣны, около иконостаса почиваютъ мощи Сергія. Его удержало смутное чувство неувѣренности въ себѣ самомъ: получитъ ли онъ тамъ, у подножія позолоченной раки угодника, то, чего жаждала его душа,—обрѣтеніе дѣтской вѣры, вотъ какъ во всѣхъ этихъ нищихъ, калѣкахъ, богомолкахъ съ котомками, старикахъ въ отрепанныхъ лаптяхъ, пришедшихъ сюда за тысячи верстъ?

Народъ уже отхлынулъ изъ Успенскаго собора.—Средина церкви была почти пуста.—У иконостаса, справа, служили на амвонѣ молебны, спѣшно, точно въ перегонку. Довольно еще густая толпа, больше все изъ простонародья, обступила это мѣсто и толкалась къ иконостасу.—Пучки свѣчей на паникадилахъ блѣдно мигали. Голоса пѣли жидко и торопливо. По церкви взадъ и впередъ бродили богомольцы, глазѣя на стѣнную живопись. Изрѣдка показывались монахъ или служка и лѣниво шли къ паперти.

Молитвенное умиленіе не сходило съ него. Онъ медленно направился вглубь, въ одинъ изъ угловъ собора, хотѣлъ тамъ уединиться и уйти въ себя. Ему пересѣкъ дорогу студентъ.

Быстро оглядѣлъ его Теркинъ. Такого студента онъ никогда и нигдѣ еще не встрѣчалъ: въ поношенномъ форменномъ сюртукѣ изъ выцвѣтшаго темнозеленаго сукна, разстегнутомъ на нижнія пуговицы, русые волосы на лбу разметались, глубокіе глаза затуманены, смотрятъ, будто ничего не видятъ, блѣдный, идетъ волоча ноги.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не изъ простого любопытства? Не зря? Видно, горе стряслось и погнало сюда, вопреки тому, что онъ, быть-можетъ, воображалъ себя выше всего этого? Значитъ, находитъ тутъ хоть какое-нибудь врачеваніе своему душевному недугу. Не юродивый же онъ... да и не мальчикъ: сюртукъ носитъ, навѣрно, года два, бородкой обросъ и лицо человѣка пожившаго.

Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ странному студенту. Тотъ повернулъ къ амвону налѣво, гдѣ было свободнѣе, опустился на оба колѣна и долго не поднималъ головы; потомъ порывисто поднялся, истово перекрестился два раза и пошелъ, все такъ же волоча ноги, на паперть.

И Теркинъ сталъ на колѣни. Студентъ помогъ ему стряхнуть съ себя то, что̀ его развлекало или противорѣчило его ожиданіямъ.

До него все-таки доходилъ торопливый гулъ молебновъ. Онъ силился не слышать, ни о чемъ не думать, не вызывать передъ собою никакихъ образовъ.

Такъ онъ простоялъ съ минуту. Его начало колоть горькое и стыдливое чувство за себя, становилось совѣстно, точно онъ производитъ надъ собою опыты или пришелъ сюда какъ въ театръ, требуя, чтобы его привели въ такое именно настроеніе, какое ему желательно.

„Это кощунство!“ — выговорилъ онъ про себя и сталъ неловко подниматься, съ легкой болью въ непривычныхъ колѣняхъ.

Молитвенное наитіе рѣшительно не слетало на него въ этой церкви.

Еще разъ прошелся онъ по ней изъ одного угла до другого. Къ нему наискось отъ амвона медленно двигалась старушка, скорѣе барыня, чѣмъ простого званія, въ шляпѣ и мантильѣ, съ желтымъ лицомъ, собраннымъ въ комочекъ. Шла она,—точно впала въ благочестивую думу или собиралась класть земные поклоны,—къ нему бокомъ, и какъ только поравнялась—беззвучно и ловко повернулась всѣмъ лицомъ и, не мѣняя ущемленной дворянской мины, проговорила сдержанно и вполголоса:

— Соблаговолите благородной вдовѣ.

Руку она чуть-чуть высвободила изъ-подъ мантильи, такую же желтую, съ сухими изогнутыми пальцами.

Маневръ былъ такъ курьезенъ и неожиданъ, такъ напоминалъ что-то театрально-комическое! Теркина всего бросило въ краску. Эта старушка-дворянка добила его.

— Сколько можете,—выговорила она все тѣмъ же полушопотомъ и такъ же глядя на него.

— Богъ подастъ! — рѣзко отвѣтилъ онъ и быстро отошелъ отъ нея.

У него было взято съ собой много мелочи, но онъ не захотѣлъ подать этой салонницѣ, точно въ отместку за то, что она отняла у него послѣднія крохи молитвеннаго настроенія.

Къ мощамъ угодника онъ пробирался по двору смущенный и унылый, точно исполнялъ тяжелый долгъ.

XXVI.

Сзади и съ боковъ на него напирала стѣна богомольцевъ передъ драгоцѣнной ракой. Густой запалъ шелъ отъ всѣхъ этихъ зипуновъ, понёвъ, лаптей, смазныхъ сапогъ. Чадъ отъ восковыхъ свѣчъ вился замѣтными струями въ разрѣженномъ воздухѣ Троицкаго собора. Со стѣнъ, закоптѣлыхъ и расписанныхъ во всѣ стороны, глядѣли на него лики угодниковъ.

Ему было жутко отъ своего душевнаго одиночества, больше чѣмъ отъ чувства тѣсноты и давки... Онъ попалъ на самое дно народной вѣры, хотѣлъ сердцемъ слышать изъ простыхъ устъ сдавленные вздохи, молитвенные возгласы, хотѣлъ видѣть кругомъ себя лица старыя и молодыя, мужскія и женскія, захваченныя умиленіемъ или усердіемъ, просящія о безчисленныхъ нуждахъ и немощахъ,—и ничего не видѣлъ, и ничего не слыхалъ. Не могъ онъ слиться душой со всѣмъ этимъ народомъ, напиравшимъ на то мѣсто, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія. Въ немъ исчезло и всякое желаніе служить молебенъ или сдѣлать взносъ за упокой души рабы Божіей Калеріи.

Въ головѣ замелькали вопросы: „Зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ищетъ? Что надѣялся обрѣсти, чѣмъ обновить себя?“

И опять, какъ въ той церкви, куда онъ попалъ сначала, засосало его стыдливое чувство:—онъ кощунствуетъ, безъ вѣры приходитъ производить надъ собою опыты.

Полно, страдалъ ли онъ мучительно, истекало ли его сердце кровью отъ потери святой личности, озарившей его свѣтомъ духовной любви? Вѣдь онъ уже каялся себѣ самому, что и эта любовь была тайно-плотская. Смерть Калеріи потрясла ли его такъ могуче, чтобы воскресить въ немъ хранившуюся въ изгибахъ души жажду въ порывѣ къ тому, что̀ стоитъ надъ нами въ недосягаемой высотѣ мірозданія и судебъ вселенной?

Если и не заглушилъ онъ въ себѣ этого зова въ „горнюю“, то растерялъ онъ, видно, всякую способность на дѣтское умиленіе, на слезу, на отдачу всего своего существа въ распоряженіе небесныхъ силъ, на жаркую мольбу о наитіи...

Толпа, гдѣ все такъ же пахло мужикомъ и бабой, вытѣснила его изъ Троицкаго собора, и онъ опять очутился на площадкѣ, гдѣ на мостовой сидѣли богомольцы и нищіе, и гдѣ розовая колокольня, вытянутая вверхъ на итальянскій манеръ, глядѣла на него празднично и совсѣмъ мірски, напоминала скорѣе о суетной жизни городовъ, о всякихъ парадахъ и торжествахъ.

На чемъ-нибудь нужно ему было остановить свой взглядъ, отвести его и отъ казеннаго монумента съ позолоченнымъ шаромъ и солнечными часами, тутъ же, все въ той же части внутренняго двора. Монументъ, еще больше растрелліевской колокольни, противорѣчилъ ошибу старыхъ церквей, съ ихъ главами, переходами, крыльцами келій.

Расписанныя стѣны трапезы привлекли Теркина. Туда плелись голодные богомольцы. Въ сѣняхъ трапезы, вправо, изъ двери помѣщенія, гдѣ раздаются ломти хлѣба, служитель въ фартукѣ шумно выпроваживалъ желающихъ поѣсть, и многіе негромко жаловались. На эту сцену, показавшуюся ему совсѣмъ уже непривлекательной, смотрѣли посѣтители трапезы изъ чистой публики—двѣ-три дамы съ мужьями, по-нѣмецки одѣтый купецъ, гимназистъ, кучка барышень-подростковъ.

Въ огромной залѣ трапезы все было готово къ обѣду. Столы стояли покоемъ, съ грубоватой оловянной посудой и полотенцами на нѣсколько человѣкъ. Къ отвореннымъ дверямъ ея, съ прохода черезъ сѣни, двигались, больше попарно, монахи въ клобукахъ и служки въ низкихъ триповыхъ шапкахъ.

Теркинъ пристально вглядывался въ ихъ лица, поступь,

одежду, выраженіе глазъ, и ему черезъ пять минутъ стало досадно: зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Ничего не говорили ему эти иноки и послушники о томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ обитель подвижника, удалившагося много вѣковъ назадъ изъ суетной жизни именитаго человѣка, боярскаго рода, въ дебри радонежскія, куда къ нему приходили князья и воители за благословеніемъ и вѣщимъ совѣтомъ въ годины испытаній.

Старики-іеромонахи, въ порыжѣлыхъ рясахъ, ступали своими тяжелыми сапогами и на ходу равнодушно перекидывались между собою разговорами о чемъ-нибудь самомъ обиходномъ. Монахи помоложе какъ-то особенно переваливались на ходу, раздобрѣлые, съ лоснящимися волнистыми космами по жирнымъ плечамъ, плутовато улыбались или сонно поводили глазами по чистой публикѣ. Служки, въ франтоватыхъ шапкахъ, съ торчащими изъ-подъ нихъ черными, русыми, бѣлокурыми, рыжими кудрями или жесткими прядями волосъ, сразу начали смущать, а потомъ раздражать его. Въ нихъ было что-то совсѣмъ уже мірское. Молодóе тѣло и его запросы слишкомъ метались изъ всей ихъ повадки, сидѣли въ толстыхъ носахъ и губахъ, въ поступи, поворотахъ головы, въ выраженіяхъ чувственныхъ или тупыхъ профилей. Они не находили надобнымъ придавать своимъ лицамъ условную истовость и строгость.

Въ залѣ трапезы вдоль стѣнъ, справа и слѣва, у сидѣній, переминалось нѣсколько посѣтителей. Дежурные служки, въ фартукахъ, обходили столы и что-то ставили. Въ дверку, ближе къ правому углу, прошло передъ самымъ часомъ обѣда нѣсколько іеромонаховъ съ почетными гостями изъ московскихъ и пріѣзжихъ городовыхъ купцовъ. Вслѣдъ затѣмъ служки попросили сторонникъ очистить залъ. Въ ихъ числѣ былъ приглашенъ и Теркинъ, думавшій, что при монастырской трапезѣ сторонніе могутъ присутствовать всякій день.

Спускался онъ съ высокой паперти совсѣмъ разбитый, не отъ тѣлесной усталости, не отъ ходьбы, а отъ разстройства чисто душевнаго. Оно точно колъ стояло у него въ груди... Вся эта поѣздка къ „Троицѣ-Сергію“ вставала передъ нимъ печальной нравственной недоимкой, перешла въ тяжкое недовольство и собою, и всѣмъ этимъ монастыремъ, съ его базарной сутолокой и полнымъ отсутствіемъ, на его взглядъ, смиряющихъ, сладостныхъ

вѣяній, способныхъ всякаго настроить на неземные помыслы.

У самой лѣстницы, внизу, небольшого роста сторожъ, въ форменномъ парусинномъ кителѣ, безъ шапки, поглядѣлъ на него вопросительно: „не прикажете ли провести куда?“

— Скажите, любезнѣйшій, — спросилъ его Теркинъ, — въ ризницу можно теперь?

Служитель ласково и почтительно поклонился.

— Сподручнѣе, ваше степенство, послѣ трапезы... Тогда и народу будетъ поменьше.

О ризницѣ онъ спросилъ изъ малодушнаго желанія пойти посмотрѣть на что-нибудь просто любопытное. Онъ видѣлъ, что нигдѣ въ этихъ стѣнахъ не испытываетъ онъ отрады слезъ и умиленія.

— Куда же идти?—вслухъ подумалъ онъ.

— Вы гдѣ же изволили быть? У раки преподобнаго Сергія?

— Былъ... И въ Успенскомъ соборѣ.

— Еще много, ваше степенство, кое-чего осталось... Прикажете повести?.. Въ лѣтнее время у насъ въ тринадцати храмахъ служатъ. Слава Богу! Есть гдѣ помолиться.

Тонъ у служителя былъ кроткій и какъ бы сказочный: онъ, видимо, сбирался разсказывать ему разъ навсегда заученныя поясненія, и самый звукъ его голоса дѣйствовалъ слегка усыпительно, такъ что у Теркина по затылку сейчасъ же пошли мурашки.

— Угодно-съ?

— Пойдемте.

Они ходили съ цѣлый часъ вправо и влѣво; опускались и поднимались, посѣтивъ притворы, въ низенькіе, тѣсные, старинной постройки придѣлы; проходили по сводчатымъ коридорамъ и сѣнямъ, опять попадали въ свѣтленькія или темноватыя церквушки; стояли передъ иконостасами, могильными плитами; смотрѣли на иконы и паникадилы, на стѣнную живопись, хоругви, плащаницы, опять вышли на дворъ, къ часовнѣ съ останками Годуновыхъ; постояли у розовой колокольни, и Теркинъ, по указанію служителя, долженъ былъ прочесть вслухъ на тумбѣ памятника два стиха, долго потомъ раздававшіеся въ немъ чѣмъ-то устарѣлымъ и реторическимъ—стихи въ память подвижниковъ лавры:

„Они на небесахъ, имъ слава не нужна,
Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вести она!“

И въ ушахъ у него остался шумъ отъ поясненій служителя въ парусинномъ кителѣ: „церковь сошествія Св. Духа, церковь преподобнаго Сергія, Рождества Іоанна Предтечи, Введенія Божіей Матери, церковь Зосимы и Савватія, церковь великомученицъ Варвары и Анастасіи“.

Когда служитель ввелъ его въ темноватыя сводчатыя сѣни передъ входомъ въ ризницу и протискалъ къ другому служителю, пускавшему народъ только по десяти человѣкъ, Теркинъ автоматично пошелъ по лѣстницѣ, съ другими богомольцами, и, сдавленный въ этой кучѣ двумя старушками въ кацавейкахъ, продвигался вдоль покоевъ ризницы, подъ поясненія іеромонаха, вздохи и возгласы шопотомъ старухъ. Противъ воли поправлялъ онъ малую грамотность въ поясненіяхъ іеромонаха, не могъ помириться съ его заученнымъ тономъ нараспѣвъ и въ носъ, рѣзко отличнымъ отъ того, какъ онъ говорилъ передъ тѣмъ съ другими монахами. Въ одномъ шкапу, пониже, за стекломъ выставлено было современное вышиваніе какой-то высокой особы. Монахъ назвалъ особу по имени и отчеству. Теркинъ поглядѣлъ на вышиваніе и нашелъ, что оно самое обыкновенное. Сбоку, около его уха, старушка въ кацавейкѣ слезливо и умиленно выговорила съ молитвеннымъ вздохомъ:

— Пресвятая Богородица! Сподобилась, многогрѣшная!— и, кажется, хотѣла приложиться черезъ стекло къ вышиванію.

Въ головѣ Теркина все перемѣшалось, и еще болѣе разбитый онъ вышелъ изъ сѣней съ чувствомъ голода.

— Не угодно ли въ просвирню?—спросилъ его все тотъ же дожидавшійся служитель.

Теркинъ во второй разъ далъ ему на чай. Тотъ довелъ его до просвирни и раскланялся низкимъ поклономъ.

Въ первой сводчатой комнатѣ смазливый, улыбающійся служка, со взбитыми черными волосами, продалъ ему большую просфору.

Сбоку, на скамьѣ, сидѣло семейство молодыхъ иностранцевъ: двое мужчинъ и двѣ дѣвушки. Они громко смѣялись и жадно ѣли куски мягкой просфоры.

Теркинъ помѣстился около нихъ и сталъ усиленно жевать.

XXVII.

— Купецъ! Купецъ!.. Со мной ѣздили!.. Въ Черниговскую! Въ Ѳеосиманію!.. Рубликъ прокатайте! — кричалъ тотъ самый извозчикъ, что̀ привезъ его къ монастырю.

День хмурился... Теркинъ взглянулъ на небо. Собирался дождь. Идти пѣшкомъ далеко, да и не было охоты... Можетъ-быть, тамъ, въ „скиту“, онъ найдетъ что-нибудь совсѣмъ другое.

Изъ-за монастырской стѣны доносилось за нимъ карканье воронъ и рѣжущій крикъ стаи галокъ, чуявшихъ перемѣну погоды.

Верхъ ободранной коляски былъ поднятъ. Онъ сѣлъ и спросилъ:

— Куда же сначала? Вѣдь есть еще Виѳанія?

— Въ Черниговскую допрежь... А тамъ перейти мостикъ — и въ скиту. Я съ другой стороны къ воротамъ подъѣду. Въ Виѳанію опосля угодимъ.

Ни разстояній, ни положеній этихъ мѣстъ Теркинъ хорошенько не зналъ. Въ путеводителѣ онъ просмотрѣлъ кое-что, но не запомнилъ.

— Ну, въ Черниговскую, такъ въ Черниговскую!

Коляска запрыгала и задребезжала по булыжникамъ шоссе вдоль улицъ посада.

Имъ навстрѣчу попадались то и дѣло обратные извозчики съ богомольцами. Пыль врывалась подъ кузовъ и слѣпила глаза Теркину. Онъ смущенно глядѣлъ направо и налѣво, на обывательскіе дома и домики такого же покроя, какъ и въ московскихъ призаставныхъ слободахъ. Замѣтилъ онъ не одну вывѣску нотаріуса, что̀ говорило о частыхъ сдѣлкахъ и векселяхъ въ такомъ мѣстѣ, куда, казалось бы, сходятся и съѣзжаются не за этимъ.

Началъ накрапывать дождикъ. Извозчикъ стегнулъ лишній разъ свою разношерстную пару, и посадъ вскорѣ сталъ уже позади, а слѣва отъ дороги на открытомъ склонѣ высилась кирпичная глыба пятиглавой церкви.

— Вотъ, ваше степенство, и Черниговская. Обѣдня, поди, отошла... наверху. Въ склепѣ навѣрняка еще служатъ.

„Черниговская“, — повторилъ мысленно Теркинъ и не полюбопытствовалъ узнать, что̀ такъ называется: все ли это урочище или икона.

У паперти стояли два-три извозчика и кучка нищихъ.

Верхняя церковь была уже заперта. За пріѣзжимъ, тоже въ коляскѣ, купцомъ онъ спустился внизъ въ склепъ по совсѣмъ темной витой лѣстницѣ и долго не могъ ничего разглядѣть, кромѣ дальняго фона, гдѣ горѣло нѣсколько пучковъ свѣчъ. Служили молебенъ среди постоянной тихой ходьбы богомольцевъ.

Ему не было ни жутко, ни тоскливо; никакого желанія не получилъ онъ остаться тутъ и что-нибудь заказать, молебенъ или панихиду; потянуло сейчасъ же на воздухъ, засвѣжѣвшій отъ дождя и облачнаго неба.

Извозчикъ растолковалъ ему съ козелъ, какъ пройти черезъ дорогу въ скитъ по мостику и подняться въ гору сада. Онъ не взялъ никакого провожатаго.

Шелъ онъ мимо пруда, куда задумчиво глядѣлись деревья красивыхъ прибрежій, и поднялся по крутой дорогѣ сада. У входа, на скамьѣ, сидѣли два старика. Никто его не остановилъ. Онъ зналъ, что сюда посторонніхъ мужчинъ допускаютъ, но женщинъ только разъ въ годъ, въ какой-то праздникъ. Тихо было тутъ и пріятно. Сразу стало ему легче. Отошла назадъ ризница и вся лавра, съ тяжкой ходьбой по церквамъ, трапезой, шатаньемъ толпы, базарной сутолокой у воротъ и на торговой площади посада.

Здѣсь можно было побыть въ Божьей обители, сѣсть на траву и хоть немножко унестись душой.

Дождь почти пересталъ. Наверху Теркинъ увидалъ старинную деревянную церковь, въ два этажа, съ лѣстницей, ведущей въ просторныя сѣни. Побродить можно было никѣмъ не замѣченнымъ по этимъ низковатымъ сѣнямъ... Пахло деревомъ. Бревенчатыя стѣны, уставленныя иконами, повѣяли на него чѣмъ-то далекимъ, изъ первыхъ образовъ дѣтства. Въ Кладенцѣ онъ хаживалъ смотрѣть на раскольничью молельню, проникалъ во дворъ, но внутрь его не пускали. Она всплыла въ памяти съ ея главами, и крыльцомъ, и окнами... И пѣніе, доносившееся оттуда, отличное отъ обыкновеннаго православнаго, вспомнилось тутъ же.

Въ церкви все носило тотъ же пошибъ, было такъ же незатѣйливо и своеобычно. У праваго клироса сидѣлъ худощавый монахъ. Онъ предложилъ ему осмотрѣть убѣжище митрополита Филарета. Рядъ комнатъ, въ деревѣ, открывался изъ двери, выходившей прямо въ церковь... Можно было видѣть убранство и расположеніе тѣснова-

тыхъ чистыхъ покоевъ. Онъ отказался пройтись по нимъ, не хотѣлъ нарушать своего настроенія.

Въ каменномъ скитскомъ зданіи долго глядѣлъ онъ внизъ на тотъ придѣлъ, гдѣ весь иконостасъ черифетъ штучнымъ деревомъ. Тишина обволакивала его. Свѣтъ мягко выдѣлялъ контуры рѣзьбы и лики мѣстныхъ иконъ... Запахъ кипариса чувствовался въ воздухѣ.

На дворѣ его смѣнило благоуханіе цвѣтника, отгороженнаго невысокой, весело раскрашенной рѣшеткой. Цвѣты густыми коврами шли въ разныя стороны въ видѣ опахалъ. Цвѣтникъ вдругъ напомнилъ ему дачу, клумбы палисадника, лѣсъ, доску между двумя соснами, разговоръ съ Серафимой, ту минуту, когда онъ сталъ впервые на колѣни передъ Калеріей.

Онъ присѣлъ опять на крыльцо деревянной церкви, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Та жизнь уже канула. Не вернется онъ къ женщинѣ, которую сманилъ отъ мужа. Не слетитъ къ нему съ неба и та, къ кому онъ такъ прильнулъ просвѣтленной душой. Да и не выдержалъ бы онъ ея святости; Богъ зналъ, когда прибралъ ее къ Себѣ.

„Отошло, отошло!“ — беззвучно шепталъ онъ, все еще не отрывая рукъ отъ лица.

Прогромыхалъ гдѣ-то громъ. Сильный дождь сразу пошелъ на него. Но онъ былъ еще полонъ того, что̀ нашло на него сейчасъ, и даже не развернулъ зонтика, когда переходилъ черезъ дворъ скита къ воротамъ, гдѣ его ждалъ извозчикъ.

— Въ Вифанію, ваше степенство?

Надо было и тамъ осмотрѣть церковь и комнаты митрополита Платона. Церковь удивила Теркина своимъ пестрымъ гротомъ съ искусственными цвѣтниками, смахивающимъ на декорацію. Ему эта отдѣлка показалась точно на какой-то иновѣрческій ладъ. Службы не было. По двору бродили подъ деревьями семинаристы и сторожа... Богомольцы скучились у входа въ митрополичье помѣщеніе, оставшееся съ отдѣлкой прошлаго вѣка. Монахъ повелъ ихъ по комнатамъ, объяснялъ точно такимъ же языкомъ и тономъ, какъ въ лаврской ризницѣ. Опять около него очутились двѣ старухи, такъ же въ кацавейкахъ, какъ и тамъ. Одна вздыхала и крестилась, что̀ бы ни показывалъ монахъ: свѣтскую картину, портретъ, мозаичный видъ флорентійской работы; а когда его приперли

сзади къ заставкѣ открытой двери въ крайнюю свѣтелку съ деревянной отдѣлкой и зеркальнымъ потолкомъ, гдѣ владыка отдыхалъ въ жаркую пору, одна изъ старушекъ истово перекрестилась, посмотрѣла сначала на соломенную шляпу съ широкими плоскими полями, лежавшую тутъ же, потомъ на зеркальный потолокъ въ позолоченныхъ переборахъ рамокъ и вслухъ проговорила слезливымъ звукомъ:

— Угодникъ-то Божій какъ спасался! Господи! Удостоилась и я, многогрѣшная!..

Теркинъ подавилъ въ себѣ усмѣшку.

„Вотъ эта вѣритъ!“ — подумалъ онъ и даже посторонился и пропустилъ ее впередъ къ самой двери.

Грозовая туча пронеслась. Дождь пересталъ, и въ разорванную завѣсу облаковъ глядѣло нежаркое солнце.

— Въ лавру или на станцію прямо прикажете?—крикнулъ извозчикъ за оградой.

Теркинъ приказалъ повезти себя обратно къ скиту, высадить тамъ, объѣхать кругомъ и ждать его по ту сторону, у Черниговской.

— Прибавочку слѣдуетъ, купецъ.

— Будетъ и прибавочка.

И опять скитскій дворъ съ деревянной церковью повѣяли на него дѣтскимъ чувствомъ, точно запретная святыня, какъ когда-то въ селѣ Кладенцѣ, на дворѣ бѣглопоповской молельни.

На лѣстницу онъ уже не присаживался и не заходилъ въ сѣни, а побрелъ дальше къ спуску, гдѣ теперь деревья пошли свѣтовыми пятнами подъ ласковыми лучами солнца: оно проглядывало то и дѣло изъ-за ползущихъ медленно облачковъ.

Сѣлъ онъ на скамейку, на самомъ крутомъ мѣстѣ, и сидѣлъ долго, больше получаса, не оглядывался на красоту мѣста, не насиловалъ себя на особое душевное настроеніе.

Мысли сами собою, безъ тревоги и горечи, поплыли, захватывали одна другую.

Отчего же тутъ вотъ, въ этой Геѳсиманіи, размякла его душа? Неужели тамъ, у Троицы, ему чуть не противно сдѣлалось только отъ нищихъ, мужичья, простонародной толкотни и шлянья по церквамъ и притворамъ? Кто же онъ-то самъ, какъ не деревенскій подкидышъ, принятый въ сыновья крестьяниномъ и его старухой?

Или чистая публика охладила его, не позволила отдаться простой мужицкой вѣрѣ? Всѣ эти брюхатые купцы, туполицыя купчихи, салопницы, барыни и ихъ пріятели, откормленные монахи и служки въ щеголеватыхъ триповыхъ шапкахъ?

Онъ смирялся. Его стало манить домой, въ то село, на которое онъ такъ долго злобствуетъ, хотѣлось простить кровныя обиды...

XXVIII.

До села Кладенецъ было ходу верстъ пять. Пароходъ Стрѣлокъ опоздалъ на нѣсколько часовъ. Шелъ уже десятый часъ, а ему слѣдовало быть у пристани около семи. Проволочка случилась въ Балахнѣ, съ нагрузкой, повыше города маленько посидѣли на перекатѣ. — Воды въ рѣкѣ прибывало съ конца августа.

Сентябрьская холодноватая ночь спустилась на рѣку, и фонари парохода яркими тонами рѣзали темноту. На палубахъ, передней и задней, бродили совсѣмъ черныя фигуры пассажировъ. Многіе кутались уже въ теплыя пальто и чуйки на мѣху — изъ мѣщанъ и купцовъ, возвращавшихся послѣдними изъ Нижняго съ ярмарки.

На носовой палубѣ сидѣлъ Теркинъ и курилъ, накинувъ на себя пальто-крылатку. Онъ не угодилъ вверхъ по Волгѣ на собственномъ пароходѣ Батракъ. Тотъ ушелъ въ самый день его пріѣзда въ Нижній изъ Москвы. Да такъ и лучше было. Ему хотѣлось попасть въ свое родное село какъ можно скромнѣе, безвѣстнымъ пассажиромъ. Его пароходъ, правда, не всегда и останавливался у Кладенца.

Давно онъ тамъ не былъ, больше пяти лѣтъ. Въ послѣдній разъ — выправлялъ свои документы: метрическое свидѣтельство и увольнительный актъ изъ крестьянскаго сословія. Тогда во всемъ селѣ было всего два постоялыхъ двора почище, куда въѣзжали купцы на большихъ базарахъ, чиновники и помѣщики. Трактировъ нѣсколько, простыхъ, съ грязцой. Въ одномъ, помнится ему, водился порядочный поваръ.

Все это мало его безпокоило. Онъ и вообще-то не очень привередливъ, а тутъ и подавно. Ѣхалъ онъ на два, на три дня, безъ всякой дѣловой цѣли. Желалъ онъ вырвать изъ души остатокъ злобнаго чувства къ тамошнему крестьянству, походить по разнымъ урочищамъ, посмотрѣть

на раскольничью молельню, куда проникалъ мальчикомъ, разузнать про стариковъ, кто дружилъ съ Иваномъ Прокофьичемъ, посмотрѣть, что сталось съ ихъ дворомъ, въ чьихъ онъ теперь рукахъ, побывать въ монастырѣ. Къ игумену у него было даже письмо, и онъ могъ бы тамъ перепочевать, да пароходъ угодитъ въ Кладенецъ слишкомъ поздно, и ему не хотѣлось безпокоить незнакомаго человѣка, да еще монаха, можетъ-быть, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Встрѣться онъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ промысловыхъ пріятелей, съ однимъ изъ остальныхъ пайщиковъ „товарищества“ и начни онъ имъ говорить, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кладенецъ, врядъ ли бы кто понялъ его. Одинъ бы подумалъ: „Теркинъ что-то несуразное толкуетъ“, другой: „притворяется Василій Иванычъ; должно-быть, намѣтилъ что-нибудь и хочетъ сцапать“.

Ничего онъ не желалъ ни купить, ни разузнавать по торговой части. Если бъ онъ что и завелъ въ Кладенцѣ, то въ память той, кому не удалось при жизни одѣлить свой родной городъ дѣтской лѣчебницей... Ея деньги пойдутъ теперь на шляпки Серафимы и на изувѣрство ея матери.

— Больно ужъ поздно,—обратился къ нему пассажиръ въ теплой чуйкѣ, подсѣвшій къ нему незадолго передъ тѣмъ.—Никакъ часовъ десять?

Теркинъ вынулъ часы, зажегъ спичку и поглядѣлъ.

— Четверть одиннадцатаго.

— А намъ еще добрыхъ три, коли не четыре, версты до Кладенца.

— Вы сами оттуда будете?

— Оттуда, господинъ.

— По торговой части?

По говору онъ узналъ тамошняго уроженца. Пассажиръ былъ сухопарый, небольшого роста, съ бородкой, въ картузѣ, надѣтомъ глубоко на голову. Вѣроятно, мелкій базарный торговецъ.

Теркинъ повторилъ вопросъ.

— Нешто! Бакалеей займаемся!

— За товарцемъ къ Макарію, небось, ѣздили?

— Поздненько угодилъ-то. Армяне совсѣмъ расторговались... Которая бакалея осталась въ цѣнѣ... Да заминка у меня вышла... И хворалъ маленько... Ну, и опоздалъ.

— Вы уроженецъ тамошній, кладенецкій?

Лицо торговца онъ хорошо могъ разглядѣть вблизи; но оно ему никого не напоминало.

— Мы коренные, тутошніе.

— Изъ бывшихъ графскихъ?

— Да, изъ графскихъ. А вы, господинъ, наше село, чай, знаете?

— Немножко.

— И теперь туды же?

— Туды.

— У кого же остановитесь? У знакомца?

— На постояломъ.

— Чернота у насъ на постоялыхъ-то дворахъ.

— Кочневъ держитъ, попрежнему?

Торговецъ вглядѣлся въ Теркина, но не узналъ его.

— Кочневъ? — переспросилъ онъ. — Давно ужъ приказалъ долго жить. Зятья его... народъ шалый... Совсѣмъ распустили дѣло... Прежде и господамъ не обидно было въѣхать, а нонѣ—зазорно будетъ. Только базарами держится.

Торговецъ говорилъ слабымъ голосомъ, очень искренно и серьезно.

— Гдѣ-нибудь притулюсь. Я всего-то на два дня.

— Номера есть, господинъ.

— Настоящіе номера?

— Какъ слѣдуетъ... Съ третьяго года. Малышова, противъ Марѣинцева трактира. Около базарныхъ рядовъ. Или вы еще не бывали у насъ николи?

— Какъ не бывать. И трактиръ этотъ помню; только противъ него лавки были, кажется.

— Точно. Допрежь торговали. Теперича цѣлый этажъ возведенъ. Тоже спервоначалу трактиръ былъ. Номера ужъ... никакъ четвертый годъ. Вотъ къ пристани-то пристанемъ, такъ вы прикажите крикнуть извозчика Николая. Навѣрняка дожидается парохода... У него долгуша... И малый толковый, не охальникъ. Доставитъ васъ прямо къ Малышову.

Все это было сказано очень заботливо.

„Добрякъ,—подумалъ Теркинъ,—даромъ что базарный торгашъ. Можетъ, раскольникъ?“

— Вы по молельнѣ будете?—спросилъ онъ.

— Я-то? Нѣтъ, господинъ, мы—православные.

— Кто же у васъ старшиной? Все тотъ же?.. Какъ, бишь, онъ прозывался?

Теркинъ нарочно не хотѣлъ произнести имени старшины Малмыжскаго.

— Сунгуровъ.

— А Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Онъ давно ушелъ изъ старшинъ... Скупщикомъ сталъ.

— Какимъ?

— Да всякимъ. И у кустарей... сундуки скупаетъ, и ножевой товаръ... Зимой хлѣбомъ промышляетъ, судачиной.

— Разжился, стало-быть?

— Какъ не разжиться... И въ старшинахъ-то лапу запускалъ въ обчественный сундукъ. Мало ли народу оговорилъ!.. И на поселеніе посылалъ... Перваго — Теркина, Ивана Прокофьича. Обчественникъ былъ... Такихъ нонѣ не видать чтой-то...

— А вы Ивана Прокофьича знавали? — спросилъ Теркинъ, сдерживая волненіе.

— Какъ не знавать. Старикъ — настоящій радѣтель былъ за мірской интересъ. Царствіе ему небесное!

Теркинъ почувствовалъ, что къ глазамъ его подступаютъ слезы. Но онъ не хотѣлъ объявлять, какъ ему доводился Иванъ Прокофьичъ.

Торговецъ приподнялся.

— Вотъ, господинъ... Попомните: извозчикъ Николай... Такъ и скажите—къ Малышову. Время и за кладью присмотрѣть. Вонъ и Кладенецъ нашъ... видите обрывъ-то... темнѣется... за монастыремъ...

— Спасибо вамъ! — выговорилъ Теркинъ и самъ всталъ. — Такъ вы въ рядахъ торгуете, по базарнымъ днямъ?

— У меня и на недѣлѣ лавочка не запирается.

— А по фамиліи какъ?

— Енгалѣевъ.

— Попомнимъ!

Скромненько удалился торговецъ, запахиваясь въ ваточную чуйку, и еще глубже надвинулъ на уши картузъ.

Пароходъ далъ протяжный свистокъ. Пристани еще не было видно; но Теркинъ распознавалъ ее привычнымъ глазомъ судопромышленника. Надъ полосой прибрежья круто поднимались обрывы. По горѣ вдоль главной улицы кое-гдѣ мелькали огоньки. Для села было уже поздно.

Съ собою Теркинъ захватилъ только маленькій чемо-

данчикъ да узелъ изъ пледа. Даже дорожной подушки съ нимъ не было. Когда пароходъ причалилъ, онъ отдалъ свой багажъ матросу и сказалъ ему, чтобы позвалъ сейчасъ извозчика Николая.

Сколько онъ помнилъ, десять лѣтъ назадъ въ Кладенцѣ еще не было постоянныхъ извозчиковъ даже и на пристаняхъ.

— Николай!—гаркнулъ матросъ.

— Здѣсь,—откликнулся негромкій старый голосъ.

Темнота стала немного рѣдѣть. Въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ кончались мостки, разглядѣлъ онъ лошадь свѣтлой масти и долгушу въ видѣ дрогъ, съ широкимъ сидѣньемъ на обѣ стороны.

— Пожалуйте, батюшка.

Подсаживалъ его на долгушу рослый мужикъ въ короткой поддевкѣ и въ шапкѣ,—кажется, уже сѣдой.

— Ты Николай будешь?—спросилъ Теркинъ.

— Николай, кормилецъ, Николай.

— Вези меня къ Малышовымъ.

— Въ номера?

— Противъ трактира. Мнѣ сказывали, тамъ есть хорошія комнаты.

— Есть-то есть, а какъ быдто передѣлка у нихъ идетъ... Все едино, поѣдемъ.

Поѣхали. Съ мягкой вначалѣ дороги долгуша попала на бревенчатую мостовую улицы, шедшей круто въ гору между рядами лавокъ съ навѣсами и галлерейками. Теркинъ взглядывался въ нихъ, и у него въ груди точно слегка саднило. Самый запахъ лавокъ узналъ онъ — смѣсь рогожъ, дегтя, мучныхъ лабазовъ и кожи. Онъ былъ ему пріятенъ.

Поднялись на площадку, повернули влѣво. Пошли и каменные дома купеческой постройки. Въѣхали въ узковатую немощеную улицу.

— Вотъ, кормилецъ, и Малышовы.

Теркинъ оглянулся направо и налѣво на оба двухъэтажные дома. Въ лѣвомъ внизу свѣтился огонь. Это былъ трактиръ. „Номера“ стояли совсѣмъ темные.

XXIX.

Долго стучалъ Николай въ дверь. Никто не откликался. И наверху и внизу—вездѣ было темно.

— Не слышатъ, окаянные!

— Со двора зайди!—отозвался Теркинъ.

И ему стало немного совѣстно: онъ, такой же мужикъ родомъ, какъ и этотъ уже пожилой извозчикъ, а сидитъ себѣ бариномъ въ долгушѣ и заставляетъ будить народъ и добывать себѣ ночлегъ.

Раздались шаги за входной дверью. Кто-то спросонокъ шлепалъ босыми ногами по сѣнямъ, а потомъ долго не могъ отомкнуть засова.

— Номеръ покажи! Барина привезъ,—сказалъ Николай громкимъ шопотомъ.

— Къ намъ нельзя, — сонно пробормоталъ малый, въ одной рубахѣ и портканъ.

— Почему нельзя?—спросилъ Теркинъ съ долгуши.

— Передѣлка идетъ... Малари работаютъ.

— Ни одной комнаты нѣтъ?

— Ни одной, ваше благородіе.

— А внизу?

— Внизу хозяева и молодцовскія.

Николай подошелъ къ долгушѣ и, нагнувшись къ Теркину, заботливо выговорилъ:

— Незадача!

— Да ты послушай, — шопотомъ сказалъ Теркинъ, — они, можетъ, по старой вѣрѣ... не пускаютъ незнакомыхъ?

— Церковные они... Одинъ-то ктиторомъ у Николы чудотворца... А значитъ, передѣлка. Мнѣ и невдомёкъ... Сюды я давненько не возилъ никого.

— На нѣтъ и суда нѣтъ.

Половой стоялъ у полуотворенной двери и громко зѣвалъ.

— И завтра не будетъ комнаты?—крикнулъ ему Теркинъ.

— Не управятся!

Дверь захлопнулась. Сѣдокъ и извозчикъ остались одни посреди улицы.

— А вонъ тамъ?—указалъ Теркинъ на трактиръ, гдѣ все еще свѣтился огонь внизу, должно-быть, въ буфетной.

— Сбѣгаю.

Николай побѣжалъ и тотчасъ же вернулся. Туда буфетчикъ не пустилъ, говорилъ: свободной комнаты нѣтъ, а съ ранняго утра приходятъ тамъ пить чай.

— Гдѣ же ночевать-то, дяденька? — весело спросилъ Теркинъ.

— У насъ со старухой чистой горницы нѣтъ, господинъ... А то бы я съ моимъ удовольствіемъ...

Николай помолчалъ.

— Одно, теперича, къ Устюжкову въ трактиръ... вонъ на въѣздѣ... Проѣзжали давеча... Такъ, авось, пустятъ.

— Ну, къ Устюжкову, такъ къ Устюжкову.

Теркинъ вспомнилъ, что трактиръ этотъ только что отдѣлали, когда онъ былъ послѣдній годъ въ гимназіи. Но въ него онъ не попадалъ: отецъ не желалъ, чтобы онъ баловался по „заведеніямъ“; да вдобавокъ тамъ и бильярда не поставили; а онъ только и любилъ, что бильярдъ.

Повернули, проѣхали опять всю улицу и остановились у спуска, гдѣ начинается бревенчатая мостовая.

И тамъ все тоже спало. Не скоро отперли имъ. Половой, также босой и въ рубахѣ съ откинутымъ воротомъ, согласился пустить. Пришелъ и другой половой, постарше, и проводилъ Теркина по темнымъ сѣнямъ, гдѣ пахло какъ въ торговой банѣ, наверхъ, въ угловую комнату. Это былъ не номеръ, а одна изъ трактирныхъ комнатъ верхняго этажа, со столомъ, покрытымъ грязной скатертью, диваномъ совсѣмъ безъ спинки и безъ вальковъ и двумя стульями.

— Больше нѣтъ комнатъ?

— Нѣтъ, господинъ... И эту, такъ только, въ одолженіе вашей милости. Номеровъ у насъ не полагается.

Половой помоложе, въ красной рубахѣ и съ растрепанной рыжеватой головой, жмурился отъ свѣта сальной свѣчи и почесывался.

— Сюды вещи тащить? — спросилъ Николай.— Лучше, батюшка, не найдете нигдѣ.

— Тащи сюда!

Когда извозчикъ внесъ вещи, получилъ за ѣзду, условился завтра навѣдаться, не нужна ли будетъ лошадь, и ушелъ вмѣстѣ со старшимъ половымъ, Теркинъ осмотрѣлъ комнату и задумался.

— Какъ же я спать-то буду?—вслухъ подумалъ онъ.

Половой въ красной рубахѣ стоялъ, взявшись за ручку двери, и посматривалъ на пріѣзжаго подслѣповато и крайне равнодушно.

— Вотъ же на диванѣ.

— А бѣлья нѣтъ?

— Какое же бѣлье?... Хозяева спятъ, а у насъ, извольте знать, какое же бѣлье: на войлокахъ спимъ.

— И подушки не добудешь, милый человѣкъ?

— Нѣшто свою.

— Пожалуйста! — сталъ уже тревожнѣе просить Теркинъ.—Видишь самъ, и валька нѣтъ на диванѣ, на что же голову-то я прислоню?

— Это точно...

Красная рубаха удалилась, а Теркинъ прошелся по комнатѣ съ желтыми обоями и двумя картинками. Духота стояла въ ней ужасная, точно это былъ жаркій передбанникъ.

Онъ подошелъ къ окну и широко растворилъ его.

Холодокъ сентябрьской ночи пахнулъ изъ темноты вмѣстѣ съ какой-то вонью. Онъ долженъ былъ тотчасъ закрыть окно и брезгливо оглядѣлъ еще комнату. Ему уже мерещились по угламъ черные тараканы и прусаки. Въ ободранномъ диванѣ навѣрно милліоны клоповъ. Но всего больше раздражали его духота и жаръ. Вѣроятно, комната приходилась надъ кухней и русской печью. Запахи сора, смазныхъ сапогъ, помоевъ и табака-махорки проникали черезъ сѣнцы изъ другихъ комнатъ трактира.

Точно его привели на съѣзжую для ночевки и втолкнули въ кутузку. Лучше бы извозчикъ Николай повезъ его къ себѣ или въ простой постоялый дворъ, гдѣ водится холодная чистая свѣтлица.

„Чистая?“ Чего захотѣлъ. У православныхъ чистоты не водится; раскольники—у тѣхъ чисто—не пустятъ къ себѣ.

Вернулся половой и принесъ подушку, ситцевую, засаленную отъ долгаго спанья.

— Вотъ, господинъ, свою небольшую, коли не побрезгуете.

Теркинъ оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, боясь увидать нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

— Почище наволочки нѣтъ?

— Гдѣ же! — отвѣтилъ половой и жалостно усмѣхнулся.—Намъ не изъ чего мѣнять.

Особой наволочки на подушкѣ и не было вовсе.

— Ну, ладно.

— Больше ничего не потребуется?

Ему хотѣлось ѣсть; но что же могъ онъ добыть въ такой поздній для Кладенца часъ?.. Навѣрно, и порядочной

свѣжей булки не отыщется... Развѣ кусокъ прогорклой паюсной икры.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, ничего мнѣ не нужно... Развѣ пива бутылочку?

— Ключи у буфетчика, господинъ, отъ погребицы... А въ буфетѣ врядъ ли найдется.

— Да и теплое будетъ... У васъ ровно въ банѣ... Отчего такъ?

— Отъ печки.

И половой указалъ пальцемъ въ полъ.

— Прощенья просимъ. Завтра вскричите. Мы рано встаемъ.

Малый этотъ такъ началъ зѣвать, что Теркинъ не захотѣлъ дать ему развязать пледъ.

Но онъ не сразу началъ устраивать себѣ постель.

Еще разъ обошелъ онъ комнату, скинулъ пальто и пиджакъ... Въ голову вступило. Онъ рѣшительно не могъ выносить такой жары. Опять открылъ онъ окно, и опять вонь со двора заставила закрыть его.

— Экое свинство! — громко крикнулъ онъ, досталъ папиросу и закурилъ на сальной оплывшей свѣчѣ.

Щипцовъ ему половой не оставилъ.

— Экое свинство! — повторилъ онъ такъ же сердито, хотѣлъ еще что-то сказать, смолкъ и застыдился.

Какъ его сытное житье-то испортило! Точно настоящій баричъ. Не можетъ выносить теперь ни вони, ни духоты, ни таракановъ, ни оплывшихъ сальныхъ свѣчей. А еще мужицкимъ родомъ своимъ хвастается передъ интеллигентными господами! Номеръ ему подайте въ четыре рубля, съ мраморнымъ умывальникомъ и жардиньеркой.

Иванъ Прокофьичъ, взрастившій его, подкидыша, спалъ всю жизнь въ темномъ углу за перегородкой, гдѣ было гораздо грязнѣе и тѣснѣе, чѣмъ въ этой трактирной комнатѣ. И не морщился, переносилъ и бо̀льшее „свинство“.

Устыдившись, Теркинъ поспѣшно разстегнулъ ремни пледа, отперъ чемоданчикъ, досталъ ночную рубашку и туфли, положилъ подушку полового въ одинъ конецъ дивана, а подъ нее чемоданчикъ, прикрылъ все пледомъ, раздѣлся совсѣмъ, накинулъ на ноги пальто; поставилъ около себя свѣчу на столъ и собственныя спички съ парой папиросъ и задулъ свѣчу.

Онъ долго курилъ... Что-то начало его покусывать; но онъ рѣшился терпѣть.

Обманывать себя онъ не будетъ. Мужика въ немъ нѣтъ и помину. Отвыкъ онъ отъ грязи и такого „свинскаго“ житья. Но развѣ нужно крестьянину, какъ онъ ни бѣденъ, жить чушкой? Неужли у такого полового не на что чистой ситцевой наволочки завести?.. Въ томъ же Кладенцѣ у раскольниковъ какая чистота!.. Особливо у тѣхъ, кто хоть немного разжился.

Сторожъ гдѣ-то застучалъ въ доску, и ударилъ колоколъ церковныхъ часовъ.

„У Николая чудотворца“, — тотчасъ подумалъ Теркинъ и сталъ прислушиваться. Пробило двѣнадцать. И этотъ звонъ часовъ навѣялъ на него настроеніе сродни тому, съ какимъ онъ сидѣлъ въ Геѳсиманіи на ступенькахъ старой деревянной церкви... Захотѣлось помириться съ роднымъ селомъ, потянуло на порядокъ, взглянуть на домишко Теркиныхъ, если онъ еще не развалился.

XXX.

Только къ утру заснулъ Теркинъ. Духота такъ его донимала, что онъ долженъ былъ открыть окно и помириться съ вонью, только бы прогнать жару.

Онъ проснулся раньше, чѣмъ заходили въ трактирѣ, слышалъ, какъ пастухъ трубилъ тѣми же звуками, что и двадцать лѣтъ назадъ. Солнце ворвалось къ нему сразу, — на окнѣ не было ни шторы, ни гардинъ, — ворвалось и забѣгало по стѣнѣ.

Его теперь уже не коробило, какъ вчера; онъ помирился и съ клопами, и съ отсутствіемъ бѣлья. Могло бы быть еще грязнѣе и первобытнѣе, да вѣдь онъ и хотѣлъ попасть въ свое родное село не какъ пароходчикъ Василій Иванычъ Теркинъ, которому завѣдующій ихъ компанейской пристанью предоставилъ бы почетную квартиру, а попросту, чтобы его никто не замѣтилъ; пріѣхалъ онъ не для дѣлъ, или изъ тщеславнаго позыва показать себя мужичью, когда-то высѣкшему его въ волостномъ правленіи, какой онъ нынче значительный человѣкъ. Заговори онъ съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ обывателей, въ какихъ мысляхъ и душевныхъ побужденіяхъ явился онъ въ Кладенецъ, его бы никто и не понялъ.

Часу въ седьмомъ рыжеволосый половой заглянулъ къ нему, въ той же красной рубахѣ, разстегнутомъ матерчатомъ жилетѣ и сапогахъ на выпускъ.

Умыться надо было надъ шайкой, въ сѣняхъ. Поло-

тенце нашлось въ буфетѣ. Чаю принесли ему „три пары“ съ кусочкомъ лимона и съ сухими-сухими баранками. Платье нечѣмъ было вычистить: у хозяевъ водилась щетка, да хозяева еще спали.

Сейчасъ же потянуло Теркина на улицу. Онъ сказалъ половому, чтобы послали извозчика Николая къ монастырю, гдѣ онъ возьметъ его часу около девятаго, и пошелъ по той улицѣ, по которой его привезли вчера отъ номеровъ Малышовыхъ.

Кладенецъ разросся за послѣднія десять лѣтъ; но старая сердцевина съ базарными рядами почти что не измѣнилась. Древнее село стояло на двухъ высокихъ крутизнахъ и въ котловинѣ между ними, шедшей справа налѣво. По этой котловинѣ вилась бревенчатая улица книзу, на пристань, и кончалась за полверсты отъ того мѣста береговой низины, гдѣ останавливались пароходы.

Когда-то, чуть не въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, былъ тутъ княжой столъ, и отрасль князей суздальскихъ сидѣла на немъ. Крѣпкій острогъ съ земляными стѣнами и глубокими рвами стоялъ на концѣ дальней крутизны; она понадвинулась къ рѣкѣ и по сіе время въ видѣ гребня. — Валы сохранились со стороны Волги; по нимъ идетъ дорога то вверхъ, то внизъ. Склоны валовъ обросли кустарникомъ. Не мало древнихъ сосенъ сохранилось и понынѣ. Туда Теркинъ бѣгалъ съ ребятишками играть въ „кòзны“ — такъ зовутъ здѣсь бабки — и лазить по деревьямъ. Одно изъ нихъ приходится на огородѣ, и его почитаютъ какъ святыню, и православные больше, чѣмъ раскольники. На немъ появилась икона послѣ того, какъ молнія ударила въ стволъ и опалила какъ разъ то мѣсто, гдѣ увидали икону.

Это—крайній предѣлъ села. Монастырь стоитъ наверху же, но дальше, на матерой землѣ позади выгона, на открытомъ мѣстѣ. А на крутизнѣ, ближайшей отъ пристани, лѣпятся лачуги... Наверху, въ новыхъ улицахъ, наставили домовъ „богатеи“, вышедшіе въ купцы, хлѣбные скупщики и судохозяева. У иныхъ выведены барскіе хоромы въ два и три этажа, съ балконами и даже бельведерами.

Базарная улица вся полна деревянныхъ амбаровъ и лавокъ, съ навѣсами и галлерейками. Тѣсно построены онѣ,—такъ тѣсно, что случись пожаръ, все бы „выдрало“ въ какихъ-нибудь два-три часа. Кладенецъ и горѣлъ не

одинъ разъ. И ряды эти самые стоятъ не больше тридцати лѣтъ послѣ пожара, который „отмахалъ“ половину села. Тогда-то и пошла еще горшая свàра изъ-за торговыхъ мѣстъ, гдѣ и покойный Иванъ Прокофьичъ Теркинъ всего горячѣе ратовалъ за общественное дѣло и нажилъ себѣ лютыхъ враговъ, сославшихъ его на поселеніе.

Въ рядахъ было совсѣмъ тихо. Всѣ лавки открывались только въ базарные дни — по понедѣльникамъ и пятницамъ, а Теркинъ пріѣхалъ въ ночь со вторника на среду. Лавочники съ овощнымъ и крестьянскимъ товаромъ отворили кое-гдѣ свои палатки. Но подвозу никакого не было, и стояла тишина, совсѣмъ не похожая на сутолоку базарныхъ дней. Кладенецъ до сихъ поръ еще удержалъ за собою скупку по уѣздамъ Заволжья хлѣба, говяжьихъ тушъ, шкуръ, меда, деревянныхъ подѣлокъ, готовыхъ саней, ободьевъ, рогожи. Село кишитъ скупщиками, и крупными, и мелюзгой, и всѣ почти изъ мѣстныхъ крестьянъ, даже и тѣ, что̀ значатся мѣщанами и купцами.

Чтобы попасть къ тому „проулку“, гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофьича, Теркину надо было, не доходя номеровъ, куда его вчера не пустили, взять кверху; но его стало разбирать жуткое чувство, точно онъ боялся найти „пепелище“ совсѣмъ разореннымъ и ощутить угрызеніе за то, что такъ забросилъ всякую связь съ родиной.

Онъ вышелъ къ валу, оставивъ позади торговую часть Кладенца, а вправо и гораздо глубже — монастырь и новый соборъ.

Дорога по валу ничего не измѣнилась... Сосны стояли на тѣхъ же мѣстахъ, только макушки ихъ порѣдѣли. Утро, свѣжее и ясное, обдавало его чуть замѣтнымъ вѣеркомъ. Лѣто еще держалось, а на дворѣ было начало сентября. Подошелъ онъ и къ тому повороту, гдѣ за огороднымъ плетнемъ высилась сосна, на которой явилась икона Божіей Матери... Помнилъ онъ, что на соснѣ этой, повыше человѣческаго роста, прибиты были два мѣдныхъ складня, около того мѣста, куда ударила молнія.

Стволъ потемнѣлъ... Оба образка тутъ. Теркинъ постоялъ, обернувшись въ ту сторону, гдѣ подальше шло болотце, считавшееся также святымъ. Про него осталось преданіе, что туда провалилась цѣлая обитель и затоплена была водой... Но озерко давно стало высыхать и

теперь—топкое болото, кое-гдѣ покрытое жидкимъ тростникомъ.

Про всю кладенецкую старину зналъ онъ отъ отца... Иванъ Прокофьичъ былъ грамотей, читалъ и мѣстнаго „лѣтописца“, зналъ исторію монастыря, даромъ что не любилъ поповъ и чернецовъ и рѣдко ходилъ къ обѣднѣ.

На краю вала, на самомъ высокомъ изгибѣ, съ чуднымъ видомъ на нижнее прибрежье Волги, Теркинъ присѣлъ на травѣ и долго любовался далью. Мысли его ушли въ глубокую старину этого когда-то дикаго дремучаго края... Отецъ и про древнюю старину не разъ ему разсказывалъ. Бывало, когда Вася вернется на вакаціи и выложитъ свои книги, Иванъ Прокофьичъ возьметъ учебникъ русской исторіи, поэкзаменуетъ его маленько, а потомъ скажетъ:

— А про нашъ Кладенецъ ничего, поди, нѣтъ у васъ... Въ которомъ году заложенъ и какимъ княземъ?

Вася ничего не зналъ объ этомъ изъ учебника. Отъ отца помнитъ онъ, какъ одинъ изъ кіевскихъ князей Рюриковичей вступилъ въ удѣльную усобицу съ роднымъ своимъ дядей, взялъ его столъ, сжегъ обитель, церкви, срылъ до основанія городъ. Дядя ушелъ на сѣверъ искать приволья и княженья въ суздальскомъ краѣ, гдѣ володѣли такіе же Рюриковичи. И приплылъ онъ сюда снизу къ дремучимъ лѣсамъ керженецкимъ, гдѣ держались дикія племена мордвы и черемисъ, всѣ язычники, бродили по лѣсамъ, жили въ пещерахъ или въ шалашахъ, обмазанныхъ глиной. Князю удалось утвердиться на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ и по днесь Кладенецъ. Заложилъ онъ городъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ земляная твердыня еще держится больше семисотъ лѣтъ... Населилъ онъ свой Кладенецъ дружиной, ратными людьми, мордвой и черемисами, волжскими и камскими болгарами, плѣнниками изъ сосѣднихъ земель. И первымъ дѣломъ задумалъ онъ основать обитель. Тогда-то явленная икона и показалась на той святой соснѣ... Князь приказалъ ее снять оттуда, но невидимая сила удерживала икону, и не было никакой возможности отдѣлить ее отъ ствола сосны... Обитель освятили во имя Божьей Матери Одигитріи, и тогда икона далась въ руки, и ее поставили запрестольной иконой. Монастырь сталъ изливать на язычниковъ свѣтъ ученія Христа, князья радѣли о немъ и не одну сотню лѣтъ сидѣли на своей отчинѣ и дѣ-

линѣ — вплоть до того часа, когда Москва протянула и въ эту сторону свою загребущую лапу, и княжескій стольній городъ перешелъ въ воеводскій, а тамъ въ посадъ, а тамъ и въ простое торговое село. Только останки князей и княгинь покоятся въ обители подъ покровомъ Одигитріи.

„Доблесть князя да церковный чинъ, — думалъ Теркинъ, сидя на краю вала, — и утвердили все. Отовсюду стекаться народъ сталъ, землю пахалъ, завелъ большой торгъ. И такъ вездѣ было. Даже отъ раскола, пришедшаго сюда изъ керженецкаго края, не распался Кладенецъ, стоитъ на томъ же мѣстѣ и расширяется".

Сладко ему было уходить въ дремучую старину своего кровнаго села. Кому же, какъ не ей, и онъ обязанъ всѣмъ? А послѣ нея — мужицкому міру. Безъ него и его бы не принялъ къ себѣ въ домъ Иванъ Прокофьичъ и не вывелъ бы въ люди. Все отъ земли, все! и самъ онъ долженъ къ ней вернуться, коли не хочетъ уйти въ „распу́сту".

XXXI.

Монастырскій дворъ былъ совсѣмъ безлюденъ, когда Теркинъ попалъ на него. Справа шелъ двухъэтажный оштукатуренный корпусъ; подъѣздъ приходился ближе ко входнымъ воротамъ, безъ навѣса, открытый на обѣ половинки дверей. Деревянная лѣстница, широкая и низкая, вела прямо въ верхнее жилье.

Теркинъ осмотрѣлся. Слѣва стояла небольшая церковь старинной постройки, съ колокольней шатромъ. Дальше выступалъ болѣе массивный новый храмъ, пятиглавый, свѣтло-розовый. Глубже шли кельи и службы. Все смотрѣло довольно чисто и хозяйственно.

Выставилось въ окно одной изъ келій старческое лицо съ кудельной бородой.

— Какъ пройти къ настоятелю?—спросилъ Теркинъ.

Монахъ не сразу дослышалъ: кажется, былъ крѣпковатъ на ухо.

Пришлось повторить вопросъ.

— А прямо идите по лѣстницѣ — и налѣво... дверь-то налѣво. Тамъ служка доложитъ.

На верхней площадкѣ Теркинъ увидалъ слѣва дверь, обитую клеенкой, съ трудомъ отворилъ ее и вошелъ въ маленькую прихожую, гдѣ прежде всего ему кинулась

въ глаза корзина, стоявшая у печи и полная булокъ-розанцевъ.

За перегородкой въ отворенную дверь выглядывала кровать со скомканнымъ ситцевымъ одѣяломъ. Оттуда вышелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, весь въ вихрахъ совсѣмъ бѣлыхъ волосъ, щекастый и веснущатый, одѣтый служкой, довольно чумазый.

— Отецъ-настоятель?—спросилъ Теркинъ.

Мальчикъ хлопнулъ бѣлыми рѣсницами, покраснѣлъ и что-то пробормоталъ, поводя головой въ сторону двери.

У Теркина было съ собой письмо отъ одного земца къ игумену, отцу Ѳеогносту. Онъ его вынулъ, присоединилъ свою карточку и отдалъ мальчику.

— Вотъ отнеси отцу-настоятелю.

Думы на тему древняго Кладенца настроили его на особый ладъ. Онъ ожидалъ найти здѣсь какого-нибудь старца, живущаго на покоѣ, вдали отъ сутолоки и соблазновъ, на какіе онъ только что насмотрѣлся у Троицы.

Мальчикъ трусливо пріотворилъ дверь, и оттуда донесся громкій разговоръ. Два мужскихъ голоса, здоровыхъ и высокихъ, и одинъ женскій—звонкій и раскатистый голосъ молодой женщины.

Это его привело въ недоумѣніе: въ такой ранній часъ, и женщина—въ кельѣ настоятеля, въ довольно шумной бесѣдѣ.

— Пожалуйте!—промычалъ мальчикъ и пошире растворилъ дверь.

Первая комната въ одно окно служила кабинетомъ настоятеля. У окна налѣво стоялъ письменный столъ изъ краснаго дерева, съ бумагами и книгами; около него кресло и подальше клеенчатая кушетка. Кромѣ образовъ, ничто не напоминало о монашеской кельѣ.

У входа въ просторную и очень свѣтлую комнату, съ отдѣлкой незатѣйливой гостиной, встрѣтилъ его настоятель—высокій, худощавый, совсѣмъ еще не старый на видъ блондинъ, съ просѣдью, въ подрясникѣ изъ лѣтней матеріи, съ лицомъ свѣтскаго священника въ губернскомъ городѣ.

Въ рукѣ онъ держалъ распечатанную записку съ карточкой.

— Весьма радъ... Василій Иванычъ? — вопросительно выговорилъ онъ и протянулъ руку такъ, что Теркину

неловко сдѣлалось поцѣловать, — видимо, настоятель на это и не разсчитывалъ,—онъ только пожалъ ее.

— Не угодно ли сюда? Чайку не прикажете ли?

На огромномъ диванѣ, съ обивкой изъ волосяной матеріи, сидѣла женщина, лѣтъ за тридцать, некрасивая, жирная, гладко причесанная, въ розовой распашной блузѣ, и приподнялась вмѣстѣ съ ражимъ монахомъ, тоже въ подрясникѣ, съ огромной шапкой волнистыхъ русыхъ волосъ.

— Милости прошу... Позвольте познакомить... Отецъ-казначей нашей обители. А это—племянница моя, супруга отца-благочиннаго въ селѣ Свербѣевѣ.

Попадья первая протянула черезъ столъ съ самоваромъ широкую ладонь и подала ее Теркину ребромъ.

— Очень пріятно,—выговорила она развязно и тотчасъ же опустилась на диванъ.

Казначей крѣпко пожалъ руку Теркина и поглядѣлъ на него какъ-то особенно весело.

— Изволили сегодняшняго числа на пароходѣ прибѣжать?—спросилъ онъ масленистымъ, пріятнымъ баритономъ.

— Нѣтъ, вчера вечеромъ, поздно угодилъ, — отвѣтилъ Теркинъ, впадая въ мѣстный говоръ.

— Вотъ сюда, присядьте!—усаживалъ его настоятель.— Чайку?.. Пелагея Ивановна... Предложите имъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, — отозвалась попадья и спросила Теркина, какъ онъ желалъ: покрѣпче или послабѣе.

— На собственномъ пароходѣ изволили прибыть?—спросилъ привѣтливо настоятель, садясь около гостя, на краю дивана; взялъ въ руки блюдечко, потомъ пояснилъ остальнымъ:—Василій Иванычъ—хозяинъ парохода Батракъ, въ томъ же товариществѣ... знаете, отецъ-казначей... мы еще на ярмарку бѣжали... на одномъ... кажется, Бирючъ прозывается... прошлымъ годомъ?

— Какъ же!.. Еще капитанъ — такой душевный человѣкъ... даромъ что побывалъ въ тундрахъ Сѣвера!..

Казначей подмигнулъ и засмѣялся.

Земецъ, знакомый Теркина, выдалъ его: прописалъ въ своемъ письмѣ, что онъ—пароходчикъ. Теркину не хотѣлось до поры, до времени выставляться, да и не съ тѣмъ онъ шелъ сюда, въ келью игумена. Онъ мечталъ совсѣмъ о другой бесѣдѣ: съ глазу на глазъ, гдѣ ему легко бы

было излить то, что его погнало въ родное село. А такъ, сразу, онъ попадалъ на зарубку самыхъ заурядныхъ обывательскихъ разговоровъ... Онъ даже началъ чуть замѣтно краснѣть.

— Нашъ знакомецъ,—заговорилъ еще бойчѣе настоятель,—извѣщаетъ меня про одно дѣло, касающееся обители,—онъ повелъ головою въ сторону казначея,—и всячески обнадеживаетъ насчетъ нашего ходатайства въ губернской управѣ по вопросу о субсидіи для училища.—Казначей крякнулъ.—Вдвое лестно было познакомиться!—настоятель повернулся къ гостю, указывая на него рукой, и прибавилъ опять въ сторону казначея:—Имъ желательно было и нашу обитель посѣтить.

Настоятель выражался очень свободно; подвижность и тонъ рѣчи показывали въ немъ очень бывалаго человѣка, не безъ книжнаго образованія.

— Гдѣ же изволили остановиться и надолго ли?—спросилъ казначей, допилъ чай и покрылъ чашкой блюдечко, низомъ вверхъ.

Теркинъ разсказалъ, какъ онъ вчера искалъ ночлега.

— Да почему же вы, Василій Ивановичъ, ко мнѣ прямо не въѣхали?.. Знакомецъ вашъ даже и говоритъ въ письмѣ своемъ, чтобы вамъ оказать гостепріимство.

— Поздно было, отецъ-настоятель, не хотѣлъ васъ безпокоить.

— Сколько же деньковъ еще пробудете у насъ?—спросилъ казначей.

— Какъ придется... Денька два-три.

— По дѣламъ?

На вопросъ казначея Теркинъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не хотѣлъ скрывать дольше, что онъ здѣшній, кладенецкій, пріемышъ Ивана Прокофьича Теркина. Ему показалось, что настоятель раза два взглянулъ на него такъ, какъ будто ему фамилія его была извѣстна, можетъ, и все его прошедшее, вмѣстѣ съ исторіей его отца.

Въ монастырѣ у обѣдни онъ въ дѣтствѣ не бывалъ; если и брали его—онъ не помнитъ. Гимназистомъ навѣрно не заглядывалъ сюда; а потомъ протекло десять лѣтъ — Кладенецъ совсѣмъ пересталъ существовать для него. Онъ не слыхалъ, давно ли этотъ настоятель правитъ здѣшнимъ монастыремъ, и могъ ли онъ лично знать Ивана Прокофьича.

— Дѣлъ у меня нѣтъ въ Кладенцѣ,—тихо началъ онъ

и поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.—Это моя родина, и я ее по разнымъ причинамъ упустилъ изъ виду.

— Такъ, значитъ, я не ошибся!—возбужденно сказалъ настоятель. — Ваша фамилія сейчасъ мнѣ напомнила... Вотъ отецъ-казначей здѣсь вновѣ, а я больше пятнадцати лѣтъ живу въ обители. Прежде здѣшнія дѣла и междоусобія чаще до меня доходили... Да и до сихъ поръ я имѣю сношенія съ мѣстными властями и крестьянскими нàбольшими... Такъ вы будете Теркина... какъ, бишь, его звали... Иванъ Прокофьичъ, никакъ... если не ошибаюсь?..

— Пріемный его сынъ, — вымолвилъ Теркинъ и опять поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.

Въ узкихъ сѣрыхъ глазахъ настоятеля промелькнула усмѣшка тонкаго человѣка, который не сталъ бы первый разспрашивать объ этомъ гостя, касаться его крестьянскаго рода.

— Все же похвально,—настоятель кивнулъ опять головой въ сторону казначея,—съ родиной своей не прерывать связи, ежели Богу угодно вывести на торную дорогу честныхъ стяжаній и благъ земныхъ!—И, не выдержавъ тона этихъ словъ, настоятель наклонился къ гостю и договорилъ потише: — Про одиссею Ивана Прокофьича много наслышанъ...

„Знаешь, небось, что меня высѣкли въ приказѣ“,—подумалъ Теркинъ, но тотчасъ же устыдился этой тревоги и сказалъ спокойно и мягко:

— Онъ свою жизнь прожилъ безъ пятна.

Казначей всталъ, поблагодарилъ попадью за чай и, наклонивши голову къ настоятелю, спросилъ:

— Не попозднѣе ли зайти?

— Побудьте съ Пелагеей Ивановной, а мы съ дорогимъ гостемъ побесѣдуемъ маленько... Василій Иванычъ! Не соблаговолите ли пожаловать ко мнѣ, туда... Пелагея Ивановна, чай-то гостю пришлите въ кабинетъ, съ Митюнькой.

Настоятель взялъ Теркина подъ руку и повелъ его въ первую комнату. Съ порога онъ крикнулъ мальчику:

— Стаканъ чаю сюда подай! Слышишь?..

XXXII.

— Курить не желаете ли? — предложилъ настоятель, какъ только посадилъ Теркина у стола, а самъ сѣлъ

по другую сторону. — Что жъ чай-то?—крикнулъ онъ въ дверь.

Мальчикъ, подавая стаканъ чаю на подносѣ, сдѣлалъ неловкое движеніе, стаканъ опрокинулся, и брызги попали на рукавъ гостя.

— Эхъ! Остолопъ какой! — далъ на мальчика окрикъ настоятель.

Тотъ покраснѣлъ вплоть до ушей, и его глаза отъ смущенія совсѣмъ посоловѣли.

— Ничего, ничего!—успокоивалъ Теркинъ.

— Право, остолопъ! Живо другой стаканъ!.. Пожалуйста курите, Василій Иванычъ... Мы вѣдь не раскольники,—прибавилъ настоятель и громко разсмѣялся.—Душевно радъ,—продолжалъ онъ, наклоняясь къ гостю черезъ столъ, — что вы надумали родныя палестины посѣтить... Скажите пожалуйста: родитель вашъ... тогда... пострадалъ по навѣтамъ враговъ своихъ?.. Ну, не облей въ другой разъ! — крикнулъ онъ мальчику, трепетно подававшему чай.—И ступай!.. Я объ этихъ дѣлахъ довольно наслышанъ былъ отъ одного изъ благопріятелей вашего отца... Чай, помните? Моховъ, Никандръ Саввичъ!..

— Помню: черноватый, приземистый...

— Теперь какъ раздобрѣлъ!.. И по нашему Кладенцу первый, можно сказать, воротила въ земскихъ собраніяхъ и въ здѣшнихъ волостныхъ дѣлахъ... Нашего братства одинъ изъ попечителей.

— Братства?—переспросилъ Теркинъ.

— А вамъ не извѣстна дѣятельность нашей обители, Василій Иванычъ?

— Виноватъ!

— Что могъ, я слабыми своими силами успѣлъ привести къ вожделѣнному концу. Но хотѣлось бы и побольше... Монастырь нашъ заштатный, казеннаго содержанія не имѣетъ...

— На что же вы существуете, отецъ-настоятель?

— Есть кое-какія угодья: землица луговая и пахотная, мельница на нѣсколько поставовъ... Моими стараніями приведена въ возможно лучшее положеніе. Подворье имѣется въ губерніи... и часовня на ярмаркѣ... Хлопочу о построеніи таковой же въ одной изъ нашихъ столицъ, около вокзала, напримѣръ, гдѣ происходитъ наибольшее стеченіе народа.

Глаза настоятеля забѣгали.

„Ловкій ты мужикъ! — подумалъ про себя Теркинъ: — тебѣ бы впору и всей кладенецкой торговлей ворочать".

— На что же, сами разсудите, Василій Иванычъ, не токмо что ужъ поддерживать наши разныя учрежденія, а братію питать?.. У насъ въ обители до пятидесяти человѣкъ однихъ монашествующихъ и служекъ. А окромя того, училище для приходящихъ и для живущихъ мальчиковъ, лѣчебница съ аптекой... Только съ прошлаго года земство свою больницу открыло... И безплатную библіотеку имѣемъ при братствѣ,—значитъ, подъ сѣнью нашей же обители; открыли женское училище.

— Неужели до сихъ поръ нѣтъ въ Кладенцѣ казеннаго или земскаго училища? — спросилъ Теркинъ, и ему стало совѣстно, что онъ этого доподлинно не зналъ.

— Есть... И образцовое двуклассное и еще двѣ школы въ слободахъ; но вѣдь это въ самое послѣднее время заведено; а прежде—вы, чай, сами помните—хоть шаромъ покати... Раскольничьи черницы да солдаты безграмотные учили по псалтири... Опять же, при братствѣ происходятъ бесѣды, въ виду борьбы съ расколомъ, и поучительныя чтенія свѣтскаго характера.

Настоятель откинулъ длинную прядь за ухо и немного покраснѣлъ. Видно было, что онъ попалъ на свою любимую тему.

— Не заштатнымъ бы нашему монастырю слѣдовало быть, а ставропигіальнымъ, ибо онъ изъ самыхъ старѣйшихъ... Вы изволили интересоваться здѣшней стариной?

— Кое-что слыхалъ отъ отца, а читалъ мало...

— Вѣдь безъ кладенецкой обители и Нижняго бы не было. Предокъ Александра Невскаго, святитель Симонъ, уже послѣ того, какъ княжой столъ утвердился на Дятковыхъ горахъ, заложилъ городъ, который и назвали Нижнимъ въ отличіе отъ Верхняго или Великаго Новагорода... И сколько иноками нашей обители и святителями кладенецкими обращено было язычниковъ! Вѣдь здѣсь повсюду черемисы и мордва жили, а дальше по Волгѣ и Камѣ были становища прирѣчныхъ болгаръ, самыхъ первыхъ тогда враговъ русскихъ людей.

— Слыхалъ, слыхалъ отъ отца.

— И вотъ видите, какой оборотъ судебъ. Болгаръ православные князья русскіе нещадно били и отводили въ полонъ, а семьсотъ лѣтъ спустя за тѣхъ же самыхъ бол-

гаръ сколько русской крови пролито!.. Нашъ Кладенецъ наполовину населенъ былъ плѣнниками... Вѣдь верхняято слобода—она самая старѣйшая, по ту сторону вала, гдѣ собственно городъ былъ—до сихъ поръ въ народѣ слыветъ Полонной. На что же это указываетъ? Да и въ жителяхъ Кладенца есть совсѣмъ разные два облика. Одни бѣлокурые—вотъ, хоть бы и вы, а другіе—смуглые, и волосы черные, плоскіе. Эти прямо отъ черемисъ и болгаръ камскихъ и волжскихъ.

Опять Теркинъ, слушая складную рѣчь настоятеля, унесся мыслями въ судьбы своего родного села.

— А испытанія какія Господь посылалъ на Кладенецъ... Татарскій погромъ обрушился на нашъ край послѣ разоренія Владиміра на Клязьмѣ... Пришла гибель Кладенцу. Его князь одинъ изъ немногихъ не палъ духомъ и пошелъ на враговъ и погибъ въ рядахъ своей рати... Шутка сказать, когда это было: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ назадъ... И ханъ Берку чуть опять не истребилъ нашего города, и царевичъ татарскій Драшна грозилъ ему огнемъ и мечомъ!

— И все это пережила ваша обитель!

— Какъ видите, стоимъ все на томъ же мѣстѣ, куда и достославный угодникъ земли русской, князь Алаксандръ Ярославичъ Невскій, приходилъ на поклонъ иконѣ Пресвятой Дѣвы... И послѣ ига татарскаго, и послѣ упраздненія стола князей кладенецкихъ обитель наша подъ охраною Владычицы не оскудѣвала... Что сталось съ татарами?

— Халаты продаютъ!

— Именно!—настоятель громко разсмѣялся.—А что они и у насъ долгое время хозяйничали, на это до сей поры есть указанія. Изволите помнить пригорокъ-то, позади бывшихъ прядиленъ, зовется „Баскачиха“. Значитъ, тамъ баскаки ханскіе проживали и производили свои звѣрскія вымогательства.

Настоятель сдержалъ себя и спросилъ:

Коли вамъ желательно ознакомиться съ нашими посильными трудами, я съ великой радостью... У меня и къ печати приготовлено кое-что для губернскихъ вѣдомостей. Ежели угодно, такъ я велю позвать отца-эконома: отецъ-то казначей долженъ по дѣлу маленько отлучиться.

— Вы не безпокойтесь,—перебилъ Теркинъ,—я къ вамъ еще заверну... завтра утромъ.

— А спервоначалу желаете... праху родителей поклониться... панихидку отслужить?

— Они не здѣсь лежатъ,—отвѣтилъ Теркинъ.—Отецъ послѣ ссылки выселился отсюда.

— И домикъ свой оставилъ. Продалъ, что ли?

— Да, онъ у него давно былъ собственный, еще при графскомъ управленіи.

— А теперь кто имъ владѣетъ?

— Не знаю, право, въ точности.

— Такъ вамъ надо первымъ дѣломъ къ Мохову, Никандру Саввичу. Его домъ не изволите знать гдѣ?

— Нѣтъ, не знаю. За мной сюда извозчикъ заѣдетъ... Николаемъ зовутъ.

— Онъ довезетъ. А во всякомъ случаѣ, отецъ-экономъ вамъ укажетъ. Вотъ я сейчасъ спосылаю за нимъ. У него досугъ найдется. Къ Мохову первымъ дѣломъ. Онъ васъ къ себѣ перетащитъ, коли моей кельей не угодно будетъ воспользоваться... И въ училище, и въ земскую больницу онъ васъ свезетъ.

— Съ раскольничьей молельной вы, разумѣется, не находитесь въ сношеніяхъ?

— Она насъ чурается, а не мы ея. Однако съ попечителемъ ея—слыхали, чай, на ярмаркѣ—съ богатеемъ Кашедаевымъ, встрѣчались и бесѣдовали... Онъ имъ и богадѣльню возвелъ на дворѣ молельни. Если поинтересуетесь, отецъ-экономъ познакомитъ васъ съ миссіонеромъ изъ бывшихъ старообрядцевъ; поди, онъ еще не уѣхалъ вверхъ по Волгѣ на собесѣдованіе... Проще къ становому заѣхать: онъ вамъ дастъ отъ себя рекомендацію къ одному изъ начетчиковъ. Они съ полиціей нынче въ ладахъ живутъ,—прибавилъ настоятель, тонко усмѣхнувшись.

— А распри въ крестьянскомъ обществѣ все попрежнему?—спросилъ Теркинъ и поднялся со стула.

— Все тѣ же междоусобія. Одни гнутъ на городовое положеніе—и во главѣ ихъ Никандръ Саввичъ. Онъ вамъ все разскажетъ обстоятельно.

— Ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Давнымъ-давно. Только одна пущая смута и плутовство великое вышли. И хорошій молодой человѣкъ изъ-за этого дѣла загубилъ себя.

Теркинъ сейчасъ же вспомнилъ и спросилъ:

— Тотъ? Аршауловъ? Почтмейстера сынъ?

— Онъ, онъ! Сколько лѣтъ, — настоятель сразу понизилъ тонъ, — сидѣлъ въ заточеніи и провелъ въ ссылкѣ, да и теперь находится подъ присмотромъ, въ бѣдственномъ положеніи.

— Гдѣ?

— Здѣсь, никакъ! Мать-старуха, должно, имѣетъ въ Кладенцѣ пенсію ничтожную. Вымолила у начальства сюда его, знаете, на мѣсто жительства перевести. Такъ вѣдь пить-ѣсть надо, а у него, слыхалъ я, чахотка. Какой же работой, да еще здѣсь, въ селѣ, можетъ онъ заняться? Уроки давать некому, да онъ, поди, еле живъ.

Глаза Теркина возбужденно замигали.

— Гдѣ же могъ бы я, отецъ-настоятель, справиться о немъ? Судьба его достойна состраданія!

— Гдѣ?—протянулъ настоятель.—Да первымъ дѣломъ у станового. Вѣдь это его подначальная команда—такіе-то господа. Становой у насъ не спесивый и довольно обстоятельный. Фамилія—Виоанскій, Мартирій Павловичъ.

— Изъ духовнаго званія?

— Весьма! — настоятель подмигнулъ. — Сейчасъ и по говору увидите. Изъ здѣшнихъ же заволжскихъ палестинъ. Такъ я сейчасъ распоряжусь, Василій Иванычъ.

Настоятель подошелъ къ двери въ гостиную и крикнулъ:

— Отецъ-казначей!.. повремените еще маленько.

Потомъ онъ послалъ служку за экономомъ.

— Вотъ и вашъ извозчикъ! — онъ указалъ Теркину въ окно на дворъ, куда въѣхалъ Николай на своей долгушѣ.

XXXIII.

— А гдѣ твой дворъ, Николай?

Извозчикъ попросилъ у сѣдока позволенія заѣхать домой „попоить лошадку“. Они уже побывали въ разныхъ мѣстахъ и отца-эконома подвезли обратно къ монастырю.

— Вонъ на самой кручѣ, кормилецъ. Дальше и дороги нѣтъ!—отвѣтилъ Николай, указывая кнутомъ.

— Ладно, надъ нами не каплетъ.

Побывали они съ отцомъ-экономомъ, тихимъ старикомъ изъ простого званія, сначала въ образцовомъ училищѣ и въ земской больницѣ, потомъ заѣхали на квартиру станового. Его не оказалось дома: куда-то отлучился, на селѣ;

но къ обѣду долженъ былъ вернуться; оставили у него записочку отъ отца-настоятеля. Заѣхали къ Мохову. Тотъ тоже уѣхалъ на пристань. Предлагалъ экономъ побывать и у миссіонера, коли желательно насчетъ раскола побесѣдовать, но Теркинъ отложилъ это до другого раза. Ему захотѣлось остаться одному, да и монаху пора было къ трапезѣ. Отъ монастыря спустились они къ тому проулку, гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофьича. На перекресткѣ Теркинъ сошелъ съ долгуши и сказалъ Николаю, чтобы онъ подождалъ его около номеровъ Малышова, а самъ онъ дойдетъ туда пѣшкомъ. Сердце у него заёкало въ груди, когда онъ сталъ спускаться по проулку... Вотъ заборъ вдоль сада одного раскольника, богатаго торговца, съ домомъ на дворѣ. Тотъ же мезонинъ выглядываетъ изъ-за липъ сада, только крыша зеленая, а не бурокрасная, какою прежде была. Дорога врѣзалась въ пригорокъ, и два порядка, справа и слѣва, поднимаются надъ нею. Избенки все больше въ три окна, кое-гдѣ въ пять, старыя, еще „до-пожарныя“, какъ здѣсь называютъ. Эта возвышенная часть Кладенца и есть та „Полонная“, гдѣ, по толкованію отца-настоятеля, селились взятые „въ полонъ“ инородцы — мордва, черемисы, камскіе и волжскіе болгары. Теркину вспомнились лицо, ростъ и вся посадка Ивана Прокофьича; они выплыли передъ нимъ до такой степени ярко, точно онъ смотритъ на него на разстояніи двухъ аршинъ. Было въ немъ, въ его неправильныхъ чертахъ, пожалуй, что-то инородческое, не коренное русское. Можетъ, и пылкій свой нравъ онъ унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка, жившаго въ лѣсахъ и пещерахъ еще при Александрѣ Невскомъ или Юріи Всеволодовичѣ, князѣ кладенецкомъ.

И жалость къ старику разлилась по немъ,—жалость и сознаніе своей собственной дрянности. Развѣ Иванъ Прокофьичъ способенъ былъ пойти на такія сдѣлки съ совѣстью, на какія онъ пошелъ?.. И если онъ теперь отдѣлался отъ срама—отъ денегъ Калеріи, все-таки онъ на нихъ въ одинъ годъ расширилъ свой кредитъ, пошелъ еще сильнѣе въ гору. А старикъ его не зналъ никакой жадности, еле пробивался грошевымъ спичечнымъ заведеніемъ, поддерживалъ бѣдняковъ, впалъ самъ въ бѣдность; если бъ не сынъ, кончилъ бы нищетой, и даже передъ смертью такъ же радѣлъ о своихъ „однообщественникахъ“.

Еще два-три двора — и справа долженъ былъ показаться продолговатый сарайчикъ, гдѣ помѣщалось заведеніе съ узкими оконцами... Не доходя былъ частоколъ съ продѣланной въ немъ лазейкой. Туда ему мальчишкой случалось проникать за подсолнухами. Вотъ и частоколъ, только онъ теперь смотритъ исправнѣе, лазейки нѣтъ.

Этотъ ли сарайчикъ? Долженъ быть онъ... Мѣста занимаетъ онъ столько же, только окна не такія и крыша другая, приподнята противъ прежняго. Однако, старыя крѣпкія бревна сруба тѣ же, это сейчасъ видно. Домикъ въ три окна, какъ и былъ, только опять крыша другая, площе, больше на городской фасонъ, и ворота совсѣмъ новыя, изъ хорошаго теса, съ навѣсомъ и рѣзьбой. Имъ, судя по цвѣту лѣса, не будетъ и пяти лѣтъ.

Улица стояла пустая. Не у кого было спросить: чей это теперь дворъ? Онъ помнилъ, что Иванъ Прокофьичъ продалъ его какому-то мужику изъ деревни Разсадино, по старой костромской дорогѣ, верстахъ въ десяти отъ Кладенца, и продешевилъ, какъ всегда. Тотъ мужичокъ хотѣлъ тоже наладить тутъ какое-то заведеньице, кажется, кислощейное, для продажи на базарахъ квасу и кислыхъ щей, вмѣстѣ съ орѣховой „збоиной“ и пареной грушей.

Захотѣлось ему войти въ калитку, совсѣмъ по-дѣтски потянуло туда, на дворикъ, съ погребицей въ глубинѣ и навѣсомъ и съ крылечкомъ налѣво, гдѣ, бывало, старуха сидитъ и разматываетъ „тальки“ суровой пряжи. Онъ тутъ же, за книжкой... По утрамъ онъ ходилъ къ „земскому“ и зналъ уже четыре правила. Изъ сарайчика идетъ запахъ сѣры, къ которому всѣ давно привыкли.

Онъ взялся за щеколду калитки и хотѣлъ отворить.

Заперто было изнутри. Пришлось постучать.

— Кто тамъ?—спросилъ со двора мужской очень мягкій голосъ.

Называть себя Теркинъ не хотѣлъ. Онъ скажетъ хозяевамъ что придется.

— Отворите, пожалуйста!—крикнулъ онъ.

Калитку стали осторожно отворять.

„Навѣрно, раскольники“,—подумалъ онъ, переступая черезъ высокій дощатый порогъ калитки.

Его впустилъ хозяинъ,—это сейчасъ узналъ Теркинъ,—рослый, съ брюшкомъ, свѣжій еще на видъ мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, русый, бородатый и немного лысый, въ

одной ситцевой рубахѣ и шароварахъ, съ опорками на босыхъ ногахъ... Глаза его, ласковые, небольшіе, остановились на незнакомомъ „баринѣ“ (такъ онъ его опредѣлилъ) безъ недовѣрія.

Теркинъ быстро оглядѣлъ, что̀ дѣлалось на дворѣ. Въ эту минуту изъ избы въ сарайчикъ черезъ мостки, положенные поперекъ, переходилъ голый работникъ въ одномъ длинномъ холщевомъ фартукѣ и несъ на плечѣ большую деревянную форму. Внизу на самой землѣ лежали рядами такія же формы съ пряничнымъ тѣстомъ, выставленнымъ провѣтриться послѣ печенья въ большой избѣ и лежанья въ сарайчикѣ.

Въ одинъ мигъ Теркинъ догадался, какое это заведеніе. Пряники—коренное дѣло Кладенца. Испоконъ вѣка водилось здѣсь производство коврижекъ и, въ особенности, дешевыхъ пряниковъ, въ видѣ пѣтушковъ, рыбъ и разныхъ другихъ фигуръ, вытисненныхъ на кускахъ больше въ формѣ неправильныхъ трапецій, а также мелкихъ продолговатыхъ „жемковъ“, которые и онъ истреблялъ въ дѣтствѣ. Сейчасъ, по памяти, ощутилъ онъ нѣсколько ѣдкій вкусъ твердаго тѣста съ кусочками сахара.

— Богъ въ помочь!—сказалъ онъ.—Вотъ полюбопытствовалъ посмотрѣть на ваше заведеніе... Я—пріѣзжій.

Хозяинъ улыбнулся добрѣйшей усмѣшкой широкаго рта, засунулъ засовъ и поклонился легкимъ наклономъ головы.

— Пожалуйте... Поглядите, коли желательно.

И сразу между ними вышелъ бытовой разговоръ, точно будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ заѣзжій баринъ, изучающій кустарные промыслы Поволжья, и пряничный фабрикантъ сталъ ему, все съ той же доброй и ласковой усмѣшкой, отвѣчать на его разспросы, повелъ его въ избу, гдѣ только-что закрыли печь, и въ сарайчикъ, гдѣ лежали формы и доски съ пряниками, только-что вышедшими изъ печи.

Черная изба осталась почти такою, какъ была и десять лѣтъ назадъ; только въ ней понадѣлали вокругъ стѣнъ такихъ столовъ, какъ въ кухняхъ. Въ чистыя двѣ горницы хозяинъ не водилъ его; сказалъ, что тамъ онъ живетъ съ сыномъ; работники лѣтомъ спятъ въ сараѣ, а зимой въ избѣ. Теркинъ посовѣстился попросить провести и туда.

— Я—вдовый, одинъ всего сынокъ и есть.

Хозяинъ указалъ на сына, — „молодцовъ“ у него было всего четверо, — худощаваго брюнета лѣтъ двадцати, съ умными впалыми глазами. И тотъ былъ голый, какъ и остальные трое уже пожилыхъ работниковъ.

— Онъ у меня искусникъ,—прибавилъ хозяинъ.—Самъ рѣжетъ формы... Миша! Покажь барину ту форму, что намнясь вырѣзалъ.

Слово „баринъ“ рѣзнуло Теркина. Но онъ не хотѣлъ называть своей фамиліи, говорить, чей онъ былъ пріемышъ... Неопредѣленное чувство удерживало его, какъ будто боязнь услыхать что-нибудь про Ивана Прокофьича, отъ чего ему сдѣлается больно.

Показали ему форму съ разными надписями — славянской вязью и рисунками, которые отзывались уже новыми „фасончиками“. Онъ пожалѣлъ про стародавнія, грубо сдѣланныя наивныя изображенія.

Но онъ похвалилъ искусника, не желалъ его обезкураживать.

— Какъ вы прозываетесь?—спросилъ онъ у отца.

— Птицыны мы, батюшка, Птицыны.

Узналъ онъ, продолжая вести себя какъ заѣзжій „баринъ“, что въ день идетъ у нихъ до пяти кулей крупичатой муки, а во время макарьевской ярмарки — и больше.

Потомъ показали ему разные сорта пряниковъ. Хозяинъ отобралъ нѣсколько штукъ изъ тѣхъ, на которые указывалъ Теркинъ, и поднесъ ему. Тотъ не хотѣлъ брать.

— Обидите насъ, батюшка... Вѣдь эти прянички всего десять копеекъ фунтъ. Дѣткамъ отдадите.

— Дѣтокъ-то у меня нѣтъ.

— Все едино! Бездѣлица!

И такъ онъ ласково глядѣлъ, что нельзя было не взять.

Но главнаго-то Теркинъ еще не зналъ—самъ ли Птицынъ купилъ у Ивана Прокофьича дворъ.

— Вы здѣшніе, коренные?—спросилъ онъ попроще.

— Нѣтъ, батюшка, мы разсадинскіе. Тамъ у насъ и землица порядочная есть. Здѣсь изъ-за этого дѣла проживаемъ.

— Купили дворъ?

— Арендатели мы... А купилъ-то изъ Разсадина же мужичокъ. У здѣшняго... Теркинымъ прозывался... Вотъ здѣсь

спички дѣлалъ... Сказываютъ — заведеніе у него стало. Никакъ, на поселеніе угодилъ.

И по ясному лицу прошлась тѣнь, точно будто онъ не хотѣлъ дурно говорить про бывшаго владѣльца.

— Спасибо!—быстро промолвилъ Теркинъ, такъ же быстро отворилъ калитку и пошелъ внизъ по проулку.

XXXIV.

Николаева долгуша пробиралась по кручѣ, попадая изъ одной выбойны въ другую.

— Вонъ и моя избенка! — указалъ онъ на самый край обрыва.

Изба была послѣдняя и стояла такъ, что съ боку нельзя уже было спуститься внизъ: откосъ шелъ почти отвѣсно и грозилъ „оползнемъ“, о какихъ разсказывали Теркину въ дѣтствѣ.

Когда они подъѣхали и Николай слѣзъ съ козелъ, изъ воротъ вышла его жена Анисья, женщина еще не старая на видъ, небольшого роста, благообразная, въ повойникѣ и ситцевомъ сарафанѣ и, по-домашнему, босая.

Она отворила ворота, и Николай взялъ лошадь подъуздцы. Долгуша въѣхала на крытый глухой дворъ, гдѣ Теркина охватила прохлада вмѣстѣ съ запахомъ стойлъ и коровника, помѣщавшихся въ глубинѣ. Стояли тутъ двѣ телѣги и еще одна долгуша, лежало и много всякой другой рухляди. Дворъ смотрѣлъ зажиточно. Изба — чистая, съ крылечкомъ. На ставняхъ нарисованы горшки съ цвѣтами, изъ оконъ видны занавѣски.

— Да у тебя жена-то еще молодуха,—пошутилъ Теркинъ,—а онъ тебя, тетка, старухой зоветъ.

— Извѣстно,—отвѣтила въ тонъ хозяйка и тихо улыбнулась поблеклыми умными глазами. — Ему же ловчѣе... на молоденькихъ-то поглядывать.

— Да который тебѣ годокъ?

Теркинъ слѣзъ и присѣлъ на крылечкѣ.

— Много ей годовъ, не меньше мово! — отозвался Николай, съ ведромъ въ рукахъ подходившій къ лошади.

— Прибавляетъ? — спросилъ Теркинъ и подмигнулъ. Ему эта крестьянская чета нравилась.

— Много ли? Шестой десятокъ пошелъ.

— И неужели много дѣтей выкормила и выходила?

— Выходить-то выходили,—отвѣтила она и характерно повела губами,—только не своихъ.

— Какъ такъ?

— Своихъ-то у насъ не было, господинъ,—опять откликнулся Николай отъ лошади.—Трехъ пріемышей брали... и все дѣвокъ...

— А теперь опять одни остались,—выговорила хозяйка.

— Замужъ повыдали?

— Нешто!

— У двухъ ужъ дѣти свои,—добавилъ Николай.

— Вотъ тебѣ, поди, и скучненько бываетъ?—спросилъ Теркинъ.

— Мало ли што!

— Здѣсь, въ Кладенцѣ выдали?

— Одну здѣсь.

— Значитъ, внучки все равно есть, хоть и не кровныя.

Теркинъ вынулъ изъ кармана свертокъ съ пряниками и подалъ хозяйкѣ.

— Снеси внучкѣ.

— Благодарствуемъ.

— Ты гдѣ же это, кормилецъ, пряники-то добылъ? Мнѣ и невдомёкъ!—обратился къ Теркину Николай.

Лошадь его все еще пила изъ ведра.

— На фабрику заходилъ!—весело отвѣтилъ Теркинъ.

— Не къ Птицыну ли, къ Акинфію Данилычу?

— Къ нему самому.

— А я думалъ... такъ... за надобностью куда... Значитъ, у Птицына были, заведеніе его посмотрѣть... Намедни я одного барина возилъ, тоже полюбопытствовалъ... Сколько здѣсь теперь заведеньевъ... противу Птицынскаго нѣтъ ни одного, даромъ что онъ не коренной кладенецкій.

— Понравился вамъ Акинфій Данилычъ?—спросила хозяйка.

— Душевный человѣкъ... Ласковый такой...

— Это вѣрно,—отозвался Николай,—добрѣйшей души. И сколько народу имъ кормится на базарѣ да и по деревнямъ торговки, разносчики. Никому не откажетъ, вѣритъ въ долгъ. Только имъ и живы.

— Онъ не по старой вѣрѣ?

На вопросъ Теркина Николай оставилъ ведро и немного почесался.

— Какъ сказать, мы въ это не входимъ... Сынъ-отъ... чай, видѣли... такой худощавый изъ себя парень, — большой искусникъ по своей части... Тотъ, поди, куда-нибудь

нетъ... Только они къ здѣшней молельнѣ не привержены.

Теркинъ вынулъ папиросу и спросилъ:

— А курить у васъ не зазорно, тетка?

— Курите, батюшка, мы вѣдь не раскольники.

Возгласъ Николая почему-то вызвалъ въ Теркинѣ сильное желаніе поговорить съ этой четой по душѣ о самомъ себѣ, объ отцѣ, о томъ, зачѣмъ онъ проникъ во дворъ пряничнаго заведенія.

— Послушай,—окликнулъ онъ Николая, покончившаго съ водопоемъ лошади, — ты, небось, знаешь, чей былъ прежде дворъ, гдѣ теперь Птицыны?

— Допрежъ? Дай Богъ памяти!

— Чтой-то... Митричъ!—подсказала жена.—Нѣшто запамятовалъ? Теркиныхъ домъ-отъ... споконъ вѣку стоялъ.

— Ивана Прокофьича ужли не помнишь? — спросилъ Теркинъ, и краска проступила у него въ щекахъ.

Николай почесалъ у себя надъ вискомъ и снялъ картузъ.

— Это точно! Какъ не помнить Иванъ Прокофьича... Никакъ, онъ померъ?..

— Померъ,—повторилъ Теркинъ и тотчасъ же прибавилъ:—и старухи нѣтъ... Ты, Николай, думаешь, что я—заѣзжій баринъ? Такъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, какъ пряники дѣлаютъ у Птицына?.. А я на этомъ самомъ дворѣ выросъ. Меня Иванъ-то Прокофьичъ со своей старухой приняли... вотъ какъ вы же трехъ невѣстъ воспитали... Я—ихъ нареченный сынъ.

— Ой ли?

Николай подошелъ поближе къ нему и вглядѣлся.

— Можетъ, видалъ меня мальчишкой?

— Видать-то видалъ, безпремѣнно, а ни въ жисть не признаешь!

— Вонъ ты, кормилецъ, какой теперича — баринъ настоящій.

Жена Николая подперла ладонью свое благообразное, немного строгое лицо и тоже воззрилась въ гостя.

— Бездѣтные они были, это точно. Сама-то я не бывала у нихъ ни единожды, а въ шабрахъ не мало гуторили. Помнишь, Митричъ? У Ивана-то Прокофьича нелады шли со старшиной, что ли?

— Съ Малмыжскимъ? Какъ не помнить! Онъ, никакъ, и на поселеніе угодилъ? Такъ вѣдь, батюшка?

Теркинъ все имъ разсказалъ: про ссылку отца, про свое

ученье и мытарства, про то, какъ онъ больше пяти лѣтъ не заглядывалъ въ Кладенецъ — обиду свою не могъ забыть, а теперь вотъ потянуло, не выдержалъ, захотѣлось и во дворѣ побывать, гдѣ его, подкидыша, приняли добрые люди.

— Видишь, тетка, — сказалъ онъ, совсѣмъ смягченный своимъ признаніемъ,—я такой же пріемышъ, какъ и твои названныя дѣтки. Вы ихъ со старикомъ гдѣ же брали? У здѣшнихъ кладенецкихъ крестьянъ или у деревенскихъ?

— Все у здѣшнихъ,—отвѣтили оба разомъ.

— А я—подкидышъ!

И мужъ, и жена помолчали.

— Такъ и не знаешь, — тихо спросила Анисья, — какихъ такихъ родителевъ?

— Слышала, чай, подкинули... Какъ же тутъ узнаешь?

Николай значительно поглядѣлъ на жену: „печего, молъ, попусту болтать“.

— Лучше и родные отецъ съ матерью для меня не были бы,—сказалъ Теркинъ.

Онъ взглянулъ на мужа и жену и радовался тому, что эта чета всѣмъ своимъ побытомъ выѣдала изъ него недавнее злобное чувство къ кладенецкимъ мужикамъ.

— Не понесешь безъ лютой нужды свое дѣтище къ чужимъ людямъ,—какъ бы про себя выговорила Анисья и отошла къ воротамъ.

Теркинъ поднялся.

— Поминаютъ ли здѣсь добромъ Ивана Прокофьича?— спросилъ онъ возбужденно.— Вѣдь онъ животъ положилъ за своихъ однообщественниковъ! И базарную-то площадь онъ добылъ отъ помѣщика, чуть не пять лѣтъ въ ходокахъ состоялъ. А они его тѣмъ отблагодарили, что по приговору сослали, точно конокрада или пропойцу.

— Мы, батюшка,—отвѣтилъ Николай, взявъ лошадь за узду, чтобы вывезти со двора долгушу, — по правдѣ сказать, ко всей этой сварѣ непричастны были. Я по другому совсѣмъ обчеству, хоть и одной волости. На сходки-то когда же намъ ходить? У меня промыселъ извозный. Не до этого... И до сей поры свара-то не улеглась... Одни подбиваютъ на городовое положеніе перейти, а другіе ни подъ какимъ видомъ не соглашаются... Ходоковъ посылаютъ въ губернію, и сборы всякіе... Намеднясь и съ меня содрали цѣлую трешницу... А намъ со старухой и такъ хорошо!.. Нешто плохо, старая? — весело крикнулъ

онъ женѣ. — Коли будемъ тосковать, можно и еще въ домъ взять паренька, что ли... Богъ дастъ, вотъ такого молодца выходимъ, какъ ваша милость.

— Авось Богъ пошлетъ!—подхватилъ Теркинъ.—Ежели младенецъ не крещеный, я въ крестные пойду. Прощай, хозяйка!

И онъ вскочилъ на долгушу, крикнувъ Николаю:

— Теперь опять къ становому!

XXXV.

Становой жилъ въ большой пятистѣнной избѣ, съ подклѣтью, гдѣ прежде, должно-быть, помѣщалась мастерская, и ходъ къ нему былъ черезъ крытый, совсѣмъ крестьянскій дворъ, такой, какъ у Николая, только попросторнѣе... Съ угла сруба бѣлѣлась вывѣска. На крыльцо вела крутая лѣстница. Ворота стояли настежь отворенными.

Съ долгуши Теркинъ окликнулъ сидѣвшаго на завалинкѣ человѣка, видомъ разсыльнаго, въ рыжемъ старомъ картузѣ, съ опухшей щекой, въ линючемъ нанковомъ пиджакѣ.

— Становой дома?

— Дома.... Пожалуйте!..

Разсыльный подошелъ, и Теркинъ сейчасъ же узналъ въ немъ писаря Силоамскаго, того самаго, который присутствовалъ при его наказаніи розгами въ волостномъ правленіи и острилъ надъ нимъ.

Кровь бросилась ему въ лицо.

— Вы кто здѣсь, служащій?—спросилъ Теркинъ, сдерживая свое волненіе.

— При становомъ состою, ваше благородіе, вѣстовымъ.

Весь обликъ бывшаго писаря, цвѣтъ лица, воспаленные глаза, обшарпанность одежды показывали, что онъ сталъ пропойцей, навѣрно выгнанъ былъ съ прежней службы и теперь кормится у станового, безъ жалованья.

Теркинъ чуть не крикнулъ ему:

„Что, почтеннѣйшій, на пакостяхъ своихъ не нажили палатъ каменныхъ?“

Силоамскій, прищуриваясь отъ свѣта,—день стоялъ яркій и теплый,—смотрѣлъ на него и, видимо, не узнавалъ.

— Туда идти, наверхъ?—спросилъ Теркинъ.

— Вамъ по дѣлу, ваше благородіе?

— Отъ отца-настоятеля.

— Пожалуйте.

Силоамскій побѣжалъ вверхъ по крутымъ ступенькамъ лѣстницы и отворилъ дверь. Когда Теркинъ проходилъ мимо, на него пахнуло водкой. Но онъ уже не чувствовалъ ни злобы, ни неловкости отъ этой встрѣчи. Вся исторія съ его наказаніемъ представлялась ему въ туманной дали. Не за себя, а скорѣе за отца могло ему сдѣлаться больно, если бъ въ немъ разбередили память о тѣхъ временахъ. Бывшій писарь былъ слишкомъ теперь жалокъ и лакейски низменъ... Вѣроятно, и остальные „вòроги“ Ивана Прокофьича показались бы ему въ такомъ же родѣ.

— Къ вамъ, ваше высокоблагородіе, господинъ... отъ отца-настоятеля.

Силоамскій доложилъ это на порогѣ первой комнаты, куда изъ темныхъ сѣней входили прямо. Она была въ три окна, оклеена обоями, въ ту минуту очень свѣтла, съ письменнымъ столомъ и длиннымъ диваномъ по лѣвой стѣнѣ.

Раздался скрипъ высокихъ сапогъ станового, и онъ вошелъ изъ второй комнаты, служившей ему спальной, въ бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами, рослый, кудрявый, бородатый, смахивалъ на дьякона въ военной формѣ.

— Былъ уже у васъ и оставилъ записочку отъ отца-настоятеля.

Теркинъ все-таки не хотѣлъ назвать себя по фамиліи при Силоамскомъ. Тотъ медлилъ закрыть дверь за собою.

— Весьма радъ!.. Записку нашелъ... Не угодно ли на диванъ?

Голосъ у станового былъ самый „духовный“. Говорилъ онъ рѣзко на „онъ“, какъ говорятъ въ глухихъ заволжскихъ селахъ, откуда онъ былъ родомъ, да и въ мѣстной семинаріи этотъ говоръ все еще держался, особенно среди дѣтей деревенскихъ причетниковъ.

— Можешь идти, — оттянулъ густымъ басомъ становой въ сторону посыльнаго и еще разъ движеніемъ правой руки пригласилъ гостя на диванъ.

— Съ нашимъ древнимъ селомъ желаете ознакомиться?—тѣмъ же басомъ спросилъ становой и довольно молодцевато, почти по-военному, перевелъ высокими своими плечами.

— Кладенецъ — моя родина. Только я отъ нея поотсталъ.

— Извините... фамиліи не разобралъ въ точности.

— Теркинъ.

По выраженію глазъ станового не видно было, что фамилія „Теркинъ“ что-нибудь ему напомнила.

— Родителей имѣете здѣсь?

— Нѣтъ! Никого!

— Отецъ-настоятель пишетъ, что вы интересуетесь осмотрѣть молельню здѣшнихъ старообрядцевъ... Это можно. И службу ихнюю тоже желательно видѣть?

— Коли это не соблазнительно будетъ для нихъ.

Становой усмѣхнулся сквозь густые усы своимъ широкимъ семинарскимъ ртомъ.

— Понятное дѣло... Какъ по имени-отчеству?

— Василій Иванычъ.

— Понятное дѣло, они всегда на всякаго никоньянца волкомъ смотрятъ... Однако допускаютъ.

— Вы съ ними ладите?

— По теперешнему времени,—глаза станового улыбнулись,—нѣтъ для нихъ никакихъ такихъ угнетеній... подъ условіемъ, конечно, чтобы и съ ихъ стороны не происходило никакого оказательства или совращенія. Опять же здѣсь и миссіонеръ нарочито на сей конецъ имѣется. Вы не изволили побывать у него?

— Побываю.

— Малый весьма дошлый и усердный. По правдѣ вамъ сказать, онъ одинъ и дѣйствуетъ. Монашествующая наша братія да и бѣлое духовенство не пускаются въ такія состязанія. Одни—по неимѣнію подготовки, а другіе—не о томъ радѣютъ... Чуть что — къ свѣтскому начальству съ представленіями: „и это запрети, и туда не пущай“. И нашему-то брату стало куда труднѣе противъ прежняго. Въ старину земская полиція все была... и вязала, и рѣшила. А теперь и послабленія допускаются, и то-и-дѣло вмѣшательство...

Басистымъ короткимъ смѣхомъ прервалъ себя становой.

— У нихъ и богадѣльня есть?

— Какъ же... И даже весьма солидное каменное зданіе. Намѣреніе-то у нихъ было въ верхнемъ этажѣ настоящую церковь завести. Они вѣдь—изволите, чай, припомнить—по бѣглопоповскому согласію. Главнымъ попечителемъ состоитъ купецъ-милліонщикъ. На его деньги вся и постройка производилась. Однако, допустить того

нельзя было. Такъ верхній этажъ-то и стоитъ пустой, а старухи помѣщаются въ первомъ этажѣ.

Теркинъ слушалъ станового и помнилъ, что ему надо узнать, гдѣ проживаетъ Аршауловъ, тотъ „горюнъ", который пострадалъ изъ-за кладенецкихъ мужиковъ еще больше, чѣмъ Иванъ Прокофьичъ; только не хотѣлъ онъ безъ всякаго перехода разузнавать о немъ.

— А въ двухъ здѣшнихъ сельскихъ обществахъ попрежнему, усобица идетъ? — спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Идетъ-съ,—оттянулъ становой съ усмѣшечкой.—Еще не такъ давно конца краю этому не было. Однако теперь партія торговая... самая почтенная, та, что на городовое положеніе гнетъ, одолѣла... Прежнихъ-то, какъ бы это фигурально выразиться, демагоговъ-то, горлопановъ-то поограничили... Старшина, который въ этой водѣ рыбу удилъ...

— Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Вамъ, слѣдственно, не безызвѣстно?

— Слыхалъ.

— Онъ разжился и ушелъ по-добру, по-здорову. Аггелы его,—становой разсмѣялся, довольный своимъ словомъ,— всѣ проворовались или пропились. Вотъ разсыльнаго при себѣ, почти Христа-ради, держу!—онъ указалъ курчавой головой на дверь.—Былъ писарь у нихъ и первый воротила... Силоамскій по фамиліи, зашибается горечью... Потерплю-потерплю, да тоже прогоню.

— И ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Обязательно! Затѣя была, ежели такъ взять, великодушная, но ничего, кромѣ новыхъ смутъ и хищеній, не вызвала... Да и тотъ, который...

Онъ не договорилъ и жалостно улыбнулся.

— Вы хотѣли сказать про Аршаулова?

— И про него вамъ извѣстно?

— Бѣдняга!

— Это точно!

Тутъ было у мѣста разспросить его про Аршаулова. Становой не сталъ ёжиться или принимать официальный тонъ, а довольно добродушно сообщилъ гостю, что Аршауловъ водворенъ сюда, проживаетъ у старухи-матери, чуть живъ, въ большой бѣдности; въ настоящее время, съ разрѣшенія губернскаго начальства, находится „въ губерніи", но долженъ на-дняхъ вернуться. Онъ растол-

ковалъ Теркину, гдѣ находится и домикъ почтмейстерской вдовы.

— Непріятностей онъ вамъ не причиняетъ?—спросилъ Теркинъ вполголоса.

— Не могу пожаловаться... Да знаете, онъ больше, какъ бы это выразиться... созерцатель, чѣмъ причастный къ крамолѣ. Къ тому же, и въ чемъ душа жива... Ежели вы его навѣстите, увидите—краше въ гробъ кладутъ.

Визитомъ къ становому Теркинъ былъ доволенъ.

Когда онъ сталъ прощаться, тотъ быстро подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него записку настоятеля и, держа ее въ рукѣ, спросилъ:

— Съ Моховымъ, съ Никандромъ Саввичемъ, вы еще не повидались? Отецъ-архимандритъ пишетъ, что вамъ и съ нимъ желательно повидаться. Онъ теперь первый воротила у партіи городового положенія.

— И отца моего пріятель былъ.

— Одно къ одному!.. Да не угодно ли вмѣстѣ? У васъ здѣсь, никакъ, извозчикъ: видѣлъ—долгуша подъѣзжала... Мнѣ же до него дѣло есть... Вы сами-то гдѣ же изволили остановиться?

Пришлось и ему разсказать про ночлегъ въ трактирѣ. Становой извинился за такое „безобразіе“ и выразилъ увѣренность въ томъ, что Никандръ Саввичъ перевезетъ „дорогого гостя“ къ себѣ, коли ему не хочется погоститъ въ монастырѣ.

— Да и у меня, милости прошу, вотъ вся моя хоромина, съ диваномъ!.. Только по утрамъ бываетъ народъ, а вечеромъ тишина полная... Я вѣдь и самъ былъ вашимъ постояльцемъ.

— Какъ это?

— Отецъ-архимандритъ сообщилъ: вы—хозяинъ парохода Батракъ. Я на немъ внизъ по Волгѣ бѣгалъ. Превосходный ходокъ! И какъ все устроено, на американскій манеръ... Вамъ бы извѣстить меня депешей. А къ начетчику молельни мы тоже можемъ заѣхать. Завтра у нихъ утромъ служба... Силоамскій! — крикнулъ становой въ дверь,—подавать вели извозчику.

И опять по лицу бывшаго писаря Теркинъ не могъ догадаться: узналъ ли онъ пріемыша Ивана Прокофьича или нѣтъ.

XXXVI.

На балконѣ двухъэтажнаго дома Никандра Саввича Мохова, защищенномъ отъ солнца тиковыми занавѣсками, на другой день, раннимъ послѣ-обѣдомъ, Теркинъ курилъ и отхлебывалъ изъ стакана сельтерскую воду. Хозяинъ пошелъ спать. Гость поглядывалъ на раскинувшуюся передъ нимъ панораму Кладенца. Влѣво шла откосомъ улица съ бревенчатой мостовой, обставленная лавками. Она сначала вела къ плоскому оврагу, потомъ начинался подъемъ, гдѣ стоялъ тотъ трактиръ, откуда онъ вчера переѣхалъ къ Мохову, по усиленной его просьбѣ. Не было причины отказать... Моховъ обрадовался ему чрезвычайно, даже слезы у него выступили на глазахъ, когда они расцѣловались. Онъ вспоминалъ объ Иванѣ Прокофьичѣ въ самыхъ пріятельскихъ выраженіяхъ. Ни въ монастырь, ни на постоялый дворъ Теркину не захотѣлось переѣзжать изъ трактира, гдѣ было совсѣмъ скверно.

На самомъ верху выставлялись главы церкви Николая Чудотворца. Ее кладенецкіе обыватели звали „соборомъ“ и очень заботились о его „велелѣпіи“—соперничали съ раскольниками по части церковнаго убранства, службы, пѣнія, добыли себѣ „изъ губерніи“ въ дьяконы такого баса, который бы непремѣнно попалъ въ протодьяконы къ архіерею, если бъ не зашибался хмелемъ.

Теркинъ перебиралъ все, что̀ ему привелось въ одну недѣлю видѣть и ощущать тамъ—у Троицы, здѣсь--въ Кладенцѣ. Не испыталъ онъ нигдѣ возврата къ простой мужицкой вѣрѣ. Сегодня утромъ, отправляясь къ молельнѣ, съ запиской отъ станового, онъ искренно желалъ найти у раскольниковъ что-нибудь дѣйствующее на чувство, картину болѣе строгаго благочестія, хотя бы даже изувѣрства, но такого, чтобы захватывало сразу.

Опять долгуша Николая подвезла его къ высокой каменной оградѣ съ воротами, какія бываютъ на кладбищахъ. У воротъ стояло не мало телѣгъ, съ пріѣхавшими изъ деревень бабами и мужиками.

На обширномъ дворѣ, кое-гдѣ съ березками и кустами бузины, гдѣ пріютилось и кладбище, прямо противъ входа — молельня, выкрашенная въ темносѣрую краску, съ крытымъ ходомъ кругомъ всего зданія, похожаго и на часовню, и на жилой домъ.

Оттуда доносилось пѣніе, довольно стройное, громкое,

точно всѣ молящіеся пѣли, съ протяжнымъ звукомъ въ концѣ каждаго возгласа, въ минорномъ пріятномъ тонѣ, отличномъ отъ обыкновеннаго пѣнія православной службы.

На дворѣ онъ остановилъ мальчика, проходившаго къ крылечку съ лѣвой стороны зданія. Мальчикъ былъ въ темномъ нанковомъ кафтанчикѣ особаго покроя, съ кожаной лестовкой въ рукахъ; треугольникъ болтался на ея концѣ. Она ему сейчасъ же напомнила разговоръ съ Серафимой о ея матери, о поклонахъ до тысячи въ день и переборкѣ „бубенчиковъ“ лестовки.

Мальчика онъ попросилъ вызвать какого-то Егора Евстигнеича, на что тотъ мотнулъ головой и, бросивъ на него вкось недоумѣвающій взглядъ, выговорилъ отрывисто:

— Подожди маленько.

Противъ крылечка выходило двухъэтажное каменное зданіе, совсѣмъ уже городской новѣйшей архитектуры, оштукатуренное, розоватое, съ фигурными украшеніями карнизовъ. Онъ зналъ отъ станового, что мѣстный попечитель богадѣльни, купецъ-мучникъ, еще не вернулся съ ярмарки, но жена его, навѣрно, будетъ тутъ, въ молельнѣ или въ богадѣльнѣ.

Прошло не меньше пяти минутъ. На крылечко сначала выглянулъ молодой мужикъ, съ выстриженной маковкой, въ темномъ кафтанѣ и также съ лестовкой, увидалъ Теркина и тотчасъ же скрылся.

Пѣніе все еще доносилось изъ молельни.

Вышелъ другой, уже пожилой, такой же рослый раскольникъ, вѣроятно, изъ „уставщиковъ“, и быстро приблизился къ Теркину.

— Вы къ Егору Евстигнееву? — спросилъ онъ его и вскинулъ волосами, спустившимися у него на лобъ. Маковка была также выстрижена.

— Можно въ молельню?.. Меня господинъ становой прислалъ... Только я не чиновникъ, — прибавилъ Теркинъ,—а желалъ бы такъ войти, послушать вашей службы и осмотрѣть богадѣльню.

Уставщикъ опять тряхнулъ волосами.

— Что жъ... войдите!..

Взглядывалъ онъ не особенно привѣтливо, но ничего злобнаго въ его тонѣ не сквозило.

Вслѣдъ за нимъ Теркинъ вошелъ черезъ боковую дверь въ молельню. Она оказалась полной народа. Иконостасъ,

безъ алтаря, покрывалъ всю заднюю стѣну... Служба шла посрединѣ, передъ амвономъ. Отовсюду блестѣла позолота иконъ и серебро паникадилъ. Ничего бросающагося въ глаза, непохожаго на то, что можно видѣть въ любой богатой православной часовнѣ или даже церкви, онъ не замѣтилъ... Вокругъ аналоя скучились пѣвцы, все мужчины. Ихъ было больше тридцати человѣкъ. Глубина молельни, гдѣ чернѣли платки и сарафаны женщинъ, уходила вправо, и туда Теркину неудобно было смотрѣть, не оборачиваясь, чего онъ не хотѣлъ дѣлать... Показалось ему, что и остальные богомольцы подпѣвали хору. Въ пѣніи онъ не замѣчалъ никакого непріятнаго и рѣзкаго „гнусавенья“, о какомъ слыхалъ всюду въ толкахъ о раскольничьей службѣ. Читали внятно, неспѣшно, гораздо выразительнѣе, чѣмъ дьячки и дьяконы въ православной службѣ, даже и по городамъ.

Долго стоять было неловко: на него начали коситься. Онъ замѣтилъ пронзительный взглядъ одной богомолки, изъ-подъ чернаго платка, и вспомнилъ, какъ ему отецъ-экономъ, когда они ѣхали въ долгушѣ къ становому, въ разговорѣ о раскольницахъ-старухахъ сказалъ:

„Встрѣтится съ вами на улицѣ, такъ васъ глазами-то и ожжетъ всего“.

Служба уже отходила. Впустившій его уставщикъ вышелъ съ нимъ на крыльцо.

— Мнѣ бы въ богадѣльню... Попечителя супруга, можетъ-быть, здѣсь?

— Онѣ какъ разъ прошли туда. Пожалуйте.

Въ нижнемъ этажѣ, изъ крытыхъ сѣней съ чугунной лѣстницей онъ попалъ въ переднюю, гдѣ пахло щами. Его встрѣтила пожилая женщина, въ короткой душегрѣйкѣ и въ богатомъ свѣтлокоричневомъ платкѣ, повязанномъ по-раскольничьи. Это и была жена попечителя. Нѣсколько чопорное выраженіе сжатаго рта и глазъ безъ бровей смягчалось общимъ довольно благодушнымъ выраженіемъ.

Уставщикъ подвелъ къ ней посѣтителя и тотчасъ удалился.

— На сколько у васъ кроватей?

— Да теперь, сударь, шешнадцать старухъ у насъ... Вотъ пожалуйте.

Въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ стояли койки. Старухи были одѣты въ темные холщевые сарафаны. Иныя си-

дѣли на койкахъ и работали или бродили, двѣ лежали лицомъ къ стѣнѣ и одна у печки, прямо на тюфякѣ, разостланномъ по полу, босая, въ одной рубахѣ.

Это сейчасъ же отнесло его къ тому сумасшедшему дому, гдѣ его держали десять лѣтъ назадъ.

— Она слабоумная? — тихо спросилъ онъ попечительницу.

— Совсѣмъ разбита... Не можетъ ни ногами, ни руками двинуть... Съ ложки кормимъ.

— И докторъ бываетъ?

— Нѣтъ, сударь, мы обходимся своими средствами... Которымъ недужится—годовъ много... Вотъ этой девятый десятокъ идетъ и давненько ужъ какъ пошелъ.

На койкѣ сидѣла согнувшись старуха, въ бѣломъ платкѣ и темносинемъ сарафанѣ.

Теркинъ пораженъ былъ остатками красоты ея совсѣмъ желтаго, точно костяного лица. Только одни глаза съ сильными впадинами и жили въ этой мумiи. Она взглянула на него молча и долго не отводила взгляда... Ему стало даже жутко.

— И еще здорова?

— Какое ужъ здоровье... Да у ней ничего и не узнаешь... Молчитъ по цѣлымъ днямъ...

Когда онъ прощался съ попечительшей, появились двѣ бабы—сидѣлка и стряпуха. Онѣ глядѣли на него скорѣе привѣтливо, обѣ толстыя, съ красными лицами.

— Вотъ и вся моя команда, сударь!—указала на нихъ попечительша.

— Женское царство!

— Такъ точно.

Попечительша усмѣхнулась и почтительно проводила его на дворъ, гдѣ и поклонилась низкимъ, истовымъ поклономъ.

Ничего „особеннаго“ не вышло изъ этого посѣщенія молельни. Въ себѣ онъ никогда не зналъ вражды или гадливаго чувства къ раскольникамъ. Все у нихъ было, какъ и быть слѣдуетъ въ молитвенномъ домѣ, довольно благообразно. Но ни къ ихъ начальникамъ и уставщикамъ, ни къ толпѣ простыхъ раскольниковъ не тянуло. Не мѣнять же вѣры? И ничего у нихъ не найдешь, кромѣ обрядовъ да всякихъ запретовъ. А тамъ копни самую суть — и окажутся они такими же „сухарниками“, какъ то согласіе, въ которое совратилась мать Серафимы...

Либо бѣглый попъ-разстрига сидитъ у нихъ гдѣ-нибудь въ подклѣти, пока наставники и уставщики служатъ на глазахъ у начальства.

Никакого душевнаго интереса не нашелъ онъ въ себѣ и на квартирѣ „миссіонера“, на видъ шустраго мѣщанина, откуда-то изъ-за Волги, состоящаго на жалованьѣ у мѣстнаго православнаго братства, изъ бывшихъ раскольниковъ поморской секты.

Теркинъ почему-то усомнился въ его искренности и не сталъ много разспрашивать про его борьбу съ расколомъ, хотя миссіонеръ говорилъ о себѣ очень серьезнымъ тономъ и далъ понять сразу, что только имъ однимъ и держится это дѣло „въ округѣ“, какъ онъ выражался.

Ни законная святыня, ни терпимая только раскольничья не захватывали. Нѣтъ, не находилъ онъ въ себѣ простой мужицкой вѣры, но доволенъ былъ тѣмъ, что въ Кладенцѣ, въ эти двое сутокъ, улеглось въ немъ непріязненное чувство къ здѣшнему крестьянскому міру... Онъ даже обрадовался, когда его хозяинъ, Моховъ, предложилъ ему потолковать объ ихъ общественныхъ дѣлахъ съ двумя-тремя его сторонниками, изъ самыхъ „почтенныхъ“ обывателей. Ихъ пригласили къ вечернему чаю; хозяинъ былъ вдовый и бездѣтный, велъ теперь большую торговлю мясомъ, коровьимъ и постнымъ масломъ.

Теркинъ самъ просилъ его не церемониться и соснуть, по привычкѣ, часокъ-другой. Вообще хозяинъ ему понравился и даже тронулъ его теплой памятью о своемъ „однообчественникѣ“—Иванѣ Прокофьичѣ.

XXXVII.

За чаемъ, въ одной изъ парадныхъ комнатъ, сидѣли они впятеромъ. Хозяинъ, на видъ лавочникъ, черноватый моложавый человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, одѣтый „понѣмецки“, съ рябинами на смугломъ лицѣ, собранномъ въ комочекъ, очень юркій и ласковый въ разговорѣ. Остальные больше смотрѣли разжившимися крестьянами, въ чуйкахъ и высокихъ сапогахъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Меньшуткинъ, былъ еще молодой малый. Двое другихъ прозывались Шараевъ и Дубышкинъ.

Моховъ уже ознакомилъ своего гостя и постояльца съ положеніемъ ихъ „обчественныхъ дѣловъ“. Всѣ они ругали бывшаго старшину Малмыжскаго, которому удалось поставить себѣ въ преемники своего подручнаго, такого

же „выжигу и „мошейника“, и черезъ него онъ попрежнему мутитъ на сходахъ и, разжившись теперь достаточно, продолжаетъ представлять изъ себя „отца-благодѣтеля“ кладенецкой „гольтепы“, спаиваетъ ее, когда нужно, яко бы стоитъ за ея нужды, а на самомъ дѣлѣ только обдираетъ какъ самый злостный паукъ и науськиваетъ на тѣхъ, кто уже больше пятнадцати лѣтъ желаетъ перейти на городовое положеніе.

Всѣ эти разоблаченія перенесли гостя къ тому времени, когда, бывало, покойный Иванъ Прокофьичъ весь раскраснѣется и съ пылающими глазами то вскочитъ съ мѣста, то опять сядетъ, руками воздухъ рѣжетъ и говоритъ, говоритъ... Конца его рѣчамъ нѣтъ...

И всѣ его рѣчи вертѣлись около этихъ самыхъ „обчественныхъ дѣловъ“. И тогда, и теперь его „вороги“ держали сходы въ своихъ плутовскихъ лапахъ, спаивали „голытьбу“, морочили ее, поддѣлывали фальшивыя подписи на протоколахъ сходокъ, ябедничали начальству; такихъ лицъ, какъ онъ, выставляли „смутьянами“ и добивались приговоровъ о высылкѣ на поселеніе.

— Почему же вы не отдѣлитесь отъ нихъ?—спросилъ Теркинъ, когда достаточно наслушался обличеній и доводовъ хозяина. Остальные трое только поддакивали ему.

— Сколько разъ пробовали! — воскликнулъ Моховъ и тряхнулъ своими курчавыми волосами.

— Мало ли хлопотали!—отозвался еще кто-то.

— И что же?

— Не даютъ ходу. Начальство и здѣшнее, и губернское, на сторонѣ нашихъ вороговъ.

— Однако, какія же причины приводятъ?

— Видите ли, обѣднѣетъ крестьянство. Опять же здѣсь, какъ вы изволите знать, два обчества... Одно-то и подается. То дальше, вонъ гдѣ дворъ Ивана Прокофьича стоялъ... А другое—графская вотчина, гдѣ базарная площадь и всѣ ряды. Тутъ самая драная грамота. Лавки еще у графскаго экономa выкуплены были, и акты совершались, и потомъ, при написаніи уставной грамоты, все это было утверждено. Теперь же гольтепа и ея совратители гнутъ на то, чтобы заново съ насъ же содрать выкупъ... Платить, видите ли, имъ же надо, сельскому обществу, вдругорядь... Коли мы-де на городовое положеніе сядемъ, тогда что же намъ съ васъ содрать? Вы-ста городскую управу учредите и нами командовать будете. Откупайтесь,

коли хотите, заново капиталъ намъ положите обчественный и живите себѣ.

— По-моему,—замѣтилъ Теркинъ,—вамъ такъ бы было удобнѣе.

— Что вы? Василій Иванычъ! Батюшка!—воскликнулъ хозяинъ и вскочилъ съ мѣста. — Да вы нѣшто не знаете здѣшнихъ разбойниковъ? Примѣрно, мы всѣ, торговцы, согласимся и откупимся... Они насъ доѣдутъ всячески! Первымъ дѣломъ, мы все-таки на городовое положеніе не сядемъ. Для этого надо общій приговоръ съ узакопеннымъ числомъ голосовъ. Намъ останется одно: приписаться къ мѣщанству и къ гильдіи. Такъ нѣкоторые и сдѣлали. А ежели мы всѣ, торгующіе въ рядахъ и на площади, сообща откупимся, мы къ нимъ въ кабалу попадемъ... Примѣры-то бывали. Они насъ воды лишатъ.

— Какъ воды лишать?—спросилъ Теркинъ.

— Очень просто, Василій Иванычъ. Отрѣжутъ ходъ отъ рѣки. Такіе примѣры бывали!.. Караулить будутъ... Не пущать къ рѣкѣ.

— И доведутъ до точки!

— Безпремѣнно!

— Да позвольте, господа,— заговорилъ Теркинъ, — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ здѣшнему бѣдному люду придется еще хуже, когда Кладенецъ будетъ городомъ?.. Вѣдь я, хоть и давно на родинѣ не бывалъ, однако, помню кое-что. Кто не торговецъ, тоже пробавляется кустарнымъ промысломъ. Есть у васъ и сундучники, посуду дѣлаютъ, пряники, шкатулочники прежде водились.

— Ну такъ что же?—уже съ бо̀льшимъ задоромъ возразилъ Моховъ. — Какое же здѣсь крестьянство, скажите на милость? Окромя усадебной земли, что же есть? Оброчныхъ двѣ статьи, землицы малая толика, въ аренду сдана, никто изъ гольтепы ея не займетъ... Есть еще каменоломня... Тоже въ застоѣ. Будь здѣсь городское хозяйство, одна эта статья дала бы столько, что покрыла бы всѣ поборы съ мелкихъ обывателей... А теперь доходъ-то весь плёвый, да половину его уворуютъ... Такъто-съ!

Моховъ опять вскочилъ.

— Какъ же вамъ быть, въ такомъ случаѣ, господа?

На вопросъ Теркина всѣ они переглянулись съ хозяиномъ.

— Куражу не терять, Василій Иванычъ,—отвѣтилъ за

всѣхъ хозяинъ,—куражу не терять... Вотъ если бъ въ губерніи у насъ было побольше доброжелателевъ... Вы нашъ коренной, кладенецкій... Намъ и лестно освоить васъ съ нашими дѣлами. У васъ тамъ по пароходству и по другимъ оборотамъ должно быть знакомство обширное. Еще бы лучше, если бъ вы здѣсь осѣдлость пріобрѣли, хоть для видимости.

— Опять къ обществу приписаться? — перебилъ Теркинъ. — Слуга покорный! Вы сами говорите, какая это сласть!

— Зачѣмъ приписываться?—возразилъ хозяинъ.—Вамъ довольно огадили наши порядки. И за родителя пріемнаго вы достаточно обижены... Но у васъ званіе почетнаго гражданина... Можно домикъ выстроить, хоть поблизости пароходныхъ пристаней, тамъ продаются участки, или въ долгосрочную аренду на тридцать лѣтъ. А между прочимъ, вы бы намъ всякое указаніе. Намъ супротивъ васъ гдѣ же? Учились вы въ гимназіи. И въ гору пошли по причинѣ своей умственности. Наше село должно гордиться вами.

— Извѣстное дѣло!—поддакнулъ кто-то.

— Знаете, Василій Иванычъ, капля-то камень точитъ. Мы надѣемся къ новымъ выборамъ теперешняго разбойника старшину спихнуть и своего человѣка поставить.

Отъ чая и отъ разговора лица у всѣхъ покраснѣли, глаза мысленно обращались къ Теркину. Онъ видѣлъ, куда клонился разговоръ, и будь это еще годъ назадъ— ему пріятно бы было хоть чѣмъ-нибудь выместить партіи Малмыжскаго и его клевретовъ. Но теперь онъ не чувствовалъ никакого злораднаго настроенія, и это не удивляло его, а скорѣе какъ бы радовало. Ему сдавалось, что передъ нимъ сидятъ, быть-можетъ, недурные, трезвые, толковые мужики, нажившіе достатокъ, только они гнутъ въ свою сторону, безъ всякой, повидимому, заботы о томъ, какъ-то придется „гольтепѣ“, какова бы она ни была.

— Скажите мнѣ, Никандръ Саввичъ, — спросилъ онъ вдругъ, уклоняясь отъ главнаго предмета бесѣды, — что же сталось съ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ?.. Въ одномъ изъ вашихъ сельскихъ обществъ?.. Или оно для обоихъ дѣйствовало?

Моховъ махнулъ рукой, и остальные молча усмѣхнулись.

— Смѣху подобно!.. Малмыжскій его и убилъ... съ другими воровалъ... И сухъ изъ воды вышелъ. Отъ всего этого товарищества званія не осталось.

— А кто его устраивалъ... какъ бишь?—Теркинъ оглянулъ ихъ, точно ища фамиліи.

— Аршауловъ, что ли?

— Да, Аршауловъ.

— Пропадаетъ онъ изъ-за этихъ же подлецовъ. Теперь здѣсь, въ Кладенцѣ, въ бѣдности, слышно, чуть живъ, подъ строгимъ надзоромъ. Всякій его сторонится... изъ прежнихъ-то благопріятелей. Съ нами онъ знакомства никогда не водилъ, чурался.

— Почему же?—оживленнѣе спросилъ Теркинъ.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ сказать... считаетъ насъ, быть-можетъ, кулаками и міроѣдами... Мы еще въ тѣ поры ему съ Иваномъ Прокофьичемъ говорили: „ничего-то изъ вашего товарищества не выйдетъ путёваго, коли вы Малмыжскаго съ его клевретами думаете допустить до этого самаго дѣла“... Такъ оно и вышло!

Остальные трое только покачали головами и ничего не прибавили отъ себя.

Теркинъ вдругъ подумалъ: почему пріемный его отецъ именно съ этими кладенецкими обывателями держался въ единомысліи? Мальчикомъ онъ смотрѣлъ на все, чѣмъ жилъ Иванъ Прокофьичъ, его же глазами. Онъ вѣрилъ, что отецъ всегда правъ, и его вороги—шайка мошенниковъ и развратителей той голытьбы, о которой столько онъ наслышанъ, да и зналъ ее довольно; помнилъ дни буйныхъ сходокъ, пьянства, озорства, дракъ, чуть не побоевъ, достававшихся тѣмъ, кто не хотѣлъ тянуть въ ихъ сторону. До сихъ поръ помнитъ онъ содержаніе обширной записки, составленной Иваномъ Прокофьичемъ, гдѣ говорилось всего сильнѣе о развращеніи кладенецкаго люда всякими средствами. И количество тайныхъ шинковъ помнилъ онъ: что-то пятьдесятъ или семьдесятъ-пять.

Но вся эта кладенецкая „драная грамота“, какъ выразился Моховъ, представилась ему не совсѣмъ такою, какъ прежде. Личное чувство къ бывшему старшинѣ Малмыжскому и его „клевретамъ“ улеглось, и гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Ему хотѣлось теперь одного: отыскать Аршаулова, принять въ немъ участіе,

заглянуть въ этого человѣка, согрѣть себя задушевной бесѣдой съ нимъ.

Еще долго посвящалъ его Моховъ въ междоусобія Кладенца; заговорили и трое его гостей, точно имъ что-то сразу развязало языкъ, хотя выпивки не было. Теркинъ слушалъ молча и все дальше и дальше чувствовалъ себя отъ этихъ единомышленниковъ его пріемнаго отца.

Подъ конецъ у него вырвались такія слова:

— Мудреное дѣло рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, даже и здѣшнему обывателю; а я теперь — человѣкъ со стороны.

— Вамъ слѣдуетъ поддержать насъ, Василій Иванычъ... Въ первую голову! — крикнулъ хозяинъ и пригласилъ къ закускѣ.

XXXVIII.

Опять очутился онъ на томъ самомъ мѣстѣ вала, гдѣ на него нашли думы о судьбахъ Кладенца, передъ посѣщеніемъ монастыря. Поднялся онъ рано, когда его хозяинъ еще спалъ, и долго бродилъ по селу, дожидался часа идти искать домикъ вдовы почтмейстера Аршаулова. Можетъ-быть, сынъ ея уже пріѣхалъ изъ губернскаго города.

Стояло такое же солнечное и теплое утро, какъ и тогда... Онъ сѣлъ подъ одну изъ сосенъ вала и смотрѣлъ вдаль, на загибъ рѣки и волнистое нагорное прибрежье. Какъ-то особенно, почти болѣзненно влекло его къ знакомству съ Аршауловымъ.

Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ прежде. У него бывали встрѣчи съ такими же радѣтелями о меньшей братіи. Тѣ, кто изъ нихъ впалъ въ преувеличенное поклоненіе мужику и его доблести, вызывали въ немъ всегда протестъ. Онъ стоялъ на томъ, что передъ деревенскими порядками нечего „млѣть“ и „таять“, и дальше того, что̀ ему случилось высказать прошлымъ лѣтомъ въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ на пароходѣ „Бирючъ“, онъ не шелъ. Примѣръ Аршаулова, его жалкая судьба — служили ему только лишнимъ доводомъ противъ народниковъ. Пріемный отецъ его никогда дурно не говорилъ объ Аршауловѣ, не подозрѣвалъ его въ намѣреніи поживиться чѣмъ-нибудь. Но онъ повторялъ, что эти господа не тѣмъ заняты, чѣмъ бы слѣдовало, что имъ легко „очки втирать“, на словахъ распинаться передъ

ними за крестьянскій міръ, а на дѣлѣ стричь его какъ стадо барановъ.

Его влекло къ Аршаулову не за тѣмъ, чтобы подкрѣпить въ себѣ такіе доводы. Въ немъ назрѣла жажда исповѣди вотъ такому именно человѣку и потребность сдѣлать для него что̀ можетъ. Между святой дѣвушкой, ушедшей отъ него въ могилу, и этимъ горюномъ была для него связь, хотя, быть-можетъ, онъ и не найдетъ въ немъ ея вѣры. Не за этимъ онъ идетъ къ нему, а просто за добромъ... Родное село дало ему больше, чѣмъ поѣздка къ Троицѣ. Нѣтъ уже того рва, который онъ самъ вырылъ между собою и крестьянствомъ. Услыхать отъ Аршаулова ждалъ онъ сочувственнаго слова личности и общественному поведенію Ивана Прокофьича.

Что жъ дѣлать! Не заставишь себя вѣрить ни по-мужицки, ни по-барски, ни съ дѣтской простотой, ни съ мрачнымъ мистицизмомъ, все равно какъ не заставишь себя любить женщину. Это придетъ или не придетъ. Онъ ищетъ примиренія съ совѣстью, а не тупого отрѣшенія отъ жизни, съ ея радостями и жаждой дѣятельнаго добра.

Когда Теркинъ снялся съ своего мѣста, было уже около девяти часовъ. Онъ могъ бы завернуть къ отцу-настоятелю, но оставилъ это до отъѣзда... Тутъ только подумалъ онъ о своихъ дѣлахъ. Больше десяти дней жилъ онъ внѣ всякихъ дѣловыхъ помысловъ. На низу, въ Астрахани, ему слѣдовало быть въ первыхъ числахъ сентября, да и въ Нижнемъ осталось кое-что неулаженнымъ, а ярмарка уже доживала самые послѣдніе дни.

Это его не тревожило. Впервые такъ искренно находилъ онъ, что жадничать нечего, что все пойдетъ своимъ порядкомъ. Барыши — безъ идеи, для одного себя — не привлекали его. Не въ годъ, такъ въ два или въ три у него не будетъ долга, и на новый рискъ онъ не пойдетъ. Останется долгъ душевный—въ своихъ собственныхъ глазахъ надо покрыть свою первую „передержку“. Калерія простила его, но онъ самъ до сихъ поръ не простилъ себя, хоть и расплатился съ Серафимой. Надо еще разъ выплатить эту сумму какимъ-нибудь хорошимъ дѣяніемъ. Какимъ? И объ этомъ онъ будетъ говорить съ Аршаулoвымъ.

Дошелъ онъ до почтовой конторы. У станового онъ

разспросилъ, какъ отыскать домикъ вдовы-почтмейстерши, и соображалъ теперь, въ какой переулокъ повернуть.

Домикъ стоялъ на углу, у подъема къ тому урочищу, что̀ зовется Баскачихой, про которую упоминалъ отецъ-настоятель, когда велъ съ нимъ бесѣду о кладенецкой старинѣ. Совсѣмъ почернѣлъ онъ; былъ когда-то выкрашенъ, только еще на ставняхъ сохранились слѣды зеленой краски; смотрѣлъ все-таки не избой, а обывательскимъ домомъ.

Въ калитку Теркинъ вошелъ осторожно. Она не была заперта. Дворъ открытый, тѣсный. Доска вела къ крылечку, обшитому тесомъ. И на крылечкѣ дверь подалась, когда онъ взялся за ручку, и попалъ въ крошечную переднюю, куда изъ зальца, справа, дверь стояла отворенной на одну половинку.

— Кого вамъ?—раздался слабый женскій голосъ съ замѣтнымъ шамканьемъ.

Его окликнули изъ глубины, должно-быть, изъ кухни или изъ каморки, выходившей окнами на дворъ.

— Господинъ Аршауловъ у себя?—спросилъ онъ громко.

Послышались шлепающіе шаги, и къ Теркину вышла старушка, очень бѣдно, не по-крестьянски одѣтая, видомъ няня, безъ чепца, съ сѣдыми какъ лунь волосами, завернутыми въ косичку на маковкѣ, маленькаго роста, сгорбленная, опрятная. Старый клѣтчатый платокъ накинутъ былъ на ситцевый капотъ.

— Господинъ Аршауловъ? — переспросилъ Теркинъ. — Здѣсь, если не ошибаюсь?

Старушка снизу вверхъ оглядѣла его слезливыми слабыми глазами, откинула голову немного на лѣвое плечо и выговорила, помедливъ:

— Живетъ онъ здѣсь... Только въ отъѣздѣ.

— Когда же будетъ назадъ?

— Да, право, не могу вамъ навѣрно сказать.

Она, видимо, не довѣряла ему.

— Вы — матушка его? — особенно ласково спросилъ Теркинъ.

— Да-съ.

— Какъ по имени отчеству?

— Марья Евграфовна.

— Вы позволите, Марья Евграфовна, на минуточку войти къ вамъ?.. Видите ли, я здѣсь проѣздомъ и мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы повидать вашего сына.

— Милости прошу.

Говоръ у старушки былъ немного чопорный: она, вѣроятно, родилась въ семьѣ чиновника или мелкопомѣстнаго дворянина.

Зальце въ три окна служило и спальней, и рабочей комнатой сыну: облѣзлый ломберный столъ съ книгами, клеенчатый убогій диванъ, гдѣ онъ и спалъ, картинки на стѣнахъ и два-три горшка съ цвѣтами, — все очень бѣдное и старенькое. Краска пола облупилась. Окурки папиросъ виднѣлись повсюду. Окна были заперты. Пахло жилой комнатой больного.

— Милости прошу! — повторила старушка и указала гостю на кушетку.

Теркинъ ожидалъ еще бо̀льшей бѣдности; но все-таки ему бросился въ глаза контрастъ между этой обстановкой и хоромами Никандра Саввича Мохова, отдѣланными съ разными купеческими затѣями.

— Марья Евграфовна,—началъ Теркинъ, чувствуя волненіе,—пожалуйста, вы не примите меня за какое-нибудь офиціальное лицо.

— Вы изъ господъ здѣшнихъ помѣщиковъ?

— Какое! Я родился въ Кладенцѣ, въ крестьянскомъ домѣ воспитанъ. И супруга вашего прекрасно помню. И сынка видалъ. Моимъ пріемнымъ отцомъ былъ Иванъ Прокофьичъ Теркинъ... Не изволите припомнить?

— Слыхала, слыхала.

— Котораго по приговору схода благопріятели его въ Сибирь сослали, яко бы за смутьянство.

— Теперь вспомнила, Миша мнѣ говаривалъ.

— Сынокъ вашъ? Его Михаиломъ зовутъ... а по батюшкѣ какъ?

— Терентьичъ, батюшка.

Глаза старушки измѣнили выраженіе, и въ складкѣ блѣдныхъ губъ еще крѣпкаго рта явилось выраженіе горечи.

— Такъ вотъ, Марья Евграфовна, кто я. Про судьбу Михаила Терентьича я достаточно наслышанъ. Знаю, черезъ какія испытанія онъ прошелъ, и какіе ему пришлось видѣть плоды своего радѣнія на пользу здѣшняго крестьянскаго люда. Узналъ, что онъ теперь водворенъ на родину, и не хотѣлъ уѣзжать изъ Кладенца, не побывавъ у него.

Онъ придвинулся къ старушкѣ и протянулъ ей руку.

На глазахъ ея были слезы, которыя она, однако, сдерживала.

— Миша мой — мученикъ!.. Столько принялъ всякихъ напастей... И за что?.. Сколько я сама вымаливала... Прислали вотъ сюда умирать...

— Здоровье его дѣйствительно плохо?

— И-и!

Она отвернула лицо, не желая показывать слезъ.

— Прошу васъ, Марья Евграфовна,—началъ Теркинъ, взволнованный еще сильнѣе,—будьте со мной по душѣ... Я бы хотѣлъ знать положеніе ваше и Михаила Терентьича.

— Сами видите, батюшка, какъ живемъ. Пенсіи я не выхлопотала отъ начальства. Хорошо еще, что въ земской управѣ нашлись добрые люди... Получаю вспомоществованіе. Землица была у меня... давно продана. Миша безъ устали работаетъ, пишетъ... себя въ гробъ вколачиваетъ. По статистикѣ составляетъ тоже вѣдомости... Коекогда перепадетъ самая малость... Вотъ теперь въ губерніи хлопочетъ... на частную службу не примутъ ли. Ежели и примутъ, онъ тамъ года не проживетъ... Одинъ день бродитъ, недѣлю лежитъ да стонетъ.

Никакихъ униженныхъ просьбъ не услыхалъ онъ отъ нея. Это его еще болѣе тронуло.

— Сегодня ждете Михаила Терентьича?

— Вамъ кто сказывалъ?

— Становой.

— То-то, молъ... Становой съ Мишей еще по-христіански обращается... Такіе ли бываютъ... Ежели къ обѣду не прибѣжитъ на пароходѣ—значитъ, поздно, часамъ къ девяти.

— Такъ по-вашему, Марья Евграфовна, лучше ему здѣсь быть, при васъ, даже если онъ и добьется какой-нибудь постоянной работы въ губерніи?—Онъ не выдержалъ и быстро прибавилъ:—Заработокъ можно достать, даже коли не позволятъ въ другомъ мѣстѣ жить... И здѣсь поддержимъ!

Въ какихъ онъ дѣлахъ, Теркинъ не сказалъ ей: это показалось бы хвастовствомъ; но черезъ полчаса разговора старушка, прощаясь съ нимъ, заплакала и прошептала:

— Умереть-то бы ему хоть на моихъ рукахъ, голубчику!

— А можетъ, и вылѣчимъ, Марья Евграфовна!.. На кумысъ будущимъ лѣтомъ схлопочемъ!

Онъ обѣщалъ ей заѣхать послѣ обѣда и, если сынъ ея не пріѣдетъ съ первымъ пароходомъ, отправиться самому вечеромъ на пристань и доставить его въ долгушѣ.

Когда онъ на порогѣ крылечка еще разъ протягивалъ ей руку, во взглядѣ ея точно промелькнулъ страхъ: „не приходилъ ли онъ выпытывать у нея о сынѣ?“

Это его не обидѣло. Развѣ онъ не могъ быть „соглядатай“ или просто бахвалъ, разыгрывающій роль благодѣтеля?

XXXIX.

На ломберномъ столѣ ютилась низенькая лампочка, издавая запахъ керосина. Комната стояла въ полутьмѣ. Но Теркину, сидѣвшему рядомъ съ Аршауловымъ на кушеткѣ, лицо хозяина было отчетливо видно. Глаза вспыхивали во впадинахъ, впалыя щеки заострились на скулахъ, волосы сильно сѣдѣли и на неправильномъ черепѣ и въ длинной бородѣ. Онъ смотрѣлъ старообразно и весь горбился подъ пледомъ, надѣтымъ на рабочую блузу.

Теркинъ слушалъ его уже около часа, не перебивая. Теперь онъ зналъ, черезъ что прошелъ этотъ народникъ. Аршауловъ разсказывалъ ему, покашливая и много куря, про свои мытарства, точно рѣчь шла о постороннемъ, просто, почти простовато, безъ пришибленности и безъ всякой горечи, какъ о „незадачѣ“, которая по нынѣшнимъ временамъ могла со всякимъ случиться. Въ первыя минуты это показалось Теркину не совсѣмъ искреннимъ; четверти часа не прошло, какъ онъ уже не чуялъ въ тонѣ Аршаулова никакой маскировки.

— Да, Василій Иванычъ, только вотъ здѣсь лѣтомъ, какъ пошли жаркіе дни, сталъ я лучше слышать на правое ухо. Лѣвое, кажется, окончательно погибло.

— И вы оглохли отъ сидѣнья?

— Ни отъ чего другого! пріобрѣлъ это вмѣстѣ съ цынгой, опухолью ногъ и катаромъ бронховъ. Но это все ничего въ сравненіи съ молчаніемъ и одурью сидѣнья мѣсяцами и годами.

— Годами!—вырвалось у Теркина.

— Я высидѣлъ въ одномъ номерѣ два года, девять мѣсяцевъ и четырнадцать дней.

— И неужели никакихъ возможностей сообщенія съ товарищами по заключенію?

— Безъ этого бы и съ ума сойти можно!

Аршауловъ откашлялся звукомъ чахоточнаго, короткимъ и сухимъ, закурилъ новую папиросу и такъ же спокойно, не спѣша, добродушными нотами, вспоминалъ, какъ долго учился онъ азбукѣ арестантовъ, посредствомъ стуковъ, и сколько бесѣдъ велъ онъ такимъ способомъ со своими невидимыми сосѣдями, узнавалъ, кто они, давно ли сидятъ, за что посажены, чего ждутъ, на что надѣются. Были и мужчины и женщины. Отъ нѣкоторыхъ выслушивалъ онъ цѣлыя исповѣди.

Никто еще не вводилъ Теркина такъ образно въ этотъ міръ невѣдомой, потаенной жизни Онъ не могъ все-таки не изумляться, какъ сумѣлъ Аршауловъ сохранить—больной, нищій, безъ правъ, безъ свободы выбора занятій и безъ возможности выносить усиленную работу—такое отношеніе къ своей судьбѣ и къ тому народу, изъ-за котораго онъ погибалъ.

— Не я одинъ,—говорилъ ему Аршауловъ, не мѣняя тона. — Попадались, какъ и я же, изъ-за какой-нибудь ничтожной записки, или стараго конверта, визитной карточки. Мало ли съ кѣмъ случалось встрѣчаться и переписываться!.. Я, лично, противъ грубаго насилія; но на иной взглядъ и я—такой же разрушитель!.. Иначе и не могло быть!

— И всѣмъ этимъ вы обязаны кладенецкимъ мужичкамъ?—глухо сказалъ Теркинъ.

— Нѣтъ, я съ такимъ толкованіемъ не согласенъ, Василій Иванычъ!..

Аршауловъ всталъ и, кутаясь въ пледъ, тихо заходилъ по комнатѣ.

— Доноса отъ крестьянъ на меня не было, я въ это не вѣрю... Было усердіе со стороны мѣстнаго начальства и, быть-можетъ, кое-кого изъ той партіи, которая товариществу, устроенному мною, не сочувствовала и гнула на городовое положеніе.

Теркина точно что̀ ужалило. Онъ тоже поднялся, подошелъ къ Аршаулову и взялъ его за свободный край пледа.

— Для меня это чувствительно, Михаилъ Терентьичъ! Я хотѣлъ отъ васъ именно выслушать душевное слово, въ память моего пріемнаго отца Ивана Прокофьича. А

вы говорите про тѣхъ, кто его поддерживалъ, какъ про предателей и доносчиковъ. Какъ же это?

Голосъ Теркина вздрагивалъ.

— Позвольте, позвольте, Василій Иванычъ, — Аршауловъ прикоснулся къ его рукѣ горячей ладонью и подвелъ опять къ кушеткѣ. — Чувство ваше понимаю и высоко цѣню... На покойнаго отца вашего смотрѣлъ я всегда какъ на богато-одаренную натуру... съ высокими запросами. Но мы съ нимъ не могли столковаться, и онъ, не замѣчая того, шелъ прямо въ разрѣзъ съ интересами здѣшнихъ бѣдняковъ.

— Однако?..

— Выслушайте меня.

Долго и все такъ же кротко говорилъ Аршауловъ, даже кашель не прерывалъ его рѣчи, и передъ Теркинымъ вставала совсѣмъ иная картина кладенецкихъ усобицъ. Онъ началъ распознавать коренную ошибку Ивана Прокофьича, не захотѣвшаго смирить себя передъ насущными нуждами и мірскими инстинктами „гольтепы“, слишкомъ горячо чувствовалъ личныя обиды, неблагодарность за свои услуги въ пору борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, увлекался мечтами о городскомъ благоустройствѣ и сталъ сторонникомъ скупщиковъ, мѣтившихъ въ купцы, разорвалъ связь съ мужицкой общиной.

— Но вѣдь его враги, — возражалъ онъ, — старшина Малмыжскій и его подручные, были завѣдомые прощелыги и воры, совратители схода?..

— Я ихъ и не выгораживаю, Василій Иванычъ. И каковы бы они ни были, все-таки ими держалось общинное начало.—Аршауловъ взялъ его за руку.—Войдите сюда. Не говоритъ ли въ васъ горечь давней обиды... за отца и, быть-можетъ, за себя самого? Я вашу исторію знаю, Василій Иванычъ... Вамъ здѣсь нанесли тяжкое оскорбленіе... Вы имѣли поводъ возненавидѣть то сословіе, въ которомъ родились. Но что такое наши личныя обиды рядомъ съ исконнымъ долгомъ нашимъ? Мы всѣ, сколько насъ ни есть, въ неоплатномъ долгу передъ той же самой гольтепой!..

Теркинъ молчалъ, но ему хотѣлось сказать: „Это идолопоклонство! Народъ—темная, слѣпая сила, и надо ею править, а не становиться передъ ней на колѣни!“

Онъ далъ Аршаулову высказаться.

И въ этомъ человѣкѣ увидалъ онъ подъ конецъ не

изувѣрство какой-нибудь книжной проповѣди, а глубину чистой, ничѣмъ не подмѣшанной преданности народу, жалость къ нему, желаніе поднять его всячески, дѣлиться съ нимъ знаніемъ, идеями, трудомъ, сердечной лаской.

— Что жъ изъ того, — доносился до него чахоточный голосъ Аршаулова, согрѣтый тихимъ одушевленіемъ, — что жъ изъ того, Василій Иванычъ, что здѣсь облюбленное мною дѣло лопнуло, и я самъ искалѣченъ тюрьмой и ссылкой?.. Это—не аргументъ. Да, въ здѣшнемъ народѣ не нашлось того, что̀ нужно для стойкаго веденія всякаго товарищества... Лѣнь, водка, бѣдность, плутоватость, кумовство... все это есть, и я, по крайней молодости своей въ ту пору, многаго не доглядѣлъ. Но въ немъ, въ его коренныхъ свойствахъ — задатки высшаго общественнаго строя... Онъ способенъ на выдержку и работу сообща. Я не славянофилъ... и нынѣшняго патріотическаго самохвальства не жалую; однако, такова и моя вѣра!

— Кто же поддерживаетъ васъ... въ настоящую минуту?.. Всѣ оставили?.. Испугались?..

— Испугались — это точно. Да какъ же вы хотите, чтобы было иначе?.. Страхъ, умственный мракъ, вѣковая тягота—вотъ его школа!.. Потому-то всѣ мы, у кого есть свѣтъ, и не должны знать никакого страха и продолжать свое дѣло... что бы намъ ни посылала судьба.

Тутъ только онъ откашлялся и перевелъ дыханіе. Глаза разгорѣлись. Онъ выпрямился, и его неправильное лицо стало красивѣе.

Теркинъ сидѣлъ съ опущенной головой и въ рукѣ его тлѣла закуренная папироса. Онъ нашелъ бы доводы противъ того, чѣмъ закончилъ Аршауловъ, но ему захотѣлось слиться съ пламеннымъ желаніемъ этого бѣдняги, въ которомъ онъ видѣлъ гораздо больше душевнаго равновѣсія, чѣмъ въ себѣ.

— Такъ-то такъ,—выговорилъ онъ,—но съ народомъ, Михаилъ Терентьичъ, надо быть одного закона... вѣрить, во что онъ самъ вѣритъ... Нешто это легко?

— Вы о какой вѣрѣ?

— Какую онъ самъ имѣетъ. Да вдобавокъ, здѣсь, въ Кладенцѣ, другъ противъ друга стоятъ—законная церковь и расколъ. Надо къ чему-нибудь пристать. А насильно не заставишь себя вѣрить.

— И не надо,—упавшимъ голосомъ, но съ той же убѣ-

жденностью сказалъ Аршауловъ. — Народъ терпимѣе по натурѣ, чѣмъ мы. Сектантство — только форма протеста или проблескъ умственной жажды. Въ душу вашу онъ инквизиторски не залѣзаетъ.

— Однако, ѣсть съ вами изъ одной чашки не будетъ. Да и не о расколѣ я говорю. О томъ, что мужицкой вѣры не добудешь, если бъ и хотѣлъ. Не знаю, какъ вы...

— Никогда я не находилъ препятствія въ моихъ убѣжденіяхъ, чтобы приблизиться къ народу. И здѣсь это еще легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ молебенъ служитъ Фролу и Лавру и ведетъ каураго своего кропить водой, а я не пойду и скажу ему: извини, милый, я — не церковный... Это онъ услышитъ и отъ всякаго безпоповца... Въ общемъ дѣлѣ они могутъ стоять бокъ-о-бокъ и поступать по-божески, какъ это всякій по-своему разумѣетъ.

— Хорошо бы такъ-то!—вырвалось у Теркина.

— И такъ будетъ, Василій Иванычъ, такъ должно быть. У всѣхъ, кто жалѣетъ о народѣ, одна вѣра, и она божественнаго происхожденія, одинъ законъ,—правды и человѣчности.

Изъ передней дверь скрипнула. Показалась голова матери Аршаулова.

— Миша! Не угодно ли имъ чайку? Самоваръ давно стоитъ... Ко мнѣ пожалуйте. Или въ ту вонъ комнату.

— Ахъ, маменька!.. Погодите!.. Такой у насъ разговоръ...

— Шибко-то говорить ему вредно,—старушка обратилась къ гостю,—а онъ не можетъ удержаться.

— Ничего! Я вѣдь не напрягаюсь. Лучше сюда принесите намъ. Василій Иванычъ не взыщетъ.

Теркинъ тоже подосадовалъ на старушку за перерывъ ихъ бесѣды. У него было еще многое на сердцѣ, съ чѣмъ онъ стремился къ Аршаулову. Сегодня онъ съ нимъ и простится и не уйдетъ отъ него съ пустыми руками... И утомлять его онъ боялся, хотя ему видъ Аршаулова не показался уже такимъ безнадежнымъ. Явилась надежда вылѣчить его, поселить на югѣ, обезпечить работой по душѣ.

XL.

„Пора уходить“,—спохватился гость, взглянувъ украдкой на часы. Аршауловъ началъ замѣтно слабѣть; по-

просилъ даже позволенія прилечь на кушеткѣ. Голова старушки уже раза два показывалась въ полуотворенную дверь.

Поговорили они порядкомъ и о теперешнемъ его положеніи. Онъ не жаловался. Въ губернскомъ городѣ ему обѣщали постоянную работу по статистикѣ, не требующую ни особенной спѣшности, ни частыхъ разъѣздовъ. Въ городъ его не тянуло, хоть тамъ онъ и нашелъ бы цѣлый кружокъ такихъ же „подневольныхъ обывателей", какъ и онъ самъ.

— Матушка все боялась, что я соблазнюсь, буду туда проситься на житье... Нѣтъ!.. Климатъ тамъ такой же... Еще похуже будетъ. А главное, здѣсь я окруженъ моей стихіей. Здѣсь и умру.

Теркинъ искренно и почти стыдливо высказалъ готовность поддержать его чѣмъ можетъ, предложилъ доставить ему у себя мѣсто на низовьяхъ Волги, гдѣ все-таки не такъ сурово, если только начальство согласится пустить его туда. Аршауловъ выслушалъ, дотронулся до его плеча и покачалъ головой.

— Спасибо, Василій Иванычъ, я по вашему дѣлу не гожусь. Видите, каково мое здоровье.

Дальше рѣчь объ этомъ не пошла.

— Вы на меня смотрите какъ на буржуя,—торопливо заговорилъ Теркинъ, взволнованный и смущенный. — Такъ вѣдь называютъ нашего брата—практика?..

Онъ не могъ уйти отъ Аршаулова безъ исповѣди.

— Вы человѣкъ изъ народа,—рѣзко отвѣтилъ тотъ,— и останьтесь имъ, насколько возможно.

— Насколько возможно!—повторилъ Теркинъ и махнулъ рукой. — На распутьѣ я стоялъ, Михаилъ Терентьичъ, два человѣка во мнѣ войну вели, и тотъ, котораго къ вамъ влечетъ, пришелъ за духовной помощью второму, хищному.

Безъ всякихъ оговорокъ и смятенья, порывисто, со слезами въ голосѣ, онъ раскрылъ ему свою душу, разсказалъ про все — сдѣлку съ совѣстью, связь съ чужой женой, разрывъ, встрѣчу съ чудной дѣвушкой и ея смерть, про поворотъ къ простой мужицкой вѣрѣ и безсиліе свое найти ее, про то чувство, съ какимъ пріѣхалъ въ Кладенецъ.

— Не хочу я, не хочу я жить безъ вѣры... — повторялъ онъ, размягченный своей исповѣдью. — А вѣрить

не могу какъ простецъ: хоть и мало я учился, все-таки книжка взяла свое. Другой, внутренній законъ мнѣ нуженъ, вотъ такой, какой въ васъ сидитъ, Михаилъ Терентьичъ. И тутъ загвоздка! Къ народу долго мстительность имѣлъ... Теперь только здѣсь стало въ меня примиреніе проникать. Въ мужика, въ землепашца, въ кустаря я не обращусь... Не то, чтобы не пускала одна утроба, избалованность, жадность къ дорогому и сладкому житью, а за свое человѣческое достоинство дрожу, не хочу потерять хоть подобіе гражданскихъ правъ... чтобы тебя пороли въ волости какъ скотину. Съ этого меня никто не сдвинетъ... Я долженъ хозяйствовать и въ гору идти— такова моя доля; и что я изъ своего добра сдѣлаю, какъ я свои стяжанія соглашу съ жалостью къ народу, съ служеніемъ правдѣ—не знаю!.. Взыскую этого, Михаилъ Терентьичъ, всѣмъ моимъ нутромъ взыскую!..

Онъ закрылъ лицо руками и смолкъ, весь потрясенный.

— Не забывайте, — проникалъ въ него чуть слышно голосъ Аршаулова, закинувшаго голову на валикъ кушетки, — не забывайте крестьянства; оно приняло и выходило васъ и бросило въ душу зерно мірской правды... Вѣдь Иванъ-то Прокофьичъ, хоть онъ и ошибался въ средствахъ, цѣль имѣлъ одну: стоять за правду со своими однообщественниками. И его примѣръ заразителенъ; оттого только, что онъ водился съ богатеями, съ скупщиками, онъ потерялъ чутье настоящаго мужицкаго блага, добивался такихъ порядковъ, гдѣ можно будетъ властвовать безусловно, мѣнялъ по доброй волѣ деревню на городъ. Но онъ былъ прикованъ къ своему мѣсту, зарвался; по природѣ своей человѣкъ онъ былъ слишкомъ пылкій и даже славолюбивый. Ему уже нельзя было очистить свое пониманіе отъ всѣхъ этихъ примѣсей. Вы молоды, свободны, ищете праваго пути, видите насквозь все, что творится на Руси хищнаго и безстыжаго. Хозяйствуйте, заручайтесь силой, только помните, кто васъ кормилъ, передъ кѣмъ вы въ долгу. И найдете свой законъ, свою вѣру!

— Нѐшто это мыслимо, чтобы не завязить хоть одной ноги въ неправдѣ?—глухо вырвалось у Теркина.

— А нельзя, такъ вернитесь сюда... сбросьте съ себя все и станьте на сторону кладенецкой гольтепы, искупите всѣ вольные и невольные грѣхи вашего отца противъ крестьянскаго міра.

— И кончите тѣмъ, что васъ, какъ смутьяна и бунтовщика, сначала выдерутъ разъ пятьдесятъ, потомъ сошлютъ туда же, откуда Иванъ Прокофьичъ вернулся полуживой!..

— Быть-можетъ,—чуть слышно вымолвилъ Аршауловъ.

За стѣной деревянные часы пробили десять.

На самомъ юру, по ту сторону торговой улицы, ближе къ мѣсту, гдѣ пристаютъ пароходы, усталый присѣлъ Теркинъ. Онъ пошелъ отъ Аршаулова бродить по селу. Спать онъ не могъ и не хотѣлъ попадать къ часу ужина своего хозяина, Мохова.

Ночь звѣздная, мягкая для первыхъ чиселъ сентября, съ отблескомъ новой луны въ рѣкѣ, вѣяла ему въ лицо горной прохладой. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, которую помнилъ еще съ ранняго дѣтства... Тутъ на Святой и Эоминой парни и дѣвки собираются гулять и ѣсть лакомства.

Слѣва, внизъ по рѣкѣ, издалека показались цвѣтныя точки фонарей парохода, и шумъ колесъ уже доносился до него; потомъ и хвостъ искръ изъ трубы потянулся по пологу ночи.

Это могъ быть и „Батракъ“, если его ничто не задержало ни въ Нижнемъ, ни въ Лысковѣ. Разглядѣть было трудно, даже какого цвѣта пароходъ.

Будь это и „Батракъ“, онъ не пойдетъ на пристань. Тамъ и до сихъ поръ врядъ ли знаютъ, что одинъ изъ пайщиковъ товарищества проживаетъ въ Кладенцѣ.

Судьба видно не спроста привела его сюда, послѣ исповѣди Аршаулову. На этой рѣкѣ онъ родился, на ней вышелъ въ люди, на нее спустилъ свой собственный пароходъ. Вся его жизнь пройдетъ на ней. Онъ другого и не желаетъ. И ежели той же судьбѣ угодно дать ему силы-мощи послужить этой рѣкѣ, какъ онъ всегда мечталъ, развѣ не скажетъ ему спасибо каждый забитый мужичонко, на протяженіи всего Поволжья? Нутко!

Онъ не сталъ уноситься вдаль. Ему хотѣлось сохранить въ себѣ настроеніе, съ какимъ онъ оставилъ домикъ Аршаулова. Пароходъ вдругъ напомнилъ ему его разговоръ съ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ, когда въ немъ впервые зажглась жажда исповѣди, и капитанъ Кузьмичевъ своимъ зовомъ пить чай не далъ ему высказаться.

Борисъ Петровичъ и Аршауловъ — родные братья по духу, по своей любви къ народу... Только тотъ служитъ ему большимъ талантомъ, а этотъ горюнъ испортилъ въ лоскъ свою жизнь и ничего не сдѣлалъ даже для одного Кладенца.

Что за нужда! Онъ счастливъ, душа у него младенчески чиста, никакого разлада съ самимъ собой; на ладанъ дышитъ, а ни одной горькой ноты!.. Развѣ не завидно?

И вспомнилась ему та фраза, которую онъ въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ привелъ изъ присловій московскаго патріота: „такъ русская печь печетъ!“

Чудно̀ печетъ она, и никакому иностранцу не разобрать, что̀ дѣлается въ душѣ русскаго человѣка.

Ритмическій шумъ близившагося парохода все крѣпчалъ... Протянулся и звукъ свистка, гулкій, немножко зловѣщій, такой же длинный, какъ и столпъ искръ отъ трубы.

„Не „Батракъ“ ли?“—спросилъ себя еще разъ Теркинъ. Звукъ показался ему очень знакомымъ... Онъ не сталъ разглядывать очертаній парохода.

На пристани замигали фонари, и окошко конторы выдѣлялось свѣтлымъ четыреугольникомъ.

Завтра онъ убѣжитъ отсюда внизъ по рѣкѣ на какомъ придется пароходѣ.

Куда? Гдѣ у него домъ?.. Все разлетѣлось прахомъ... Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Онъ началъ считать на пальцахъ дни съ пріѣзда на дачу около посада, и не выходило полнаго мѣсяца; а со смерти Калеріи—всего двѣнадцать дней: три на дорогу къ Москву, два въ Москвѣ и у Троицы, три на поѣздку въ Кладенецъ, да здѣсь онъ четвертый день.

И опять онъ бобыль: ни жены, ни подруги!.. Тамъ, пониже Казани, томится красавица, полная страсти, всю себя отдала ему, изъ-за любви пошла на душегубство... Напиши онъ ей слово, пусти телеграмму—она прилетитъ сію минуту. Вѣдь кровь заговоритъ же въ немъ, потянетъ снова къ женской прелести, будетъ искать отклика душа и нарвется на потаскушку, уйдетъ въ постыдную страсть, кончитъ такимъ паденіемъ, до какого никогда не дошелъ бы съ Серафимой.

Въ ушахъ его зазвучали кроткія слова Калеріи, ея просьба простить Серафиму, вести ее къ алтарю...

Нѣтъ!.. Между нимъ и Серафимой легла могила этой дѣвушки, выѣла и влеченіе къ женщинѣ, и жалость. Не найти ему въ бракѣ съ бывшей любовницей ничего, кромѣ „распусты“.

Тщета всякаго счастія и всякаго стяжанія пронизала его вмѣстѣ съ образомъ смерти Калеріи... Все бросить, превратиться въ простеца, дойти до высокаго юродства Михаила Терентьича Аршаулова?!..

Протянулось нѣсколько минутъ. Теркинъ все еще сидѣлъ съ низко-опущенной головой. Его точно разбудилъ новый свистокъ, у самой пристани.

Онъ всталъ, встряхнулся, пристально поглядѣлъ внизъ на рѣку. Подходилъ „Батракъ“. Вонъ косая труба и верхняя американская рубка.

Его внезапно подхватило хозяйское чувство и понесло къ своему дѣтищу. Почти бѣгомъ сталъ онъ спускаться по горѣ къ пристани, точно ища спасенія отъ самого себя...

Часть третья и послѣдняя.

I.

Раннее половодье залило низины плоскаго прибрежья Волги, вплоть до села Заводнаго. Нагорный берегъ зеленѣлъ, покрытый на нѣсколько десятинъ паркомъ, спускавшимся къ рѣкѣ до узкой песчаной дороги.

Паркъ этотъ раздѣляли глубокія балки, обросшія дубомъ и кленомъ, мѣстами березой. Наверхъ шли еще влажныя дорожки, вдоль обрыва и крестъ-накрестъ къ площадкѣ, гдѣ между двумя липовыми аллеями помѣщались качели. Остатки клумбъ и заросшія купы кустовъ выказывали очертанія барскаго цвѣтника, теперь запущеннаго.

Въ глубинѣ желтѣлъ двухъэтажный домъ, съ террасами, каменный, давно некрашеный. Верхній этажъ стоялъ на зиму заколоченный, да и теперь—съ закрытыми ставнями. Позади—вправо и влѣво — шли службы, обставляя обширный дворъ съ выѣздомъ на проселочную дорогу. На горизонтѣ синѣли лѣса.

Въ креслецѣ качель сидѣла и покачивалась въ короткой темной кофточкѣ и клѣтчатой юбкѣ, съ шапочкой на головѣ, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, не очень рослая. Свѣжія щеки отзывались еще дѣтствомъ—и голубые глаза, и волнистые свѣтлые волосы, низко спадавшіе на лобъ. Руки и ноги свои, маленькія и также по-дѣтски пухлыя, она неторопливо приводила въ движеніе, а пальцами рукъ, безъ перчатокъ, перебирала, держась ими за веревки, и раскачивала то одной, то другой ногой.

Нѣсколько ямочекъ смѣялись на ея личикѣ, подъ самыми глазами, и посрединѣ щекъ, и даже на подбородкѣ. Глаза—широко разрѣзанные, прозрачные—переходили отъ одного предмета къ другому, отъ дерева къ травѣ, и дальше къ скамьѣ, стоявшей на обрывѣ, въ полукругѣ низкихъ кустовъ, еще туго распускавшихъ свои почки.

Солнце начало печь—шелъ первый часъ дня.

Дѣвушка изрѣдка щурилась, когда повертывала голову въ сторону дома, гдѣ былъ югъ. Ея высокая грудь вдыхала въ себя струи воздуха, съ милымъ движеніемъ рта. Розовыя губы ея замѣтно раскрывались, и ротъ оставался полуоткрытымъ нѣсколько секундъ — изъ него выглядывали тѣсно сидящіе зубы, блестѣвшіе на солнцѣ.

Гулять по парку было еще сыро. Внизъ, къ рѣкѣ, она не рѣшалась спускаться одна. Вотъ послѣ обѣда, когда ея старшая тетка ляжетъ отдохнуть, она пойдетъ къ рѣкѣ, если подъѣдетъ Николай Никанорычъ къ обѣду.

Николай Никанорычъ живетъ у нихъ вторую недѣлю, во флигелѣ. Онъ—землемѣръ. Фамилія его Первачъ. Такая странная фамилія! Она его спросила какъ-то: „что значитъ первачъ?“ И онъ ей объяснилъ, что такъ называется какая-то мука,—пшеничная, кажется. Этотъ Первачъ — красивъ, даже очень красивъ — брюнетъ, волосы вьются, бородка клинушкомъ и на щекахъ коротко подстрижена. Одѣвается „шикозно“.

Это слово „шикозно“, какъ и много другихъ, она вывезла изъ губернскаго института. Давно ли былъ выпускъ, актъ и балъ?.. Всего какихъ-нибудь три мѣсяца съ небольшимъ, передъ масленицей. Онѣ—въ старшемъ классѣ, всѣ носили при себѣ маленькіе календари и отмѣчали крестикомъ каждый протянувшійся день. Пріѣхали за ней папа и младшая тетка, Марѳа Захаровна, съ няней Ѳедосеевной, нашивали платья, бѣлья, каждый день ходили портнихи и приказчики изъ магазиновъ. Медали она не получила; только награду—похвальный листъ и книги — сочиненія Пушкина, съ позолоченнымъ обрѣзомъ. Она сама удивилась, что кончила съ наградой. Могла бы поступить на какіе-нибудь курсы, въ Москвѣ или Петербургѣ. Но ее совсѣмъ туда не тянуло. Лучше своего губернскаго города она ничего не знала. Такъ ее всѣ любили,—и въ институтѣ, и въ городѣ. Прожили они цѣлый мѣсяцъ; были пикники, вечера въ клубѣ; три раза ее возили въ театръ; она видѣла цѣлыхъ три оперетки и по слуху до

сихъ поръ напѣваетъ оттуда. Нотъ не успѣла найти. Папа потомъ привезъ ее сюда, въ усадьбу, гдѣ она давно не бывала. Одно лѣто проболѣла. Ее не брали на вакаціи. Потомъ ѣздила въ Самару на кумысъ. Вотъ съ тѣхъ поръ она такъ поправилась. Прошло все: кашель, простуды, головныя боли, сердцебіеніе. Въ институтѣ думали, что у нея будетъ чахотка, а теперь она—„кубышка".

Такъ прозвали ее подруги, особенно одна, Маша Холтіопова. Та всегда была больная, бѣлая, точно молокомъ налитая, съ чудной таліей. Онѣ клялись писать другъ другу каждую недѣлю. Первые два мѣсяца писали, потомъ пошло туже.

Да и о чемъ писать? Съ тѣхъ поръ, какъ она въ Заводномъ, день за днемъ мелькаютъ — и ни за что нельзя зацѣпиться. Спать можно сколько хочешь, пожалуй, хоть не одѣваться, какъ слѣдуетъ, не носить корсета. Гости—рѣдки... Предводитель заѣзжаетъ; но онъ такой противный—слюнявый и лысый—хоть и пристаетъ съ любезностями. Папа по дѣламъ часто уѣзжаетъ въ другое имѣніе, въ Кошелевку, гдѣ у него хуторъ; въ городѣ тоже живетъ цѣлыми недѣлями. Зачѣмъ? Она не знаетъ; кажется, онъ нигдѣ не служитъ.

Ей давно уже сдается—это еще въ институтѣ было — что папа сталъ съ ней не такъ ласковъ, какъ прежде. Онъ ни въ чемъ ей не отказываетъ и карманныхъ денегъ даетъ—только не на что ихъ тратить; прежде чаще ласкалъ и разспрашивалъ обо всемъ. Теперь—нѣтъ. И она совсѣмъ его не знаетъ, какой онъ: добрый, злой, умный или глупый. Письма ему писала она, и въ послѣдній годъ передъ выпускомъ—коротенькія, не умѣла его ни о чемъ выспросить — любитъ ли онъ ее попрежнему. Здѣсь она, когда бываетъ съ нимъ наединѣ, чувствуетъ себя маленькой-маленькой. Ничего у нея не выходитъ — никакого серьезнаго разговора. Оттого, должно-быть, что она еще не вышла изъ малолѣтокъ.

И да, и нѣтъ. Какая же она маленькая? У нея — особенно здѣсь, въ деревнѣ — такія грёзы по ночамъ. Проснется—или вся въ слезахъ, или съ пылающими щеками— и начнетъ цѣловать подушку. Вчера видѣла Николая Никанорыча въ его синемъ галстукѣ съ золотыми крапинками.

Вотъ и теперь этотъ сонъ прошелся весь передъ нею, и ей уже менѣе стыдно. Она сильно обрадуется, если онъ

вдругъ подойдетъ къ качелямъ и скажетъ своимъ пріятнымъ голосомъ:

— Александра Ивановна, позволите?..

И начнетъ качать высоко-высоко. У нея на сердцѣ захолодѣетъ, голова сладко закружится, въ шеѣ и въ груди точно что-то защекочетъ. Она зажмуритъ глаза — и плыветъ-плыветъ. Такъ чудесно!

Они поютъ вмѣстѣ. Николай Никанорычъ умѣетъ ноты разбирать бойчѣе, чѣмъ она, хоть ее и учили въ институтѣ, и въ хорѣ она считалась изъ самыхъ лучшихъ. И когда имъ нужно взять вмѣстѣ двойную ноту, на которой есть задержка, она непремѣнно подниметъ голову; его черные глаза глядятъ на нее такъ, что она вся вспыхнетъ и тотчасъ же начнетъ ужасно громко стучать по клавишамъ.

Нянька Ѳедосеевна ворчитъ подъ носъ, что онъ „землемѣришка". Во-первыхъ, онъ не просто землемѣръ, а ученый таксаторъ. Папа его очень уважаетъ и выписалъ для важной работы: разбить на участки лѣсную дачу, тамъ за дорогой. Онъ за это большія деньги получитъ. Да и что слушать Ѳедосеевну. Она только смущаетъ ее. Все какіе-то намеки, которыхъ она не понимаетъ. Про мамашу вспоминаетъ безпрестанно. Даетъ понять, что тетки— особенно Павла Захаровна—совсѣмъ обошли папу. А настоящаго не говоритъ, да и не хочется допытываться. Зачѣмъ? Только себя разстраивать.

Мамашу она еле помнитъ. Сама была еще очень маленькая. Тетки ее баловали—это она помнитъ, и въ институтъ отдали ее не насильно — ей самой хотѣлось носить голубое платье съ бѣлой пелеринкой.

Ну, что жъ изъ того, что тетя Павла—сухоручка, хромая и перекошенная, и языкъ у нея съ язвой? Замужъ ее никто не взялъ—всѣ старыя дѣвы такія. Ее она не грызетъ. Тетя Марѳа — такъ и совсѣмъ добрая. Любитъ поѣсть и наливки любитъ... Что жъ!.. Она сама—лакомка. И наливки ей нравятся всякія: сливянки, вишневки, можжевеловки. У тети Марѳы въ спальнѣ — цѣлыя бутыли. И какъ тамъ хорошо, въ послѣобѣденныя сумерки, полакомиться и выпить рюмочку, лежа на кушеткѣ! Тетя все разспрашиваетъ про Николая Никанорыча—нравится ли, видитъ ли его во снѣ, не хочетъ ли погадать на трефоваго короля?

Трефовый король—это Николай Никанорычъ.

И начнетъ гадать за овальнымъ столомъ. Подадутъ свѣчи. Въ спальнѣ такъ тихо и такъ вкусно пахнетъ варенъемъ, смоквой, вишневкой. Тетя—въ блузѣ, вся красная, щеки лоснятся, и глаза немножко посоловѣли — наклонится надъ столомъ и такъ ловко раскладываетъ карты.

— Исполненіе желаній, марьяжъ, письмо, настоящее, будущее, неожиданный ударъ...

Эти выраженія выговариваетъ она съ придыханіемъ. И всегда выходитъ хорошо—марьяжная карта выпадаетъ непремѣнно на самое сердце червонной дамы; червонная дама—это она, Саня.

— Скоро, скоро твоя судьба рѣшится, Санечка, — подмигивая, говоритъ тетя Марѳа.

Она и сама точно немного влюблена въ Николая Никаноровича: одѣвается къ обѣду въ шелковый капотъ съ пелериной и на ночь городки себѣ устраиваетъ каленой шпилькой. Да и тетя Павла, когда себя получше чувствуетъ, съ нимъ любезна, повторяетъ все, что по нынѣшнимъ временамъ такими молодыми людьми грѣхъ пренебрегать.

— Ты, Саня, не воображай себя богатой невѣстой, — не дальше какъ вчера сказала она ей.—Твой отецъ еще не старъ и жениться можетъ въ другой разъ; а своего у тебя отъ матери ничего нѣтъ. Вотъ мы разборчивы были и остались въ дѣвкахъ.

Она говоритъ: „въ дѣвкахъ“, и горничныхъ называетъ— „дѣвки“. Отъ ея голоса, сѣрыхъ глазъ, всего тона приходится иногда жутко; но къ ней она не придирается, не ворчитъ, по цѣлымъ днямъ ея не видно — все ей нездоровится. Только и Санѣ сдается, что нянька Ѳедосеевна права: „сухоручка“ держитъ папу въ рукахъ, и безъ ея вѣдома ничего въ домѣ не дѣлается.

Умри тетя Павла — она не стала бы долго плакать!.. Да и по комъ она убивалась бы?.. Ей часто кажется, что она — „сушка“, — такъ въ институтѣ звали тѣхъ, у кого сердца нѣтъ или очень мало.

II.

— Саня, а Саня... Ты здѣсь?.. На качеляхъ?.. Обѣдать скоро!.. Николай Никанорычъ подъѣхалъ.

Съ балкона доносился жирный голосъ тети Марѳы.

Саня обернулась и, не вставая съ качель, крикнула:

— Слышу, тетя, сейчасъ!

Марѳа Захаровна, въ капотѣ съ пелеринкой изъ клѣтчатой шерстяной матеріи, пестрѣла огромнымъ пятномъ между двумя колонками балкона — тучная, съ сѣдѣющей головой и красными щеками, точно смазанными масломъ.

— Иди!..

Пестрая глыба скрылась, и Саня ступила на дернъ и оставила веревки качель.

Ручки у нея—диковинныя по своимъ дѣтскимъ размѣрамъ, бѣлыя и пухленькія, всѣ въ ямкахъ на суставахъ. Она расправила пальцы и щелкнула ими. Отъ держанія веревокъ на нихъ оставались слѣды.

Николай Никанорычъ восхищался ея руками. Ей это казалось немного страннымъ. Она считала почти уродствомъ, что у нея такія маленькія руки. Даже перчатки надо было выписывать изъ Москвы, когда она выходила изъ института. Совсѣмъ дѣтскія! Но все-таки онѣ нравятся, и Николай Никанорычъ нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ что-нибудь такое и смѣшное, и лестное насчетъ ея „рученочекъ".

Къ обѣду она уже одѣлась. Развѣ поправить волосы—и можно въ нихъ вколоть цвѣтной бантикъ.

Она пошла лѣнивой поступью къ дому — уточкой, съ перевальцемъ. Ростъ у нея былъ для дѣвушки порядочный; она казалась гораздо ниже отъ пышности бюста и круглыхъ щекъ.

Съ балкона дверь вела прямо въ залу, служившую и столовой, отдѣланную кое-какъ, — точно въ домѣ жили только по лѣтамъ, а не круглый годъ. Стѣны стояли голыя, съ потусклыми обоями; ни одной картинки, окна безъ гардинъ, вдоль стѣнъ вѣнскіе стулья и въ углу буфетъ—неуклюжій, рыночной работы.

Комнатка ея помѣщалась слѣва, черезъ коридорчикъ отъ комнаты тети Павлы. Изъ передней—ходъ въ кабинетъ отца; въ глубинѣ—гостиная и спальня тети Марѳы, просторная, съ запахомъ наливокъ, самая „симпатичная", какъ называла ее Саня.

Столъ уже былъ накрытъ—круглый, довольно небрежно уставленный. Ножи съ деревянными черенками, не первой чистоты, черный хлѣбъ, посуда сборная. Въ институтѣ ихъ кормили не важно, но все было чище и аккуратнѣе подано... Зато здѣсь ѣды много, и она гораздо вкуснѣе.

Саня до сихъ поръ не знаетъ: богатъ ея отецъ или

бѣденъ, какой у него доходъ. Ѳедосеевна пугаетъ ее, что она окажется безприданницей; на то же намекаетъ тетка Павла Захаровна; самой ей трудно остановиться серьезно на этомъ вопросѣ. Разспросить обо всемъ она могла бы тетю Марѳу или Ѳедосеевну; ее что-то удерживаетъ. Непремѣнно узнаетъ она отъ одной изъ нихъ что-нибудь такое, что̀ ее совсѣмъ спутаетъ.

Отца она не понимаетъ. Какой онъ? Щедрый, скупой, очень богатый или такъ себѣ, концы съ концами сводитъ, хорошій хозяинъ или проживетъ все до тла къ тому времени, когда она выйдетъ замужъ. Ея отецъ вѣритъ въ то, что въ старыхъ дѣвахъ она не засидится. Это просто невозможно! Если у нея и не будетъ хорошаго приданаго, она все-таки выйдетъ. Нынче и бѣдныхъ берутъ. Въ ея классѣ Анночка Каратусова и Маня Аленина вернулись съ вакацій невѣстами, и обѣ были бѣдныя, отцы ихъ, чиновники въ уѣздахъ, живутъ на одно жалованье, и обѣ онѣ воспитывались на дворянскій, а не на свой счетъ. И теперь обѣ уже замужемъ. Какъ имъ въ невѣстахъ было весело! Сколько онѣ цѣловались съ женихами—тѣ пріѣзжали въ губернскій городъ и даже проникали въ коридоры, что идутъ вдоль дортуаровъ. Особенно Маня такъ вкусно разсказывала—какъ они, въ первый разъ, въ лѣсу, начали цѣловаться, и когда они вернулись домой, то сейчасъ побѣжали къ ея матери, и она ихъ благословила.

Да, она рѣшительно не знала, какіе они помѣщики — крупные или такъ себѣ.

Слыхала она отъ тетки и отъ няньки Ѳедосеевны, что эту усадьбу—она называется также Заводное, какъ и то большое село, за Волгой — отецъ получилъ отъ дальняго родственника вмѣстѣ съ лѣсомъ. Родственникъ былъ богатый и знатный баринъ, прожился, и только эта усадьба съ лѣсомъ и осталось родового. Отецъ приходился и ему чѣмъ-то, и его женѣ, взятой изъ мѣстныхъ дворянокъ, „не важныхъ“, говорила ей какъ-то Ѳедосеевна. Тетки и отецъ считаютъ себя древняго рода, самаго коренного въ этомъ лѣсномъ медвѣжьемъ краѣ. Тетка Павла любитъ распространяться о томъ, будто ихъ предокъ провожалъ Михаила Ѳеодоровича, когда его выбрали въ Москвѣ на царство, и чуть ли не спасъ его. Можетъ-быть, она смѣшиваетъ съ Сусанинымъ. Такъ и Сусанинъ—имъ это учитель въ институтѣ говорилъ — кажется, со-

всѣмъ и не спасалъ царя, хотя и есть такая опера, откуда она поетъ арію: „Въ поле чистое гляжу...“

Ей ея фамилія кажется смѣшной и совсѣмъ уже не барской: Черносошная. А тетка Павла и отецъ гордятся ею. Почему?.. „Черносошные“—она знала, что́ это такое. Такъ звали въ старину мужиковъ, крѣпостныхъ. И это ей объяснилъ учитель исторіи, когда разъ заболтался съ нею около доски. Въ классѣ дразнили ее тѣмъ, что она обожаетъ его, а это была неправда. Она обожала батюшку — законоучителя, и на исповѣди чуть-чуть было не призналась ему.

Саня сидѣла передъ зеркаломъ своего туалета, и въ головѣ ея всѣ эти мысли завивались клубкомъ, какъ всегда, и она не могла ихъ направить по-своему.

Ужъ такая голова. Вотъ и письма когда пишетъ — не можетъ въ порядкѣ все прописать, о чемъ думала вначалѣ. Потому и сочиненія выходили у нея хуже, чѣмъ у многихъ подругъ.

И не хочется ей ни во что проникать, выспрашивать, соображать и оцѣнивать. Непремѣнно что-нибудь огорчитъ. Думать станешь на ночь — не заснешь. Да и зачѣмъ?

Она и безъ того побаивается тети Павлы. Съ ней она больше молчитъ, ни однимъ словомъ ей не возражаетъ. Въ домѣ эта тетка—главное лицо, и папа ея побаивается. Всѣ ее считаютъ ужасно умной. Что жъ тутъ мудренаго? Цѣлые дни лежитъ въ длинномъ креслѣ съ пюпитромъ и думаетъ или книжку читаетъ. Сажала она ее читать себѣ вслухъ, но осталась недовольна:

— Ты, Саня, читаешь какъ понамарь, все въ одну ноту. Неужели васъ не учили порядочно читать вслухъ?

Разумѣется, никто не училъ. Самъ учитель словесности отвратительно читалъ. Во всемъ классѣ была одна воспитанница—на нее постоянно и взваливали...

Каждый разъ, какъ идти къ обѣду, Саня подумаетъ о своей теткѣ, Павлѣ Захаровнѣ. Къ ней надо зайти поцѣловать ее въ ручку или въ плечо. Что-нибудь она непремѣнно спроситъ: чѣмъ занималась, и выговора не дастъ, а язвительно посмотритъ или скажетъ:

— Какой ты птенецъ, Саня! У тебя въ головѣ, кажется, нѣтъ никакихъ собственныхъ мыслей.

Мысли у нея есть, только не умѣетъ она разсуждать вслухъ и даже разсказывать то, что́ прочла.

Ну, да! Она лѣнивая. Книжки ее мало привлекаютъ и волнуютъ. До сихъ поръ еще не можетъ одолѣть „Записокъ охотника“ Тургенева. Одинъ разсказъ читаетъ два-три дня. Ей нравится, но залпомъ она не умѣетъ читать. Сейчасъ начнетъ о чемъ-нибудь мечтать, и такъ, глядишь, улетитъ часъ-другой.

Николай Никанорычъ говорилъ, что онъ недавно прочелъ романъ „Отъ поцѣлуя къ поцѣлую“. Ей совѣстно было попросить этой книжки. А хотѣлось бы почитать ее.

Передъ зеркаломъ Саня не любитъ долго сидѣть. Лицо свое ей не нравится. Слишкомъ свѣжо, кругло, краснощеко. Настоящая „кубышка“. Она находитъ, что у нея простоватый видъ. Но отчего же Николай Никанорычъ такъ на нее посматриваетъ, когда они у тетки Маѳы сидятъ за столомъ, лакомятся и пьютъ наливку. Ручками ея онъ уже сколько разъ восхищался.

Густую чолку свѣтлорусыхъ волосъ Саня расправила гребенкой, чтобы она немножко раздвоилась. На шеѣ у нея ожерелье изъ коралловъ. Лифомъ служитъ шелковый джѐрси. Это не очень модно, но суживаетъ бюстъ, а съ обыкновеннымъ лифомъ она ужъ черезчуръ пышна.

Комнатку свою Саня содержитъ чисто, сама все приберетъ и уложитъ. За ней ходитъ дѣвочка, Параша, изъ крестьянскихъ подростковъ. Она не любитъ, чтобы Параша торчала тутъ цѣлый день. И Ѳедосеевну она рѣдко допускаетъ. Та живетъ во флигелѣ. Нянькой своей она не гнушается, только не любитъ, чтобы та смущала ее разными своими разговорами о мамѣ, да намеками, какихъ она не желаетъ понимать.

Ея кроватка, съ бѣлымъ пологомъ, занимаетъ половину стѣны, смежной съ гостиной, гдѣ стоитъ рояль. На немъ играла ея мама. Онъ немного уже дребезжитъ; она не просила купить ей новый инструментъ. Играетъ она совсѣмъ ужъ не какъ музыкантша. Пѣть любитъ, да и то—полосами, больше на воздухѣ или, когда ей взгрустнется, у себя въ комнатѣ, безъ всякаго аккомпанемента.

Вся остальная мебель—кресла съ ситцевой свѣтлой обивкой, шкапъ, комодъ, пяльцы (тоже остались отъ ея мамы), письменный столикъ, купленный для нея въ губернскомъ городѣ,—разставлена по стѣнамъ. Средина комнаты покрыта ковромъ и свободна: она такъ любитъ, чтобы было больше мѣста. Иногда на нее найдетъ—она начнетъ одна

кружиться или прыгать, воображая, что танцуетъ съ кавалеромъ.

Съ Николаемъ Никанорычемъ они танцовали въ гостиной такъ, безъ всякой музыки. Тетя Марѳа хотѣла было поиграть какой-то вальсъ старинный, да сейчасъ же сбилась.

И какъ онъ танцуетъ! Ничего еще подобнаго она не испытала и на выпускномъ балѣ, гдѣ были и офицеры, и большіе гимназисты, и губернаторскіе чиновники. Держитъ онъ крѣпко и совсѣмъ какъ-то къ себѣ пригибаетъ, такъ что сердце забьется, и его дыханіе чувствуешь на своемъ лицѣ. Она вся горѣла, точно въ огнѣ. И вертитъ „à rebours“, да такъ ловко, какъ никто изъ ея подругъ не умѣлъ, — изъ тѣхъ, что всегда танцовали за кавалеровъ, и на урокахъ танцевъ, и на вечерахъ.

Тетка Павла Захаровна какъ-то переведетъ своими большими блѣдными губами, когда спрашиваетъ ее:

— А что, дурочка, нравится тебѣ землемѣръ?

И слово „землемѣръ“ она произноситъ съ особеннымъ выраженіемъ, а что она хочетъ сказать—Саня въ это проникнуть не можетъ, да и не желаетъ.

Нравится ли? Онъ не простой землемѣръ, а ученый таксаторъ. Тетя Марѳа говорила ей, что Николая Никанорыча прислалъ сюда богатый баринъ съ порученіемъ, и онъ зарабатываетъ большія деньги. Папѣ онъ дѣлаетъ одолженіе, что взялся и для него произвести работы—разбить его лѣсъ на участки. Кажется, онъ не дворянинъ. Не все ли это равно? Только тетка Павла такъ гордится тѣмъ, что они—Черносошные, а за ней и папа. Онъ всегда повторяетъ уже слышанное ею отъ тетки.

III.

Старая горничная Павлы Захаровны, Авдотья, бывшая крѣпостная, доложила „барышнѣ“, что обѣдъ готовъ. Она служила и за столомъ. Лакей уѣхалъ съ бариномъ въ городъ.

Комната Павлы Захаровны — длинная, въ два окна — пропахла лѣкарствами, держалась неопрятно, заставленная неуютно большой кроватью, кресломъ съ пюпитромъ, шкапомъ съ книгами. Въ ней было темно отъ спущенныхъ шторъ и сыровато. Почти никогда ея не провѣтривали.

Въ креслахъ съ пюпитромъ и длиннымъ продолженіемъ для ногъ сидѣла она, полулежа, цѣлые дни, въ старомод-

номъ казакинѣ изъ бурой вигони и люстриновой юбкѣ, перекошенная на одинъ бокъ, почти горбатая. Сѣдые курчавые волосы носила она безъ косы, разсыпанные по плечамъ. Некрасивыя высохшія черты отзывались мужской рѣзкостью; извилистый длинный носъ и крупный ротъ безпрестанно приходили въ движеніе. Глаза были круглые, острые, темносѣрые, съ постоянной усмѣшкой. Голова давила худыя приподнятыя плечи своей величиной. Сухая лѣвая рука—маленькая и костлявая—еле виднѣлась изъ-подъ широчайшаго рукава, куда она ее ловко вбирала и за столомъ чуть-чуть придерживала ею вилку... Потемнѣвшая кожа лица и бородавка на лѣвой щекѣ дѣлали лицо еще неприглядиѣе.

Павла Захаровна не торопится. Ее и подождутъ. Сегодня она себя получше чувствуетъ и выходила на балконъ. Сестра Марѳа сейчасъ сказывала, что землемѣръ пріѣхалъ, и она просила его къ обѣду.

Землемѣръ этотъ — разночинецъ, откуда-то съ юга, не то хохолъ, не то еврей (такъ она его понимаетъ) — ловкъ, смѣлъ и вкрадчивъ, и дурочка Саня скоро въ него врѣжется. Такъ и должно случиться. Павла Захаровна все это прекрасно замѣчаетъ — и ничто въ домѣ не дѣлается безъ ея надзора и согласія, хотя она и не выходитъ почти изъ своей комнаты. Ей извѣстны и послѣобѣденныя сидѣнья у сестры Марѳы, угощеніе наливками, гаданіе въ карты. У Марѳы—склонность къ крѣпкимъ напиткамъ. И до мужчинъ она всегда была слаба... Замужъ вовремя не попала. Потомъ—лѣтъ уже за тридцать—разрѣшила себѣ. Павлѣ Захаровнѣ все извѣстно... Знаетъ она, зачѣмъ сестра ѣздила и въ Москву, лѣтъ больше десяти назадъ... Скрыть свой грѣхъ. Ребенокъ, къ счастью, умеръ. И потомъ у Марѳы были связи. Добро бы со стоящимъ народомъ!.. А то со всякой дрянью, съ сыномъ дьякона, съ письмоводителемъ исправника. Она всегда была простовата, жила въ спанье, въ наливки да въ свои „фигли-мигли“! И она передъ землемѣромъ таетъ... Даже противно смотрѣть.

Но все это Павла Захаровна терпитъ.

Почему?

Что ей разъ запало въ душу—то съ ней и умретъ. Не могла она вынести соперничества съ невѣсткой. Братъ Иванъ Захарычъ — моложе ея на нѣсколько лѣтъ—жилъ всегда ея умомъ, нужды нѣтъ, что остался рано на пол-

ной волѣ, главнымъ наслѣдникомъ двухъ вотчинъ. Она не допустила бы его до всѣхъ глупостей, какія онъ надѣлалъ съ тѣхъ поръ—вотъ уже больше двадцати лѣтъ—если бъ не пошла на сдѣлку съ самой собою, съ своей женской злобностью. Надо было вытравить изъ его сердца любовь къ женѣ. Та его обошла. Изъ бѣдныхъ чиновничьихъ дочерей—какого-то станового пьянчужки дочь—въ пеньеркахъ была оставлена въ институтѣ. Онъ пріѣхалъ на выборы, бывалъ у какой-то классной дамы въ гостяхъ, влюбился и сейчасъ же, не спросившись у нея, старшей сестры, вернулся оттуда женихомъ. Она затаила въ себѣ эту обиду. Всѣ семь лѣтъ его женатой жизни она провела въ другой усадьбѣ; въ явной ссорѣ съ матерью Сани не была, но не прощала обиды и ждала часа отмести. Невѣстка умерла, точно въ угоду ей. Съ памятью жены Иванъ Захарычъ слишкомъ носился... И эту память ей удалось-таки затемнить. Чтобы быть въ ладу съ своей совѣстью, она и себя увѣрила въ томъ, что невѣстка обманывала мужа, что Саня и „не думаетъ“ быть дочерью Ивана Захарыча. Съ тѣхъ поръ онъ опять сталъ ея младшимъ братомъ, жилъ подъ ея надзоромъ. Только бы онъ вдругорядь не женился. Ну, и надо было допустить его до незаконной связи. Она все знаетъ: у него въ городѣ „мамòшка“ и двое дѣтей. Усыновлять онъ ихъ не посмѣетъ безъ ея разрѣшенія, да и не пожелаетъ. Это семейство съ лѣвой стороны онъ обезпечилъ — заложилъ землю другой вотчины, купилъ имъ домикъ и сдѣлалъ вкладъ въ мѣстный дворянскій банкъ. Денегъ онъ прожилъ въ послѣднія десять лѣтъ прорву, и не на одно это. Усадьба, гдѣ они живутъ, съ паркомъ,—тоже заложена... Проценты платитъ онъ съ трудомъ... Ей и сестрѣ Марѳѣ онъ задолжалъ по пятнадцати тысячъ — все ихъ достояніе. Кромѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, у нихъ за крестьянскимъ надѣломъ осталось по двѣсти десятинъ плохой землицы, и онѣ ее продали по частямъ.

Иной разъ ее страхъ разбираетъ— ну, какъ братъ, совсѣмъ разорится?.. Что имъ съ сестрой дѣлать изъ сохранныхъ его расписокъ? Но она еще не рехнулась. Теперь—самый настоящій моментъ подошелъ. Не заложенъ лѣсъ—большой, въ нѣсколько тысячъ десятинъ... Она и настояла на томъ, чтобы пригласить ученаго землемѣра и разбить лѣсъ на участки, привести въ извѣстность и продать. Тутъ она плошать не будетъ, и свой, и сестринъ

капиталъ возвратитъ; коли на то пошло, и расписки представитъ ко взысканію. До этого онъ себя не допуститъ. Усадьба и паркъ—только обуза: никакого не даютъ доходу, а стоятъ не мало, да еще за нихъ надо платить проценты. Братъ держится за нихъ изъ одного дворянскаго гонора, потому что они ему достались отъ дальняго родственника, какого-то богача и магната; за ихъ части онъ выдалъ имъ деньгами. И лѣсъ—тоже родовой. Продать надо и то, и другое. Капиталъ—за уплатой тридцати тысячъ сестрамъ—онъ скоро спуститъ. И останется у него дальняя вотчина со старинной усадьбой. Туда и переселятся жить. Проценты не на что будетъ платить и за нее. Онѣ съ сестрой выкупятъ имѣніе, когда его банкъ назначитъ въ продажу. Врядъ ли у брата останется еще, къ тому времени, хоть тысчонка рублей. Что жъ! И будетъ жить у нея, Павлы Захаровны, на хлѣбахъ... Или уйдетъ къ своей сударушкѣ, если не сумѣетъ ужиться.

Главное—Санѣ, дочери ненавистной невѣстки, не достанется ни одного вершка изъ родовыхъ угодій. Братъ охладѣлъ къ ней давно—и только играетъ роль ея отца, не хочетъ показать, что онъ носился столько лѣтъ съ чужимъ ребенкомъ.

Вотъ тутъ-то такъ кстати и пожаловалъ этотъ землемѣръ. Остальное идетъ какъ по маслу. Марѳа ихъ сводитъ, пріучаетъ Саню къ наливкѣ, сама рада-радешенька—только чтобы ей около смазливаго мужчинки посидѣть лишній разокъ. Тотъ—ловкачъ, своего не упуститъ. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ дѣвчонка заблудится съ нимъ гдѣ-нибудь въ паркѣ. Тогда разговоръ короткій — надо выдавать за землемѣра... Выбросить ей на приданое нѣсколько тысчонокъ — и довольно!.. Чего же она больше заслуживаетъ? Въ мать пошла. Съ развратными наклонностями. Туда ей и дорога! Будь у этой толстой, чувственной дѣвчонки въ головѣ мозгъ, а не сѣнная труха, она бы знала, какъ ей себя вести и какъ оградить сколько-нибудь свои права. У этой подурухи менѣе мыслей, чѣмъ у птицы.

Если и можетъ кто ее смущать, такъ нянька ея, Ѳедосеевна.

Давнымъ-давно выгнала бы она эту дрянную смутьянку, если бъ не глупый гоноръ брата. Видите ли, онъ, у смертнаго одра жены, обѣщалъ ей обезпечить старость Сани-

ной няньки... Такъ вѣдь онъ тогда вѣрилъ въ любовь и непорочность своей возлюбленной супруги... А потомъ? Голова-то и у братца не далеко ушла отъ головы его мнимой дочки; и сколько разъ Павла Захаровна язвила самоё себя вопросомъ: съ какой стати она, умница, положила всю свою жизнь на возню съ такой тупицей, какъ ея братецъ, Иванъ Захарычъ?

Только и есть въ немъ одно—свое дворянское достоинство соблюдаетъ. Имя Черносошныхъ ставитъ такъ же высоко, какъ и она. И это въ немъ она воспитала. Важность въ немъ прикрываетъ скудость мозга. Учился плохо, въ полку былъ безъ году недѣлю, своей видной наружностью не умѣлъ воспользоваться, взять богатую и родовитую невѣсту, женился на дряни, по выборамъ служилъ два трехлѣтія, и даже Станислава ему на шею не повѣсили, а другіе изъ уѣздныхъ-то предводителей въ губернаторы попадаютъ, по нынѣшнему времени. Весь прожился зря—ни себѣ, ни людямъ. Ни у него пріемовъ, ни кутежа особеннаго... Метреска изъ мѣщанокъ; на нее и на незаконныхъ дѣтей не Богъ знаетъ какой капиталъ записанъ имъ; а въ двадцать лѣтъ разстроилъ прекраснѣйшихъ двѣ вотчины... И кончитъ тѣмъ, что у нея, у Павлы Захаровны, будетъ доживать на хлѣбахъ.

Тогда она успокоится... Онъ получитъ должное возмездіе за всю свою дурость. Но если она не доведетъ его до продажи лѣса и усадьбы съ паркомъ — можетъ кончиться совсѣмъ плохо и для нея съ дурындой Марѳой; та безъ нея тоже пропадетъ.

Павла Захаровна встала съ кресла въ нѣсколько пріемовъ и, ковыляя на лѣвую ногу, прошлась по комнатѣ взадъ и впередъ, потомъ постояла передъ зеркаломъ, немножко расчесала взбившіеся курчавые волосы и взяла изъ угла около большой изразцовой печи палку, съ которой не разставалась внѣ своей комнаты.

Безъ нея не сядутъ. Она бы и сегодня не вышла. Отъ глупыхъ разговоровъ сестры и племянницы ее тошнитъ; но надо ей самой видѣть, куда зашелъ землемѣръ въ своемъ сближеніи съ Саней. Отъ него же она узнаетъ подробности о какой-то милліонной компаніи, которая съ весны покупаетъ огромныя лѣсныя дачи, по сю и по ту сторону Волги, въ трехъ волжскихъ губерніяхъ. Землемѣръ, кажется, норовитъ попасть на службу къ этой компаніи. Ему слѣдуетъ предложить хорошую комиссію и сдѣ-

лать это на-дняхъ, послѣ того, какъ молодые люди погуляютъ въ паркѣ разъ-другой. Онъ и теперь знаетъ, что безъ ея согласія ничего въ этомъ домѣ не дѣлается. Надо будетъ дать ему понять, что Саня ему можетъ достаться въ жены, если его поддержитъ она.

Дверь опять пріотворилась, и Авдотья во второй разъ доложила:

— Кушать пожалуйте, барышня.

— Иду! — отозвалась Павла Захаровна и, подпираясь палкой, заковыляла къ залѣ.

IV.

Подали зеленыя щи изъ разсады съ блинчатыми пирожками.

Противъ Марѳы Захаровны, надѣвшей на голову черную кружевную тряпочку, сидѣлъ землемѣръ; по правую руку отъ нея Саня, безъ кофточки, по лѣвую — Павла Захаровна.

Землемѣръ не смотрѣлъ великоруссомъ: глаза съ поволокой, искристые зрачки на синѣющихъ бѣлкахъ; цвѣтъ лица очень свѣжій, матовый, блѣдноватый; твердыя щеки, плотно подстриженныя, вплоть до острой бородки. Вся голова точно выточена; волосы начесаны на лбу въ такую же чолку, какъ и у Сани, только черные какъ смоль и сильно лоснятся отъ брильянтина. Въ чертахъ—что-то восточное. Большая чистоплотность и франтоватость сказывались во всемъ: въ покроѣ клѣтчатаго пиджака, въ малиновомъ галстукѣ, въ воротничкахъ и манжетахъ, въ кольцахъ на длинныхъ, красивыхъ пальцахъ. Съ толстоватыхъ губъ не сходила улыбка, и крупные зубы блестѣли. Онъ смахивалъ на заѣзжаго музыканта, актера или приказчика моднаго магазина, а не на землемѣра. Свою дѣловую оболочку онъ оставилъ у себя: большіе сапоги, блузу, крылатку. Одѣвался онъ и раздѣвался изумительно быстро.

Щи всѣ ѣли первыя минуты молча, и только слышно было причавканье жирныхъ губъ тетки Марѳы Захаровны, поглощавшей пирожокъ, прищуривая глазки, какъ сластолюбивая кошка. И Саня кушала съ видимой охотой.

— Пирожка хочешь еще, голубка?—спросила ее Марѳа Захаровна.

— Я возьму, тетя! — отвѣтила Саня своимъ дѣтскимъ голоскомъ, и всѣ ея ямочки заиграли.

— А вы, Николай Никанорычъ?

— И я не откажусь!

Голосъ землемѣра звучалъ музыкально и немного нараспѣвъ, съ южнымъ акцентомъ, точно онъ заводилъ речитативъ на сценѣ.

Онъ въ бокъ улыбнулся своей сосѣдкѣ вправо.

Санѣ отъ его взгляда, изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ, дѣлается всегда неловко и весело, и нѣжный румянецъ разливается тихо, но замѣтно, отъ подбородка до вѣкъ. Она быстро перевела взглядъ отъ его глазъ на галстукъ, гдѣ блестѣла булавка, въ видѣ подковы съ синей эмалью.

Какія у него хорошенькія вещи! И весь онъ такой „шикозный“! Явись онъ къ нимъ, въ институтъ, къ какой-нибудь „дѣвицѣ“, его бы сразу стали обожать полкласса и никто не повѣрилъ бы, что онъ только „землемѣръ“. Она не хочетъ его такъ называть даже мысленно.

„Не землемѣръ, а ученый таксаторъ“.

Саня опустила голову надъ тарелкой со щами, гдѣ плавалъ желтокъ изъ крутого яйца, и вкусно пережевывала счетомъ третій блинчатый пирожокъ — и въ эту минуту, подъ столомъ, къ носку ея ботинки прикоснулся чужой носокъ; она почувствовала—чей.

Это случилось въ первый разъ. Она невольно вскинула глазами на тетку Павлу, брезгливо жевавшую корочку чернаго хлѣба, и вся зардѣлась и стала усиленно глотать щи.

Павла Захаровна подмѣтила и этотъ взглядъ, и этотъ внезапный румянецъ.

„Ногу ей жметъ“, — подумала она и вкось усмѣхнулась.

Пускай себѣ! Чѣмъ скорѣе онъ влюбитъ въ себя эту „полудурью“, тѣмъ лучше. Женись, получай приданое и— маршъ, чтобы и духу ихъ не было!

Кончикъ носка мужской ботинки Саня продолжала чувствовать и не отнимала своей ножки; она застыла въ одной позѣ и только правой рукой подносила ко рту ложку со щами.

Первачъ, продолжая ѣсть красиво и очень пріятно, поворотилъ голову къ Павлѣ Захаровнѣ и особенно почти-

тельно спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ. Онъ давно уже распозналъ, что въ этомъ домѣ она—первый номеръ, и если онъ въ спальнѣ у Маѳы Захаровны такъ засиживается съ Саней, то все это дѣлается не безъ ея вѣдома.

— Аппетита никакого нѣтъ,—выговорила Павла Захаровна и поморщилась.

— Вы бы пирожка, тетя?

Саня спросила и испугалась. Но ей надо было что-нибудь выговорить, чтобы совладать съ своимъ волненіемъ.

Только теперь прибрала она ногу и взглянуть на Николая Никанорыча не рѣшалась... Надо бы разсердиться на него, но ничего похожаго на сердце она не чувствовала.

— Ѣшь сама на здоровье!—отвѣтила ей тетка своимъ двойственнымъ тономъ, гдѣ Саня до сихъ поръ не можетъ отличить ехидства отъ родственнаго, снисходительнаго тона.

— Кушай, кушай!—поощряла ее тетка Маѳа, и узкіе глазки ея заискрились, и Санѣ стало опять „по себѣ".

— Въ какихъ вы побывали мѣстахъ? — благосклонно обратилась Павла Захаровна къ землемѣру.

— Въ заволжской дачѣ моего главнаго патрона, Павла Иларіоновича.

— Низовьева?—почти разомъ спросили обѣ тетки.

— Такъ точно. Онъ торопитъ меня... депешей.

— Гдѣ же онъ проживаетъ? Все въ Парижѣ, небось?

Павла Захаровна повела на особый ладъ извилистымъ носомъ. Маѳа сейчасъ этимъ воспользовалась... Она жить не могла безъ игривыхъ разговоровъ — намекъ сестры Павлы касался правовъ этого богача Низовьева. У него до сорока тысячъ десятинъ лѣсу, по Унжѣ и Волгѣ, въ двухъ губерніяхъ. Каждый годъ рубитъ онъ и сплавляетъ внизъ, къ Василю, гдѣ съѣзжаются лѣсоторговцы— и все, что получитъ, просадитъ въ Парижѣ, гдѣ у него роскошныя палаты, жена есть и дѣти, да кромѣ того и метреску держитъ. Слухъ идетъ, что какая-то — не то испанка, не то американка—и вытянула у него не одну сотню тысячъ не франковъ, а рублей.

— Въ Парижѣ. Но сюда будетъ въ скоромъ времени,— сдержанно и съ игрой въ глазахъ выговорилъ Первачъ.—

И торопитъ таксаторской работой... той дачи, что позади села Заводнаго; туда, къ урочищу Перелогъ.

— Продавать совсѣмъ хочетъ?—спросила Павла.

— Именно-съ,—музыкальной нотой отвѣтилъ Первачъ и, почтительно нагнувшись къ ней, спросилъ:—вамъ чего прикажете?

На столѣ стояла бутылка съ хересомъ, кувшинъ съ квасомъ и графинъ съ водой.

— Мнѣ кваску немножко, — съ наклоненіемъ головы отвѣтила Павла Захаровна.

— Николай Никанорычъ, — заговорила шепеляво и громко Марѳа,—вы что же все скрытничаете? Вѣдь вамъ вся подноготная извѣстна. Должно-быть, на свою... принцессу еще спустилъ... а?

Глазки ея просительно ждали любовной исторіи.

Первачъ поглядѣлъ въ сторону Сани и сдѣлалъ выразительное движеніе ртомъ.

— Да чего же вы стѣсняетесь?.. Вѣдь Саня не малый младенецъ, — выговорила Марѳа. —Пора жизнь знать... Нынче институтки-то все читаютъ... Ну, кубышка, скажи: у васъ, небось, „Огненную женщину“ читали?

— Кажется, тетя,—весело отвѣтила Саня.

— Ну, вотъ видите, Николай Никанорычъ! — подхватила Марѳа.—Разскажите, голубчикъ, про Низовьева.

— Цѣлую дачу продаетъ?—спросила Павла Захаровна и прищурила значительно глазъ.

— Да-съ, около шестнадцати тысячъ десятинъ.

— Заложены?

— Какъ слѣдуетъ. Поэтому-то и нельзя въ нихъ производить порубокъ.

— Чего нельзя?! Нынче все можно.

— Банкъ слѣдитъ довольно строго.

— Эхъ, батюшка, всѣ нынче проворовались!

— Павелъ Иларіоновичъ на это не пойдетъ. Онъ очень такой... джентльменъ. А продавать ему пришлось...

— Для метрески?—почти взвизгнула Марѳа.—Да разскажите, Николай Никанорычъ... Ахъ, какой противный!

— Извольте... съ разрѣшенія Павлы Захаровны. Та дама, которая ему обошлась уже въ милліонъ франковъ, выстроила себѣ отель...

— Какъ? гостиницу?—перебила Марѳа.

— Домъ барскій... Такъ тамъ называютъ, — брезгливо поправила Павла Захаровна сестру.

— Съ отдѣлкой отель обошелся въ два милліона франковъ... Онъ тамъ, въ этомъ отелѣ, поблаженствовалъ мѣсяцъ какой-нибудь — и въ одно прекрасное послѣ-обѣда мужъ вдругъ поднимаетъ бурю.

— Какой мужъ?—стремительно перебила Марѳа.

— Ея мужъ, Марѳа Захаровна. Она замужемъ и даже титулованная.

— Дѣло житейское, — досказала Павла Захаровна.— Супругъ на все сквозь пальцы смотрѣлъ, пока отель-отъ самъ Низовьевъ не предоставилъ ему съ женой. Нынче и все такъ. И въ жизни, и въ романахъ.

Саня слушала все еще подъ впечатлѣніемъ того, что было подъ столомъ между нею и землемѣромъ. Она понимала, про какого рода вещи разсказывалъ Николай Никанорычъ. Разумѣется, для нея это не въ диковинку... И читать приводилось... французскія книжки, и даже слышать отъ подругъ. Нынче у всѣхъ метрески... Кокотокъ развелось — страхъ сколько. На нихъ разоряются. Говорили ей даже въ институтѣ про мужей, которые пользуются отъ этого.

Ей понравилось то, что Николай Никанорычъ стѣснялся немножко, не хотѣлъ при ней разсказывать. Онъ—умница. При тетѣ Павлѣ такъ и слѣдовало вести себя. У тети Марѳы за лакомствами и наливкой можно все болтать. Тамъ и она будетъ слушать съ удовольствіемъ, если смѣшно.

— И мужъ его вытурилъ?

— Вы отгадали, Павла Захаровна.

— А платить-то ему приходится за отель и всю отдѣлку?

— Совершенно вѣрно.

Всѣ трое засмѣялись. И Саня вторила имъ.

— Вотъ почему и продаетъ онъ свой Перелогъ?

Въ вопросахъ Павлы Захаровны звучала злобность. Она любила такія исторіи глупыхъ разореній, хотя и язвила „господъ дворянъ“ за ихъ безпутство.

— Продаетъ компаніи.. про которую я уже вамъ сообщалъ. На-дняхъ ждутъ сюда представителя этой компаніи. Говорятъ—первоклассный дѣлецъ и воротила. Изъ мужиковъ, но съ образованіемъ. А фамилія—самая такая простонародная: Теркинъ.

— Теркинъ? — вслухъ повторила Саня и раскатисто разсмѣялась.

Ей стало ужасно весело. У ней начался романъ какъ слѣдуетъ... У тети Маруси будетъ еще веселѣе.

V.

Къ концу обѣда, за пирожнымъ—трубочки съ кремомъ—Первачъ опять протянулъ носокъ и встрѣтилъ пухлую ножку Сани. Лицо ея уже не зарумянилось вдругъ, какъ въ первый разъ.

Павла Захаровна бесѣдовала съ нимъ очень благосклонно и, когда онъ благодарилъ ее за обѣдъ, сказала ему:

— Передъ вечернимъ чаемъ не завернете ли ко мнѣ... на минутку?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ и сейчасъ же сообразилъ, что она поведетъ съ нимъ конфиденціально-дѣловой разговоръ.

Ему въ этомъ домѣ особенно везло. Смутно догадывался онъ, что сухоручка племянницы не любитъ и хотѣла бы спустить ее поскорѣе. Женитьба не очень-то манила его. Дѣвочка — вкусная, и влюбить ее въ себя ничего не стоитъ. Да и щадить особенно нечего. Онъ никого до сихъ поръ не щадилъ, кто подвертывался... Сначала надо какъ слѣдуетъ увлечь, а тамъ онъ посмотритъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какую поддержку найдетъ онъ въ сухоручкѣ... И отецъ не очень-то нѣженъ къ дочери. На него старшая сестра во всемъ вліяетъ. Между ними есть какія-то родственныя денежныя отношенія... Онъ въ это проникнетъ. Дѣло не обойдется безъ его участія. Вѣроятно, сухоручка желаетъ, чтобы братъ продалъ на выгодныхъ условіяхъ свою лѣсную дачу новой компаніи, къ которой онъ самъ желалъ бы примазаться.

Пока надо добраться поскорѣе до свѣжихъ, какъ персики, щекъ Санечки, съ ихъ чудесными ямочками. Сейчасъ они пойдутъ въ комнату Маруси Захаровны, куда подадутъ лакомства и наливки. Тамъ—его царство. Тетенька и сама не прочь была бы согрѣшить съ нимъ. Но онъ до такихъ перезрѣлыхъ тыквъ еще не спускался—по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ на своихъ ногахъ и мечтаетъ о крупной дѣловой карьерѣ.

Павла Захаровна сухо приложилась къ маковкѣ Сани, когда та цѣловала ея руку. Горничная подала ей ея палку, и она колыхающейся походкой отправилась къ себѣ.

Какъ ни въ чемъ не бывало подошелъ Первачъ къ Санѣ и предложилъ ей руку.

— Куда прикажете вести васъ?—спросилъ онъ, лаская ее взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, которымъ онъ умѣлъ придавать какое угодно выраженіе.

Саня подала ему руку, и онъ ее слегка притиснулъ къ своему правому боку.

— Тетя, куда мы: на балконъ или къ вамъ?—спросила Саня.

— Сначала ко мнѣ... Кофейку напьемся, Николай Никанорычъ... Какой угодно нынче наливки? Терновки или сливянки?

— И той, и другой, если позволите.

— Такъ еще лучше.

Щеки толстухи еще ярче лоснились. Она за обѣдомъ, при старшей сестрѣ, ничего не пила, кромѣ квасу, даже и къ хересу не прикасалась, да и не очень его уважала. Послѣ обѣда и послѣ ужина она вознаграждала себя наливками.

И на Саню каждое послѣ-обѣда въ комнатѣ тети Марѳы нападало особое состояніе, вмѣстѣ съ запахомъ отъ стѣнъ какими-то травами, отъ лакомствъ, кофе съ густыми пѣнками и наливокъ. Ей сейчасъ же захочется болтать, смѣяться, пѣть, цѣловаться.

Вотъ она опять за столомъ. Тетя разсаживается на диванѣ, облокотившись о подушку. Надъ ней закоптѣлая картина—Юдиѳь съ головой Олоферна. Но эта страшная голова казалась ей забавной... И у Юдиѳи такой смѣшной носъ. Въ окнахъ—клѣтки. У тети цѣлыхъ шесть канареекъ. Онѣ, какъ только заслышатъ разговоръ, чуть кто стукнетъ тарелкой или рюмкой, принимаются пѣть одна другой задорнѣе. Но никому онѣ не мѣшаютъ. У Сани, подъ этотъ птичій концертъ, еще скорѣе зашумитъ въ головѣ отъ сливянки.

Другая горничная—Прасковья—приставлена къ своей „барышнѣ“ сызмальства, какъ Авдотья была приставлена къ Павлѣ Захаровнѣ. Она похожа на тетю Марѳу,—почти такая же жирная и такъ же любитъ выпить, только втихомолку. Саня про это знаетъ отъ няньки Ѳедосеевны, строгой на ѣду и питье, большой постницы. Но у Сани снисходительный взглядъ на это. Какая важность, что выпьетъ пожилая женщина отъ деревенской скуки.

На столѣ уже стоятъ двѣ бутылки съ наливкой и нѣ-

сколько тарелокъ и вазочекъ съ домашними превкусными сластями: смоква, орѣхи въ меду, малиновыя лепешки и густое варенье изъ розовыхъ лепестковъ, гдѣ есть апельсинная мелко нарѣзанная корка и ваниль... Саня — особенная охотница до этихъ сластей... Сейчасъ принесетъ Прасковья и кофе.

Первачъ сидитъ около нея на стулѣ очень близко и смотритъ ей въ глаза такъ, точно хочетъ вывѣдать всѣ ея мысли о немъ. Она было хотѣла дать ему понять, что онъ не имѣлъ права протягивать къ ней подъ столомъ носокъ, ища ея ноги; но вѣдь это ей доставило удовольствіе... Зачѣмъ же она будетъ лицемѣрить? И теперь она уже чувствуетъ, что его носокъ опять близится... а глаза ласкаютъ ее... Рука, все подъ столомъ, ищетъ ея руки. Она не отдернула—и онъ пожалъ.

Въ эту минуту тетя налила имъ обоимъ по рюмкѣ и себѣ также.

— Сливянка?— спросилъ Первачъ и чокнулся съ нею и съ Саней.

Его рука держала ее за кончики ея пальцевъ — и по всему ея тѣлу прошлось ощущеніе чего-то жгучаго и пріятнаго, прежде чѣмъ она глотнула изъ рюмки.

Тетка ничего не замѣчала, да если бъ и замѣтила, не стала бы мѣшать. Она отвѣтила на чоканье Первача и, прищурившись, смаковала наливку маленькими глотками.

— Хороша на вашъ вкусъ, Николай Никанорычъ?

— Превосходна, Марѳа Захаровна.

— Саня! Хороша?..

— Очень, тетя, очень.

— Пей, голубка, пей.

— Лучше всякаго крамбамбули, — подхватилъ землемѣръ.

— Крамбамбули? — вскричала Саня и подскочила на стулѣ. Но пальчики ея лѣвой руки остались въ рукѣ землемѣра.—Николай Никанорычъ! Что это? Пѣсня? Вѣдь да? Пѣсня? Или это какое-нибудь питье?

— И то, и другое, Александра Ивановна, и то, и другое. Въ родѣ ликера, крема... Очень крѣпкое. Студенческое питье. И пѣснь сложилась. Ее и цыгане поютъ.

— Какъ поютъ? Запойте.

— Это хоровая.

— Тетя! Дуся! Попросите Николая Никанорыча.

— Довольно и вашей просьбы, Александра Ивановна.

Онъ такъ это мило сказалъ, съ опущенными рѣсницами, что Санѣ захотѣлось поцѣловать его. Ну, хоть въ лобъ, даже и при тетѣ. Наливка сладко жгла ее въ груди и разливалась по всѣмъ жиламъ... Каждая жилка билась.

— „Крамбамбули — отцовъ наслѣдство“,—запѣлъ Первачъ сдержанно... Голосъ у него былъ звучный и съ легкой вибраціей.

— Ахъ, какая прелесть!

— „И утѣшительное средство!“ — продолжалъ Первачъ и еще разъ чокнулся съ Саней.

Она выпила большую рюмку до дна и даже облизнула кончикомъ языка свои сочныя алыя губы.

Черезъ пять минутъ всѣ трое пѣли хоромъ:

„Крамбамъ-бамъ-бамбули,
Крамбамбули-и!“

И взвизгивающій голосъ тети Маѳы прорывался сквозь молодые, вздрагивающіе голоса Сани и землемѣра. Но очень громко они боялись пѣть, чтобы не разбудить тетки Павлы.

Саня отвѣдала и терновки, менѣе сладкой и болѣе вяжущей, чѣмъ сливянка, очень крѣпкой. Кончикъ языка стало покалывать, и на щекахъ разлилось ощутительное тепло, проникло даже до ушей. И въ шеѣ затрепетали жилки. Голова не была еще въ туманѣ; только какая-то волна подступала къ сердцу и заставляла его чуть-чуть заниматься, а въ глазахъ ощущала она пріятную теплоту, такую же, какъ въ ушахъ и по всему лицу. Она отдавалась впервые своему физическому сближенію съ этимъ красивымъ мужчиной. Онъ уже владѣлъ всей ея пухлой ручкой. Она не отнимала руки... Глаза его точно проникали въ нее—и она не стыдилась... какъ еще было вчера и третьяго дня.

Послѣ пѣнія „Крамбамбули“ и остраго напряженія, нѣга разлилась по всему тѣлу. Саня, прищуривъ глаза, отвела ихъ въ сторону тетки, — и ей широкое, обрюзглое, красное, лоснящееся лицо казалось такимъ милымъ, почти ангельскимъ. Она чмокнула на воздухъ и проговорила голосомъ, полнымъ истомы:

— Тетя! Дуся!

И тутъ только въ голову ея, какъ дымка, сталъ проникать хмель.

Тетка тоже разомлѣла. Это была минута, когда она не-

премѣнно запоетъ одна, своей дѣвичьей фистулой, какой-нибудь старинный романсъ.

„Рѣка шумитъ,
Рѣка ревetъ“...

затянула Марѳа Захаровна.

Санѣ не хочется подпѣвать. Она откинулась на спинку стула. Ея лѣвая рука совсѣмъ во власти Николая Никанорыча. Онъ подноситъ ее высоко къ своимъ губамъ и цѣлуетъ. Это заставило ее выпрямиться, а потомъ нагнуть голову. Кажется, она его поцѣловала въ щеку... такъ прямо, при теткѣ. Но будь они одни, она бы схватила его за голову и расцѣловала бы.

„Сердитъ и страшенъ
Говоръ волнъ“...

разливается тетка, и голосъ ея замираетъ на послѣднемъ двустишіи:

„Прости, мой другъ!
Лети, мой челнъ!“

VI.

Подъ нѣжной листвой туго распускавшагося кудряваго дубка Саня сидѣла на пледѣ, который подложилъ ей Николай Никанорычъ. Пригорокъ зеленѣлъ вокругъ. Внизу, сквозь деревья, виденъ былъ узкій спускъ къ рѣкѣ. Ширилась полоса воды—стальная, съ синѣющими отливами.

Тетка Марѳа задремала наверху, въ бесѣдкѣ.

Они побродили по парку подъ-руку. Онъ нѣсколько разъ принимался цѣловать ея пальчики, а она тихо смѣется.

На травѣ онъ сѣлъ къ ней близко-близко и, ничего не говоря, приложился губами къ ея щекѣ.

Саня не могла покраснѣть; щеки ея и безъ того алѣли, но она вздрогнула и быстро оглянулась на него.

— Развѣ можно?—прошептала она.

— А почему же нельзя?

Его глаза дерзко и ласково глядѣли на нее. Разсердиться она и хотѣла бы, да ничего не выходило у нея... Вѣдь онъ, на глазахъ тети, сближался съ нею... Стало-быть, на него смотрятъ какъ на жениха... Безъ этого онъ не позволилъ бы себѣ.

Да если и „безъ этого“? Онъ такой красивый, взгляда глазъ его она не выдерживаетъ. И голосъ у него чудесный. Одѣтъ всегда съ иголочки.

Онъ могъ бы обнять ее и расцѣловать въ губы, но не сдѣлалъ этого.

Онъ деликатный, не хочетъ ничего грубаго. Начни онъ цѣловать ее—вѣдь она не запретила бы и не ударила бы его по щекѣ.

Ударить? За что? Будто она уже такъ оскорблена?.. Сегодня ее всю тянетъ къ нему. Тетя подлила ей еще наливки. Это была третья рюмка. До сихъ поръ у нея въ головѣ туманъ.

— Почему нельзя? — повторилъ онъ и поцѣловалъ ее сзади, въ шею.

— Ей Богу! Николай Никанорычъ! Нельзя такъ! Ради Бога!

Но она была бы безсильна отвести лицо, если бъ онъ сталъ искать ея губъ.

— Санечка!—шепнулъ онъ ей на ушко.—Санечка!..

И тутъ она не разсердилась. Такъ мило вышло у него ея имя... Санечка!.. Это лучше, чѣмъ Саня... или Саря, какъ ее звали нѣкоторыя подруги въ институтѣ. Разумѣется, она маленькая, въ сравненіи съ нимъ. Но онъ такъ ее назвалъ... отчего?

„Оттого, что любитъ!“ — отвѣтила она себѣ и совсѣмъ зажмурила глаза, и больше уже не отбивалась, а онъ все цѣловалъ ее въ шею маленькими, короткими поцѣлуями.

— Николай Никанорычъ!.. Николай Никанорычъ!.. Вы здѣсь?

Кто-то звалъ сзади. Они узнали голосъ Авдотьи, горничной тетки Павлы.

— Нельзя! — быстрымъ шопотомъ остановила она его, открыла глаза, выпрямилась и вскочила на ноги.

Голова вдругъ стала свѣтлой. Въ тѣлѣ никакой истомы.

Онъ тоже поднялся и крикнулъ:

— Ау!..

Авдотья подошла, запыхавшись.

— По всему берегу ищу васъ, сударь... Павла Захаровна просятъ васъ пройти къ нимъ до чаю.

— Сейчасъ! — отвѣтилъ Первачъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и Санѣ ужасно понравилось то, что онъ такъ владѣетъ собою.

Но и она не растерялась... Да и съ чего же? Авдотья не могла видѣть за деревьями. А вдругъ какъ видѣла? Скажетъ теткѣ Павлѣ?

Ну, и скажетъ! Ничего страшнаго изъ этого выйти не можетъ. Развѣ тетка Павла не замѣчаетъ, что они нравятся другъ другу? Если бъ ей было непріятно его ухаживаніе, она бы давнымъ-давно дала инструкцію тетѣ Марѳѣ, да и сама сдѣлала бы внушеніе.

Зачѣмъ она прислала за Николаемъ Никанорычемъ? Можетъ-быть, „за этимъ самымъ“. Не написалъ ли онъ ей письма? Онъ такой умный. Если просить согласія, то у нея—у первой. Какъ она скажетъ, такъ и папа.

— Сейчасъ буду! — повторилъ Первачъ удалявшейся Авдотьѣ.—Вотъ только барышню доведу до бесѣдки.

— Слушаю-съ, — откликнулась Авдотья, обернувъ на ходу свое рябоватое худое лицо старой дѣвушки.

— Вы по дѣламъ къ ней?—спросила тихо Саня и бокомъ взглянула на него.

— Да, что-нибудь по хозяйственной части, — выговорилъ онъ спокойно.

Ей захотѣлось шепнуть: „Я знаю по какой части!“— но она побоялась, и когда онъ взялъ ее подъ-руку, то въ ней уже совсѣмъ не было той истомы, какую она ощущала подъ деревомъ.

„Неужели сегодня?“—подумала она и опустила глаза.

— Тетя заснула... Зачѣмъ ее будить?

Они стояли въ дверяхъ бесѣдки изъ березовыхъ брусьевъ, гдѣ Марѳа Захаровна спала съ открытымъ ртомъ въ соломенномъ креслѣ, вытянувъ свои толстыя ноги въ шитыхъ по канвѣ башмакахъ,

— Вы здѣсь останетесь... Сапечка?..—добавилъ онъ шопотомъ, и чуть-чуть дотронулся губами до ея шеи.

— Ахъ!—вырвалось у нея тихимъ, дѣтскимъ звукомъ, и она тотчасъ же подумала: „Что-жъ... сегодня, можетъ-быть, все и рѣшится“.

Она вспомнила, что сегодня же долженъ вернуться изъ города и папа.

— А, что?.. — вдругъ проснулась Марѳа Захаровна и схватилась ладонями за свои жирныя щеки.

— Привелъ вамъ племянницу и сдаю съ рукъ на руки. Павла Захаровна прислала за мною.

— Да, да,—повторяла толстуха еще спросонья. — Погуляли, милые... День-то какой чудесный!.. Много я спала?

— Всего чуточку!

Саня поцѣловала ее въ маковку.

— Я съ вами побуду... За Николаемъ Никанорычемъ тетя присылала Авдотью.

— А... Идите, идите, голубчикъ.

Марѳа знала, что сестра ея зря ничего не дѣлаетъ. Стало-быть, что-нибудь важное, насчетъ дѣлъ брата, лѣсовъ, продажи ихъ. Она за себя не боится, пока сестра жива. Можетъ-быть, та и насчетъ Сани что̀ надумала.

Шаги землемѣра стихли въ липовой аллеѣ. Саня прошлась взадъ и впередъ по бесѣдкѣ и потомъ, подойдя къ тетѣ, взяла ее за голову и нѣсколько разъ поцѣловала.

— Тетя! Дуся! Какой онъ славный! Вѣдь да?

— Кто, душка? Николай Никанорычъ?

— Да... Прелесть... Да?

— На что еще лучше!

Толстуха подмигнула.

— А онъ тебѣ, поди, чего наговорилъ... тамъ... внизу?

Саня начала краснѣть.

— Можетъ... и дальше пошло? Вонъ какъ вспыхнула, дурочка... Ну, чего тутъ! Дѣло молодое... И такой мужчина. Хе-хе!

— Онъ милый, милый!

Саня поцѣловала тетку въ плечо и выбѣжала изъ бесѣдки. Ей захотѣлось бѣгать совсѣмъ по-дѣтски. Она пробѣжала по аллеѣ, вплоть до загиба — и по второй, и по третьей — по всему четырехугольнику, и спустилась опять внизъ, къ тому дубку, гдѣ они сейчасъ сидѣли.

Какой прелестный дубокъ! Такого нѣтъ другого во всемъ паркѣ. Точно онъ весь дышитъ. Листики нѣжные, только-что распустились, тихо переливаютъ отъ чуть примѣтнаго вѣтерка. Пахнетъ ландышами. Гдѣ-нибудь они уже цвѣтутъ.

Она проникла въ чащу, стала искать, нашла одну былинку съ крошечными колокольчиками ландыша, сорвала ее и приблизила къ розовымъ трепетнымъ ноздрямъ.

Что за милое благоуханіе! Она обожаетъ духи всякіе. А весной, на воздухѣ, тонкій духъ цвѣтка, особенно такого, какъ ландышъ!

Вотъ когда бы сѣсть въ лодку и все плыть, плыть такъ до ночи...

Надо сказать, когда вернется папа, что пора приготовить лодку. Стало тепло. Она не боится разлива. Она ничего не боится съ нимъ. Вотъ онъ теперь сидитъ у тетки Павлы. Они говорятъ о ней,—навѣрно, о ней.

Саня подошла опять къ дубку и опустилась уже прямо на траву — Николай Никанорычъ унесъ съ собой пледъ.

Да, они говорятъ о ней. Тетка сначала его немножко поязвитъ, а потомъ спроситъ: „Какія у васъ намѣренія насчетъ моей племянницы?“—А онъ отвѣтитъ: „Мои намѣренія самыя благородныя. Александра Ивановна мнѣ нравится“. Онъ можетъ сказать: „Мы нравимся другъ другу“.

И пріѣдетъ папа; тетка Павла все ему скажетъ: Николай Никанорычъ — нужный человѣкъ... ученый таксаторъ. Дворянинъ ли онъ? Все равно. Папа женился же на мамѣ, а она была дочь мелкаго уѣзднаго чиновника. Вотъ они женихъ съ невѣстой — и можно будетъ цѣловаться, цѣловаться безъ конца.

VII.

У сухоручки Первачъ сидѣлъ больше часа и вышелъ отъ нея какъ разъ въ ту минуту, когда къ крыльцу подъѣхалъ тарантасъ. Изъ города вернулся Иванъ Захарычъ и прошелъ прямо къ себѣ.

Его лакея, Прохора, Первачъ окликнулъ, проходя залой, и сказалъ ему:

— Ежели Иванъ Захарычъ меня будетъ спрашивать, я во флигель иду, а потомъ, къ чаю, вернусь.

Прохоръ—блѣднолицый, лѣнивый малый, лѣтъ за тридцать, опрятно одѣтый въ синій сюртукъ — доложилъ объ этомъ барину, войдя въ кабинетъ.

Иванъ Захарычъ только что собрался умываться, что дѣлалъ всегда одинъ, безъ помощи прислуги. Онъ стоялъ посрединѣ обширнаго кабинета, съ альковомъ, и разстегивалъ свою дорожную куртку зеленаго сукна съ бронзовыми пуговицами.

Роста онъ былъ очень большого, вершковъ десяти слишкомъ, худощавый, узкій въ плечахъ, съ очень маленькой круглой головой, бѣлокурый. Мелкія черты завялаго лица не шли къ такому росту. Онъ носилъ жидкіе усики и брилъ бороду. Ротъ съ плохими зубами ущемлялся въ постоянную кисловатую усмѣшку. Плоскіе рѣдкіе волосы онъ раздѣлялъ на лбу прямымъ проборомъ и зачесывалъ на височкахъ. Голову держалъ онъ высоко, немного закидывая, и ходилъ почти не сгибая колѣнъ.

— Попроси Николая Никанорыча сюда... такъ, минутъ черезъ двадцать.

— Слушаю-съ!

Прохоръ вышелъ. Иванъ Захарычъ снялъ дорожную куртку и повѣсилъ ее въ шкапъ. Онъ былъ франтоватъ и чистоплотенъ. Кабинетъ по отдѣлкѣ совсѣмъ не походилъ на другія комнаты дома: коверъ, дорогіе обои, огромный письменный столъ, триповая мебель, хорошія гравюры въ черныхъ нарядныхъ рамкахъ. На одной стѣнѣ висѣло нѣсколько ружей и кинжаловъ, съ лисьей шкурой посрединѣ. Въ глубинѣ алькова стояла кровать — бронзовая, съ голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

Умывался онъ долго и шумно. Два мохнатыхъ полотенца висѣли на штативахъ, надъ умывальникомъ съ педалью, выписаннымъ изъ Москвы, съ мраморной доской. Такъ же долго вытиралъ онъ лицо и руки, засученныя до локтей.

На лбу—крутомъ, низкомъ, обтянутомъ желтѣющей кожей—держалась крупная морщина. Безцвѣтные желтоватые глаза его озабоченно хмурились.

Иванъ Захарычъ вернулся изъ города самъ не свой. Другой бы на его мѣстѣ сталъ швырять чѣмъ ни попало или придираться къ прислугѣ. Онъ себѣ этого не позволитъ. Онъ — Черносошный, обязанъ себя сдерживать во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Горячиться и ругаться — на это много теперь всякой разночинской дряни. Онъ — Черносошный!

Дѣла идутъ скверно. И съ каждымъ годомъ все хуже. Думалъ онъ заложить лѣсную дачу. Банкъ оцѣнилъ ее слишкомъ низко. Но денегъ теперь нѣтъ нигдѣ. Купчишки сжались; а больше у кого же искать? Сроки платежа процентовъ по обоимъ имѣніямъ совпадали въ концѣ іюня. А платить нечѣмъ. До сихъ поръ ему устраивали разсрочки. Въ банкѣ свой братъ—дворянинъ. И директоръ—предсѣдатель, и двое другихъ—его товарищи.

Но тамъ что-то неладно. Въ городѣ заѣхалъ онъ къ предводителю, своему дальнему родственнику и даже однополчанину,—только тотъ его моложе лѣтъ на десять, ему пошелъ сорокъ второй годъ,—выбранному послѣ него два года назадъ, когда Иванъ Захарычъ самъ отказался наотрѣзъ служить третье трехлѣтіе, хотя ему и хотѣлось получить орденъ или статскаго совѣтника. Дѣла тогда сильно покачнулись. Почетъ — почетомъ; но разореніе — хуже всего.

Предводителя онъ нашелъ въ сильномъ разстройствѣ.

Онъ получилъ извѣстіе, что въ банкѣ обнаруженъ подлогъ, и на сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Дѣло дошло до прокурора. Поговариваютъ, что одинъ изъ директоровъ не отвертится. И не одно это. По двумъ имѣніямъ, назначеннымъ въ продажу, ссуда оказалась вдвое больше стоимости. Оба имѣнія—двоюроднаго брата старшаго директора. Въ газетахъ—даже въ столичныхъ—появились обличительныя корреспонденціи—„этихъ бы писакъ всѣхъ перевѣшать!“—и неизбѣжно созваніе экстреннаго съѣзда дворянъ,—банкъ ихъ сословное учрежденіе. Въ городѣ началась паника, вкладчики кинулись брать назадъ свои деньги съ текущихъ счетовъ и по долгосрочнымъ билетамъ, по которымъ банкъ платитъ шесть процентовъ. Нечего и думать выхлопотать отсрочку. Довольно и того, что по обоимъ имѣніямъ оцѣнка была сдѣлана очень высокая. Тогда Иванъ Захарычъ служилъ предводителемъ, и одинъ изъ директоровъ былъ съ нимъ на „ты“, учился вмѣстѣ въ гимназіи.

Но вся эта передряга въ банкѣ прямо не касается его родственника. А между тѣмъ тотъ точно самъ попался. У него имѣніе заложено—„да у кого есть незаложенное имѣніе?“—но давнымъ-давно, еще отцомъ его, въ одномъ изъ столичныхъ банковъ; а недавно онъ, получивъ добавочную сумму, перезаложилъ его въ дворянскій центральный банкъ. И эти деньги онъ уже прожилъ. Живетъ онъ черезчуръ шибко, съ тѣхъ поръ какъ связался съ этой бабенкой, бывшей женой акцизнаго чиновника. Онъ ее развелъ, мужу-„подлецу“ заплатилъ отступного чуть не сорокъ тысячъ; разводъ съ вѣнчаніемъ обошелся ему тысячъ въ десять, если не больше. За границу она его увезла; цѣлыхъ полгода они тамъ путались, въ рулетку играли. Франтиха она самая отчаянная. По три дюжины у нея всего нижняго бѣлья и обуви, и все шелковое, съ кружевами; какого цвѣта рубашка, такого и чулки, и юбка. Даромъ, что бывшая жена акцизнаго, а смотритъ настоящей французской кокоткой. И вотъ, съ самаго своего предводительства, третій годъ онъ съ ней такъ мотаетъ. Въ Москву ѣздятъ чуть не каждый мѣсяцъ, и непремѣнно въ „Славянскомъ Базарѣ“ отдѣленіе берутъ. Въ уѣздномъ городишкѣ умудряются проживать на одно хозяйство больше пятисотъ рублей въ мѣсяцъ.

Онъ былъ прежде предсѣдателемъ управы. И когда сдавалъ должность, оказалась передержка. Тогда дѣло за-

мяли, дали ему время внести въ нѣсколько сроковъ. Теперь въ опекѣ завелись сиротскія и разныя другія деньги. Иванъ Захарычъ сдалъ ему сполна больше двадцати тысячъ, и съ тѣхъ поръ стало извѣстно, что по двумъ имѣніямъ, находящимся въ пожизненномъ пользованіи жены, хранятся процентныя бумаги отъ выкуповъ, которые состоялись поздно — уже послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ предводителей. Кажется, тысячъ на тридцать, если не больше.

Когда родственникъ его, теперешній предводитель, началъ ему намекать на „тиски", въ какіе можетъ попасть, Иванъ Захарычъ сейчасъ же подумалъ: „ужъ не запустилъ ли лапу въ сундукъ опеки?" Можетъ ли онъ отвѣчать за него? По совѣсти—нѣтъ. Да и не за него одного... Вѣдь и директора банка—тоже дворяне, пользовались общимъ довѣріемъ, какъ себя благородно держали... А теперь вонъ какихъ дѣлъ натворили!..

Иванъ Захарычъ считалъ себя выше подобныхъ недворянскихъ поступковъ. Этимъ онъ постоянно преисполненъ. Если при залогѣ имѣній онъ добился высокой оцѣнки, то все же они стоятъ этихъ денегъ, хотя бы при продажѣ съ аукціона и не дали такой цѣны. Онъ въ долгу у обѣихъ сестеръ, и ему представляется довольно смутно, чѣмъ онъ обезпечитъ ихъ, случись съ нимъ бѣда, допусти онъ до продажи обоихъ имѣній. Конечно, должны получиться лишки... А если не найдется хорошаго покупателя?

Ему всегда кажется, что какъ бы онъ ни принужденъ былъ поступить, все-таки онъ останется благороднымъ человѣкомъ, представителемъ рода Черносошныхъ—послѣднимъ въ родѣ, мужского пола... У него, кромѣ Сани, двѣ незаконныхъ дочери. Если бъ онъ даже и женился на ихъ матери и выхлопоталъ имъ дворянскія права, онѣ—дѣвочки. Будь хоть одинъ мальчикъ — онъ бы женился. Онѣ съ матерью обезпечены, хоть и небольшимъ капиталомъ.

А Саня?

Но Саня—не его дочь. Онъ давно помирился съ тѣмъ, что его жена измѣнила ему. У него въ столѣ лежатъ письма того „мусьяка", очутившіяся въ рукахъ сестры Павлы, которая ему и доказала, что покойная жена не заслуживала памяти честной женщины. Онъ не мститъ Санѣ за вину матери, но и не любитъ ея, на что имѣетъ полное право. Выдать ее поскорѣе замужъ! Приданаго

тысячъ десять... Родовыхъ правъ у нея никакихъ нѣтъ. Ея мать была бѣдная пепиньерка.

Десять тысячъ—не малыя деньги, по нынѣшнему времени, даже и для барышни изъ хорошаго дома; да вѣдь и ихъ надо припасти. Вмѣстѣ съ долгомъ обѣимъ сестрамъ, по сохраннымъ распискамъ, ему придется заплатить кругленькую цифру чуть не въ пятьдесятъ тысячъ.

Продажа лѣсной дачи дастъ больше, но на охотника. Онъ думалъ было занять у предводителя, а тотъ началъ самъ просить взаймы хоть тысячу рублей, чтобы поѣхать въ губернскій городъ и тамъ заткнуть кому-то „глотку“, чтобы не плели „всякихъ пакостныхъ сплетенъ“.

Иванъ Захаровичъ все живѣе и живѣе чувствовалъ, что онъ близокъ къ краху, и не одинъ онъ, а всѣ почти, подобные ему, люди. Но обвинять себя онъ не могъ. Жилъ, какъ пристойно дворянину, не пьяница, не картежникъ. Есть семейство съ лѣвой стороны, — такъ онъ овдовѣлъ молодымъ, и все это прилично, на сторонѣ, а не дома.

Ему было себя ужасно жаль. Не онъ виноватъ, а проклятое время. Дворяне несутъ крестъ... Теперь надумали поднимать сословіе... Поздно локти кусать. Нельзя уже остановить всеобщее разореніе. Ничего другого и не остается, какъ хапать, производить растраты и подлоги. Только онъ, простофиля, соблюдалъ себя и дожилъ до того, что не можетъ заплатить процентовъ и рискуетъ потерять двѣ прекрасныя вотчины ни за понюшку табаку!

И все-таки онъ не измѣняетъ себѣ ни въ обхожденіи, ни въ чувствѣ своего дворянскаго превосходства, не ругается, не жалуется, не кукситъ. Это—ниже его.

Придется пустить себѣ въ лобъ пулю — онъ это сдѣлаетъ съ достоинствомъ. Но до такого конца зря онъ себя не допуститъ.

VIII.

Иванъ Захаровичъ надѣлъ домашнюю „тужурку“ — свѣтло-сѣрую съ голубымъ ободкомъ — сѣлъ въ кресла и сталъ просматривать какія-то бумаги.

— Можно? — окликнулъ Первачъ въ полуотворенную дверь.

Онъ тоже переодѣлся въ черный сюртукъ.

— Войдите, войдите, Николай Никанорычъ! Весьма радъ!

На таксатора Иванъ Захаровичъ возлагалъ особенныя надежды. Да и сестра Павла уже говорила, что слѣдуетъ съ нимъ хорошенько столковаться — повести дѣло на чистоту, предложить ему „здоровую“ комиссію.

— А я сейчасъ отъ Павлы Захаровны,—сказалъ Первачъ, подавая руку.

— Это хорошо. Она мои обстоятельства прекрасно знаетъ.

Рѣчистостью Иванъ Захаровичъ не отличался. Всякій дѣловой разговоръ стоилъ ему не малыхъ усилій.

— Павла Захаровна — особа большого ума... и ваши интересы превосходно понимаетъ.

— И что же?.. Стало-быть?..

— Она того мнѣнія, что лѣсную дачу и усадьбу съ паркомъ надо продать безотлагательно.

— Легко сказать... Цѣны упадутъ. Вотъ и Низовьевъ продаетъ.

— Его лѣсъ больше, но хуже вашего, Иванъ Захарычъ. И теперь, послѣ надлежащей таксаціи, производимой мною...

— Все это такъ, Николай Никанорычъ. Но я отъ васъ не скрою... Платежъ процентовъ по обѣимъ имѣніямъ можетъ поставить меня...

— Понимаю!.. Видите, Иванъ Захарычъ... — Первачъ сталъ медленно потирать руки, по пословицѣ: голенькій— охъ, а за голенькимъ—Богъ...—Дачу свою Низовьевъ,—я уже это сообщилъ и сестрицѣ вашей, — продаетъ новой компаніи... Ея представитель—нѣкій Теркинъ. Врядъ ли онъ очень много смыслитъ. Аферистъ на всѣ руки... И писали мнѣ, что онъ самъ мечтаетъ попасть поскорѣе въ помѣщики... Чуть ли онъ не изъ крестьянъ. Очень можетъ-быть, что ему ваша усадьба съ такимъ паркомъ понравится. На нихъ вы ему сдѣлаете уступку съ переводомъ долга.

— Тяжело будетъ разстаться съ этой усадьбой. Она перешла въ родъ Черносошныхъ...

— Понимаю, Иванъ Захарычъ. Зато на лѣсной дачѣ онъ можетъ дать по самой высшей оцѣнкѣ.

— Хорошо, если бы вы...

— Я не говорю, что мнѣ удастся непремѣнно попасть на службу компаніи, но есть шансы, и весьма серьезные..

— Ахъ, хорошо бы!.. Будьте увѣрены, я съ своей стороны...

У Ивана Захаровича не хватило духа досказать. Это была сдѣлка... Пускай за него сторгуется сестра Павла.

Первачъ опустилъ рѣсницы своихъ красивыхъ глазъ. Онъ уже выслушалъ отъ Павлы Захаровны намеки на то, что вмѣстѣ съ хорошей комиссіей можно получить и руку ея племянницы. „Сухоручка“ дала ему понять и то, что будь Саня любимая дочь и племянница Ивана Захарыча и ея, Павлы Захаровны, ему, землемѣру, хоть и ученому, нечего было бы и мечтать о ней... Но это его не восхитило... За Санечкой дадутъ какую-нибудь малость... И кто ихъ знаетъ, — онѣ, быть-можетъ, эти старыя дѣвы, ловятъ его, и наливочкой подпаиваютъ, и сквозь пальцы смотрятъ на то, какъ барышня начинаетъ съ нимъ амуриться... Другое дѣло, если онъ выговоритъ себѣ порядочный кушъ при продажѣ лѣсной дачи... по крайней мѣрѣ тысячъ въ десять. Да и это не очень-то соблазнительно... Женись, накладывай на себя ярмо, дѣвочка—глупенькая, черезъ три-четыре года раздобрѣетъ, народитъ дѣтей—и возись со всей этой дѣтворой!

Все это Первачъ сообразилъ прежде, чѣмъ пришелъ сюда. Но онъ не желалъ выставлять себя „лодыремъ“.

— Позвольте вамъ замѣтить, Иванъ Захарычъ,—заговорилъ онъ, мѣняя тонъ, — что у каждаго человѣка есть своя присяга. Я—по совѣсти—считаю вашу лѣсную дачу хоть и вдесятеро меньше, чѣмъ у Низовьева, моего главнаго патрона въ настоящую минуту, но по качеству выше. И оцѣнка ей сдѣлана была очень низкая при проектѣ залога въ банкъ.

— Еще бы!—вырвалось у Ивана Захарыча.

— Но я не могу же не способствовать продажѣ Низовьевской дачи... тѣмъ болѣе, что у нихъ съ компаніей все уже на мази...

— Я и не требую! Помилуйте!

— Другое дѣло — заохотить представителя компаніи, этого Теркина. Если же ему самому приглянется и ваша усадьба съ паркомъ, то надо будетъ на этомъ особенно поиграть. Врядъ ли у него есть свои большія деньги. Разгорятся у него глаза на усадьбу—мой совѣтъ: продать ему какъ можно сходнѣе.

— Такую усадьбу! Николай Никанорычъ! Родовая вотчина... И паркъ!.. Знаете, тяжело... Всякій дворянинъ...

— Понятное дѣло! Но вѣдь вы можете лишиться ея за безцѣнокъ... Изъ-за недоимокъ банку!

— Я какъ-нибудь...

Иванъ Захарычъ чувствовалъ, что говоритъ на вѣтеръ, что кредиту у него нѣтъ, что онъ и не имѣетъ права надѣяться...

— Положимъ... Вы извернетесь... За оба имѣнія вамъ— позвольте узнать—сколько приходится платить въ годъ?

Иванъ Захарычъ сказалъ цифру.

— Деньги не особенно большія; но надо ихъ добыть.

— Да, да,—повторилъ Иванъ Захарычъ.

Его обычная кисловатая усмѣшка не исчезла съ губъ; но головы онъ уже не держалъ такъ высоко.

— Душевно радъ бы былъ и въ этомъ оказать вамъ содѣйствіе, многоуважаемый Иванъ Захарычъ...

Въ головѣ Первача мелькнуло соображеніе: „пожалуй, и за таксаторскую работу ничего не заплатитъ этотъ гусь, такъ поневолѣ придется его выручить".

— Душевно радъ былъ бы,—повторилъ онъ послѣ маленькой паузы.—Положимъ, у того же Низовьева я могъ бы, въ видѣ личнаго одолженія...

Иванъ Захарычъ началъ краснѣть. Этакій „шмерцъ", землемѣришка, а говоритъ съ нимъ, Черносошнымъ, точно начальникъ съ просителемъ, хоть и въ почтительномъ тонѣ... Нечего дѣлать... Такія времена! Надо терпѣть!

— Въ видѣ личнаго одолженія,—повторилъ онъ фразу Первача.

— Достать эту сумму... Но эти богачи — хуже нашего брата, трудового человѣка... Очень можетъ быть, что вотъ онъ пріѣдетъ и передъ милліонной сдѣлкой у него въ бумажникѣ—какая-нибудь тысчонка рублей.

— Очень можетъ быть!—повторилъ Иванъ Захарычъ.

На его низкомъ крутомъ лбу сталъ выступать потъ. Разговоръ уже тяготилъ его, давилъ ему виски.

— Но предположимъ,—продолжалъ Первачъ, замедляя свою дикцію и затянувшись длинной струей дыма,—предположимъ, что мы добудемъ эти деньги...

„Мы, — повторилъ мысленно Иванъ Захарычъ, — вонъ какъ поговариваетъ... Времена такія!.."

— Ваша сестрица Павла Захаровна весьма резонно замѣчаетъ, что это была бы только отсрочка... краха...

„Вонъ какія слова употребляетъ! Крахъ!.. И терпи!"— подумалъ Иванъ Захарычъ.

— Извините... я называю крахомъ...

— Да, да, нынѣшнее слово, я знаю...

— Слово настоящее, Иванъ Захарычъ. Зачѣмъ же доводить себя?

— Конечно, конечно.

— Моментъ наступаетъ самый для васъ благопріятный. Надо его ловить!.. Безъ ложной скромности скажу—мое посредничество...

— Я понимаю, я чувствую, Николай Никанорычъ.

— Только вы мнѣ не мѣшайте. Слѣдуетъ половчѣе подойти къ этому Теркину. Я не скрою — мой личный интересъ тутъ тоже замѣшанъ, но для васъ это еще важнѣе.

— Совершенно вѣрно.

— Работа моя по вашей дачѣ будетъ кончена много-много черезъ три-четыре дня... На-дняхъ же прибудетъ въ Заводное и Теркинъ.

— Этотъ агентъ?

— Не агентъ, Иванъ Захарычъ, а главный воротила компаніи. Но я еще не кончилъ... Сообразите: ежели вы упустите моментъ...

Раздался сдержанный вздохъ Ивана Захарыча.

— Крахъ неизбѣженъ... Дошли до васъ слухи о томъ, какихъ дѣлъ надѣлали директора банка?.. Я сегодня утромъ слышалъ... Вы вѣдь были въ городѣ... Тамъ, навѣрно, знаютъ...

— Дурные слухи... Но вѣдь, знаете, на дворянство вездѣ клевещутъ.

— Полно, такъ ли?

Острые глаза Первача остановились на Иванѣ Захарычѣ.

— Поговариваютъ, что и здѣшній предводитель... Вы извините... Онъ, кажется, вашъ родственникъ?

— Дальній!

— Вы къ нему заѣзжали?

— Какъ же.

— Ну, разумѣется, онъ скрываетъ?

— Не знаю.

Ивану Захарычу дѣлалось невмоготу.

— Стало-быть, если не компанія, крахъ неизбѣженъ,— заключилъ Первачъ:—банкъ можетъ прекратить платежи, имѣнія упадутъ, вы загубите и усадьбу съ паркомъ, и лѣсную дачу за какую-нибудь презрѣнную недоимку.

Дверь отворилась съ жидкимъ скрипомъ. Прохоръ просунулъ голову и доложилъ:

— Барышня Павла Захаровна просятъ кушать чай.

— Тиски! Тиски! — почти крикнулъ Иванъ Захарычъ, вскочилъ съ креселъ и отеръ лобъ платкомъ: лобъ весь былъ влажный.

„Крахъ!“—выговорилъ онъ про себя и почувствовалъ холодъ въ колѣняхъ.

IX.

Половодье проникло къ самому частоколу одной изъ двухъ церквей села Заводнаго.

Понамарь лѣниво звонилъ къ вечернѣ, когда въ ограду вошелъ рослый баринъ, въ синемъ пальто и низкой поярковой шляпѣ.

Это былъ Теркинъ.

Онъ не постарѣлъ, но похудѣлъ въ лицѣ, держался не такъ прямо, какъ въ прошломъ году, и бороду запустилъ.

Сегодня утромъ пріѣхалъ онъ въ Заводное и осматривалъ лѣсную дачу помѣщика Низовьева. Съ нимъ онъ долженъ былъ видѣться въ уѣздномъ городѣ — верстахъ въ пятнадцати отъ берега, по старой московской дорогѣ.

Понамарь звонилъ внизу, около паперти колокольни, и тянулъ за веревку, стоя одной ногой на ступенькѣ,— старый пономарь, съ косицей сѣдѣющихъ волосъ, безъ шапки, въ нанковомъ подрясникѣ.

Онъ остановился и спросилъ Теркина:

— Вамъ—батюшку?

— Нѣтъ, я бы хотѣлъ на колокольню.

— На колокольню?—переспросилъ понамарь.

Теркинъ вмѣсто отвѣта сунулъ старику рублевую бумажку. Тотъ совсѣмъ бросилъ веревку и засуетился.

— На разливъ поглядѣть желаете? Это точно... Видъ превосходный.

И онъ засуетился.

— Вы, любезнѣйшій, дѣлайте свое дѣло. Я одинъ подымусь...

Бодрымъ, молодымъ движеніемъ Теркинъ юркнулъ въ дверку и поднялся наверхъ. Понамарь продолжалъ звонить, засунувъ бумажку въ карманъ своихъ штановъ. Онъ поглядывалъ наверхъ и спрашивалъ себя: кто можетъ быть этотъ заѣзжій господинъ, пожелавшій лѣзть на колокольню? Изъ чиновниковъ? Или изъ помѣщиковъ?.. Такого онъ еще не видалъ. Да въ село и не заѣзжаютъ господа. Купцы бываютъ, прасолы, скупщики меда, кожъ,

льну... Село торговое... Только этотъ господинъ не смотритъ простымъ купцомъ. Надо будетъ сказать батюшкѣ. А онъ еще не приходилъ...

На колокольнѣ Теркинъ сталъ въ пролетѣ, выходившемъ на рѣку... Немного правѣе зеленѣлъ паркъ усадьбы Черносошныхъ, и крыша дома отдѣлялась темнокрасной полосой. Онъ вынулъ изъ кармана пальто небольшой бинокль и долго смотрѣлъ туда.

Сколько лѣтъ утекло съ того дня, когда онъ, впервые, мальчуганомъ, попалъ съ отцомъ въ Заводное и съ этой самой колокольни любовался паркомъ барской усадьбы, мечталъ, какъ о сказочномъ благополучіи, обладать такой усадьбой! Барскаго дома онъ и тогда не видалъ какъ слѣдуетъ, но воображалъ себѣ, что тамъ, позади парка, роскошныя палаты. До боли въ вискахъ любовался онъ усадьбой, и вотъ судьба привела его сюда же главнымъ воротилой большой компаніи, скупающей лѣса у помѣщиковъ. Онъ—душа этого дѣла. Его идея—оградить отъ хищничества лѣсныя богатства Волги, держаться строго раціональныхъ пріемовъ хозяйства, учредить „заказники", заняться въ другихъ, уже обезлѣсенныхъ мѣстахъ системой правильнаго лѣсонасажденія.

Судьба!.. И этотъ паркъ, восхищавшій его въ дѣтствѣ, уцѣлѣлъ, точно на диво, чтобы сдѣлаться его собственностью. Ему уже писалъ таксаторъ, нанятый Низовьевымъ — главнымъ продавцомъ въ здѣшнемъ краѣ, — что усадьбу Заводнаго съ паркомъ можно пріобрѣсти на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Этотъ таксаторъ, видимо, желаетъ поступить на службу компаніи. Они должны видѣться въ городѣ. Нарочно пріѣхалъ онъ двумя днями раньше, чѣмъ назначилъ, взявъ съ собою своего вѣрнаго человѣка — практика-лѣсовода. Они осмотрѣли сегодня дачу Низовьева. Таксаторская работа произведена толково и даже съ разными нынѣшними „штучками". Есть, однако, не мало безпорядочныхъ порубокъ. Тотъ же таксаторъ писалъ ему, что у владѣльца усадьбы съ паркомъ лѣсная дача тоже продается. Если она стоящая, можно ее пристегнуть къ дачѣ Низовьева.

А усадьба съ паркомъ?

Теркинъ разглядывалъ въ бинокль очертанія парка, лужайки и купы деревьевъ, съ нѣжной зеленью и кое-гдѣ еще полуголыми вѣтвями... Его начала разбирать такая же охота владѣть всѣмъ этимъ, какъ и въ дѣтствѣ,

когда онъ влѣзалъ на ту же колокольню, или „каланчу“, какъ онъ выражался по-кладенецки. Онъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію—купить и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать ихъ центромъ мѣстнаго управленія, проводить здѣсь часть лѣта... И когда захочетъ, черезъ два-три года компанія уступитъ ему въ полную собственность. Цѣну онъ дастъ настоящую.

Все осуществимо! И чувство удачи и силы никогда еще не наполняло его, какъ теперь, вотъ на этой колокольнѣ. Ему самому не вѣрится, что въ какихъ-нибудь два года онъ—въ милліонныхъ дѣлахъ, хоть и не на свой собственный капиталъ. Началъ съ одного парохода, завелъ дѣло на Каспійскомъ морѣ, а теперь перекинулъ на верховья Волги, сплотилъ нѣсколько денежныхъ тузовъ и безъ всякаго почти труда проводитъ въ жизнь свою завѣтную мечту. И совѣсть его чиста. Онъ не для „кубышки“ работаетъ, а для общенароднаго дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ деньги плывутъ къ нему, онъ къ нимъ все равнодушнѣе — это несомнѣнно. Прежде онъ любилъ ихъ,—по крайней мѣрѣ ему казалось такъ; теперь онѣ—только средство, а ужъ никакъ не цѣль... Пачки сторублевокъ, когда онъ считаетъ ихъ, не даютъ ему никакого ощущенія,—точно перелистываетъ книжку съ бѣлыми страницами.

Глаза утомились глядѣть въ бинокль. Теркинъ положилъ его въ футляръ и еще постоялъ у того же пролета колокольни. За рѣкой паркъ манилъ его къ себѣ, даже въ теперешнемъ запущенномъ видѣ... Судьба и тутъ работала на него. Выходитъ такъ, что владѣлецъ самъ желаетъ продать свою усадьбу. Значитъ „приспичило“. Исторія извѣстная... Дворяне-помѣщики и въ этомъ лѣсномъ углу спустятъ скупщикамъ свои родовыя дачи, усадьбы забросятъ... Не одна неумѣлость губитъ ихъ, а „распуста“.

Теркинъ опять употребилъ мысленно свое слово, передѣланное имъ на русскій ладъ и подслушанное у одного инженера-поляка.

Повально воруютъ вездѣ: въ банкахъ, опекахъ, земскихъ управахъ, гдѣ только можно, безъ стыда и удержу. Какъ разъ онъ—изъ губернскаго города, гдѣ собирается крупный скандалъ: въ банкѣ проворовались господа директора, довѣренные люди цѣлой губерніи—и паника растетъ; всѣ кинулись вынимать свои вклады. У кого есть

еще что̀ спускать, безсмысленно и такъ же безстыдно расхищаютъ, какъ этотъ Низовьевъ, старѣющій женолюбецъ, у котораго Парижъ не оставитъ подъ конецъ жизни ни одной десятины лѣса.

Развѣ онъ, Теркинъ, не благое дѣло дѣлаетъ, что выхватываетъ изъ такихъ рукъ общенародное достояніе? Безъ воды да безъ лѣса Поволжье на сотни и тысячи верстъ въ длину и ширину обнищаетъ въ какихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ. Это не кулачество, не спекуляція, а „миссія“! И она питаетъ его душу. Иначе приходилось бы черезчуръ ужъ одиноко стоять среди всей этой, хотя бы и кипучей, дѣловой жизни.

Сердце, молодая еще кровь, воображеніе, потребность женской ласки — точно замерли въ немъ. За цѣлый годъ былъ ли онъ хоть единожды, съ-глазу-на-глазъ, въ увлекательной бесѣдѣ съ молодой красивой женщиной?.. Ни единаго раза... Не лучше ли такъ?

Теркинъ опустилъ голову. На колокольнѣ было тихо. Понамарь отзвонилъ. Въ церковь давно уже прошелъ священникъ. Народъ собирался къ службѣ полегоньку.

Медленно спустился онъ по крутой лѣсенкѣ, но съ паперти въ церковь не зашелъ. Ему пора было ѣхать въ городъ. Онъ остановился у приказчика, завѣдующаго лѣснымъ промысломъ помѣщика Низовьева и сплавомъ плотовъ внизъ по Волгѣ, къ городу Васильсурску, куда съѣзжаются каждый годъ въ полую воду крупные лѣсохозяева. Оттуда и ждали Низовьева завтра или послѣ завтра.

Село Заводное немного напоминало Теркину его родной Кладенецъ видомъ построекъ, базарной площадью и церквами; но положеніе его было плоское, на луговомъ берегу. Къ сѣверу отъ него тянулись лѣса, еще не истребленные скупщиками, на сотню верстъ. Когда-то тамъ водились скиты... Въ самомъ селѣ не было раскольниковъ.

На улицѣ стояла послѣобѣденная тишь.

Приказчикъ Низовьева занималъ чистенькій домикъ, на выѣздѣ. Онъ до обѣда уѣхалъ въ городъ — приготовить квартиру, гдѣ и Теркинъ долженъ былъ остановиться, вмѣстѣ съ Низовьевымъ. Отъ него узналъ онъ, что предводителемъ въ уѣздѣ—Петръ Аполлосовичъ Звѣревъ.

„Да это — нашъ Петька!“ сообразилъ Теркинъ, но не сказалъ, что они—товарищи по гимназіи.

Внезапной встрѣчѣ съ своимъ участникомъ въ школь-

ной исторіи съ учителями онъ не очень обрадовался и не смутился ею: все это было уже такъ далеко! Онъ вспомнилъ только угрозу Звѣреву, если тотъ ничего не сдѣлаетъ для его названнаго отца, когда они бросали жребій... Ивана Прокофьева и старуху его онъ прокормилъ на свои деньги и ни къ кому не обратился за помощью. И самъ не погибъ! „Петька", вѣроятно, такая же тупица, какою былъ и въ гимназіи. Положенію его онъ не завидовалъ. Навѣрно и у него найдется что-нибудь продажное; мирволить онъ ему не станетъ, не будетъ ему выказывать и никакихъ аттенцій. Со всѣми мѣстными властями онъ держитъ себя суховато, не допускаетъ никакого запанибратства.

X.

Тарантасъ покачивалъ свой широкій валкій кузовъ,— настоящій купеческій тарантасъ, какіе сохранились еще вездѣ, гдѣ надо ѣздить по старымъ большимъ дорогамъ и проселкамъ.

Ѣхать было довольно мягко, безъ пыли—отъ недавняго дождя, по глинистому грунту. Наѣзженная колея держалась около одного края широчайшаго полотна, вплоть у березъ; за ними шла тропка для пѣшеходовъ. Солнце только что сѣло. Свѣжесть все прибывала въ воздухѣ.

Теркина везла тройка обывательскихъ на крупныхъ рысяхъ. Рядомъ съ ямщикомъ, въ верблюжьемъ зипунѣ и шляпѣ „гречушникомъ", торчала маленькая широкоплечая фигура карлика Чурилина. Онъ повсюду ѣздилъ съ Василіемъ Иванычемъ—въ самыя дальнія мѣста, и весьма гордился этимъ. Чурилинъ сдвинулъ шапку на затылокъ, и уши его торчали въ разныя стороны, точно у татарченка. Въ дорогу онъ неизмѣнно надѣвалъ вязаную синюю фуфайку, какія носятъ дворники, поверхъ жилета, и въ накидку старое пальто.

Въ тарантасѣ надо было лежать на сѣнѣ, покрытомъ попоной, съ дорожными подушками за спиной.

— Антонъ Пантелеичъ! — окликнулъ Теркинъ своего спутника.

— Ась?

Тотъ, задумчиво смотрѣвшій въ другую сторону, повернулъ къ нему свое лицо, круглое, немного пухлое,— моложавое лицо человѣка, которому сильно за-сорокъ, красноватое, съ плохо растущей бородкой. На головѣ была

фуражка изъ синяго сукна. Тѣнь козырька падала на узкіе сѣрые глаза, добрые и высматривающіе, и на короткій, мясистый носъ, съ маленькимъ раздвоеніемъ на кончикѣ.

Антонъ Пантелеичъ Хрящевъ, сидѣлъ подавшись нѣсколько впередъ, въ аккуратно застегнутомъ, опрятномъ драповомъ пальто, безъ перчатокъ. Его можно было, всего скорѣе, принять за управляющаго. Немного сутуловатый и полный въ туловищѣ, онъ былъ на цѣлую голову ниже Теркина.

— Посмотрите-ка... Удивительно, какъ это березы по сіе время уцѣлѣли.

— Дѣйствительно, Василій Иванычъ. И не здѣсь только, а и въ полустепныхъ губерніяхъ—въ Тамбовской, въ Орловской. И тамъ еще ракиты не перевелись по старымъ дорогамъ.

Хрящевъ говорилъ жидковатымъ хриплымъ теноркомъ, придыхая на особый ладъ, чрезвычайно мягко и осторожно. Сегодняшній осмотръ лѣсной дачи помѣщика Низовьева показалъ Теркину, что онъ пріобрѣлъ въ этомъ лѣсоводѣ отличнаго практика и вдобавокъ характернаго русака, къ которому онъ началъ присматриваться съ особеннымъ интересомъ.

Хрящева ему рекомендовали въ Москвѣ. Онъ учился когда-то въ тамошней сельскохозяйственной школѣ, ходилъ въ управляющихъ больше двадцати лѣтъ, зналъ землемѣрную часть, могъ вести и винокуренный заводъ, но льнулъ больше всего къ лѣсоводству; былъ вдовъ и бездѣтенъ.

Между ними сразу установили связь ихъ симпатія къ лѣсу и ненависть къ расхищенію лѣсныхъ богатствъ. Когда Теркинъ окликнулъ Антона Пантелеича, тотъ собирался высказать свое душевное довольство, что вотъ и ему привелось попасть къ человѣку „съ понятіемъ“ и „съ благородствомъ въ помышленіяхъ“, при „большой быстротѣ хозяйственнаго соображенія“.

Онъ любилъ выражаться литературно, книжки читалъ по зимамъ въ большомъ количествѣ и тайно пописывалъ стихи въ „обличительномъ“ и „философическомъ родѣ“.

— Василій Иванычъ, — вдругъ заговорилъ онъ, повернувшись всѣмъ туловищемъ къ Теркину,—позвольте мнѣ отблагодарить васъ за сегодняшній день...

— Въ какихъ же смыслахъ, Антонъ Пантелеичъ? — отвѣтилъ шутливо Теркинъ.

— Объѣзжая съ вами дачу господина Низовьева, я въ первый разъ во всю мою жизнь не скорбѣлъ, глядя на вѣковой боръ, на всѣхъ этихъ маститыхъ старцевъ, возносящихъ свои вершины...

— Любите фигурно выражаться, Антонъ Пантелеичъ! — перебилъ Теркинъ и ударилъ его по плечу.

Хрящевъ потупилъ глаза, немного сконфузившись.

— Прошу великодушно извиненія... Я чудаковатъ,—это точно; но не заношусь, не считаю себя выше того, что̀ я собою представляю. Съ вами, Василій Иванычъ, если разрѣшите, я буду всегда на распашку; вы поймете и не осудите... Развѣ я не правъ, что передо мною... какъ бы это выразиться... нѣкоторая эмблема явилась?

— Эмблема?

— А какъ же-съ? Продавецъ — прирожденный баринъ, а покупатель — вы, человѣкъ самъ себя сдѣлавшій, такъ сказать, радѣтель за идею, настоящій патріотъ... И родомъ вы изъ крестьянскаго званія—вы изволили это мнѣ сами сообщить, и не затѣмъ, чтобы этимъ кичиться... Эмблема-съ... Тамъ — неосмысленное и преступное хищеніе; здѣсь—охрана родного достоянія! Эмблема!

— Эмблема!—повторилъ Теркинъ и тихо разсмѣялся.

Изліянія Антона Пантелеича онъ не могъ счесть грубой лестью. Сквозь сладковатые звуки его говора и книжные обороты рѣчи проглядывала несомнѣнная искренность. И чудаковатость его нравилась ему. Въ ней было что-то и стародавнее, и новѣйшее, отзывавшее „умными“ книжками и обращеніемъ съ „идейными“ людьми.

— Нѣкоторое прообразованіе, Василій Иванычъ! Измѣняютъ землѣ господа вотчинники. Потомки предковъ своихъ не почитаютъ...

— И предки-то были тоже сахары-медовичи...

— Всеконечно. Въ тѣхъ пребывало этакое чувство... какъ бы сказать... служилое... Рабами воздѣлывали землю, — это точно; но, между прочимъ, округляли свои угодья, изъ рода зря не выпускали ни одной пустоши, ни одного лѣсного урочища. И службу царскую несли.

— Кормились знатно на воеводствахъ!

— Ходили тоже и на войну... Даромъ-то помѣстій въ тѣ поры не давали. Этакое лѣсное богатство, хоть бы у того же самаго господина Низовьева... И вырубать его

безъ пощады... все равно, что первый попавшійся Колупаевъ...

— Щедрина почитывали?—спросилъ Теркинъ.

— Есть тотъ грѣшокъ... И ежели господинъ Низовьевъ ученаго таксатора пригласилъ, то, видимое дѣло, для того лишь, чтобы товаръ съ казоваго конца показать...

— А вы какъ находите, Антонъ Пантелеичъ, — перебилъ Теркинъ тономъ хозяина, — нужно намъ таксатора брать, или обойдемся и безъ него?

Спросилъ онъ это не безъ задней мысли.

Хрящевъ поглядѣлъ на него изъ-подъ козырька своего картуза, сложилъ на животѣ пухлыя руки, еще не успѣвшія загорѣть, и, поведя плечами, выговорилъ:

— Полагаю.

— Работа у этого Первача, — продолжалъ Теркинъ,— довольно чистая, но что-то онъ черезчуръ во все суется и норовитъ маклачить.

— Къ приварку—не въ видѣ мяса, а презрѣннаго металла—нынѣ всѣ получили пристрастіе... Ужъ не знаю, кого вы возьмете на службу компаніи, Василій Иванычъ, только спеціалиста все-таки не мѣшаетъ... Про себя скажу—кое-чему я, путемъ практики, научился и жизнь россійскихъ лѣсныхъ пространствъ чую и умомъ, и сердцемъ... Но никогда я не позволю себѣ противъ высшей науки бунтовать.

Теркинъ улыбнулся ему одобрительно.

— Посмотримъ... Коли окажется не очень жуликоватъ...

Онъ не досказалъ, вдохнувъ въ себя струю засвѣжѣвшаго весенняго воздуха, потрепалъ Хрящева по плечу и засмѣялся.

— Антонъ Пантелеичъ!.. Смотрю я на васъ, слушаю... и не могу опредѣлить — въ какомъ вы собственно быту родились... А, кажется, не мало всякаго народа встрѣчалъ, особливо дѣлового и промысловаго.

Лицо Хрящева растянула въ ширь улыбка, и онъ показалъ рѣдкіе, точно дѣтскіе зубы.

— Въ какомъ быту-съ? По сладости рѣчи ужели не изволите распознавать во мнѣ косвеннаго представителя левитова колѣна?

— Духовнаго званія вы?

— По матушкѣ. Она была изъ поповенъ деревенскихъ... Отецъ происходилъ изъ рабскаго состоянія.

— Изъ крѣпостныхъ?

— Вольноотпущенный, мальчикомъ въ дворовыхъ писаряхъ обучался, потомъ былъ взятъ въ земскіе, потомъ велъ дѣло, и въ управителяхъ умеръ... Матушка мнѣ голосъ и рѣчь свою передала и склонность къ тѣлесной дебелости... Обликомъ я въ отца... Хотя матушка и считала себя, въ нѣкоторомъ родѣ, бѣлой кости, а батюшку отъ Хама производила, но я, грѣшный человѣкъ, къ левитову колѣну никогда ни пристрастія, ни большого респекта не имѣлъ.

— Такъ мы съ вами въ однихъ чувствахъ, — сказалъ Теркинъ и еще ласковѣе поглядѣлъ на Хрящева.

— Знаю ихъ жизнь достаточно... всѣ ихъ тяготы и нужды... Провидѣнію угодно было и мою судьбу на долгіе годы соединить съ дѣвицей того же колѣна.

— Ваша покойная жена...

— Такъ точно... Въ управительскомъ званіи это всего скорѣе можетъ быть. Выборъ-то какой же въ деревнѣ? Поповны вездѣ есть... Моя супруга была всего дьяконская дочь... Въ ней никакихъ такихъ аристократическихъ чувствъ не имѣлось. И меня она отъ Хама не производила, хотя и знала, что я — сынъ вольноотпущеннаго.

Онъ на минуту смолкъ и отвернулся.

— Что жъ?.. Прожили... какъ дай Богъ всякому... А что бездѣтны были — не ея вина... Я теперь бобыль. И утѣшеніе нахожу въ созерцаніи, Василій Иванычъ... Вотъ почему и къ лѣсу моя склонность все растетъ съ каждымъ годомъ.

Еще разъ потрепалъ его по плечу Теркинъ, легъ головой на подушки и вытянулъ ноги.

Тарантасъ спустился съ дороги въ лощину. Лѣвѣе, на пригоркѣ, забѣлѣла колокольня. Пошли заборы... Переѣхали мостъ и стали подниматься мимо какихъ-то амбаровъ, а минутъ черезъ пять въѣхали на площадь, похожую на поляну, обстроенную обывательскими домиками... Кое-гдѣ въ окнахъ уже замелькали огоньки.

XI.

Чурилинъ вкатился и у двери доложилъ:

— Приказали кланяться и благодарить... Очень рады. Прислали пролетку. Сами хотѣли ѣхать, да у нихъ нога ушиблена,—не выѣзжаютъ.

Теркинъ сидѣлъ у стола за самоваромъ, вмѣстѣ съ

Хрящевымъ, въ первой, просторной комнатѣ квартиры, нанятой приказчикомъ Низовьева, уѣхавшимъ рано утромъ встрѣчать его на ближайшую пароходную пристань. Для всѣхъ мѣста хватило. Вдова-чиновница отдавала весь свой домикъ; сама перебиралась въ кухню.

Чурилинъ вернулся отъ предводителя Звѣрева. Теркинъ, наканунѣ передъ тѣмъ, какъ лечь спать, разсудилъ это сдѣлать. Этотъ „Петька“ былъ все же его товарищъ. Можетъ, онъ теперь — большая дрянь, но слѣдовало оказать ему вниманіе, какъ мѣстному предводителю.

— Что жъ, онъ лежитъ?

— Я самъ не видалъ ихъ, Василій Иванычъ, они съ человѣкомъ высылали сказать.

Обернувшись къ Хрящеву, пившему чай съ блюдечка, Теркинъ сказалъ вполголоса:

— Товарищъ мой по гимназіи... Здѣшній предводитель.

— Прикажете приготовить одѣться? — спросилъ Чурилинъ.

— Приготовь.

Карликъ вынырнулъ въ дверь.

Хрящеву Теркинъ охотно бы разсказалъ въ другое время про свои школьные годы. Съ нимъ ему удобно и легко. Такого „созерцателя“ можно приблизить къ себѣ, не рискуя, что онъ „зазнается“.

— Антонъ Пантелеичъ! Вы продолжайте пить чай съ прохладцей,—сказалъ онъ, вставая,—а я одѣнусь и поѣду. Къ обѣду долженъ быть Низовьевъ, и подъѣдетъ господинъ Первачъ... Вотъ цѣлый день и уйдетъ на нихъ. Завтра мы отправимся вмѣстѣ въ имѣніе того помѣщика... какъ бишь его... Черносошнаго... владѣльца усадьбы и парка.

— Къ вашимъ услугамъ,—кротко выговорилъ Хрящевъ и неторопливо сталъ обмывать блюдечко въ полоскательной чашкѣ.

„Можетъ, и вретъ Звѣревъ,—думалъ Теркинъ, одѣваясь въ другой комнатѣ, — сказывается больнымъ, соблюдаетъ свое предводительство... Увидимъ!“

Пролетка ждала его на дворѣ у крыльца. Извозчиковъ въ городѣ не было; но ему не очень понравился этотъ видъ любезности. Отъ „Петьки“ онъ не желалъ вообще ничѣмъ одолжаться. Чувство гимназиста изъ мужицкихъ

пріемышей всплыло въ немъ гораздо ярче, чѣмъ онъ ожидалъ.

Записку Звѣреву онъ написалъ сдержанно, хотя и на „ты“; сказалъ въ ней, что желательно было бы повидаться послѣ десяти слишкомъ лѣтъ, и не скрылъ своего теперешняго положенія — главнаго представителя лѣсной компаніи.

„Съ такихъ, какъ Петька,—думалъ онъ дорогой,—надо сразу сбивать форсъ; а то они сейчасъ начнутъ фордыбачить“.

Звѣревъ занималъ просторный домъ на углу двухъ переулковъ, немощеныхъ, какъ и весь остальной городъ.

Теркина встрѣтилъ въ передней, со старинным ларемъ, мальчикъ въ сѣромъ лакейскомъ полуфрачкѣ, провелъ его въ гостиную и пошелъ докладывать барину.

— Проси! Проси!—раздался изъ третьей угловой комнаты голосъ, который Теркинъ сейчасъ же узналъ.

Та же шепелявость, только хрипловатая и на другихъ нотахъ; лицо его школьнаго товарища представилось ему чрезвычайно отчетливо, и вся его жидкая, долговязая фигура.

Въ кабинетѣ хозяинъ лежалъ на кушеткѣ у окна, въ халатѣ изъ свѣтлосѣраго драпа съ краснымъ шелковымъ воротникомъ. Гость не узналъ бы его сразу. Голова, правда, шла такъ же клиномъ къ затылку, какъ и въ гимназіи, но лобъ уже полысѣлъ; усы, двумя хвостами, по-китайски, спускались съ губастаго рта, и подбородокъ, мясистый и прыщавый, непріятно торчалъ. И все лицо пошло красными лишаями. Подслѣповатые глаза съ рыжеватыми рѣсницами ухмылялись.

— А!.. Теркинъ!.. Ты ли это?.. Скажите пожалуйста!

Звѣревъ приподнялъ немного туловище, но не всталъ.

— Извини, братъ, не могу... Оступился... Ломитъ щиколку...

Онъ протянулъ къ нему свои небритыя щеки, и они поцѣловались.

— Скажите пожалуйста!.. Садись! Въ наши края... Слышалъ!.. Разсказывали... Ты, братъ, говорятъ, милліонами ворочаешь... Дай-ка на себя поглядѣть...

Тонъ былъ возбужденный, но большой радости—видѣть товарища — въ немъ не слышалось... Теркину тонъ этотъ показался хлыщеватымъ и почти нахальнымъ, и онъ сейчасъ же рѣшилъ дать пріятелю отпоръ.

— А ты, — сказалъ онъ, оглядывая его въ свою очередь,—въ почетныхъ обывателяхъ состоишь?

— Въ обывателяхъ? — переспросилъ Звѣревъ и брезгливо повелъ ртомъ. — Обывателями, братъ, мѣщанъ да посадскихъ зовутъ.

— Извините, ваше благородіе, — отвѣтилъ Теркинъ и поглядѣлъ на него, какъ бывало въ гимназіи, когда онъ ему приказывалъ что-нибудь и приговаривалъ: „ежели не сдѣлаешь, будетъ тебѣ лупка генеральная".

Звѣревъ вспомнилъ этотъ взглядъ, обидчиво усмѣхнулся и выпятилъ нижнюю губу.

— А ваше степенство въ почетныхъ гражданахъ состоитъ?

— Такъ точно,—отвѣтилъ въ тонъ Теркинъ.

— Значитъ, выплылъ!.. А я слыхалъ какъ-то... давно еще... будто ты туда попалъ... въ мѣста не столь отдаленныя.

— Нѣтъ, милый другъ, не хочу отнимать ваканцій у вашего брата.

— Это какъ?

Звѣревъ весь выпрямился, и щеки его густо покраснѣли.

— Да такъ!.. У васъ-то въ губерніи, — небось знаешь всю исторію, — проворовались господа сословные директоры.

— Проворовались! Проворовались!.. Какъ ты выражаешься!

— Такъ и выражаюсь. Имъ прямая дорога по казанскому тракту или на пароходѣ-баржѣ, подъ конвоемъ.

— Не знаю, братъ, не знаю!.. Это все газетчики, мерзавцы! Вездѣ они развелись, какъ клопы.

— Да тебѣ что же обижаться... Ты вѣдь къ банку не причастенъ?

— Еще бы!

Лицо Звѣрева начало подергивать. Теркинъ поглядѣлъ на него пристально и подумалъ: „навѣрняка, и у тебя рыльце въ пуху!"

— Скажи-ка ты мнѣ лучше, любезный другъ, есть ли у васъ въ уѣздѣ хоть одинъ крупный землевладѣлецъ изъ живущихъ по усадьбамъ, который не зарился бы на жалованье по новой должности, для кого окладишко въ двѣ тысячи рублей не былъ бы привлекателенъ?.. Небось, всѣ пойдутъ...

— Я не собираюсь.

— А другіе?

— Понятное дѣло, пойдутъ.

— Даже всѣ мировые судьи, хотя ихъ званію и нанесенъ нѣкоторымъ образомъ, афронтъ...

— Къ чему ты это говоришь?

— А къ тому, что вы, господа, все о подъемѣ своего духа толкуете... Какой же тутъ подъемъ, скажи на милость, ежели ни у кого вѣрнаго дохода въ три тысячи рублей нѣтъ?.. И велика приманка — жалованье, какое у меня лоцманъ получаетъ или мелкій нарядчикъ!..

— Вонъ ты какъ! Очень ужъ, кажется, зарылся ты въ капиталахъ... Это даже удивительно! — Звѣревъ началъ брызгать слюной.— Просто непонятно, какъ ты—Теркинъ—да въ такихъ дѣлахъ? Знаешь, братъ, пословицу: отъ службы праведной...

— Не наживешь палаты каменной? Праведникомъ и не выдаю себя; но между нашимъ братомъ, разночинцемъ, и вами, господами, та разница...

— Слыхали! Слыхали!.. — закричалъ Звѣревъ и замахалъ руками.—Уволь отъ этихъ рацей!.. Ну, ты въ милліонщики лѣзешь, съ чѣмъ и поздравляю тебя; нечего, братъ, важничать... Нигилизмъ-то нынче не въ модѣ... Пора и честь знать...

Теркинъ чуть было не крикнулъ ему, какъ бывало въ гимназіи: „молчи, Петька!..“

— Ладно, — выговорилъ онъ съ усмѣшкой,— ваше высокородіе волновать не буду... Вѣдь ты, какъ ни какъ, первая особа въ уѣздѣ; а я — представитель общества, пріобрѣтающаго здѣсь большія лѣсныя угодья. Можетъ, и самъ сдѣлаюсь собственникомъ...

— Покупаешь имѣніе? Ты?

— Погляжу!.. А пока Низовьевъ продаетъ намъ всю свою дачу подъ Заводнымъ.

— Знаю! А Черносошный продаетъ?

— Прямыхъ предложеній еще не дѣлалъ.

— Все ваша компанія съѣстъ...

— За этимъ и покупаемъ, чтобы не давать вашему брату расхитить.

— Тоже нашлись благодѣтели!

Звѣревъ не досказалъ, спустилъ обѣ ноги съ кушетки, поморщился, должно-быть отъ боли, потеръ себѣ лысѣю-

щій лобъ, взглянулъ бокомъ на Теркина и протянулъ ему руку.

— Вася!.. Что жъ это мы... Больше десяти лѣтъ не видались и сейчасъ перекоряться... Это, братъ, не ладно.— Онъ поглядѣлъ на полуотворенную дверь въ слѣдующую комнату.—Пожалуйста... притвори-ка.

Теркинъ притворилъ дверь и, когда сѣлъ на свое кресло, подумалъ:

„Сейчасъ будетъ просить взаймы".

XII.

— Вася!.. Тебя самъ Богъ посылаетъ! Спаси!

Звѣревъ взялъ его за руку, и Теркину показалось, что онъ какъ будто ужъ хотѣлъ приложиться къ ней своими слюнявыми губами.

— Что такое?.. Не пугай!..

Лицо Звѣрева передернула слезливая гримаса. Глаза покраснѣли. Онъ, казалось, готовъ былъ расплакаться.

— Скажи толкомъ!

Прежній гимназистъ „Петька" былъ передъ нимъ, — все тотъ же, блудливый и трусливый, точно котъ,—испугавшійся вынутаго имъ жребія — насолить учителю Перновскому. Жалости Теркинъ къ нему не почувствовалъ, хотя дѣло шло, вѣроятно, о чемъ-нибудь поважнѣе перехвата тысячи рублей.

— Вѣдь мы товарищи!—Звѣревъ взглядывалъ на него красными глазами, уже полными слезъ. — Вмѣстѣ изъ гимназіи выгнаны...

— Ну, объ этомъ тебѣ бы можно и не упоминать.

— Я тебя не выдавалъ!.. Ты хочешь сказать, что за меня сцѣпился съ Трошкой... На это твоя добрая воля была!.. Вася! Такъ не хорошо!.. Не по-товарищески!.. Что тебѣ стоитъ? Ты теперь въ милліонныхъ дѣлахъ...

— Чужихъ, не собственныхъ.

— Спаси!..— воскликнулъ Звѣревъ и опустился на кушетку.

— Хапнулъ нѣшто? — почти шопотомъ спросилъ Теркинъ. — Сядь... Разскажи, говорятъ тебѣ, толкомъ. Дура-голова!

Это товарищеское ругательство: „дура-голова" — вылетѣло у Теркина тѣмъ же звукомъ его превосходства надъ „Петькой", какъ бывало въ гимназіи.

— Что жъ ты... пытать меня хочешь? — хныкающимъ

фальцетомъ отозвался Звѣревъ, присаживаясь на край кушетки.—Удовольствіе тебѣ развѣ доставитъ—знать всю подноготную? Ты протяни руку, не дай товарищу дойти до... понимаешь, до чего?

— Это все, братъ, разводы. Одно дѣло—бѣда, другое—залѣзаніе въ сундукъ. Я вѣдь про тебя ничего не знаю... какія у тебя средства были, какъ ты съ ними обошелся, на что проживалъ и сколько... У родителей-то, кажется, хорошее состояніе было?

— Мало ли что было!.. И теперь у меня и усадьба, и запашка есть, и луга, и заводъ.

— Какой?

— Винокуренный.

— Лѣсная дача есть?

— Есть... Только это все...

— Разумѣется, въ залогѣ?

— У кого же не въ залогѣ?

— Пытать я тебя не желаю, любезный другъ. Но и въ прятышки тебѣ, Петръ Аполлосовичъ, не полагается играть со мною. Должно-быть, по твоей должности...

— А просто развѣ нельзя зарваться?—крикнулъ Звѣревъ и вскинулъ руками.—Ну, да! жилъ широко...

— Въ этой дырѣ?

— И въ этой дырѣ... у себя въ деревнѣ... въ губерніи, за границей...

— Ты женатъ?

— Еще бы!

Тутъ онъ разсказалъ Теркину про свою женитьбу на „разводкѣ“, и сколько ему это стоило, и сколько они вдвоемъ прожили въ какихъ-нибудь три-четыре года, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ предводители. Жена его въ ту минуту была въ имѣніи... Но до полнаго признанія онъ все еще не доходилъ. Онъ, какъ будто, забылъ уже, съ чего началъ.

— Какъ же тебя спасать?—спросилъ Теркинъ, прохаживаясь по кабинету.—Проценты въ банкъ внести?.. Или по векселямъ?.. И сколько?..

Звѣревъ однимъ духомъ крикнулъ:

— Что тебѣ стоитъ сорокъ тысячъ какихъ-нибудь?

— Сорокъ тысячъ!—подхватилъ Теркинъ.—Такъ, здорово живешь... Во-первыхъ, милый другъ, если бы у меня въ настоящій моментъ были собственныя сорокъ тысячъ

свободныхъ, я бы имъ нашелъ употребленіе... Я кредитомъ держусь, а не капиталомъ.

— Ты имѣніе самъ хочешь купить, сейчасъ говорилъ...

— Наличныхъ у меня нѣтъ... На компанейскія деньги, быть-можетъ, пріобрѣту кое-что... Такъ за нихъ придется платить каждый годъ...

— Въ твоихъ рукахъ не десятки, а сотни тысячъ! Для себя можно перехватить, а товарища спасти—нельзя. Эхъ, братъ Теркинъ!.. Понимаю я тебя, вижу насквозь. Хочешь придавить нашего брата: пусть, молъ, допрежь передо мной попрыгаетъ, а мы поломаемся! У разночинца поваляйся въ ногахъ! Понимаю!..

Онъ—весь красный—брызгалъ слюнявыми губами, хотѣлъ встать и заходить по комнатѣ, но боль въ щиколкѣ заставила опять прилечь на кушетку.

— Вздоръ все это!—строго остановилъ его Теркинъ.

Но когда Звѣревъ началъ горячиться, его товарищъ также припомнилъ себѣ свое недавнее прошлое... Вѣдь и онъ пошелъ на сдѣлку, и его цѣлый годъ она тяготила, и только особенной удачѣ обязанъ теперь, что могъ очистить себя во-время какъ бы отъ участія въ незаконномъ присвоеніи наслѣдства.

Давно не всплывалъ передъ нимъ образъ Калеріи... Тутъ и вся сцена въ лѣсу, около дачи, промелькнула въ головѣ... какъ онъ упалъ на колѣни, каялся... Развѣ онъ по-своему не хапнулъ, какъ вотъ этотъ Звѣревъ?

— Не брыкайся!—сказалъ онъ мягче, борясь съ чувствомъ гадливости, почти злорадства, къ этому проворовавшемуся предводителю; что тутъ была растрата—онъ не сомнѣвался.—Позволь, братъ, и мнѣ замѣтить,—продолжалъ онъ въ томъ же смягченномъ тонѣ:—коли ты меня, какъ товарища, просишь о спасеніи, то твои фанаберіи-то надо припрятать... Отчего же не сказать: „такъ, молъ, Вася, и такъ—зарвался...“ Нынче вѣдь для этого особыя деликатныя выраженія выдуманы. Переизрасходовалъ-де! Такъ вѣдь? И чьи же это деньги были?

— Разныя,—тихо выговорилъ Звѣревъ.—Всего больше опекунскихъ...

— Сиротскихъ?—переспросилъ Теркинъ, и это слово опять вызвало въ немъ мысль о деньгахъ Калеріи.

— Разныя... Больше двадцати тысячъ земскихъ... Тоже тысячъ около шести школьныхъ...

— И школъ не пощадилъ?

— Такъ вѣдь я не безъ отдачи... Ну, передержалъ. Каюсь!.. Но взысканія на меня все-таки не было бы... Мнѣ слѣдовало дополучить за переводъ заклада въ дворянскій банкъ.

— Что жъ ты не покрылъ этими деньгами растраты?

— Другіе долги были. Но все это обошлось бы... да и было покрыто.

— Какъ покрыто? Изъ-за чего же ты бьешься-то въ настоящую минуту? Что это, братъ?—рѣзко воскликнулъ Теркинъ.—Ничего не поймешь у тебя!

— Ты слышалъ что-нибудь про нашъ банкъ?

— Слышалъ.

— Ну...

Звѣревъ опустилъ голову и сталъ говорить медленнѣе, глухо, качаясь всѣмъ туловищемъ.

— Въ прошломъ году до губернскаго предводителя дошло... Меня вызвали... Директора—свои люди... Тогда банкъ шелъ въ гору... вклады такъ и ползли... Шесть процентовъ платили... Выручить меня хотѣли... До разбирательства не дошло, до экстреннаго собранія тамъ, что ли... По-товарищески поступили.

— И внесли за тебя?

— Внесли.

— Это изъ банковскихъ-то денегъ? Ловко!.. Стало, и господъ вкладчиковъ, не спросясь ихъ, прихватили?

— Иначе какъ же? Я расписку далъ.

— И только?

— Закладывать мнѣ нечего было... Не двѣ же шкуры съ меня драть?..

— По такой распискѣ ты могъ съ прохладой выплачивать по конецъ живота своего.

— И все бы обошлось, Вася.

— Даже и при новомъ составѣ директоровъ?

— Свой же братъ будетъ... Не случись бѣды...

— Здорово поймались?

— Что жъ!.. Я тебѣ все скажу... Имъ теперь не уйти живыми... Прокуратура вмѣшалась... На вкладчиковъ паника!..

— Стало, слухи-то вѣрные. А ты сейчасъ газетчиковъ ругалъ.

— Я не судья!.. Все дѣло въ паникѣ... Будутъ ихъ учитывать... Не отвертятся на этотъ разъ. Партія есть... либералы, обличители. Доберутся до моей расписки... Гдѣ

же я возьму?.. Пойдутъ допытываться. Ты понимаешь, все заново поднимутъ и разгласятъ.

Звѣревъ не договорилъ, закрылъ лицо ладонью и прошепталъ:

— Видишь, каково мнѣ.

— Вижу,—проговорилъ Теркинъ, вставая.—Могло быть и хуже.

— Какъ хуже?

— Извѣстно какъ. Тебя господа разъ спасли, хоть и на чужой счетъ. Теперь ты—должникъ банка... Платить надо, зато сраму меньше.

— То же самое, то же самое! — крикнулъ Звѣревъ. — Все выведутъ на чистую воду.

— Ничего не понимаю!—перебилъ Теркинъ.—Ты путаешь! Выходитъ—ты во второй разъ передержалъ по должности: сначала по земской службѣ, а потомъ по предводительской... Вѣдь да?.. Не лги!

— Да,—плаксиво протянулъ Звѣревъ.

XIII.

Мальчикъ пріотворилъ осторожно дверь и доложилъ:

— Петръ Аполлосовичъ, господинъ Первачъ пріѣхали... Спрашиваютъ, здѣсь ли вотъ они, — мальчикъ указалъ головой на Теркина:—и просятъ позволенія войти.

— Ты его знаешь?—спросилъ Теркинъ Звѣрева.

— Знаю немного. А у тебя дѣла съ нимъ?

— Пока еще нѣтъ. Онъ—таксаторъ у Низовьева.

— Экъ, приспичило!

Звѣревъ махнулъ рукой.

— Если не желаешь—я къ нему выйду,—сказалъ вполголоса Теркинъ, внутренно довольный тѣмъ, что имъ помѣшали.

— Они говорятъ, — добавилъ мальчикъ, — что имѣютъ письмо къ вамъ, Петръ Аполлосовичъ, отъ Ивана Захарыча Черносошнаго.

— Проси!

Мальчикъ вышелъ. Протянулось молчаніе.

Теркинъ отошелъ къ письменному столу и сталъ закуривать папиросу. Онъ дѣлалъ это всегда въ минуты душевнаго колебанія. Спасать Звѣрева у него не было желанія. Даже простой жалости онъ къ нему не почувствовалъ. Но съ кѣмъ не можетъ случиться бѣды или сдѣлки съ совѣстью? Не даромъ вспомнилась ему Калерія и ея

„сиротскія“ деньги. Только безпутность этого Звѣрева была черезчуръ противна. Вѣдь онъ два раза запускалъ руку въ сундукъ. Да и полную ли еще правду разсказалъ про себя сейчасъ?..

Звѣревъ вытянулся на кушеткѣ, пригладилъ рукой волосы, поправилъ узелъ шелковаго шнура на халатѣ, и брезгливая мина появилась опять на его влажныхъ губахъ, когда вошелъ въ кабинетъ таксаторъ.

Его красивая голова, улыбка, франтоватость — не понравились Теркину.

Первачъ подошелъ сначала къ хозяину, подалъ письмо, довольно фамильярно пожалъ руку и спросилъ звонкимъ вибрирующимъ голосомъ:

— Ногу зашибли?.. Инвалидомъ?..

И, не дожидаясь отвѣта, повернулся на каблукѣ и скользнулъ въ сторону Теркина.

— Василій Иванычъ!.. Съ пріѣздомъ... Прошу любить и жаловать... Таксаторъ Первачъ. Павелъ Иларіонычъ Низовьевъ только что пріѣхалъ съ пристани. Я отъ него. Ждетъ васъ къ завтраку.

— Очень радъ,—отвѣтилъ суховато Теркинъ, подавая ему руку.

— Павелъ Иларіоновичъ и меня пригласилъ... если не буду лишнимъ.

— Почему же...

— Вы уже изволили ознакомиться съ дачей?

— Объѣзжалъ вчера.

Первачъ присѣлъ къ нему, вынулъ папиросницу и попросилъ закурить.

Его манеры также не понравились Теркину.

„Изъ молодыхъ да ранній“, — подумалъ онъ и поглядѣлъ въ сторону Звѣрева.

Тотъ прочитывалъ письмо уже во второй разъ. Внезапная краснота его небритыхъ щекъ показывала, какъ оно взволновало его.

— Вы, — окликнулъ онъ Первача, — прямо изъ Заводнаго? Сегодня?

— Вчера къ ночи пріѣхалъ... Иванъ Захарычъ и самъ хотѣлъ быть, да его что-то задержало.

— Отчего же вы вчера же не доставили мнѣ письма?— раздраженно спросилъ Звѣревъ.

— Слишкомъ поздно было, Петръ Аполлосовичъ. Не хотѣлъ васъ безпокоить.

— Напрасно.

— А что такое? — спросилъ Теркинъ, подходя къ кушеткѣ.

Взглядомъ Звѣревъ показалъ ему, что не хочетъ говорить при Первачѣ.

— Такая гадость!.. Не могу двинуться.

— Что-нибудь экстренное? Послать депешу? Я къ вашимъ услугамъ,—вмѣшался Первачъ.

— Не безпокойтесь.

— Не хочу быть лишнимъ... Я свою миссію исполнилъ.

Обращаясь къ Теркину, Первачъ досказалъ:

— Павелъ Иларіонычъ будетъ ждать васъ до часу дня... Имѣю честь кланяться.

Онъ пожалъ руку имъ обоимъ и съ легкимъ скрипомъ своихъ щеголеватыхъ ботинокъ вышелъ.

— Вася! — возбужденно окликнулъ Звѣревъ и задвигался на кушеткѣ, — Иванъ Захарычъ Черносошный... проситъ переговорить съ тобою... о продажѣ его лѣса и усадьбы съ паркомъ... Онъ мнѣ близкій человѣкъ... жалѣетъ меня. Я съ тобой хитрить не стану... Ежели продажа состоится, а ему она нужна, онъ готовъ подѣлиться со мною.

— Комиссію предлагаетъ? Куртажъ?

— Я не купчишка! Куртажу я не возьму!..

— Не возьмешь? — протянулъ Теркинъ и разсмѣялся въ носъ, что́ у него выходило рѣзко, и чего онъ самъ въ себѣ не любилъ.

— Не смѣй надо мной издѣваться, Васька! — вдругъ закричалъ Звѣревъ, весь пылающій.—Человѣкъ всю душу передъ тобой вылилъ... А ты вонъ какъ!.. Кровь-то сказалась!.. Не даромъ, должно-быть...

Губы Звѣрева стали брызгать слюной. Позорящее слово, какое бросали Теркину въ гимназіи, могло прозвучать.

— Что́ не даромъ?—строго перебилъ Теркинъ и пододвинулся вплоть къ кушеткѣ.—Слушай, Петька! Въ твоемъ положеніи нечего фордыбачить и барскіе окрики давать. Я—подкидышъ, незаконный сынъ какой-нибудь солдатки или раскольничьей дѣвки — ты вѣдь этимъ желалъ меня унизить?—Мнѣ, стало, и Богъ проститъ, коли я всякими правдами и неправдами кубышку себѣ здоровую сколочу... Однако, братъ, съ совѣстью я хочу въ ладахъ быть: отъ нея никуда не уйдешь. Ты мнѣ сейчасъ исповѣдывался?.. Въ двухъ растратахъ повинился? Я не просилъ тебя;

твоя добрая воля была. Извѣль, и я тебѣ кое въ чемъ повинюсь.

— Не надо мнѣ! Не интересуюсь!..

— Нѣтъ, выслушай! — Теркинъ присѣлъ на край кушетки.—И я два года тому назадъ раздобылся деньгами, которыя и совсѣмъ могъ себѣ присвоить безъ отдачи, зная, что эти деньги, по закону и по совѣсти, не принадлежатъ тому, кто мнѣ ихъ ссудилъ. Вотъ и все... Выдалъ я на нихъ документъ. Какъ это по-вашему, по-нынѣшнему, выходитъ? Дѣло, кажись, самое чистое. А оно меня стало такъ мозжить, что я безъ надобности повинился въ немъ, не совладавъ съ совѣстью... Очистилъ себя, раньше срока отдалъ эти деньги. И вотъ до сихъ поръ меня нѣтъ-нѣтъ, да и всколыхнетъ, какъ подумаю, что этотъ самый заемъ далъ мнѣ ходъ; отъ него я въ два года сталъ, коли не милліонщикомъ, какимъ ты меня считаешь, такъ человѣкомъ въ большихъ дѣлахъ.

— Поэтому ты и радъ, что можешь меня, человѣка благороднаго, придавить бревномъ?—взвизгнулъ Звѣревъ.

— Не мели вздору! — глухо оборвалъ его Теркинъ. — Изъ-за чего я тебя стану спасать?.. Чтобы ты въ третій разъ растрату произвелъ?.. Будь у меня сейчасъ свободныхъ сорокъ тысячъ—я бы тебѣ копейки не далъ, слышишь: копейки! Вы всѣ безстыдно изворовались, и товарищество на вѣрѣ у васъ завелось для укрывательства пріятельскихъ хищеній!.. Честно, молъ, благородно!.. Вмѣсто того, чтобы тебя прокурору выдать, за тебя вносятъ! Изъ какихъ денегъ? Изъ банковскихъ!.. У разночинца взять? Ха-ха!

Смѣхъ Теркина оборвался. Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Что вы изъ своихъ угодій дѣлаете? Изъ-за вашего безпутства цѣлый край обнищаетъ, ни воды въ Волгѣ, ни лѣсу по ея берегамъ не будетъ черезъ пять или десять лѣтъ...

— Скажите, пожалуйста!—взвизгнулъ опять Звѣревъ.— Онъ, Василій Теркинъ,—спаситель отечества своего!.. Не смѣешь ты это говорить!.. Не хочу я тебя слушать!.. Всякій кулакъ, скупщикъ дворянское имѣніе за безцѣнокъ прикарманитъ и хвалится, что онъ подвигъ совершилъ!.. Не испугался я тебя... Можешь доносъ на меня настрочить... Сейчасъ же!.. И я захотѣлъ въ нынѣшнемъ разночинцѣ благородныхъ чувствъ! Пускай меня судятъ... Свой

братъ будетъ судить!.. Не дамся я живой!.. Лучше пулю пущу въ лобъ...

— Какъ благородный человѣкъ!.. Да и на это врядъ ли пойдешь!.. Я тебя знаю. Храбрости не хватитъ!

Теркинъ сдержалъ себя. Онъ взялся за шляпу и сталъ посреди̇нѣ кабинета.

— Я—твой гость въ настоящую минуту, Петръ Аполлосовичъ! И тебѣ, какъ благовоспитанному представителю высшаго круга людей, не полагалось бы такъ вести себя съ гостемъ. Слѣдовало бы тебя за это проучить. Да считаться съ тобой мнѣ не пристало. Если бы ты самъ не признался въ твоихъ операціяхъ съ чужимъ сундукомъ, я бы не сталъ молчать о нихъ. Мѣсяцъ-другой пройдетъ — и всѣ грамотные узнаютъ изъ газетъ, какъ вы здѣсь промежъ себя хозяйничали... Я еще никогда лежачаго не билъ. И ни передъ кѣмъ не кичился своей честностью... Но будь ты мой братъ родной — я бы тебя спасать не подумалъ. Прощенья просимъ, ваше высокородіе!.. Застрѣлиться всегда успѣете. Васъ цѣлая компанія будетъ, — въ острогъ угодите, такъ, по крайности, не скучно... Повинтить еще и тамъ можете!..

Что-то ему крикнулъ вслѣдъ Звѣревъ, но онъ не слыхалъ.

Только на улицѣ Теркинъ одумался и тутъ же выбранилъ самого себя.

XIV.

Онъ такъ быстро пошелъ къ своей квартирѣ, что попалъ совсѣмъ не въ тотъ переулокъ, прежде чѣмъ выйти на площадь, гдѣ стоялъ соборъ. Сцена съ этимъ „Петькой“ еще не улеглась въ немъ. Вышло что-то некрасивое, мальчишеское, полное грубаго и малодушнаго задора передъ человѣкомъ, который „какъ ни какъ“, а довѣрился ему, признался въ грѣхахъ. Ну, онъ не хотѣлъ его „спасти“, поддержать бывшаго товарища, но все это можно было сдѣлать иначе...

„По-джентльменски?“ спросилъ онъ себя — и тотчасъ же отвѣтилъ: „Впрочемъ, я не джентльменъ, а разночинецъ, и не желаю оправдываться“. Теркинъ перебралъ въ памяти обѣ половины ихъ разговора, до и послѣ прихода таксатора. Съ первыхъ словъ начали они „шпынять“ другъ друга. „Петька“ оказался такимъ же „гунявцемъ“, какимъ обѣщалъ сдѣлаться больше десяти лѣтъ

назадъ. Не обрадуйся онъ пріѣзду „милліонщика“ Теркина—онъ бы не послалъ за нимъ экипажа; пожалуй, не принялъ бы. Да и какъ онъ его встрѣтилъ? Въ возгласѣ: „скажите, пожалуйста!“ — звучало нахальство барчука. „Скажите, молъ, пожалуйста, Васька Теркинъ, мужицкій подкидышъ — и въ милліонныхъ дѣлахъ! Надо ему дать почувствовать, кто онъ и кто я!“ И это за десять минутъ передъ тѣмъ, какъ, чуть не на колѣняхъ, молилъ о спасеніи, признавался въ двойномъ воровствѣ!.. Гдѣ же тутъ смыслъ? Гдѣ хоть крупица достоинства?.. Не будь „Петька“ такимъ гунявцемъ—и все бы иначе обошлось!

„То-есть какъ же иначе?“—опять спросилъ онъ себя и уже не такъ быстро отвѣтилъ: — „Будь у него совсѣмъ свободныхъ сорокъ тысячъ въ бумажникѣ... развѣ онъ отдалъ бы ихъ Звѣреву?“

„Нѣтъ!“ — рѣшилъ онъ, чувствуя, что не одно личное раздраженіе продолжаетъ говорить въ немъ, а что-то иное. Обошелся бы мягче, но не далъ бы. Въ немъ вскипѣло годами накопившееся презрѣніе къ безпутству всѣхъ этихъ господъ, къ ихъ наслѣдственной неумѣлости, къ хапанью всего, что̀ плохо лежитъ,—и все это только затѣмъ, чтобы просаживать воровскія деньги чортъ знаетъ на что. Никого изъ нихъ онъ не спасетъ. Скорѣе поможетъ какому-нибудь завзятому плуту, способному что-нибудь сдѣлать для края.

И никакой жалости ни къ кому изъ нихъ онъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть. Они всѣ здѣсь проворовались или прожились, и надо ихъ обдирать елико возможно. Вотъ сейчасъ будетъ завтракъ съ этимъ Низовьевымъ. Кто онъ можетъ быть? Такая же дрянь, какъ и Петька, пожалуй, еще противнѣе: старый, гунявый, парижскій прелюбодѣй; на бульварахъ растрясъ все, что̀ было въ его душонкѣ менѣе пакостнаго, настоящій измѣнникъ своему отечеству, потому что безстыдно проживаетъ родовыя угодья—и какія!—съ французскими кокотками. Такихъ да еще жалѣть!

У воротъ квартиры, на завалинкѣ, сидѣлъ Чурилинъ и вскочилъ, завидѣвъ Теркина.

— За вами послали лошадь, Василій Иванычъ,—доложилъ онъ, снимая шапку.

— Накройся!—строго крикнулъ ему Теркинъ.

Ему сдѣлалось противно видѣть лакейское усердіе карлика. И самъ-то онъ не превращается ли въ барина-выскочку?

На крыльцѣ его встрѣтилъ приказчикъ Низовьева — долговязый малый, видомъ не то дьячокъ въ штатскомъ платьѣ, не то коридорный изъ плоховатыхъ номеровъ.

„И народъ-то какой держитъ! — подумалъ Теркинъ, — на безпутство милліоны спускаетъ, а жалованье скаредное!“

— Павелъ Иларіонычъ сейчасъ вотъ за вами фаэтонъ отправили,—сообщилъ и приказчикъ, низко поклонившись крестьянскимъ наклоненіемъ головы. И говоръ у него былъ мѣстный, волжскій.

— Дожидаются меня завтракать? — спросилъ Теркинъ.

— Столъ накрытъ. Пожалуйте.

Изъ передней онъ услыхалъ голоса направо, гдѣ помѣстился Низовьевъ, узналъ голосъ таксатора и не вошелъ туда прямо, а сначала заглянулъ въ свою комнату. Тамъ Хрящевъ смиренно сидѣлъ у открытаго окна съ книжкой. Въ зальцѣ былъ приготовленъ столъ на нѣсколько приборовъ.

Хрящевъ всталъ, и они заговорили вполголоса:

— Имѣлъ бесѣду съ господиномъ таксаторомъ, но патрона его еще не видалъ.

— И какъ вамъ показался этотъ Первачъ?

— Особа ловкая и живописная, Василій Иванычъ.

— Вы съ нами будете завтракать?

— Можетъ-быть, господину Низовьеву это не покажется?..

— Это почему?.. При немъ таксаторъ, а при мнѣ лѣсоводъ... и мудрецъ,— прибавилъ Теркинъ и ударилъ Хрящева по плечу.

— Я хотѣлъ-было ему представиться въ ваше отсутствіе, Василій Иванычъ, да думаю: не будетъ ли это презорствомъ?

— Очень ужъ вы скромны, Антонъ Пантелеичъ! — громче выговорилъ Теркинъ, оправляя прическу передъ дорожнымъ зеркаломъ.—Какъ вы сказали... презорство?

— Такъ точно. Старинное слово. Предки наши такъ писали и говорили въ прошломъ вѣкѣ.

— А я думаю, что этого самаго презорства теперь развелось не въ примѣръ больше, чѣмъ тогда было.

— Надо полагать, Василій Иванычъ, надо полагать.

Короткій, жидкій смѣхъ Хрящева заставилъ и Теркина разсмѣяться.

— Такъ смотрите, Антонъ Пантелеичъ, выходите завтракать. Я васъ представлю господину Низовьеву.

— Очень хорошо-съ... Большой баринъ изъ Парижа не взыщетъ... Одѣяніе у меня дорожное.

Теркинъ затворилъ за собою дверь въ залу и у двери въ переднюю увидалъ таксатора.

— А я къ вамъ, Василій Иванычъ... Завтракъ готовъ.

— За мной задержки не будетъ. Можно къ Павлу Иларіоновичу?

— А онъ къ вамъ шелъ... Сейчасъ я ему скажу.

Первачъ отретировался, и къ Теркину черезъ минуту вышелъ Низовьевъ.

Онъ ожидалъ молодящагося франта, въ какой-нибудь кургузой курткѣ и съ моноклемъ, а къ нему приближался человѣкъ пожилой, сутулый, съ просѣдью; правда, съ подкрашенными короткими усами на бритомъ лицѣ,—но безъ всякой франтоватости, въ синемъ пиджакѣ и такихъ же панталонахъ. Ничего заграничнаго, парижскаго на немъ не было.

— Весьма радъ, — заговорилъ онъ съ легкой картавостью и подалъ Теркину руку.

Вѣжливость его тона пахнула особымъ барскимъ холодомъ.

— Спасибо за гостепріимство,—сказалъ Теркинъ, чувствуя, что имѣетъ дѣло съ бариномъ не такого калибра, какъ „Петька“ Звѣревъ.—А ежели не по́ладимъ, Павелъ Иларіоновичъ?

— Мнѣ останется удовольствоваться бесѣдой съ вами.

— Вы съ своимъ поваромъ ѣздите?

— Нѣтъ, мнѣ приказчикъ приготовляетъ. Милости прошу. Николай Никанорычъ,— обратился онъ къ таксатору,—прикажите подавать!

Когда Первачъ вышелъ въ переднюю, Теркинъ наклонился къ Низовьеву и потише сказалъ:

— Со мною лѣсоводъ... Вы позволите и ему позавтракать съ нами?

— Сдѣлайте одолженіе... Мнѣ Николай Никанорычъ говорилъ. Вы—у себя дома.

Низовьевъ обезоруживалъ своей воспитанностью, и непріятно-дворянскаго въ немъ ничего не сквозило. Да и по виду онъ былъ болѣе похожъ на учителя или отставного офицера изъ ученыхъ.

„Ужели онъ женолюбъ?“—подумалъ Теркинъ и никакъ не могъ пристегнуть къ нему какую-нибудь парижскую блудницу, требующую подношеній въ сотни тысячъ.

— Антонъ Пантелеичъ!—позвалъ онъ Хрящева.

Тотъ вышелъ, стыдливо обдергивая борты своего твиноваго пальтеца.

— Имѣю честь кланяться,—выговорилъ онъ, скромно не подавая руки.—Антонъ Пантелеевъ Хрящевъ.

— Весьма радъ,—повторилъ Низовьевъ, ласково ему поклонился и протянулъ руку.—Вы, я слышалъ, видѣли мою дачу?

— Точно такъ.

— И, смѣю надѣяться, нашли ее въ порядкѣ?

— Въ изрядномъ порядкѣ. Василій Иванычъ самъ вамъ сообщитъ.

Первачъ объявилъ, что кушанье сейчасъ подадутъ. Водка и закуска стояли на томъ же столѣ. Низовьевъ самъ водки не пилъ, но угощалъ гостей все съ той же крайней вѣжливостью. При немъ и у таксатора тонъ сдѣлался гораздо скромнѣе, что̀ Теркинъ тотчасъ же отмѣтилъ; да и самъ Теркинъ не то что стѣснялся, а не находилъ въ себѣ увѣренности, съ какой обходился со всякимъ народомъ—будь то тузъ милліонщикъ или пароходный лоцманъ. Антонъ Пантелеичъ оставался вѣренъ себѣ: такъ же говорилъ и держалъ себя; такая же у него была усмѣшка глазъ и губъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали дѣтскіе, маленькіе, желтоватые зубы. Прислуживали приказчикъ и кучеръ.

За первымъ блюдомъ дѣловой разговоръ еще не завязался, и Теркинъ тотчасъ распозналъ въ парижскомъ баринѣ-лѣсовладѣльцѣ очень бывалаго человѣка, превосходно усвоившаго себѣ пріемы русскихъ сдѣлокъ.

XV.

Послѣ завтрака Первачъ и Хрящевъ остались въ залѣ. Дѣловой разговоръ патроновъ подходилъ къ концу въ комнатѣ Теркина.

Съ цѣны, какую Низовьевъ назначилъ своей дачѣ—еще въ письмѣ изъ Парижа—онъ не желалъ сходить. Въ Васильсурскѣ онъ удачно запродалъ свою партію строевого лѣса и такъ же выгодно запродалъ партію будущей навигаціи. Теркину досадно было на себя, что онъ самъ оттянулъ сдѣлку и не окончилъ ея тремя недѣлями раньше, когда Низовьевъ еще не зналъ, какія въ нынѣшнемъ году установятся цѣны на лѣсной товаръ.

— Въ васъ, почтеннѣйшій Василій Иванычъ,—гово-

рилъ Низовьевъ, тихо улыбаясь, сквозь дымъ папиросы со слащавымъ запахомъ,—мнѣ пріятно было видѣть представителя новой генераціи дѣловыхъ людей на европейскій образецъ. Вы берете товаръ лицомъ. Мнѣ нѣтъ надобности продавать дачу за безцѣнокъ. Если она не найдетъ себѣ такого покупателя, какъ ваша компанія, на срубъ у меня ее купятъ на двадцать процентовъ дороже.

— На срубъ?—вырвалось у Теркина.—Ужъ и то прискорбно, что господа лѣсовладѣльцы, принадлежащіе къ дворянскому сословію, выказываютъ такое равнодушіе къ своимъ угодьямъ.

— Это камешекъ и въ мой огородъ?

Низовьевъ прищурилъ свои подслѣповатые, умные глаза.

— Извините за откровенность! Вѣдь вы, коли не ошибаюсь, желаете совсѣмъ отдѣлаться отъ вашихъ лѣсовъ и перевести капиталъ за границу?..

— Можетъ-быть... Развѣ это преступленіе?

— Съ извѣстной точки, да.

— Ой-ой! Какъ строго! Вы, какъ говорятъ московскіе остряки,—патріотъ своего отечества?

— Хотя бы и такъ, Павелъ Иларіоновичъ! Я выразился сейчасъ, что прискорбно видѣть это; но, какъ представитель компаніи, я долженъ радоваться. По крайности, промысловые люди взялись за умъ и хотятъ сохранить отечеству такое благо, какъ лѣса Поволжья.

— Именно. Вамъ, промысловымъ людямъ, какъ вы изволите называть, надо благословлять эту неспособность русскихъ землевладѣльцевъ держать въ своихъ рукахъ хозяйство страны... Было время—и я мечталъ служить отечеству.

„А теперь ты въ француженокъ всаживаешь милліоны“,—добавилъ мысленно Теркинъ и началъ бояться, какъ бы раздраженіе не начало овладѣвать имъ.

Низовьевъ сдѣлалъ жестъ рукой, въ которой была папироса.

— Признаюсь,—продолжалъ онъ медленнѣе и съ блуждающей усмѣшкой,—только дѣла заставляютъ меня возвращаться на Волгу и вообще въ Россію.

— А то совсѣмъ пропадай она, эта Россія?—спросилъ Теркинъ съ вызывающимъ жестомъ головы.

— У кого больше вѣры въ нее, тотъ пускай и дѣйствуетъ. Вотъ, напримѣръ, въ лицѣ вашемъ, Василій

Иванычъ, я вижу что-то новое. Люди, какъ вы, отовсюду выкурятъ такихъ измѣнниковъ своему отечеству, какъ мы, грѣшные.

Сдержанный смѣхъ докончилъ его фразу.

Теркинъ услыхалъ въ ней скрытую иронію.

„Ладно,—подумалъ онъ,—въ инвалиды записываешься, а на дебоширство съ француженками хватаетъ удали!“

— Всякому свое, Павелъ Иларіонычъ,— сказалъ онъ нѣсколько безцеремоннѣе и, на особый ладъ взглянувъ на Низовьева, подумалъ: „мы, молъ, знаемъ, каковъ ты лапчатый гусь“.—Нашему брату, разночинцу, черная работа; господамъ—сниманье сливокъ...

— Сливки! Сливки!.. Это не великодушно, Василій Иванычъ. Насчетъ сливокъ, — и онъ подмигнулъ Теркину,— вамъ некому завидовать.

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что Низовьевъ намекаетъ на что-то игривое. Губами онъ перевелъ, точно что̀ смаковалъ, и въ глазахъ явилась улыбка.

„Это еще что?—спросилъ про себя Теркинъ,—къ чему онъ подъѣзжаетъ?“

Въ такомъ тонѣ онъ не желалъ продолжать разговора. За всю зиму женщины точно не существовали для него. Онъ не бѣгалъ отъ нихъ, но ему сдавалось, что онѣ потеряли надъ нимъ прежнюю силу. Балагурства скоромнаго свойства онъ никогда особенно не любилъ. Еще менѣе съ такимъ „тайнымъ развратникомъ“, какимъ считалъ Низовьева.

— Намъ гдѣ!—отвѣтилъ онъ, однако, въ игривомъ же тонѣ.—Мы—лыкомъ шитые простецы.

— Будто?

Низовьевъ наклонился къ нему и сталъ говорить тише:

— У васъ были встрѣчи съ плѣнительными женщинами... И одна изъ нихъ до сихъ поръ интересуется вами чрезвычайно.

— Ужъ не въ Парижѣ ли?.. Такъ я тамъ не бывалъ.

— Не въ Парижѣ, а на Волгѣ... Прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе сегодня познакомиться съ вами, я уже зналъ, что вы—человѣкъ опасный.

Низовьевъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ.

Этотъ оборотъ разговора Теркинъ началъ принимать за „финты“, за желаніе отдѣлаться отъ болѣе обстоятельнаго обсужденія цѣны.

— Не понимаю!—выговорилъ онъ и пожалъ плечами.

Лицо его досказало: „да и нѣтъ у меня ни охоты, ни времени переливать изъ пустого въ порожнее".

— Къ намъ въ Васильсурскъ пожаловала съ однимъ изъ лѣсопромышленниковъ... прелестная женщина. — Низовьевъ сталъ жмуриться.—Если не ошибаюсь, ваша хорошая знакомая.

— Кто же это?

Въ вопросѣ Теркина заслышалась уже явная неохота продолжать такой разговоръ.

— Серафима Ефимовна... Рудичъ!.. Вѣдь вы ее знаете?

— Знаю,—отвѣтилъ Теркинъ, не мѣняясь въ лицѣ и очень сухо.

Онъ никакъ не ждалъ этого. Имя Серафимы не смутило его. Ему было только непріятно, что дѣловой разговоръ переходилъ во что-то совсѣмъ „неподходящее".

— Пріѣхала она съ очень курьезнымъ господиномъ. Фамилія его—Шуевъ... племянникъ милліонера, сектантъ, изъ той секты,—Низовьевъ сдѣлалъ характерный жестъ,— которая не желаетъ продолженія рода человѣческаго... И онъ, несмотря на это обстоятельство, безумно влюбленъ въ госпожу Рудичъ и кротко выноситъ всѣ ея шуточки. Вѣроятно, въ сераляхъ такъ достается отъ султаншъ ихъ надзирателямъ. Тутъ надзиратель — въ роли чичисбея. Носитъ розовые галстучки, душится. У этихъ господъ лица такія, что трудно опредѣлить ихъ возрастъ... Кажется, онъ еще молодой человѣкъ.

— И она его обрабатываетъ?— спросилъ Теркинъ съ брезгливой усмѣшкой.

— Я въ это не входилъ, Василій Иванычъ. Знаю лишь то, что эта прелестная женщина, съ изумительнымъ бюстомъ и совсѣмъ огненными глазами—такихъ я не видалъ и въ Андалузіи,—искала на съѣздѣ лѣсопромышленниковъ не кого другого, какъ васъ!..

— Меня?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Имѣлъ ли я право сказать, что вы снимаете сливки, ха-ха!? И это не мѣшаетъ вамъ прибирать къ рукамъ наши родовыя угодья... Второе менѣе завидно, чѣмъ первое. Вы не находите?

Любитель женщинъ все яснѣе выступалъ передъ Теркинымъ, и ноты, зазвучавшія въ его картавомъ голосѣ, раздражали его.

— Я, право, не знаю, что вамъ сказать, Павелъ Ила-

ріонычъ... А за то, какую жизнь ведетъ теперь эта особа, и кто при ней состоитъ, я не отвѣтчикъ.

— Но кто же это говоритъ, добрѣйшій Василій Иванычъ, кто же это говоритъ! Прошу васъ вѣрить, что я не позволилъ бы себѣ никакихъ упоминаній, если бъ сама Серафима Ефимовна не уполномочила меня, въ нѣкоторомъ родѣ...

Онъ какъ бы искалъ словъ.

— Уполномочила?—переспросилъ Теркинъ.

— Развѣ вамъ такъ непріятно выслушивать?..

— Мнѣ?.. Нисколько!..

По глазамъ Низовьева Теркинъ хотѣлъ угадать, знаетъ ли онъ что-нибудь про ихъ прошедшее.

— Сколько я могъ понять, Серафима Ефимовна остановилась въ Васильсурскѣ только затѣмъ, чтобы найти васъ.

— Почему же меня?

— Она, вѣроятно, узнала, что вы стоите теперь во главѣ лѣсопромышленной компаніи, и предполагала, что вы пожалуете на нашъ съѣздъ „лѣшихъ“...

— Вотъ какъ!..

На Теркина начала нападать неловкость, и это его сердило. Съ какой стати подъѣхалъ къ нему съ подобными разспросами этотъ женолюбъ?..

— Если вамъ непріятно,—продолжалъ Низовьевъ еще мягче,—я не пойду дальше...

— Мнѣ безразлично!

— Будто? Ахъ, какой вы жестокій, Василій Иванычъ!.. Безразлично—отъ такой женщины, какъ госпожа Рудичъ!.. Да этакихъ двухъ во всей русской имперіи нѣтъ... Я былъ просто пораженъ... Такъ вы позволите досказать?

— Сдѣлайте милость.

— Серафима Ефимовна почтила меня своимъ довѣріемъ, услыхавъ, что съ вами я буду имѣть лично дѣло, и не дальше, какъ черезъ нѣсколько дней. Отъ меня же она узнала, гдѣ вы находитесь... Признаюсь, у меня не было бы никакого расчета сообщать ей все это, будь я хоть немножко помоложе. Но я не имѣю иллюзій насчетъ своихъ лѣтъ. Гдѣ же соперничать съ такимъ мужчиной, какъ вы!..

И Низовьевъ шутливо опустилъ голову; сквозь его деликатно-балагурный тонъ прокрадывалось нешуточное увлеченіе женщиной съ „огненными глазами“. Теркинъ

распозналъ это и сказалъ про себя: „И на здоровье! пускай обчиститъ его послѣ французской блудницы".

Въ залѣ стѣнные часы съ шумомъ пробили три часа.

Онъ вынулъ свои часы и тѣмъ какъ бы показалъ, что пора перейти опять къ дѣлу.

XVI.

— Три часа? — спросилъ Низовьевъ. — Вы на меня не будете въ претензіи, Василій Иванычъ, за этотъ перерывъ въ нашемъ дѣловомъ разговорѣ? Развѣ для васъ самихъ безразлично то, какъ относится къ вамъ такая плѣнительная женщина?

— Въ настоящій моментъ... довольно безразлично...

Глаза Низовьева замигали, и его всего повело.

— Это не... dépit amoureux... вы понимаете?

— Извините, по-французски я плоховато обученъ...

— Раздраженіе влюбленнаго человѣка. Временная обида, подъ которой тлѣетъ иногда страсть и ждетъ взрыва.

„Ахъ, ты старая обезьяна!" — выбранился мысленно Теркинъ.

— Ничего такого во мнѣ нѣтъ... Госпожу Рудичъ я дѣйствительно знавалъ...

— Довольно близко? — полушопотомъ подсказалъ Низовьевъ.

— Ежели она сама изливалась вамъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ничего я фактически не знаю о вашихъ прежнихъ отношеніяхъ. Серафима Ефимовна дала мнѣ только понять... И я былъ весьма польщенъ такимъ довѣріемъ.

Низовьевъ подался нѣсколько и протянулъ впередъ руку.

— Василій Иванычъ!.. Забудьте на минуту, что мы съ вами совершаемъ торговую сдѣлку... Забудемъ и разницу лѣтъ. Можно и въ мои года сохранить молодость души... Вы видите, я умѣю цѣнить въ каждомъ все, что въ немъ есть выдающагося. Кромѣ ума и дѣльности въ васъ, Василій Ивановичъ, меня привлекаетъ и это влеченіе къ вамъ такой женщины, какъ Серафима Ефимовна.

Теркинъ чуть замѣтно повелъ плечами.

— Вы, я вижу, нѣсколько замкнуты и даже суровы. Конечно, вы меня совсѣмъ не знаете... Да къ тому же я для васъ продавщикъ, а вы представитель общества, желающаго у меня купить возможно дешевле. Условія не

особенно благопріятны для болѣе интимной бесѣды... Я постарше васъ, мнѣ и слѣдуетъ быть смѣлѣе.

— При чемъ же тутъ смѣлость, Павелъ Иларіонычъ?

— А какъ же?.. Вы надо мной подсмѣиваться будете... Вѣроятно, уже и теперь это дѣлаете про себя... называете меня старымъ сатиромъ... Сердечкинымъ? Что жъ!.. Для меня Серафима Ефимовна была... какъ вамъ сказать... Извините за французское слово... une révélation... Откровеніе... неожиданная находка... Я просто былъ пораженъ, когда увидалъ такое существо... и гдѣ же? — въ Васильсурскѣ, на съѣздѣ лѣсопромышленниковъ, и какихъ типовъ, и въ сопровожденіи господина Шуева!.. Этотъ чичисбей изъ сектантовъ... вы помните, я сейчасъ упоминалъ о немъ... Мое изумленіе было еще сильнѣе, Василій Иванычъ, когда я узналъ, что Серафима Ефимовна—изъ семьи старовѣровъ, съ низовьевъ Волги. И вдругъ такая прелесть!.. Я уже не говорю о красотѣ... Туалеты, тонъ... И что-то... этакое свое, бытовое... такъ вѣдь нынче любятъ выражаться... Самородокъ—и какой!

Низовьевъ совсѣмъ зажмурилъ глаза, вскинулъ руками и подался назадъ головой... Губы его выпятились...

Слушая его и глядя на эти „фасоны“ старѣющаго женолюбца, Теркинъ испытывалъ смѣсь брезгливости съ тайнымъ торжествомъ мужского тщеславія... Богатый баринъ, прожившій полсостоянія на женщинъ въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, по всѣмъ статьямъ—знатокъ и цѣнитель—и говоритъ о Серафимѣ, какъ о жемчужинѣ... Она захватила его въ какихъ-нибудь два-три дня. Будь онъ, Теркинъ, на его мѣстѣ, онъ ни за что бы не выдалъ себя, не согласился бы играть роль не то наперсника, не то парламентера, да еще отправляясь улаживать дѣло на нѣсколько сотъ тысячъ.

— Вы нешто имѣли продолжительныя бесѣды съ госпожой Рудичъ?—помягче спросилъ онъ Низовьева и взглянулъ на него съ усмѣшкой.

— Мы вдругъ стали друзьями... съ той минуты, какъ она узнала, что я ѣду сюда, и вы меня ждете. Видите ли, Василій Иванычъ, моя миссія была для меня довольно тяжелая. Хе-хе!.. Вы понимаете... Есть такія встрѣчи... Французы называютъ ихъ... ударъ молніи... Особенно когда чувствуешь временную пустоту... послѣ сердечныхъ огорченій. Вѣдь только женщинѣ и дано заставлять насъ стра-

дать. Я пріѣхалъ въ очень-очень подавленномъ настроеніи, близкомъ къ меланхоліи...

— И госпожа Рудичъ нѣкоторымъ образомъ спасла?

— Не говорите такъ! Вы — неблагодарный! Неблагодарный! Въ ней до сихъ поръ живетъ такое влеченіе къ вамъ... Другой бы на моемъ мѣстѣ долженъ былъ радоваться тому, что онъ находитъ въ васъ къ Серафимѣ Ефимовнѣ; но мнѣ за нее обидно. Она не посвятила меня въ самыя интимныя перипетіи своего романа съ вами. Съ какой смѣлостью и съ какимъ благородствомъ она винила себя! И, конечно, для того, чтобы поднять на пьедесталъ васъ, жестокій человѣкъ!..

— Въ чемъ же она винила себя?

Вопросъ соскочилъ съ языка Теркина противъ воли: онъ втягивался въ разговоръ о Серафимѣ.

— Ахъ, Боже мой! Чуть не въ уголовномъ преступленіи. Она говоритъ, что вы, если бъ хотѣли, могли выдать ее... Она этого никогда не боялась. Предъ благородствомъ вашей натуры она преклоняется. Ей нужно ваше... прощеніе. И, кажется, не въ томъ, въ чемъ женщины всего чаще способны провиниться. Не правда ли? Не въ измѣнѣ или охлажденіи?.. Отчего же вамъ хоть на это не отвѣтить прямо? Ни измѣны, ни охлажденія вы не знали?

„Это правда, — подсказалъ себѣ Теркинъ. — Когда же она измѣняла?“

— Или, быть-можетъ, излишняя скромность мѣшаетъ вамъ быть откровеннымъ? Я не берусь проникнуть въ вашу душу, Василій Иванычъ; но если въ васъ нѣтъ затаенной страсти, то врядъ ли есть и равнодушіе... Буду чудовищно откровененъ. Равнодушію я бы обрадовался, какъ маннѣ небесной.

— Хитрить мнѣ съ вами не изъ чего, Павелъ Иларіонычъ, — заговорилъ Теркинъ уже гораздо искреннѣе, но все-таки нѣсколько суровымъ тономъ, — я бы желалъ одного, чтобы эта особа успокоилась сама. Никакой злобы я къ ней не имѣю... Все прошедшее давно забылъ... и простилъ, коли она заботится о прощеніи. Всѣ люди, всѣ человѣки. И я тоже не святой...

— Но если бъ Серафима Ефимовна пожелала лично выразить вамъ...

— Это совершенно лишнее, — отозвался Теркинъ, нахмуря брови.

— Вы боитесь за себя?

Низовьевъ спросилъ это, глядя на него бокомъ и съ двойственной улыбкой.

— За себя? Не думаю, чтобы это было для меня... слишкомъ опасно... Знаете, Павелъ Иларіонычъ, на старыхъ дрождяхъ трудно замѣсить новое тѣсто.

— Какое неизящное сравненіе.

— Не обезсудьте. Мы—простецы. Зачѣмъ же Серафимѣ Ефимовнѣ,—онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ,—самой ставить себя въ непріятное положеніе, да и меня безъ надобности пытать?

— И вы позволяете мнѣ ей сообщить вашъ отвѣтъ?

— Сдѣлайте милость, разъ она объ этомъ просила.

— Василій Иванычъ! благодарю васъ за такой искренній отвѣтъ.

Глаза Низовьева стали влажны.

— Вамъ же лучше!—не удержался Теркинъ.

Но радость Низовьева была такъ сильна, что онъ ничего не замѣтилъ на этотъ нескромный возгласъ, вздохнулъ и сказалъ еще разъ:

— Благодарю васъ.

— А тотъ?.. чичисбей... какъ вы его называете... Такъ при ней и состоитъ? И ей не зазорно?

Въ вопросахъ Теркина звучало болѣе удивленіе, чѣмъ насмѣшка.

— Это такъ... Для курьеза... Отъ скуки!.. Я понимаю ее, Василій Иванычъ... Она близка къ перелому, когда женщина дѣлается безпощадной... жестокой...

— И вы хотите ее примирить?..

— Хочу! Хочу!.. И вы меня воскресили!

Оба стояли другъ противъ друга въ позѣ людей, покончившихъ полюбовно важное дѣло.

— На здоровье!—воскликнулъ Теркинъ.—Но позвольте, Павелъ Иларіонычъ, мы совсѣмъ отдалились отъ нашего главнаго предмета.

— Какого? Цѣны моей лѣсной дачи? Да стоитъ ли къ этому возвращаться? Вамъ угодно имѣть скидку? Извольте.

„Вотъ оно что! — сказалъ себѣ Теркинъ, и краска заиграла на его щекахъ. — Ты пошелъ на скидку оттого, что я тебѣ свою бывшую любовницу уступилъ! Нѣтъ, шалишь, баринъ!“

Рѣзко мѣняя тонъ, онъ отодвинулся назадъ и выговорилъ громко, такъ что его могли слышать и въ залѣ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Павелъ Иларіонычъ? Стоять на цѣнѣ, такъ стоять... Для меня дѣло — прежде всего. Не угодно ли вамъ поѣхать со мной въ дальній край дачи; мы вчера не успѣли его осмотрѣть... Коли тамъ все въ наличности, я буду согласенъ на вашу цѣну.

И глазами, глядя на Низовьева почти въ упоръ, онъ добавилъ:

„Я не таковскій, чтобы мнѣ куртажъ предлагать изъза женскаго пола".

Тотчасъ послѣ того онъ подошелъ къ двери, растворилъ ее и крикнулъ:

— Антонъ Пантелеичъ! извольте послать за ямскими лошадьми и собирайтесь съ нами смотрѣть дачу.

Низовьевъ смущенно промолчалъ.

XVII.

Саня слушала, какъ замиралъ удаляющійся гулъ голосовъ, подъ своимъ любимымъ дубкомъ. Заря потухала.

За рѣкой поднималась дымка тумана. Оттуда тянуло запахомъ поёмныхъ луговъ. Ей дышалось легко-легко, и голова была возбуждена. И не на тотъ ладъ, какъ всегда, послѣ сидѣнья въ комнатѣ тети Марѳы за лакомствами и наливками.

Сегодня все шло по-другому. Къ обѣду пріѣхали покупатели. Накануѣ были большіе разговоры между отцомъ и теткой Павлой Захаровной. Съ ними запирался и Николай Никанорычъ. Цѣлую недѣлю она съ нимъ не оставалась наединѣ, да его не было и въ усадьбѣ. Только сегодня за обѣдомъ онъ совсѣмъ безцеремонно касался ея ноги, а самъ въ это время смотрѣлъ на отца и продолжалъ разговаривать съ покупщикомъ. Въ первый разъ Санѣ сдѣлалось ужасно стыдно: хорошо, что никто не замѣтилъ. Стыдно и какъ будто унизительно. Въ его обхожденіи съ ней было что-то черезчуръ нахальное... Значитъ, онъ на нее смотритъ точно на свою вещь... Все равно, она отъ него не уйдетъ... Захочетъ цѣловаться съ ней — будетъ цѣловаться. Доведетъ ее до всего, что только ему вздумается.

А любитъ ли онъ ее? Можетъ-быть, только морочитъ какъ дурочку? Онъ знаетъ, что красивъ и долженъ нравиться.

Красивъ—да! Очень красивъ! Но почему же нынче за обѣдомъ тотъ пріѣзжій покупатель, Василій Иванычъ Теркинъ,—выговорила она мысленно,—казался ей не то что красивѣе, а интереснѣе? Нужды нѣтъ, что тетка Павла Захаровна говорила про него, что это какой-то „выскочка“ мужичьяго рода, что этакіе зазнаются и надо имъ всегда „по носу давать“... Однако, и тетка сидѣла тихонькая и оказывала ему всякое вниманіе; съ него начинали обносить кушанья, отецъ безпрестанно угощалъ его виномъ, и всѣ съ нимъ обходились какъ съ настоящимъ бариномъ, даже почтительнѣе, чѣмъ съ предводителемъ.

Держитъ онъ себя такъ пріятно, и въ глазахъ у него что-то есть особенное. Къ ней онъ за обѣдомъ обращался, сталъ ее сразу звать „Александрой Ивановной“, точно будто давно знаетъ ея имя и отчество. Выговоръ у него немножко простой, не совсѣмъ барскій... Но это ей скорѣе понравилось.

И такой „богатей!“

Она подумала словами тети Маоы... Ворочаетъ милліонами! И такъ про него говоритъ Николай Никанорычъ. На него Василій Иванычъ какъ будто не очень ласково смотритъ, а тетя передъ нимъ разсыпается.

И выходитъ—онъ сильнѣе всѣхъ. Отчего? Оттого, что у него деньги? Такъ вѣдь онъ не самъ скупаетъ лѣса, а для какой-то „компаніи“. Ему довѣряютъ такія дѣла. Стало, онъ—честный и умный.

Тетя Маоа говорила ей, что отцу „до зарѣзу“ нужно продать лѣсъ, а можетъ-быть, пойдетъ въ продажу и усадьба.

Кто же купитъ?.. Все онъ, все этотъ „выскочка“, какъ называетъ его тетя Павла? Что же онъ будетъ дѣлать съ такимъ большимъ домомъ, если поселится здѣсь? Женится? Пожалуй, уже женатъ? Кажется, нѣтъ: что-то она припоминаетъ изъ разсказовъ Николая Никанорыча.

И выходитъ, что ей не придется жить здѣсь барыней. Вдругъ какъ и ничего не останется отъ обоихъ имѣній?.. Неужели Николай Никанорычъ отъ этого и сталъ такъ обращаться съ нею? Давитъ ногу подъ столомъ, точно свою собственность, а смотритъ совсѣмъ въ другую сторону... Безприданницы ему не нужно... Онъ можетъ влюбить въ себя и не такую дурочку, какъ она.

И опять вопросъ зашевелился въ ней: любитъ онъ или такъ только играетъ съ нею, добивается чего-то?

Ей стало стыдно сильнѣе, чѣмъ за обѣдомъ, и какъ не бывало ни разу прежде, особенно послѣ угощеній въ комнатѣ тети Маруси. Сегодня она не выпила ни глотка наливки. Вѣдь она пріучалась къ сладкому хмелю. Нянька Ѳедосеевна стала это замѣчать и еще третьяго дня стыдила ее, что изъ нея хотятъ сдѣлать „негодницу“ и добиться того, чтобы отецъ выгналъ ее... Она раскричалась на няньку и даже—въ первый разъ—затопала ногами. А вдругъ какъ это правда?

Саня отошла отъ дерева и остановилась около запущенной куртины, гдѣ росъ кустикъ бѣлыхъ маргаритокъ.

Ей захотѣлось сорвать цвѣтокъ. Это была садовая маргаритка, когда-то пересаженная изъ горшка; бѣлые матовые лепестки шли продольными полосками съ обоихъ краевъ, и желтый пухлый пестикъ круглился своей головкой.

— Любитъ, не любитъ! — стала выговаривать Саня и маленькими шажками прохаживалась взадъ и впередъ вдоль куртины.

— Не любитъ!

Она бросила оборванный цвѣтокъ, сорвала другой и начала считать старательнѣе, дѣлая чуть слышныя придыханія:

— Любитъ, не любитъ!..

Ей еще стыднѣе и обиднѣе!.. Она наклонилась надъ кустомъ, гдѣ на стебляхъ сидѣло еще нѣсколько цвѣтковъ.

Можетъ-быть, всегда должно выйти: „не любитъ“. Она стала пересчитывать лепестки. На одномъ цвѣткѣ было четырнадцать, на другомъ—восемнадцать, на третьемъ—двадцать: все—четныя числа.

— Какая я...

Какъ же можно гадать, если всегда четное число лепестковъ!.. Когда выдастся съ нечетнымъ числомъ—должно-быть, это такъ же рѣдко, какъ орѣхъ-двойчатка или пять лепестковъ на цвѣткѣ сирени. Начать со слова „не любитъ“—выйдетъ непремѣнно „любитъ“, и наоборотъ.

Никогда еще она не чувствовала себя такой маленькой и безпомощно-глупенькой. Двѣ слезинки заблестѣли на рѣсницахъ. Щеки замѣтно поблѣднѣли. Она была въ ту минуту очень хорошенькая. Свѣтлая шелковая кофточка,

вся въ сборкахъ, по таліи перехваченная желтымъ кожанымъ кушакомъ, шла къ ней чрезвычайно. Ноги мелькали изъ-подъ синей юбки, въ атласныхъ туфляхъ съ бантиками... Руки почти до локтей выходили изъ коротькихъ рукавовъ съ кружевцами.

Она сорвала еще цвѣтокъ, но больше не ощипывала, а заглядѣлась на свою ручку. Ей она показалась смѣшной, почти уродливой. Но гость—это она замѣтила—раза два кинулъ боковой взглядъ на ея руки, когда она держала ими ножъ и вилку.

Голоса стали приближаться. Саня подошла къ тому мѣсту, гдѣ верхняя возвышенность парка начинала идти подъ гору, и, стоя за деревьями, глядѣла внизъ.

Всѣ четверо поднимались по одной изъ балокъ, не тропинкой, а прямо по склону пригорка между дубами, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ она стояла.

Впереди шли Теркинъ, опираясь на палку съ ручкой изъ слоновой кости. На его лицо падала тѣнь отъ низкой черной шляпы. Она могла свободно смотрѣть на него и не быть замѣченной.

Какіе у него большіе глаза! И совсѣмъ не такіе, какъ у Николая Никанорыча. И борода славная... Немножко съ рыжиной. Но это ничего!.. А ростомъ онъ чуточку ниже отца... И плечи широкія, весь станъ — величавый. Позади его Николай Никанорычъ кажется жидкимъ. И точно онъ у него на службѣ... Отецъ идетъ немного сбоку и что-то ему показываетъ. Лицо у него, какъ всегда, съ достоинствомъ; но передъ гостемъ онъ—хоть и выше его—тоже старается.

Она такъ и выразилась мысленно: „старается".

Неужели это все однѣ деньги дѣлаютъ? А онъ поднимается по крутому склону большими шагами, грудь держитъ впередъ, разговариваетъ свободно... Его молодой голосъ доносится до нея. У него такой видъ, что не нынче—завтра онъ долженъ стать хозяиномъ всей этой усадьбы... Она теперь увѣрена, что иначе не можетъ случиться.

Позади, какъ-то подскакивая, карабкается тотъ приказчикъ или землемѣръ, что привезъ съ собой Василій Иванычъ,—она такъ назвала про себя Теркина,—пухленькій и смѣшного лица... Онъ за столомъ ничего не говорилъ, а только поглядывалъ на всѣхъ своими веселыми мышиными глазками.

Если онъ землемѣръ, такъ, значитъ, Николай Никано-

рычъ — то же, что и онъ... А этотъ въ родѣ управителя или приказчика. Тотъ—„ученый таксаторъ“; даже и тетка Павла такъ его называетъ.

Не все ли это равно?.. Саня не отвѣтила себѣ на вопросъ и такъ засмотрѣлась внизъ на Теркина, что онъ увидалъ ее снизу, снялъ шляпу и крикнулъ:

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!.. Позвольте къ вамъ взбѣжать.

И пустился бѣгомъ по спуску, прямо на нее.

XVIII.

Въ бесѣдкѣ пахло цвѣтомъ каприфоліи. Растеніе вилось по переплету изъ березовыхъ палокъ, и розовато-желтые лепестки и усики осыпали нѣжную зелень. Никогда еще такъ рано не цвѣло оно, какъ въ этомъ году.

Они остались вдвоемъ. Иванъ Захарычъ ушелъ показывать планы Хрящеву и увелъ съ собой Первача.

Теркинъ сидѣлъ снявъ шляпу, въ полъ-оборота къ Санѣ, глядѣлъ на ея розовато-блѣдное лицо, на косу, заплетенную по-крестьянски, и на ея удивительныя ручки. Онъ самъ попросилъ позволенія посидѣть съ ней. Саня застѣнчиво провела его въ бесѣдку.

— Тамъ пахнетъ чудесно!—сказала она совсѣмъ по-дѣтски.

И самъ онъ началъ какъ будто испытывать пріятную неловкость и почему-то жалость къ этой барышнѣ-дѣвочкѣ. Послѣ осмотра парка и всѣхъ строеній усадьбы у него было такое чувство, точно онъ у пристани и его вводятъ во владѣніе родовымъ имуществомъ.

Домъ былъ запущенъ; въ верхнемъ этажѣ штучный паркетный полъ вынутъ въ нѣсколькихъ комнатахъ; мебели—никакой, стѣны облупились; да и въ нижнемъ этажѣ, кромѣ кабинета хозяина, все остальное пахнетъ дворянской грязцой и скудостью. Но паркъ наполнилъ его стародавнимъ чувствомъ, которое заново воскресло и еще ярче, чѣмъ на колокольнѣ села Заводнаго, когда онъ по пріѣздѣ туда лазилъ на нее, о вечерняхъ.

И теперь, около этой миловидной свѣжей дѣвушки, законной наслѣдницы этого имѣнія, уже обреченнаго на продажу, ему захотѣлось поскорѣе стать собственникомъ усадьбы, не допускать другихъ покупщиковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и совѣстно было передъ нею...

Глаза его съ тихой улыбкой любовались ея головой и

станомъ, и онъ хотѣлъ бы поговорить съ ней какъ можно мягче, поскорѣе вызвать въ ней искренность... Ему ея тетки, отецъ, этотъ шустрый и плутоватый таксаторѣ весьма и весьма не нравились, и она среди нихъ казалась ему горленкой въ гнѣздѣ вороновъ или нетопырей.

— Чудесный у васъ паркъ...

— Да,— вдыхая въ себя, сказала Саня, какъ дѣлала всегда и въ институтѣ, когда бывала чѣмъ-нибудь стѣснена.

Но тотчасъ же ей стало ловко съ нимъ, и она, обернувъ къ нему голову, спросила:

— Вы у насъ все это купить хотите, Василій Иванычъ?

„Василій Иванычъ“ прозвучало для него съ ласкою вздрагивающаго голоска. Губы своего рта она раскрывала какъ-то особенно мило.

— А вамъ жалко будетъ?

— Разумѣется, жалко.

— Не знаю. Папаша все равно хочетъ продать.

— Да?—грустно переспросила она.

Ему показалось, что на рѣсницахъ ея слезинки.

„Зачѣмъ я ей это разсказываю?—остановилъ онъ себя.— Бѣдняжка!“

— А вы для себя?—спросила она повеселѣе.

— То-есть, какъ для себя?

— Будете здѣсь жить... Вы женаты?

— Нѣтъ.

Она совсѣмъ обернулась къ нему, и ручки ея упали на колѣни своеобразнымъ движеніемъ.

— Васъ всякій бы принялъ скорѣе за женатаго. А я...

Досказать ей сдѣлалось стыдно.

„Какія я... глупости! Развѣ можно?“ — подумала она, зная, что вотъ-вотъ покраснѣетъ.

— А вы?..

— Ахъ, нѣтъ! Ничего!..

Обѣ ручки протянулись къ нему.

— Василій Иванычъ! Право, я не то хотѣла сказать.

— Да вы еще ничего не сказали. Ежели я, для васъ, женатымъ не смотрю, значитъ, еще не такъ постарѣлъ... тѣмъ лучше.

Ему хотѣлось пошутить съ ней и утѣшить ее какъ можно скорѣе.

— Видите ли,—онъ пододвинулся къ ней,—я покупаю лѣса отъ имени общества.

— Какое это общество? Я вѣдь ничего не понимаю.

— Компанія по лѣсной части. Я — ея главный директоръ.

— А говорятъ, что вы главный милліонщикъ?

Смѣхъ ея, высокій и дробный, задрожалъ въ тепломъ вечернемъ воздухѣ и отдался въ груди Теркина.

Онъ протянулъ ей руку.

— Хорошая вы барышня! Такъ у васъ все какъ на ладонькѣ.

„Нѣтъ не все,—поправила она про себя,—если бъ онъ зналъ!“

— Такъ вы не милліонщикъ?

— Какое... Большими дѣлами завѣдую, это точно, но капиталы не мои.

— Стало-быть, компаніи понадобились нашъ домъ и паркъ? И она дастъ цѣну больше другихъ? — Саня добавила грустно:—Вотъ папа и отдастъ.

— Сказать вамъ всю правду, Александра Ивановна? Мнѣ самому очень по душѣ вашъ паркъ и все положеніе усадьбы. Давно я ихъ знаю. Еще какъ деревенскимъ мальчишкой съ отцомъ въ село Заводное попалъ.

Глаза ея широко раскрылись.

„Тетка Павла правду говорила: онъ — изъ мужиковъ“.

Теркинъ подмѣтилъ ея взглядъ.

— Вы хитрить не будете, барышня. Навѣрняка, при васъ... былъ обо мнѣ разговоръ. Тетенька-то, та... сухоруконькая... чай, разночинцемъ величала?

— Разночинцемъ... Это что такое?

— Нѣшто вы не знаете этого слова?

— Нѣтъ, что-то не припомню. Я вѣдь мало книжекъ читала. Кажется, это значитъ — недворянинъ.

— Именно... Изъ податного состоянія. Только нынче все къ одному знаменателю подводится.

— Къ одному знаменателю! Какъ это хорошо вы сказали! Какъ въ задачахъ!

— Нынче двѣ силы...

— Одну я знаю,—перебила Саня.

— Какую?

— Деньги! Вотъ вы пріѣхали сюда, — можете все купить. И всѣ передъ вами должны прыгать.

— Да вѣдь коли капиталы-то не мои!.. Есть и другая еще сила.

— Какая же?

— Умъ, талантъ!..

— Ахъ, да!

И она не могла сдержать быстраго взгляда на него.

— Это вѣрно,—вслухъ выговорила она полушопотомъ,— вы умный.

— Я не къ тому это сказалъ, чтобы выставляться передъ вами. А такъ, къ слову. Съ вами — вы увидите—я сразу нараспашку. Вы думали, небось, про то, что̀ зовется судьбой?

— Какъ это?

— Ну, хоть такъ, какъ барышни думаютъ. Растетъ дѣвочка, станетъ дѣвицей, а потомъ или завянетъ...

— Вотъ какъ мои тетки!

— Или встрѣтится съ суженымъ. Иногда бываетъ, что встрѣча-то за нѣсколько лѣтъ. И то, что̀ западетъ въ душу, кажется недосягаемо, и вдругъ судьба именно это и посылаетъ.

— Вы о комъ же говорите, Василій Иванычъ?

— О себѣ. Только я не про свою суженую. Кто она— я еще не знаю. А вотъ я къ чему это. Крестьянскимъ мальчишкой я влѣзъ на колокольню и оттуда облюбовалъ вотъ вашъ паркъ и домъ. Онъ мнѣ тогда чертогомъ казался. Такъ захотѣлось, чтобы и у меня было точно такое угодье. И завидно стало до боли: вотъ, молъ, господа владѣютъ какими чудесными вотчинами и не чувствуютъ цѣны добра своего. Я не могъ тогда и мечтать о томъ, чтобы когда-нибудь такая усадьба досталась мнѣ. А судьба свою линію вела. Попадаю именно сюда, какъ директоръ лѣсной компаніи. Правда, капиталы не мои, но захоти я оставить усадьбу Ивана Захарыча за собой—это исполнимо!

— Лучше вы купите, лучше вы!—Саня захлопала руками. — Мы въ то имѣніе переѣдемъ. Вы будете нашъ сосѣдъ! Это чудесно!

— Да ежели и компанія сама прихватитъ это имѣніе, все равно, по лѣтамъ, жить надо здѣсь же. Вотъ судьба-то какъ свою линію ведетъ, барышня!..

Теркину стало дѣтски радостно отъ того, что онъ съ ней разговорился. Онъ ни секунды не подумалъ о томъ, умѣстно ли ему такъ откровенничать съ простоватой барышней, которая все могла разболтать отцу и теткамъ.

XIX.

— Вы все еще здѣсь?

Окликъ Первача заставилъ обоихъ встрепенуться.

Таксаторъ стоялъ у входа въ бесѣдку, улыбался и поправлялъ цвѣтной галстукъ. Его свѣтлый пиджакъ, скроенный очень узко, выставлялъ его талію. Соломенная шляпа была надѣта немного набекрень.

— Да, мы здѣсь,—отозвался суховато Теркинъ и взглядомъ спросилъ его: что ему нужно?

— А меня Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна послали отыскать васъ и просить чай кушать. Александра Ивановна,—обратился онъ къ Санѣ съ усмѣшкой, которая не понравилась Теркину, — вамъ не будетъ ли свѣжо? Солнце садится, а вы въ одной легкой кофточкѣ.

— Мнѣ ничего! Мнѣ отлично! Здѣсь даже душно немного!

— Вы позволите присѣсть?—спросилъ Первачъ больше Теркина, чѣмъ Саню, тономъ человѣка, желающаго и подслужиться, и соблюсти свое достоинство.

— Мѣста много, садитесь.

Теркинъ вспомнилъ, что за обѣдомъ онъ подмѣтилъ, какъ Саня вдругъ покраснѣла и взглянула исподтишка на Первача, а онъ въ ту минуту какъ бы нарочно смотрѣлъ въ другую сторону, и подумалъ: „Между барышней и этимъ ловкачомъ, кажется, шуры-муры“.

Теперь ему присутствіе Первача, прервавшаго ихъ милый разговоръ, сдѣлалось вдругъ особенно противно.

— Василій Иванычъ, вы какъ предполагаете: заночевать здѣсь? Комната вамъ приготовлена во флигелѣ, гдѣ и я живу. И для добрѣйшаго Антона Пантелеича найдется мѣсто.

— Это кто Антонъ Пантелеичъ? Вашъ землемѣръ? Онъ вѣдь землемѣръ?—живо спросила Саня.

— Какой же онъ землемѣръ? — брезгливо перебилъ Первачъ.—Просто нарядчикъ.

— Нѣтъ-съ,—оттянулъ Теркинъ и бросилъ взглядъ на Первача.—Антонъ Пантелеичъ—агрономъ съ отличными познаніями. По лѣсоводству—дока.

— Конечно, конечно, онъ много знаетъ практически,—замѣтилъ Первачъ.

— Да и обученъ достаточно. И вообще, личность очень своеобразная и достойная уваженія.

— Онъ славный! — вскричала Саня. — Похожъ на батюшку... въ штатскомъ платьѣ.

— Такъ какъ же, Василій Иванычъ, прикажете распорядиться насчетъ вашего ночлега?

Взгляды Сани и Теркина встрѣтились. Она чуть замѣтно смутилась и отвела голову, но такъ, чтобы ея лицо не видно было Первачу.

— Вамъ развѣ нужно опять въ городъ? — выговорила она.

— Нѣтъ... особенно я не тороплюсь. Только зачѣмъ же стѣснять вашихъ?

— Ничего!.. Ничего!.. Няня Ѳедосеевна вамъ отлично постелетъ. Николай Никанорычъ, скажите, пожалуйста, тетѣ Марѳѣ Захаровнѣ, что Василій Иванычъ останется ночевать... Вѣдь да?

— Благодарю васъ.

— А чай? — спросилъ Первачъ, видимо желая уйти вмѣстѣ съ ними.

— Мы сейчасъ... Здѣсь такъ славно!

— Идите, идите, Николай Никанорычъ!

Первачъ взглянулъ на Саню съ особаго рода усмѣшечкой, всталъ и въ дверяхъ бесѣдки сказалъ Теркину:

— Все будетъ исполнено... Васъ ждутъ.

Пока его шаги хрустѣли по дорожкѣ, оба молчали.

— Александра Ивановна! — окликнулъ Теркинъ вполголоса.—Мы съ вами хоть и безъ году недѣлю знакомы, а я васъ о чемъ спрошу... Можете и не отвѣчать.

— О чемъ, о чемъ?

Саня вся зардѣлась и правой рукой стала теребить конецъ своей косы, перекинутой на плечо.

— Этого... таксатора вы какъ находите?

— Николая Никанорыча?

— Да, Николая Никанорыча.

— Онъ очень милый.

— Ну, вотъ и нехорошо. Вы это сказали такъ... для отвода.

— Красивый. Съ нимъ весело.

— И только?

Теркинъ поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Я не знаю.

— Ну, простите. Я вѣдь не инквизиторъ какой. А только этотъ франтоватый и ученый брюнетъ кажется

мнѣ... есть такая поговорка русская, коренная, да при барышнѣ не пристало.

— Скажите.

— Не пристало. Смыслъ такой, что пальца ему въ ротъ не клади. Эта пословица годится и для барышень. Иванъ Захарычъ, кажется, вполнѣ въ него увѣровалъ.

— Да, кажется.

— И тетенька, та—главная. Она вѣдь у васъ, сдается мнѣ, нáбольшая въ домѣ. Какъ бишь ее зовутъ?

— Павла.

— Такъ и она его одобряетъ?

— Я думаю.

Санѣ становилось неловко отъ вопросовъ Теркина. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Александра Ивановна, вы не подумайте, что я васъ пытать хочу.

— Какъ пытать?

— Допрашивать, значитъ. Я по душѣ съ вами... вы видите. Одно я вамъ скажу: вашего папеньку я не обижу и не воспользуюсь его нуждой. Прошу васъ вѣрить, что я не паукъ, развѣсившій паутину надъ всѣми вашими угодьями.

Зачѣмъ онъ это говорилъ? Послушай его кто-нибудь изъ довѣрителей—членовъ компаніи—про него сказали бы, что онъ способенъ размякнуть около каждой юбки, удариться въ чувствительность передъ смазливой барышней, только бы она его сочла благороднѣйшей души мужчиной...

Пускай!.. Ему жаль эту дѣвочку больше, чѣмъ ея отца. Его положеніемъ онъ не воспользуется съ бездушіемъ кулака, но и не имѣетъ къ нему ничего, кромѣ брезгливо-презрительнаго чувства за всю эту землевладѣльческую безтолочь и безпутство.

— Насъ ждутъ къ чаю,—напомнила Саня и встала.

Она все еще была смущена. Почему же она не защитила Николая Никанорыча? Вѣдь онъ ей нравится, она близка съ нимъ. Такія „вольности“ позволяютъ только жениху. А сегодня онъ ей точно совсѣмъ чужой. Почему же такой хорошій человѣкъ, какъ этотъ Василій Иванычъ, и вдругъ заговорилъ о немъ въ такомъ тонѣ? Не спроста же? Или догадывается, что между ними есть уже близость, и ревнуетъ? Всѣ мужчины ревнивы. Вотъ глупости! Съ ка-

кой стати будетъ онъ входить въ ея сердечныя дѣла?..

— Пожалуйте!..

Теркинъ предложилъ ей руку. Саня не ожидала этого, и настроеніе ея быстро измѣнилось. Ей такъ вдругъ сдѣлалось тепло и весело подъ бокомъ этого рослаго и красиваго человѣка. Онъ, конечно, желаетъ ей добра, и если бы они хоть чуточку были подольше знакомы, она бы все ему разсказала и стала бы обо всемъ совѣтоваться.

Они проходили мимо куста сирени. На макушкѣ только что зацвѣли двѣ-три кисти. Сирень была бѣлая.

— Ахъ, я и не видала нынче! Василій Иванычъ, вы большой,—достаньте мнѣ вонъ ту кисть, самую верхнюю.

— Извольте!..

— Чудо какъ пахнетъ!

Своей крошечной ручкой она поднесла ему кисть къ носу. Его потянуло поцѣловать пальчики, но онъ удержался.

— Чудесно!—отозвался онъ.—И какъ жаль, что такой садъ въ забросѣ. Вы что же, барышня, не занимаетесь цвѣтами?

— Я?.. Не умѣю.

— А научить некому?

— Некому.

— Въ большое равнодушіе впали господа къ своимъ угодьямъ.

Саня промолчала.

— Василій Иванычъ! у васъ хорошіе глаза?

— Ничего! Не пожалуюсь.

— Пожалуйста! Вотъ въ этой кисти... Поищите мнѣ цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— А вы загадали, поди?

— Да!..

Теркинъ тихо разсмѣялся и началъ искать. Саня слѣдила глазами. Она загадала: „дурной человѣкъ Николай Никанорычъ или нѣтъ“; если дурной—выищется цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— Извольте!

— Нѣтъ, не можетъ быть?..

— Смотрите.

Лепестковъ было пять.

— Ахъ!—почти вскрикнула Саня, и румянецъ залилъ ее даже за уши.—Идемте. Насъ ждутъ!..

XX.

Карликъ Чурилинъ, стоя у дверей, спросилъ:

— Ничего еще не прикажете?

— Ступай!.. Завтра разбудить меня въ шесть часовъ.

— А господина Хрящева?

— Его не нужно. Онъ рано просыпается.

— Покойной ночи.

Комната была просторная, въ три окна, выходившихъ въ садикъ прямо изъ передней, гдѣ на „ларѣ“ постлали Чурилину. Внизу же ночевалъ и Хрящевъ. Въ мезонинѣ флигеля жилъ Первачъ.

Теркинъ оглядѣлъ стѣны, мебель съ ситцевой обивкой, картину надъ диваномъ и свою постель, съ тонкимъ свѣжимъ бѣльемъ. На ночномъ столикѣ поставили графинъ и стаканъ. Пахло какими-то травами. За постелью дверь вела въ комнату, гдѣ ему послышались мягкіе шаги.

— Антонъ Пантелеичъ?.. Вы тутъ?—окликнулъ онъ.

Ему никто не отвѣтилъ. Но дверь скрипнула, и просунулась голова въ ночномъ чепцѣ.

— Чего не угодно ли?

Голосъ былъ еще не старый. Въ просторной комнатѣ отъ одной свѣчи было темновато. Лица онъ сразу не могъ разсмотрѣть.

Но тотчасъ же сообразилъ, что это, должно-быть, ключница или нянька.

— Войдите, войдите, матушка! — пригласилъ онъ ее очень ласково.

Вошла старушка, съ бодрымъ, немного строгимъ лицомъ, въ кацавейкѣ, небольшого роста, видомъ не старая дворовая, а какъ будто изъ другого званія. Чепецъ скрывалъ волосы. Темные глаза смотрѣли пытливо.

— Мы съ вами сосѣди?

— Такъ точно. Я вотъ тутъ. Только вы не извольте безпокоиться. Меня не слышно. А, можетъ, чего вамъ не угодно ли на ночь? Кваску или питья какого?

— Спасибо! У меня такихъ привычекъ нѣтъ.

Спать ему не хотѣлось. Онъ посадилъ ее рядомъ съ собою на диванъ.

— Утромъ рано изволите просыпаться? У насъ господа—поздно. Кофею угодно или чаю?

— Чайку соблаговолите.

— Очень хорошо.

Тонъ у нея былъ особенный—вѣжливый, безъ подобострастія или наянливости.

— Вы не нянюшка ли барышни, Александры Ивановны?—спросилъ Теркинъ и пододвинулся къ ней.

— Выняньчила, сударь, и не ее одну, а и маменьку ихъ.

Губы ея, уже безцвѣтныя, чуть-чуть вздрогнули.

— Славная барышня!

— Понравилась вамъ? Совсѣмъ еще малолѣтняя... Не по лѣтамъ, а по разуму. Ее-то бы и надо всѣмъ поддержать и наставить, а вмѣсто того...

Она не договорила.

Въ ея голосѣ заслышалась горечь.

— Вы меня не осудите, батюшка, — начала она полушопотомъ и оглянулась на дверь въ переднюю.—Я вѣдь день-деньской сижу вотъ здѣсь, во флигелѣ. И Саню-то не вижу по цѣлымъ недѣлямъ—въ кои-то вѣки забѣжитъ. Чуть не такъ скажешь—сейчасъ: „ахъ, няня, ты ворчунья!“ А у меня душа изныла. Васъ имѣю удовольствіе видѣть въ первый разъ и, почему-то, заключаю, что вы—человѣкъ благородный.

Эти выраженія показались Теркину странными.

— Вы, матушка, изъ старыхъ дворовыхъ?

— Нѣтъ, сударь,—почти обидчиво отвѣтила Ѳедосеевна.—Я никогда въ рабскомъ званіи не состояла. Къ родителямъ Санечкиной маменьки я поступила въ нянюшки по найму. Папенька мой служилъ писцомъ въ ратушѣ, умеръ, насъ семь человѣкъ было.

— А-а,—протянулъ Теркинъ,—понимаю. Къ питомицѣ вашей привязались, потомъ и дочь ея выняньчили?

— Такъ точно. Позвольте ваше... имени и отчества вашего не имѣю чести знать.

— Василій Иванычъ.

— Дошло и до меня, Василій Иванычъ, что вы покупаете всю вотчину.

— Пока еще объ одной лѣсной дачѣ идутъ переговоры.

— Все, все хотятъ они спустить, — она кивнула головой туда, гдѣ стоялъ большой домъ:—сначала это имѣніе, а потомъ и то, дальнее. Старшая сестрица отберетъ все у братца своего, дочь доведетъ до распутства и выгонитъ... иди на всѣ четыре стороны. Вы—благородный человѣкъ, меня не выдадите. Есть во мнѣ такое чувство, что вы, Василій Иванычъ, сюда не зря угодили. Это перстъ

Божій! А коли нѣтъ, такъ все пропадомъ-пропадетъ, и Саня моя сгинетъ.

Черезъ полчаса онъ уже узналъ про мать Сани, про „ехидну-горбунью“, про ея злобу и клевету, про то, какъ Саню тетка Марѳа пріучаетъ къ наливкѣ и сводитъ „съ межевымъ“, по наущенью той же горбуньи. Мавра Ѳедосеевна клялась, что ея барыня никогда мужу своему не измѣняла, и что Саня — настоящая дочь Ивана Захарыча.

— Каждое послѣ-обѣда, батюшка, толстуха угощаетъ ихъ съ тѣмъ прохвостомъ,—она такъ звала Первача,—и когда онъ ее загубитъ, ехидна-то и укажетъ братцу—вотъ, молъ, въ мать пошла, такая же развратница; либо выдастъ за этого межевого, — они вмѣстѣ обводятъ Ивана Захарыча. Да и не женится онъ. Не къ тому дѣло идетъ. Къ одному сраму!..

— А сама Александра Ивановна,—спросилъ Теркинъ,—онъ ей приглянулся, нѣшто?

— И-и, сударь, вѣдь она еще совсѣмъ птица.

— Птица!—повторилъ онъ съ тихимъ смѣхомъ.

— Поетъ, прыгаетъ... кровь-то, извѣстное дѣло, играетъ въ ней. Кто первый подвернется... Я, небось, вижу отъ себя, изъ своей каморки... что ни день—онѣ ее толкаютъ и толкаютъ въ самую-то хлябь. И все прахомъ пойдетъ. Горбунья и братца-то по міру пуститъ, только бы ей властвовать. А у него, у Ивана-то Захарыча, голова-то, сами, чай, изволите видѣть, не больно большой умственности.

„Что же я-то могу сдѣлать?“ — подвертывался ему вопросъ, но онъ его не выговорилъ. Ему стало жаль эту милую Саню, съ ея ручками и голоскомъ, съ ея тономъ и простодушіемъ и какой-то особенной безпомощностью.

— Простите меня, Василій Иванычъ, почивать вамъ мѣшаю. Можетъ, Господь васъ послалъ намъ какъ ангела-избавителя. Чуетъ мое сердце: ежели благородный человѣкъ не вступится—все пропадетъ-пропадомъ. Думала я къ предводителю обратиться. Да у насъ и предводитель-то какой!.. Слезно васъ прошу... Покойница на моихъ рукахъ скончалась. Чуяла она, каково будетъ ея дѣтищу... Въ ножки вамъ поклонюсь...

Мавра Ѳедосеевна привстала съ дивана и хотѣла опу-

ститься на колѣни. Теркинъ удержалъ ее за обѣ руки и потомъ потрепалъ по плечу.

— Спасибо за довѣріе. Жаль барышню! Этого ловкача межевого можно сократить. Я еще побуду у васъ...

— Не осудите меня, простите за безпокойство.

Онъ проводилъ ее до двери и сказалъ вслѣдъ:

— Покойной ночи! Еще разъ спасибо!

Въ постели онъ лежалъ съ открытыми глазами, потушилъ свѣчу и не могъ сразу заснуть, хоть и много ходилъ за цѣлый день.

„Ангелъ-избавитель!“ — повторилъ онъ, улыбаясь въ темнотѣ. Онъ—скупщикъ угодій, хищникъ на взглядъ всякаго бывалаго человѣка!

Ѳедосеевна говорила правду. Эта горбунья—въ такомъ именно вкусѣ, да и та чувственная толстуха. Первача онъ подозрѣвалъ въ сильной жуликоватости. Отецъ—важное ничтожество... Если милая дѣвушка дѣйствительно жертва злобности этой ехидной тетки, отчего же и не спасти ее?

Но какъ?

Правду говорилъ онъ Санѣ про судьбу. Что она выдѣлываетъ? Васька Теркинъ, крестьянскій мальчишка, лазившій на колокольню, безумно мечталъ о томъ, какое счастье было бы обладать усадьбой и паркомъ на томъ берегу Волги, и можетъ купить теперь и то, и другое, въ придачу къ лѣсной дачѣ.

Почему же нѣтъ? Компанія одобритъ всякое его дѣйствіе. Въ три-четыре года онъ съ ней сквитается. Паркъ—его, домъ—его. Но неужели онъ въ этакомъ домѣ поселится одинъ?

На этомъ вопросѣ онъ заснулъ.

XXI.

Утро занялось мягкое, немножко влажное; дымка—розовато-голубая — лежала надъ Заволжьемъ. Въ паркѣ на ядреныхъ дубкахъ серебрились звѣздочки росы.

Всѣ еще спали, когда Антонъ Пантелеичъ Хрящевъ вошелъ въ аллею липъ и замедленнымъ шагомъ приближался къ площадкѣ со скамьей, откуда видъ на село Заводное былъ лучше всего.

Онъ тихо улыбался, посматривалъ во всѣ стороны, любуясь блестящей листвой дубовъ и кленовъ по склонамъ ближайшей балки, спускавшейся къ рѣкѣ. Низкая поросль

орѣшника окутывала тамъ и сямъ стволы крупныхъ деревьевъ, и бѣлая кора рѣдкихъ березъ выдѣлялась на зеленѣющихъ откосахъ.

— Будетъ вёдро!—шопотомъ выговорилъ онъ.

У него была привычка, когда онъ оставался одинъ, произносить вслухъ свои мысли.

Отъ деревьевъ шли чуть замѣтныя тѣни, и въ воздухѣ роились насѣкомыя. Чириканье и перепѣвы птицъ неслись изъ разныхъ угловъ парка. Пахло ландышемъ и цвѣтомъ черемухи. Все въ этомъ году распустилось и зацвѣло разомъ и раньше. Его сердце лѣсовода радовалось. Для него не было лучшихъ часовъ, какъ утренніе въ хорошую погоду, или ночью, въ чащѣ „заказника“, вдоль узкой просѣки, гдѣ звѣзды смотрятъ сверху въ щель между вершинами вѣковыхъ сосенъ.

И садоводство онъ любилъ, хотя и не выдавалъ себя за ученаго садовника. Его привлекали больше фруктовыя деревья, прививка, уходъ за породами, перенесенными съ юга. Бывало, если ему удавалось, хоть въ видѣ кустика, вывести какое-нибудь южное деревцо, онъ холилъ его какъ родное дитя и самъ говаривалъ, что носится съ нимъ „ровно дурень съ писаной торбой“.

Въ этомъ паркѣ онъ находилъ растительность богаче, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по „градусу широты“, — Антонъ Пантелеичъ придерживался научныхъ терминовъ,—и объяснялъ такое богатство удачнымъ положеніемъ. Балки, круто поднимавшіяся къ усадьбѣ, защищали низины парка, обращеннаго на юго-западъ поворотомъ рѣки.

Въ тѣни дубовъ ему стало еще радостнѣе. Вчера онъ засыпалъ въ тревожномъ настроеніи. Ему предстоялъ разговоръ съ Василіемъ Иванычемъ, крайне ему непріятный, противный его натурѣ, отзывающійся желаніемъ выслужиться, выставить на показъ свою честность и неподкупность, а между тѣмъ онъ не можетъ молчать.

Мысли его пошли все-таки въ другую сторону. Все обойдется къ лучшему. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Василій Иванычъ, знаешь, что дѣло будетъ спориться, — и дѣло крупное, хорошее дѣло.

Къ Теркину онъ быстро сталъ привязываться. Не очень онъ долюбливалъ нынѣшнихъ „самодѣльныхъ людей“, выскочившихъ изъ простого званія, считалъ многимъ хуже самыхъ плохихъ господъ, любилъ прилагать къ нимъ раз-

ныя прозванія, вычитанныя въ журналахъ и газетахъ. Но этотъ хоть и дѣлецъ, онъ ему вѣритъ: они съ нимъ схожи въ мысляхъ и мечтаніяхъ. Этому дороги родная земля, Волга, лѣсъ; въ компаніи, гдѣ онъ главный воротила, есть идея.

Хрящевъ вернулся снизу въ цвѣтникъ и присѣлъ на скамейку, откуда ему видна была калитка отъ флигеля. Уходя, онъ сказалъ Чурилину, чтобы тотъ прибѣжалъ сказать ему, когда Василій Иванычъ одѣнется и спроситъ чаю. Тарантасъ онъ самъ приказалъ закладывать. Они должны были до завтрака съѣздить вдвоемъ безъ Первача осмотрѣть дачу.

Объясненіе необходимо, и всего лучше бы переговорить здѣсь. Авось, Василій Иванычъ захочетъ заглянуть въ паркъ. За чаемъ было бы неудобно. Или тотъ ловкачъ спустится сверху, пожалуй, и подслушаетъ подъ окнами. Такіе на все способны.

Опять мысли Антона Пантелеича поползли въ другую, болѣе пріятную сторону. Онъ смотрѣлъ на домъ, на забитыя окна второго этажа, на размѣры всего зданія, и его голова заиграла на новую мысль, тутъ же освѣтившую его.

— Да, да, въ этомъ—идея!.. — полугромко выговорили его немного пухлыя губы.

И самъ Василій Иванычъ какъ будто желаетъ пріобрѣсти и усадьбу изъ-за парка, который ему очень нравится. Не для себя же одного? Онъ холостъ. А можетъ, жениться надумалъ. Да, наконецъ, одно другому не мѣшаетъ, даже очень подходитъ одна комбинація къ другой.

— Славная идея!—погромче выговорилъ онъ и застыдился.

Нельзя же такъ хвалить собственную мысль. Предложить ее можно. Такой человѣкъ, какъ Теркинъ, не обидится, не скажетъ: „Куда, молъ, ты лѣзешь сейчасъ съ собственными прожектами, у меня и своя голова есть на плечахъ“.

Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ началъ прохаживаться мимо клумбъ по одной изъ аллей четырехугольника и, отъ чувства душевнаго довольства, потиралъ безпрестанно руки.

Голова еще ярче заработала. Какой чудесный питомникъ можно развести въ паркѣ! Запущенный цвѣтникъ представлялся его воображенію весь въ клумбахъ, съ ря-

дами фруктовыхъ деревьевъ, съ роскошными отдѣленіями чисто русскихъ насажденій, съ грядами ягодъ и шпалерами ягодныхъ кустовъ. А тамъ на дворѣ сколько уставится еще строеній!

Щеки Антона Пантелеича розовѣли, и глазки то игриво, то задумчиво озирались вокругъ.

Онъ повернулъ голову къ калиткѣ и увидалъ рослую фигуру Теркина въ чесучовой парѣ и соломенной шляпѣ. Тотъ шелъ къ нему навстрѣчу. Это его еще болѣе настроило на возбужденно-радостную ноту.

„Сначала о ловкачѣ!“—рѣшительно подумалъ онъ, снялъ шляпу и поспѣшилъ навстрѣчу своего „набольшаго“, такъ онъ уже про себя звалъ Теркина.

— Съ добрымъ утромъ, Василій Иванычъ! Благодать-то какая!

Тотъ подалъ ему руку, ласково взглянулъ на него и спросилъ:

— Небось, душа ваша радуется, господинъ созерцатель?

— Именно!.. Не угодно ли вонъ туда въ бесѣдку, взглянуть на Заволжье сквозь розовую дымку? Или, быть-можетъ, чай кушать желаете, Василій Иванычъ?

— Чай подождетъ. Пойдемте.

— Только не обезсудьте меня за то, что долженъ сейчасъ же довести до вашего свѣдѣнія... нѣчто, не отвѣчающее откровеніямъ благодатной природы...

— Погодите, погодите!—прервалъ Теркинъ. — Экой вы какой рьяный! Все дѣла да дѣла!.. Дайте хоть немножко полѣниться... на холодкѣ.

— Извините, извините, Василій Иванычъ, за это предувѣдомленіе. И я самъ здѣсь замечтался. Чудесное мѣсто! На паркъ этотъ не наглядишься. И въ такомъ все забросѣ...

— И не говорите!..

Теркинъ ускорилъ шагъ по дорогѣ, вдыхая въ себя громко струю затеплѣвшаго воздуха съ его благоуханіемъ.

— И что за духъ!

— Превосходный!.. Ландышъ!.. Майскій цвѣтъ... И у нѣмцевъ, кажется, такъ называется. Нѣтъ лѣсного цвѣтка краше и стыдливѣе...

— Антонъ Пантелеичъ! Да вы—поэтъ!

— Какъ-съ?

— Поэтъ, говорю. Душа у васъ съ полетомъ и съ чувствомъ... какъ бы это сказать...

— Естества!.. Безконечной жизни естества, Василій Иванычъ, это точно.

Они подошли къ обрыву. Теркинъ сдѣлалъ два шага къ самому краю, сложилъ руки на груди и долго смотрѣлъ на рѣку, на Заволжье, на бѣлыя колокольни села Заводнаго.

Въ груди у него точно что̀ вздрагивало. На такомъ душевномъ подъемѣ онъ еще не помнилъ себя. Вчерашній разговоръ съ Маврой Ѳедосеевной весь припомнился ему. Какъ все это чудно̀ выходило!.. Голова Сани всплыла передъ нимъ, ея коса, ручки, выраженіе глазъ, станъ... И голосокъ какъ будто зазвучалъ... Жалко ему стало этой дѣвчурки, и какое-то новое чувство великодушнаго покровительства шевельнулось въ немъ. Она же и законная наслѣдница этой усадьбы, ее же обходитъ этотъ таксаторъ, а тетки развращаютъ. Точно все въ сказкѣ,—и онъ явился тутъ, какъ богатырь, спасать царь-дѣвицу, подскочить до двѣнадцатаго вѣнца ея терема.

Да и нужны ли такія усилія? Не приводитъ ли его судьба къ болѣе простому и достижимому?

Онъ продолжительно задумался.

XXII.

— Вотъ какое обстоятельство, Василій Иванычъ...

Хрящевъ присѣлъ на кончикъ скамьи и раза два потеръ руки, но уже не такъ, какъ онъ это дѣлалъ, когда размечтался полчаса передъ тѣмъ.

— Что-нибудь, небось, насчетъ того... шустраго франта?

Теркинъ кивнулъ головой въ сторону флигеля.

— Сколь вы проницательны! Такъ точно!

— Ну, и что жъ?

Лицо Теркина приняло сейчасъ дѣловое выраженіе.

— Онъ... какъ бы это сказать...

— Подъѣзжалъ къ вамъ? Посулы дѣлалъ?

— Въ такомъ именно смыслѣ повелъ рѣчь. И я немножко притворился, Василій Иванычъ, что несовсѣмъ его понимаю... Ему оченно хочется попасть на службу компаніи.

— Еще бы!

— Меня, грѣшнаго, началъ пытать... знаете... на ны-

нѣшній фасонъ... все отборными словами и такъ... неглижѐ съ отвагой!..

— Какъ?

— Неглижѐ съ отвагой! Это моя супружница употребляла такой оборотъ... Отъ семинаровъ наслышалась, отъ братьевъ и свойственниковъ.

— Что же вы ему на это сказали, Антонъ Пантелеичъ?

— Я все помалчивалъ... Пускай, молъ, выскажется до самаго дна. Да почему и не предположить, что такая величина, какъ я, польстится на то, чтобы вступить въ союзъ съ господиномъ таксаторомъ... Ни больше, ни меньше, какъ всѣхъ мы должны провести и вывести — Низовьева, Черносошнаго, васъ, Василій Иванычъ, и — въ лицѣ вашемъ—всю компанію.

Встрѣтивъ взглядъ Теркина, острый и ясный, Хрящевъ повелъ головой и немного смущенно продолжалъ:

— Мое положеніе весьма въ эту минуту не авантажно, Василій Иванычъ, хотя бы и передъ такимъ человѣкомъ, какъ вы... Уподобляюсь Гоголевскому Земляникѣ...

— Да я-то не Хлестаковъ, Антонъ Пантелеичъ. Иначе вамъ и поступить было нельзя.

— Точно я этимъ совсѣмъ выслуживаюсь или прошу награды... въ родѣ какъ за нахожденіе потерянаго бумажника.

— Это вы напрасно!.. Первачъ—жуликъ, и его надо сейчасъ же устранить. За это берусь я!

— Извѣстное дѣло, онъ будетъ запираться.

— Нѐшто я прямо такъ и бухну? Или на очную ставку васъ обоихъ? Не младенецъ малый... Я и самъ его доведу до точки... Будьте покойны.

Глаза Теркина блеснули.

— Чего же лучше, Василій Иванычъ, ежели вы сами уже опредѣлили этого молодца. Онъ не расчелъ. Принялъ меня за ваше довѣренное лицо, только надѣвшее на себя скромную личину.

— Да онъ врядъ ли и ошибся, Антонъ Пантелеичъ.

— Въ чемъ-съ?

— Вы хоть и безъ году недѣлю на нашей службѣ, но я вамъ довѣряю и говорю это прямо.

Ему пріятно было обласкать Хрящева. Обыкновенно онъ съ подчиненными, на первыхъ порахъ, держалъ себя насторожѐ.

— Не ранёнько ли, Василій Иванычъ?

Краска заиграла на полныхъ щекахъ Хрящева. Глазки его радостно и смущенно оглянули Теркина.

— Остальное уже отъ васъ будетъ зависѣть, Антонъ Пантелеичъ. Дѣла много и дѣло большое.

— Святое дѣло!—со вздохомъ вырвалось у Хрящева.— И вотъ вы меня такъ не по заслугамъ поощряете... Я вамъ сейчасъ же покаюсь въ продерзостныхъ мечтаніяхъ.

— Кайтесь... Послушаемъ.

— Боюсь задержать.

— Чаю нàскоро напьемся. Еще рано. Папироски не хотите?

— Не употребляю.

— Говорите, говорите!

— Пришла мнѣ... хе-хе... идея передъ вашимъ приходомъ.

— Давайте, давайте вашу идею! Безъ идей нельзя. Безъ идей только закоренѣлость одна да кулачество.

— Вашими бы устами, Василій Иванычъ... Очень ужъ я прельщенъ этимъ паркомъ. И вамъ онъ, кажется, больно по душѣ пришелся. Положеніе его вмѣстѣ съ усадьбой — такое для лѣсной мѣстности, что другого такого и не найдешь, пожалуй, во всемъ приволжскомъ краѣ.

— Вѣрно! — крикнулъ Теркинъ, но тотчасъ подумалъ: „ужъ и этотъ не ловчакъ ли,—пробирается въ мою душу, учуялъ: чего мнѣ самому хочется?..“

— Лѣсная дача господина Черносошнаго хорошаго качества, спору нѣтъ. А пріобрѣтать ее безъ усадьбы и этихъ береговыхъ насажденій какъ бы обидно.

Теркинъ сбоку взглянулъ на него.

— Вы что же это—у меня въ головѣ подглядѣли, Антонъ Пантелеичъ?

— Слѣдственно и вамъ приходилъ уже замыселъ насчетъ и усадьбы?

— И весьма!

Про свои дѣтскія мечты на колокольнѣ села Заводнаго онъ не сталъ ему разсказывать.

— Тѣмъ болѣе лестно мнѣ будетъ, Василій Иванычъ, изложить вамъ мою идею. Сколько я васъ разумѣю, вы не станете изъ своей только корысти или суетныхъ поползновеній пріобрѣтать барское имѣніе...

— Однако,—перебилъ его Теркинъ и сдѣлалъ широкій жестъ лѣвой рукой:—пріятно стать на мѣсто неумѣлыхъ, выродившихся вотчинниковъ, особливо мужичьему пріемышу, какъ я.

Про то, что Теркинъ мужичій пріемышъ, Хрящевъ слышалъ впервые; но это его не озадачило.

— Хотя бы и такъ,—выговорилъ онъ.—Пріятно, слова нѣтъ; но общее дѣло еще выше... Вотъ я сейчасъ и размечтался, ходя по той аллеѣ. Василію, молъ, Иванычу ничего не будетъ стоить: побудить компанію вмѣстѣ съ дачей пріобрѣсти и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать изъ нея центральный пунктъ всего приволжскаго лѣсного промысла и хозяйства компаніи и вмѣстѣ — заложить здѣсь фундаментъ для распространенія здравыхъ познаній по лѣсоводству и уходу за всѣми видами строительныхъ и фруктовыхъ деревьевъ... Поглядите на домъ... Одинъ этажъ прямо просится подъ школу. А паркъ, а цвѣтникъ! Какіе богатые питомники можно устроить! Какой образцовый фруктовый садъ! Что твой Горыгорѣцкъ! Что твое Лисинское лѣсничество!.. Вы такой ревнитель отечественныхъ богатствъ, Василій Иванычъ! Вамъ бы сдѣлать изъ этой усадьбы свое лѣтнее пребываніе и центръ управленія всѣми приволжскими дачами. Отсюда поведете вы походъ противъ хищенія и лѣсоистребленія, противъ кулаческаго разгрома и помѣщичьяго недомыслія. Вѣдь такъ я говорю? Школа не Богъ знаетъ чего будетъ стоить обществу; а какое добро! Сколько она выпуститъ вотъ такихъ же, какъ я, грѣшный, немудрыхъ практиковъ, не великой учености, однако съ великимъ уваженіемъ къ наукѣ, къ бережному уходу за такимъ народнымъ сокровищемъ, какъ лѣсъ, безъ котораго и Волга совсѣмъ изсякнетъ, особливо въ верховьяхъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ Хрящева дѣлался менѣе сладкимъ, зазвучали другія ноты. Нѣсколько разъ онъ даже вскидывалъ руками.

Слушая его, Теркинъ курилъ и не поднималъ на него глазъ. Прежде—года два назадъ—онъ бы его оборвалъ, ему стало бы досадно, что вотъ такой простецъ, служащій подъ его началомъ, въ мелкомъ званіи, и вдругъ точно подслушалъ и укралъ у него мысль, назрѣвавшую въ немъ именно теперь, и далъ ей гораздо бо̀льшую ширь; задумалъ такое хорошее, исполнимое дѣло.

— Антонъ Пантелеичъ!—выговорилъ онъ послѣ тирады

Хрящева и приласкалъ его взглядомъ.—Нужды нѣтъ, что вы у меня ровно восхитили... если не всю идею, то начало ея... Но вашъ планъ выше моего. Я, быть-можетъ, и пришелъ бы къ тому же, но первый толчокъ былъ скорѣе личный.

— Всѣ дороги въ Римъ ведутъ, Василій Иванычъ. Зачѣмъ же и отъ своей личности отказываться?.. Прямой поводъ сочетать свое имя съ такимъ дѣломъ. Вашимъ именемъ и назовете этотъ разсадникъ разумнаго и благого лѣсоводства и лѣсного промысла... У васъ пайдутся весьма именитые предшественники... Я самъ не бывалъ, но доподлинно знаю: на сѣверо-востокѣ... фамилія Строгановыхъ въ родѣ этого устроила нѣчто... еще въ началѣ вѣка, а то и въ концѣ прошлаго... боюсь соврать. Къ нѣмцамъ учиться посылали на свой счетъ и вывели нѣсколько поколѣній лѣсоводовъ. А именитые-то люди откуда были родомъ? Изъ гостей... Слѣдственно, изъ простого званія... Закваска-то оставалась дѣловитая и на пользу краю. Нынче и подавно всякому можетъ быть данъ ходъ, у кого вотъ здѣсь, да вотъ тутъ не пустуетъ.

Онъ приложилъ руку ко лбу и къ лѣвой половинѣ груди.

Теркинъ тихо разсмѣялся.

— Правильно, Антонъ Пантелеичъ, правильно. Идея богатая, только надо ее позолотить господамъ компанейцамъ, чтобы не сразу огорошить непроизводительнымъ расходомъ... Я вамъ, такъ и быть, признаюсь: хочется мнѣ больно за собой усадьбу съ паркомъ оставить, войти съ компаніей въ особое соглашеніе.

— И того лучше! Вы не зароете таланта своего!.. А какое бы житье по лѣтамъ... Особливо если бъ Богъ благословилъ семьей... Вѣдь отъ васъ—ухъ, какіе пойдутъ... битки!

— Битки!.. И вы это слово знаете! Меня такъ въ гимназіи звали.

— Помяните мое слово... битки пойдутъ.

Оба разсмѣялись и разомъ поднялись.

— А теперь чайку — да и въ лѣсъ! — скомандовалъ Теркинъ.

XXIII.

Въ комнатѣ Маріы Захаровны угощеніе шло обычнымъ порядкомъ. Къ обѣду покупщикъ не пріѣхалъ, а обѣдъ

былъ заказанъ особенный. Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна волновались. Неспокойно себя чувствовалъ и Первачъ, и у всѣхъ явилось сомнѣніе: не проѣхалъ ли Теркинъ прямо въ городъ. Цѣлый день въ два пріема осматривалъ онъ съ своимъ „приказчикомъ“ дальній край лѣсной дачи, утромъ уѣхали спозаранку и послѣ завтрака тоже исчезли, не взявъ съ собою таксатора.

И въ Саню забрело безпокойство. Она принарядилась особенно и ждала новаго разговора съ Теркинымъ. Первачъ сидѣлъ съ ней рядомъ и хотѣлъ-было начать прежній маневръ; она отставила ногу и сейчасъ же отвернула голову въ другую сторону. Къ концу обѣда, когда пошли тревожные разговоры насчетъ лѣса и Первачъ началъ дѣлать намеки на то, что Теркинъ хочетъ „перетонить“ и надо имѣть съ нимъ „ухо востро“, ей сначала стало обидно за Василія Иваныча, потомъ она и сама подумала: „Кто его знаетъ, можетъ, онъ только прикидывается такимъ добрымъ и сердечнымъ, а проведетъ кого угодно, даже Николая Никанорыча, не то что ее, дурочку“.

И у тетки Маѳы она стала съ Первачомъ ласковѣе, позволила пожать себѣ руку подъ краемъ стола, много ѣла лакомствъ и чокалась съ нимъ уже два раза наливкой.

— Маѳа Захаровна! — окликнулъ Первачъ толстуху, сидѣвшую на диванѣ, съ соловѣющими глазами и съ папиросой,—она иногда курила,—а вѣдь Александрѣ Ивановнѣ взгрустнулось за обѣдомъ; господина Теркина поджидала.

И онъ подмигнулъ въ сторону Сани. Та зардѣлась и нахмурила брови.

— Ничуть, ничуть!

— Да я вамъ говорю, что да.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

Саня ударила даже кулачкомъ по краю стола.

— Ну, чего вы спорите, дѣти!—остановила ихъ тетка,— милые бранятся—только тѣшатся!.. Саня, кушай наливку! Хочешь еще полрюмочки?

— Тетя... дайте мнѣ покурить.

— Захотѣлось?

— Забыть свое горе желаетъ,—ввернулъ Первачъ.

— Ахъ, какой вы гадкій!.. Хотѣла выпить за ваше здоровье, и не выпью...

— Ну, ну, чокнитесь!—подсказала тетка.

— Саня и Первачъ чокнулись. Она, съ надутыми еще губками, улыбалась ему глазами и потянула изъ рюмки густую темнокрасную вишневку.

— Спойте „Пловцовъ“!—пристала Марѳа Захаровна.

— Ахъ, тетя, все „Пловцовъ“?.. Что-нибудь другое. Это старина такая!

— Нужды нѣтъ!.. Какіе стихи!..

Рѣка шумитъ,
Рѣка ревetъ...

— Извольте пѣть!—скомандовалъ Первачъ.

Марѳа Захаровна взяла гитару, и они запѣли втроемъ.

— Ахъ!..

Саня ахнула и вскочила съ мѣста.

Вошелъ Теркинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и развелъ руками.

— Веселая компанія! Желаю добраго здоровья.

— Василій Иванычъ! Какая неожиданность!

Первачъ шумно отодвинулъ свое кресло и подбѣжалъ къ нему. Марѳа Захаровна начала застегивать верхнія пуговки капота.

— Извините, пожалуйста! — залепетала она: — мы по-домашнему.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь!.. Позвольте мнѣ присѣсть, вотъ къ Александрѣ Ивановнѣ.

Онъ казался очень возбужденнымъ, и тонъ его ободрилъ и толстуху, и таксатора. Саня протягивала ему руку, все еще не овладѣвъ своимъ смущеніемъ. Ей вдругъ стало совѣстно рюмки съ наливкой, стоявшей передъ ея мѣстомъ. Она посторонилась. Теркинъ поставилъ стулъ между нею и Первачомъ.

— Марѳа Захаровна!—весело окликнулъ онъ,—вы и на гитарѣ изволите? Я тоже...

— Скажите, пожалуйста! Какъ это пріятно! Но позвольте, не угодно ли вамъ... чего-нибудь? Или вы еще не кушали? Такъ я сейчасъ распоряжусь.

— Благодарю... Мы съ Хрящевымъ попали въ пчельнцу... И закусили тамъ. Пáпушникъ нашелся... и медомъ онъ насъ угостилъ... Но рюмку наливочки позвольте.

Всѣ засуетились. Принесли рюмокъ и еще бутылку наливки сливянки. Теркинъ попросилъ гитару у Марѳы Захаровны, заново настроилъ ее, началъ разспрашивать, какіе они поютъ романсы.

Тетка, съ пылающими щеками, захмелѣвшимъ взглядомъ

широко разрѣзанныхъ глазъ, улыбалась Теркину и черезъ столъ чокалась съ нимъ.

— У Санечки голосокъ хорошій,—говорила она сладко и замедленнымъ звукомъ,—только она сейчасъ и застыдится.

— Хотите дуэтъ?—спросилъ онъ Саню.

— Да я, право, ничего не пою.

— Выдумываетъ. И у Николая Никанорыча пріятный голосъ.

— Тогда лучше ужъ хоромъ!

— Вотъ не знаете... чудесный романсъ, хоть и старинный... „Рѣка шумитъ“?

— Ахъ, тетя! Все то же!—вскричала Саня.

— Отчего же не это?—спросилъ Теркинъ.

— Видишь! Видишь!

Марѳа Захаровна разомъ задвигалась на своемъ диванѣ, и пуговки капота опять стали разстегиваться.

Гитара загудѣла подъ пальцами Теркина. Онъ наклонился къ Санѣ и тихо сказалъ ей:

— Что же вамъ со мной дичиться, Александра Ивановна? Я вѣдь вашъ другъ?.. Да?..

— Да...—выговорила Саня и больше ничего не могла сказать.

Присутствіе Первача безпокоило ее. И вообще ей показалось, что Василій Иванычъ дѣлаетъ все это „не въ самомъ дѣлѣ“, какъ она говорила, а „нарочно“. Онъ ее навѣрно осудитъ за эти послѣобѣденныя „посидѣлки“. И Николай Никанорычъ сдѣлался ей вдругъ точно совсѣмъ чужой... Какъ бы хорошо было, если бъ онъ исчезъ!

— Что жъ! Давайте, господа! Разомъ!—крикнулъ Теркинъ:

Рѣка шумитъ,
Рѣка реветъ...

Всѣ подхватили. Первачъ пѣлъ, сдержанно усмѣхаясь; Марѳа Захаровна пускала свои бабьи визгливыя поты; голосокъ Сани сливался съ голосомъ Теркина и задѣвалъ въ немъ все ту же струну жалости къ этому „бутузику“. Онъ ее мысленно назвалъ такъ, глядя на ея щеки, носикъ, чолку, ручки... И онъ почуялъ, что она застыдилась.

Нянька не выдумывала. Вѣдь ее развращаютъ понемножку, и Первачъ, быть-можетъ, уже цѣлуется съ нею.

Цѣлуется; но врядъ ли пошло дальше. Ему почему-то стало больно отъ мысли, что бѣдная дѣвочка могла и

зарваться съ такимъ негодяемъ. Но онъ продолжалъ бить по струнамъ гитары, напускать на себя молодецкій видъ.

— Вы на всѣ руки!—сказалъ льстиво Первачъ, когда они допѣли первый куплетъ.—Марѳа Захаровна, позвольте предложить за здоровье Василія Ивановича!

Всѣ стали съ нимъ чокаться. Санѣ тетка налила полную рюмку. Она протянула ее къ Теркину, но сдѣлала маленькій глотокъ. До его прихода она уже выпила полныхъ двѣ рюмки, и щеки ея показывали это.

— Ваше здоровье!—тихо выговорила она.

Онъ еще разъ чокнулся съ нею и такъ же тихо, какъ и она, сказалъ:

— И за нашу дружбу!

Первачъ услыхалъ эти слова и вкось посмотрѣлъ на Саню изъ-за плеча Теркина.

„Ужъ не подстрѣлила ли она его?“—подумалъ онъ, но ревности никакой не ощутилъ.

Ему и это было бы на-руку. Если Теркинъ возьметъ его на службу компаніи, въ званіи главнаго таксатора, а Саня очутится директоршей,—и прекрасно! Онъ сумѣетъ закрѣпить за собою довѣріе мужа и жены.

Пропѣто было еще нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ и романсъ Глинки: „Вы не придете вновь дней прежнихъ наслажденья...“ Теркинъ подпѣвалъ Санѣ на терціяхъ.

Рюмки наливки она такъ и не допила.

— За ваше здоровье!—предложилъ онъ ей.

— Нѣтъ, довольно.

Она взглянула на него стыдливо и кротко, встала и сказала Марѳѣ Захаровнѣ:

— Тетя! Душно! Хочется въ садъ. Василій Иванычъ! Вы не пойдете?

— Мы всѣ можемъ!—вмѣшался Первачъ.

— А вы забыли... папа просилъ васъ зайти къ нему... Онъ навѣрно проснулся. Тетя... вы посидите на диванѣ?.. А я не могу! Совсѣмъ задыхаюсь здѣсь.

Саня выбѣжала.

XXIV.

За нею потянулась и Марѳа Захаровна.

— Мы сейчасъ за вами! — крикнулъ вслѣдъ ей Теркинъ. — Мнѣ надо сказать два слова Николаю Никаноровичу.

Когда толстуха вышла изъ комнаты, онъ облокотился

локтемъ на столъ и пригласилъ таксатора подсѣсть къ себѣ.

— Не выпьемъ ли еще по рюмкѣ?—пригласилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

Пододвигая свой стулъ, Первачъ возбужденно поглядѣлъ на него. Ему сдавалось, что „лѣсной тузъ“,—такъ онъ называлъ Теркина про себя,—хочетъ его „пощупать“. До сихъ поръ онъ избѣгалъ всякаго разговора съ-глазу-на-глазъ, а тутъ—самъ предложилъ, передъ тѣмъ какъ покончить съ Иваномъ Захарычемъ. Да и съ Низовьевымъ еще не дошло у него до окончательной сдѣлки.

Лицо у Теркина было особенно благодушно. Они чокнулись.

— Что же, господинъ таксаторъ, — началъ онъ шутливо,—вашей работой я доволенъ... и въ Низовьевскихъ дачахъ и здѣсь. Вы дѣло смыслите.

— Мнѣ чрезвычайно лестно, — началъ-было Первачъ, но Теркинъ перебилъ его.

— Только со мною надо во всемъ на чистоту... Вамъ, быть-можетъ, желательно бы было продолжать и дальнѣйшія работы, какія наша компанія будетъ производить въ своихъ лѣсныхъ угодьяхъ?

— О, весьма!

Восклицаніе вырвалось у Первача раньше, чѣмъ бы онъ самъ хотѣлъ, но устоять было трудно.

Въ глазахъ Теркина,—Первачъ былъ въ этомъ увѣренъ,—мелькнуло что-то, говорившее прямо: „любезный другъ, ты, прежде всего, долженъ самъ выказать готовность держать нашу руку...“

— По дачѣ Низовьева,—продолжалъ Теркинъ,—вы не были посредникомъ... Но въ вотчинѣ Ивана Захарыча...

— Позвольте, Василій Иванычъ, доложить вамъ,—перебилъ Первачъ: — что и въ дачѣ Низовьева есть цѣлое урочище, по которому самъ владѣлецъ еще не имѣетъ вполнѣ яснаго представленія о цѣнности этого участка. Онъ ждетъ окончательной оцѣнки отъ меня... Я уже не говорю о лѣсѣ Ивана Захарыча и усадьбѣ съ паркомъ, если бы вы пожелали пріобрѣсти ихъ... Безъ моего мнѣнія это дѣло не можетъ состояться.

Теркинъ одобрительно качнулъ головой.

— Другой бы на моемъ мѣстѣ заявилъ требованія... знаете, какъ нынче разные штукмахеры... Но я далекъ отъ всякаго нахальнаго куртажа... Не скрою отъ васъ и

того, — Первачъ оглянулся и сталъ говорить тише, — въ семействѣ Черносошныхъ съ этой продажей связаны разные интересы... И безъ моего совѣта, смѣю думать, ничего не состоится. Вся суть не въ старикѣ, главѣ семейства... а въ другой особѣ, и вы, можетъ-быть, догадываетесь—въ комъ именно.

— А-а?—вопросительно протянулъ Теркинъ.

— Въ такомъ смыслѣ я уже заводилъ рѣчь съ господиномъ Хрящевымъ.

— Заводили?—переспросилъ Теркинъ и прищурился.

— Я полагалъ, Василій Иванычъ, что онъ вашъ фактотумъ и вполнѣ довѣренное лицо... А между тѣмъ... онъ не больше какъ... въ родѣ нарядчика.

— Это невѣрно, Николай Никанорычъ. Хрящеву мы думаемъ поручить довольно отвѣтственное мѣсто.—Онъ человѣкъ большихъ практическихъ свѣдѣній.

— Не спорю. Но я боюсь, Василій Иванычъ, что онъ меня плохо понялъ. Пожалуй, подумалъ, что я ему предлагаю куртажъ... подкупаю его. Ничего подобнаго не было... Совершенно понятно... я хотѣлъ знать немного и ваши намѣренія. Не скрываю и того, что судьба фамиліи Черносошныхъ... для меня не безразлична.

— Породниться не хотите ли? — спросилъ Теркинъ и подмигнулъ.

— До этого еще далеко... Иванъ Захарычъ можетъ въ скоромъ времени очутиться въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ... Я бы не сказалъ этого другому покупщику, но вы—человѣкъ благородной души, и вамъ я могу это сказать. Разумѣется, компанія не обязана входить въ семейные интересы продавцовъ. Съ другой стороны, отъ меня зависитъ направить торгъ такъ или иначе.

Первачъ быстро вскинулъ на Теркина своими красивыми глазами и опустилъ рѣсницы.

— По моимъ соображеніямъ,—отозвался Теркинъ спокойно и все такъ же благодушно,—Иванъ Захарычъ настолько запутался въ дѣлахъ, что ему надо какъ можно скорѣе найти покупщика на усадьбу. И на ней онъ сдѣлаетъ бо́льшую уступку, чѣмъ на лѣсной дачѣ.

— Понятное дѣло!

Первачъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

Дверь тихо отворилась.

Вошла Павла Захаровна.

Они оба разомъ встали.

— Николай Никанорычъ! братъ васъ проситъ къ себѣ,— сказала она и заглянула. — Вы вернулись, Василій Иванычъ, а мнѣ никто не доложитъ... Гдѣ же ваши дамы?

— Въ саду,—отвѣтилъ Первачъ.

— И вы туда собираетесь?

— Нѣтъ-съ... Я къ Ивану Захарычу. Мы вотъ съ Василіемъ Иванычемъ побесѣдовали немножко.

Первачъ обернулся къ Теркину.

— Имѣю честь кланяться, Василій Иванычъ; разговоръ нашъ, если позволите, какъ-нибудь продолжимъ.

— Я не хочу мѣшать! — выговорила Павла Захаровна и пристально поглядѣла на нихъ обоихъ.

— Это не къ спѣху,—отвѣтилъ Теркинъ.—Да все существенное и сказано.

Первачъ, уходя, шаркнулъ ногой.

— Вамъ въ садъ угодно? — еще разъ спросила Павла Захаровна.

Она присѣла на конецъ дивана и оглядѣла столъ съ остатками угощенія.

— Веселая компанія у васъ была. И пѣніе, кажется?

Ея губы повела брезгливая усмѣшка.

— Да,—отвѣтилъ ей Теркинъ, присаживаясь къ столу:— я засталъ компанію въ полномъ сборѣ. Кажется, у васъ скоро и свадьба?—прибавилъ онъ простодушно.

— Свадьба? Кого же выдавать будутъ?

— Племянницу вашу, Александру Ивановну. Развѣ господинъ Первачъ не женихъ ея?

— Отъ васъ перваго слышу.

— Такъ какъ же, почтеннѣйшая Павла Захаровна, сестрица ваша позволяетъ постороннему мужчинѣ быть на такой ногѣ съ дѣвушкой хорошаго дома?.. Вы меня извините: я не имѣю права дѣлать какія-нибудь замѣчанія... Я судилъ по очевидности...

— Дѣвочка эта — по натурѣ испорченная въ корень... Вся въ мать... Я умываю руки... Сестра по слабости своего характера потакаетъ ея наклонностямъ. Господинъ ли Первачъ, другой ли—точно такъ же бы повелъ себя.

— Жаль мнѣ ее стало... Если позволите поговорить по душѣ, такая она юная и безпомощная... Опять же—единственная наслѣдница своего отца... На нее охотниковъ не мало будетъ, на ея приданое.

— Какое?

Павла Захаровна повела своими приподнятыми плечами.

— Неужели же отъ двухъ вотчинъ Ивана Захарыча ничего не останется? Мнѣ неловко спрашивать объ этомъ. Я—представитель компаніи, которой вашъ братъ предлагаетъ свой лѣсъ и даже—вамъ это вѣроятно извѣстно—и эту усадьбу съ паркомъ. Если мы поладимъ, онъ получитъ самую высшую цѣну по здѣшнимъ мѣстамъ... Но только, почтеннѣйшая Павла Захаровна, надо устранить всякихъ ненужныхъ посредниковъ и маклаковъ.

— Вы на кого же намекаете?

Она уже догадывалась, что онъ намекаетъ на таксатора. Первачъ могъ провести ее съ братомъ и передаться на сторону покупщика. Пускай онъ поскорѣе осрамитъ дѣвчонку, и тогда можно будетъ изъ денегъ, полученныхъ за продажу одного имѣнія, выкинуть тысячъ пять или десять на приданое ей,—и чтобы ея духу не было!

Но этотъ разночинецъ самъ простоватъ. Его можно поддѣть на благородствѣ его чувствъ. Онъ желаетъ показать, что у него больше благородства и честности, чѣмъ у дворянъ. Она еще вчера рѣшила съ глазу на глазъ переговорить съ нимъ... Кажется, и дѣвчонка ему приглянулась... Пускай отобьетъ ее у землемѣра и увезетъ... Тѣмъ лучше...

— Не угодно ли вамъ пройти ко мнѣ?—выговорила она и встала.—Я васъ долго не задержу... Вы увидите, что вамъ нельзя покончить съ братомъ, не выслушавъ меня.

— Къ вашимъ услугамъ, Павла Захаровна. Вы вѣдь здѣсь—голова... Я это сразу увидалъ.

Она ничего не отвѣтила и только издала неопредѣленный звукъ носомъ.

— Василій Иванычъ!—окликнула Саня, подбѣгая къ террасѣ,—вы здѣсь?

— Василію Иванычу сейчасъ некогда!—отвѣтила въ окно Павла Захаровна и застучала по полу палкой, уводя за собою Теркина.

XXV.

— Такъ вотъ какое дѣло, Павла Захаровна!..

Теркинъ выслушалъ горбунью внимательно и съ почти-

тельнымъ выраженіемъ лица; но внутри у него накипало желаніе „оттаскать“ ее — такъ она была ему противна. Подъ конецъ, однако, и эта злобная старая дѣва показалась ему жалка,— чѣмъ-то въ родѣ психопатки. Она ему не открыла главной причины своего поведенія; но онъ хорошо помнилъ то, что̀ разсказывала Ѳедосеевна, и все сообразилъ.

— Да-съ,—съ оттяжкой нижней губы выговорила Павла Захаровна.—Вы понимаете, милостивый государь, ежели братъ мой имѣетъ такія обязательства предо мною и сестрой и, по слабости своего характера, привелъ дѣла въ такое разстройство, я должна была поставить вамъ это на видъ...

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ согласиться Теркинъ. — Но съ чѣмъ же очутится племянница ваша? У Ивана Захаровича, если онъ продастъ и усадьбу, останется то дальнее имѣньице; но и на него вы предъявляете свое право. Стало, оно фактически ему принадлежать не будетъ. Правда, наслѣдницей вашей, во всякомъ случаѣ, Александра Ивановна...

— Позвольте-съ... Я умирать еще не собираюсь! Дѣло отца—заботиться о своей дочери... И наконецъ, это... это...

— До меня не касается, хотѣли вы сказать? Это точно, Павла Захаровна. Но вѣдь вашу барышню мнѣ вчужѣ жаль. Она безъ всякаго призора. Вы не можете же не знать, что здѣсь черезъ стѣну дѣлается. Вы меня извините... Я говорю такъ послѣ вашего ко мнѣ обращенія... Вы желаете, чтобы я васъ при предстоящей сдѣлкѣ съ братомъ вашимъ поддержалъ? Стало, довѣряете мнѣ?

Горбунья повела плечами, глаза сначала замигали, потомъ въ нихъ вспыхнулъ огонекъ, и губы стали вздрагивать.

— Господинъ Теркинъ! Вы хоть и посторонній человѣкъ, но я должна вамъ сказать—эта дѣвочка по натурѣ своей въ корень испорчена... Бѣдный мой братъ боготворилъ ея мать, а она его самымъ постыднымъ манеромъ обманывала.

„Такъ, такъ! — думалъ Теркинъ: — Ѳедосеевна правду говорила“.

— И вы, что же... теперь на дочери вину матери ея вымещаете, даже если предположить, что та и согрѣшила передъ мужемъ своимъ?..

— Позвольте, милостивый государь! Эта дѣвчонка вовсе не дочь брата Ивана и никогда ею не бывала!

— Быть-можетъ, почтеннѣйшая Павла Захаровна; но она значится его дочерью, она—дворянское дитя, воспитанная дѣвушка изъ института... тоже, навѣрное, дворянскаго, и все въ ней полудѣтское, чистое.

Говоря это, Теркинъ чувствовалъ, что выходитъ изъ своей роли дипломата, желавшаго обойти горбунью, что онъ открываетъ передъ ней свои карты... Его что-то влекло къ Санѣ, что-то бо̀льшее, чѣмъ простая жалость.

— Чистое?—рѣзко повторила Павла Захаровна.—Шашни уже начала! Поди, во всѣхъ углахъ цѣлуется...

— Съ кѣмъ?

Вопросъ Теркина прозвучалъ почти гнѣвно. Онъ присѣлъ къ ней ближе и заговорилъ вполголоса и быстро:

— Какъ вамъ не грѣхъ — вамъ и сестрицѣ вашей — толкать ее въ лапы такому прощелыгѣ, какъ этотъ таксаторъ!.. Вы думаете, онъ женится на ней, не заполучивъ куша? Какъ бы не такъ! А вы, видимое дѣло, хотите ее осрамить и выгнать безъ куска хлѣба...

— Мои чувства и мысли при мнѣ остаются.

— Полноте хитрить!—громче отрѣзалъ Теркинъ и заходилъ по комнатѣ.—Я васъ выслушалъ. Теперь мой черед̀ъ. Въ ваши родственныя расчеты я входить не обязанъ, но коли захочу—могу оказать давленіе на вашего брата и помочь вамъ получить съ него если не все, то хоть часть долга... И я ставлю первымъ условіемъ: этого шустраго таксатора сейчасъ же устранить. Онъ—плутъ, и моему лѣсоводу, и мнѣ лично дѣлаетъ посулы и готовъ сейчасъ же васъ всѣхъ продать.

— Всѣ нынче такіе!

— Можетъ-быть; но его чтобы завтра же здѣсь духу не было. Извольте на вашего братца подѣйствовать: сдѣлать это сегодня же и при мнѣ. А затѣмъ—въ случаѣ покупки мною усадьбы съ паркомъ — Иванъ Захарычъ обезпечитъ Александру Ивановну при жизни и при заключеніи нашей сдѣлки.

Павла Захаровна поднялась, нервно обдернула платье вокругъ своей жилистой шеи и порывисто отковыляла къ дальнему углу комнаты.

— Не вы, милостивый государь, кажется, законы ваши думаете предписывать?

Этотъ „хамъ“ возмущалъ ее нестерпимо: въ концахъ

ея костлявыхъ пальцевъ она ощущала зудъ. Мужикъ, разночинецъ—и смѣетъ такъ вести себя!

Она громко перевела дыханіе и вернулась опять на свое мѣсто.

— Вы злоупотребили моимъ довѣріемъ, и теперь...

— Та-та-та! — перебилъ Теркинъ и махнулъ рукой. — Безъ жалкихъ словъ, Павла Захаровна, безъ жалкихъ словъ... Я вамъ нуженъ. И кромѣ меня въ эту минуту никто у Ивана Захарыча лѣсной его дачи за хорошую цѣну не купитъ. Только наша компанія можетъ это себѣ позволить. И усадьбу съ паркомъ компанія не купитъ безъ моего особаго ходатайства. Слѣдственно, извольте выбирать: или сдѣлайте порядочное дѣло и не обижайте ни въ чемъ неповинной дѣвушки, не развращайте ея, да еще такъ предательски...

— Я ее развращаю?!

— А то какъ же? Ваша сестрица прямо спаиваетъ ее и... сводитъ съ жуликомъ.

Онъ спохватился: не слишкомъ ли онъ далеко зашелъ. Но ему уже трудно было перемѣнить тонъ, да и не хотѣлось. Головка Сани съ яснымъ глазами, ея голосокъ, особая безпомощность и безобидность всего ея существа согрѣвали его и настроивали на новый приливъ жалости къ этому чаду вырождающейся помѣщичьей семьи. Въ ней еще текли свѣжіе соки. А остальное вызывало въ немъ гадливость и сознаніе своего превосходства: эта горбунья, ея жирная сестра-дура, ихъ братъ, вся безтолочь ихъ ненужной и постылой прозябаемости, гдѣ самымъ жизненнымъ нервомъ являлась манія старой дѣвы, такъ бездушно мстящей за любовь брата къ ненавистной невѣсткѣ... Какая дичь!.. Стѣсняться ему нечего.

Глазы Павлы Захаровны блеснули ярче, и углы рта вздрогнули. Она издала короткій звукъ смѣха.

— Да вы ужъ не желаете ли сами осчастливить нашу идіотку... предложеніемъ руки и сердца? Ха-ха!

Этотъ вопросъ заставилъ его встрепенуться. Къ щекамъ прилила краска. Онъ подавилъ смущеніе и не сразу отвѣтилъ ей.

— Намъ гдѣ же, мы—простецы... На вашемъ барскомъ нарѣчіи вы нашего брата кошáтникомъ величаете. Одно скажу—имѣй я виды на Александру Ивановну, я бы не такъ повелъ дѣло... Вы это изволили сказать въ пику мнѣ, что, молъ, я объ ея приданомъ хлопочу на всякій

случай, такъ позвольте вамъ доложить, сударыня, — онъ въ первый разъ такъ назвалъ ее, — я въ такихъ денежныхъ дѣлахъ, что мнѣ зазорно будетъ и о болѣе крупномъ кушѣ хлопотать, когда надумаю жениться.

За дверью раздались шаги Первача.

— Можно войти?

— Уговоръ лучше денегъ!—шопотомъ произнесъ Теркинъ, нагнувшись надъ столомъ:—Его...—и онъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Можете войти!—крикнула Павла Захаровна.

— Наша конференція съ Иваномъ Захарычемъ кончилась, — заговорилъ онъ, потирая руки. Глаза его безпокойно перескочили отъ горбуньи къ Теркину.

— Братъ у себя въ кабинетѣ?—спросила Павла Захаровна.

— И желалъ бы до чая побесѣдовать еще съ Василіемъ Иванычемъ.

— Попросите Ивана Захарыча сюда! — сказалъ Теркинъ.—Одного!—прибавилъ онъ значительно.

— Понимаю-съ!.. Я и не желаю быть лишнимъ... Сдѣлайте одолженіе!

Первачъ повернулся на одномъ каблукѣ и у двери обернулся къ нимъ лицомъ.

— Напрасно вы безпокоитесь, Василій Иванычъ! Лишнимъ я не желаю быть.

— И разлюбезное дѣло!—сказалъ ему вслѣдъ Теркинъ точно такъ, какъ видѣнный имъ московскій актеръ въ Львѣ Красновѣ.

XXVI.

На балконѣ собрались всѣ къ чаю.

Разливала Марѳа Захаровна. Саня сидѣла немножко поодаль. Первачъ отошелъ къ периламъ, присѣлъ на нихъ, обкусывалъ стебелекъ какой-то травы и тревожно взглядывалъ на тотъ конецъ стола, гдѣ между Иваномъ Захарычемъ и его старшей сестрой помѣщался Теркинъ. Онъ уже почуялъ, что ему больше ходу не будетъ въ этомъ домѣ, что „лѣсной воротила“ на службу компаніи его не возьметъ... Да и съ барышней ничего путнаго не выйдетъ.

Иванъ Захарычъ, въ свѣтло-голубой домашней тужуркѣ, съ закинутой назадъ маленькой головой, медленно курилъ папиросу и старался соблюсти свое достоинство.

Лицо у него было краснѣе обыкновеннаго. Его грызло то, что онъ долженъ былъ при покупателѣ изъ разночинцевъ сводить свои родственные счеты. Сестра Павла подвела его, стакнулась съ покупщикомъ. Никогда еще его дворянскій гоноръ такъ не страдалъ. Еще добро бы Теркинъ влюбился въ Саню и сдѣлалъ предложеніе... И того нѣтъ. Онъ только разыгралъ роль сердобольнаго опекуна: поставилъ условіемъ сдѣлки обезпеченіе Сани... Богъ знаетъ, что такое! На все это Иванъ Захарычъ долженъ былъ согласиться и чувствуетъ теперь, что сестра Павла еще больше заберетъ его; а на сторонѣ у него на-дняхъ ожидается приращеніе незаконной семьи. Надо и тѣхъ обезпечить. Безъ продажи усадьбы нечего и думать обойтись; а лучшаго покупщика не найти. Злиться на сестру онъ не смѣетъ. Формально она права; но никакъ онъ уже не ожидалъ такого подхода.

Павла Захаровна поглядывала вкось на брата и прихлебывала чай съ блюдечка. Она добьется того, что получитъ свое; но этотъ „кошатникъ“ какъ-то сразу измѣнилъ ея позицію. Ему она будетъ обязана, а не своей мудрой головѣ. Точно подачку ей подалъ. И какъ онъ ни хитри, ему „дѣвчонка“ понравилась. Очень можетъ статься, она угодитъ за него!.. Брыкаться и братъ не станетъ; а ей и подавно нечего стоять за ненавистное отродье распутной невѣстки. И что же выйдетъ? Госпожа Теркина вотъ здѣсь барыней заживетъ, милліонщицей; отецъ совсѣмъ прогоритъ, продастъ и вторую вотчину. Положимъ, она съ сестрой купятъ ее, и онъ при нихъ останется. А если зятекъ съ дочкой здѣсь очутятся? Они его къ себѣ переманятъ... „Кошатникъ“ изъ одного разночинскаго задора это сдѣлаетъ.

Чай плохо шелъ въ горло Павлы Захаровны, и она то и дѣло откашливалась.

Теркинъ сидѣлъ между ними, но разговаривалъ больше съ Саней.

Его подмывало настроеніе, сходное съ чувствомъ, когда удастся кого-нибудь вытянуть изъ воды. На Саню онъ поглядывалъ точно на собственное „чадо“. Почему-то ему вѣрилось, что теперь она уже не пропадетъ. Таксатора завтра же не будетъ здѣсь: онъ этого прямо потребовалъ. Не плутоватаго маклака устранялъ онъ, главнымъ образомъ, а нахала, способнаго развратить милую дѣвушку. И онъ не стыдился такого сознанія. Все сильнѣе и силь-

нѣе разгоралось въ немъ желаніе оставить Заводное за собою, если не сейчасъ, то черезъ два-три года. Онъ уже рѣшался взять на свой страхъ эту покупку. Если компанія не одобритъ ея, тѣмъ лучше: это будетъ его имѣніе, и онъ на свой счетъ создастъ въ немъ школу практическихъ лѣсоводовъ.

Не одно это его тѣшило. Сидитъ онъ среди помѣщичьей семьи, съ гоноромъ,—онъ—мужичій подкидышъ, разночинецъ, котораго Павла Захаровна навѣрное зоветъ „кошатникомъ“ и „хамомъ“... Нѣтъ! отъ нихъ слѣдуетъ отбирать вотчины людямъ, какъ онъ, у кого есть любовь къ родному краю, къ лѣснымъ угодьямъ, къ кормилицѣ-рѣкѣ. Не собственной мошной онъ силенъ, не ею онъ величается, а добился всего этого головой и волей, надзоромъ за собственной совѣстью.

— Вамъ покрѣпче, Василій Иванычъ?—донесся до него голосокъ Сани.

Она глядѣла на него изъ-за самовара.

— Да, покрѣпче, Александра Ивановна.

— Со сливками?

— Нѣтъ, позвольте съ лимономъ.

Что-то заиграло у него въ груди отъ голоска Сани и мягкаго блеска ея глазъ. Приливъ жалости подступилъ къ сердцу. Захотѣлось сейчасъ же увести ее изъ этой семьи, обласкать, наставить, создать для нея совсѣмъ другую жизнь. Быстрая-быстрая мысль пронизала его мозгъ... Вѣдь женщина два года назадъ помогла ему. Съ ея деньгами дошелъ онъ въ такой ничтожный срокъ до теперешняго положенія... И она же довела его до сдѣлки съ совѣстью. Всю жизнь онъ будетъ помнить про эту сдѣлку. Тамъ онъ попользовался, здѣсь — самъ долженъ оградить безпомощное женское существо, раздѣлить съ нимъ свой достатокъ, сдѣлать изъ нея подругу не потому, что животная страсть колышетъ его, а потому что „такъ будетъ гоже“, мысленно выговорилъ онъ по-мужицки.

Его взглядъ приласкалъ Саню, когда она подавала ему стаканъ чаю.

Сегодня во всемъ домѣ произошло какое-то событіе. И въ ней самой есть что-то новое. Ей почти непріятно чувствовать позади себя Николая Никанорыча. Хотѣлось бы выкинуть то, что было между ними. Онъ ей чужой. „Хорошій человѣкъ“ не онъ, а вотъ тотъ, Василій Ива-

новичъ, передъ которымъ всѣ смирились, даже тетка Павла. Какъ будто и всю судьбу ихъ семьи держитъ онъ въ своихъ рукахъ. Но ей онъ не страшенъ. Напротивъ! Василій Иванычъ добрый и красивый, гораздо милѣе Николая Никанорыча. Навѣрное онъ будетъ съ ней еще много говорить... И она ему во всемъ покается сама, не дожидаясь его разспросовъ.

— А вашъ управляющій гдѣ же? — спросила Теркина Марѳа Захаровна.—И ему бы чаю предложить.

— Онъ еще не вернулся изъ лѣсу, — отвѣтилъ Теркинъ.

Павла Захаровна поглядѣла въ бокъ на сестру: „довольно, молъ, и одного хама, а то еще его приказчиковъ всякихъ въ свою компанію принимать!“

Теркинъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и сказалъ, обернувшись къ Ивану Захарычу:

— Вашу дачу онъ теперь знаетъ, какъ свои пять пальцевъ.

Иванъ Захарычъ промолчалъ и только слащаво усмѣхнулся. Ему предстояло объясненіе съ Первачомъ, и онъ не зналъ, какъ ему быть: сестра отказалась отъ всякаго посредничества... Денегъ заплатить Первачу у него не было: приходилось просить ихъ у покупщика.

Протянулось очень длинное молчаніе. Теркину оно не показалось тягостнымъ. Онъ и не требовалъ, чтобы его занимали... Ему было хорошо. Изъ цвѣтника долетало благоуханіе вѣтерка. Въ паркѣ защелкалъ соловей. Позади, внизу, неслышно текла рѣка, куда ему хотѣлось спуститься подъ-руку съ Саней.

— Колокольчикъ! — тихо вскрикнула Саня, будто она вздохнула.

— Кто бы это?..—спросила Марѳа Захаровна. — Предводитель?

— Ему теперь не до разъѣздовъ! — выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Звонъ рѣзко оборвался у крыльца.

Теркинъ подумалъ о Звѣревѣ. Будь онъ тогда у него въ такомъ же настроеніи, какъ сегодня, вѣроятно „Петька“ выклянчилъ бы у него тысчонку-другую.

Камердинеръ Ивана Захарыча показался въ дверяхъ террасы.

— Кто пріѣхалъ?— спросила первая Марѳа Захаровна.

— Барыня... Карточку вотъ дали... Господину Теркину... По дѣлу... Ихъ желаютъ видѣть.

— Меня? — переспросилъ Теркинъ и быстро поднялся.

— Такъ точно.

На карточкѣ стояло: „Серафима Ефимовна Рудичъ".

Онъ подавилъ въ себѣ смущеніе, но Саня замѣтила, какъ глаза его вдругъ потемнѣли.

— Вы позволите принять эту госпожу,—обратился онъ къ хозяевамъ,—во флигель?

— Почему же нѣтъ? Гостиная въ вашемъ распоряженіи,—чопорно выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Теркинъ былъ уже на порогѣ, скорымъ шагомъ прошелъ по гостиной и въ залѣ столкнулся съ гостьей.

Первая его мысль была не принять ея, но онъ сейчасъ же нашелъ это „гнусной трусостью" и смѣло пошелъ на все, что этотъ пріѣздъ Серафимы могъ повести за собою.

XXVII.

Въ той самой бесѣдкѣ, гдѣ онъ въ первый разъ говорилъ съ Саней, сидѣли они другъ противъ друга.

Теркинъ быстро-быстро оглядѣлъ ее и тотчасъ же отвелъ глаза. Серафима была одѣта пестро, но очень къ лицу — шляпка съ яркими цвѣтами и шелковый ватерпруфъ темно-малиноваго цвѣта, съ мѣшкомъ назади и распашными рукавами. Ему показалось, что она немного притирается. Глаза выступали непомѣрно—она ихъ или подкрашивала или что-нибудь впускала въ зрачки. На лицѣ—блѣдномъ и немного пополнѣвшемъ — пробѣгали струйки нервной дрожи. Отъ нея сильно пахло духами. Изъ-подъ юбки свѣтлаго платья выставлялась нога въ красноватой ботинкѣ. На лбу волосы были взбиты.

„Кокотка, какъ есть кокотка!" — опредѣлилъ онъ мысленно и въ груди ощутилъ родъ жженія. Никакой радости, даже волненія онъ не сознавалъ въ себѣ. Ему предстояло что-то ненужное и тяжкое.

— Здравствуй, Вася! — заговорила первая Серафима и подалась къ нему своимъ, все такимъ же пышнымъ станомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты такъ меня встрѣчаешь?

— Къ чему же этотъ пріѣздъ сюда?.. Вѣдь у меня есть квартира въ городѣ.

— Кто же виноватъ, что ты здѣсь днюешь и ночуешь?..

Низовьевъ хотѣлъ тебя вызвать, нарочнаго послать. Онъ тебя ждетъ второй день. Ты получилъ его письмо?

— Получилъ... Но здѣсь я еще не покончилъ.

— Ну, я и разсудила поѣхать сама. Я по дѣлу, ничего тутъ нѣтъ неприличнаго. Ужъ если ты нынче сталъ такой цирлихъ-манирлихъ... Или ты у этихъ уродовъ на правахъ не одного покупателя, а чего-нибудь поближе?

Губы ея начали замѣтно вздрагивать. Она ихъ закусила, чтобы удержать слезы.

— Все это ни къ чему, и вы напрасно...

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, не на „вы“! Въ какихъ бы ты ни былъ ко мнѣ чувствахъ — я не могу... слышишь, Вася, не могу. Это нехорошо, недостойно тебя. Я — свободна, никому не принадлежу, стало, могу быть съ кѣмъ угодно на „ты“... Да будь я и замужемъ... Мы — старые друзья. Точно такъ и ты... вѣдь ты никому не обязанъ отвѣтомъ?

Ея глаза остановились на немъ пытливо и страстно. Ему стало неловко. Онъ не глядѣлъ на нее.

— Тутъ свобода ни къ чему,—выговорилъ онъ немного помягче.

— Пойдемъ отсюда. Здѣсь мы на юру! Оттуда видно... И ты будешь стѣсняться...

— Съ какой стати?

— Прошу тебя.

Она такъ произнесла эти два слова, что онъ не могъ не встать. Встала и Серафима и взяла его сама подъ руку.

— Туда... туда!.. Книзу! Вѣдь они, тамъ, могутъ меня считать за покупательницу. Явилась я къ тебѣ... а ты скупаешь лѣса... Вонъ тамъ внизу лужайка подъ дубками... Какъ здѣсь хорошо!

Серафима придержала его за руку и остановилась.

— Ахъ, Вася!— она вздохнула полной грудью.— Какъ жизнь-то играетъ нами!.. Вотъ я попала въ Васильсурскъ, на лѣсную ярмарку.

— Я знаю съ кѣмъ...

Онъ не подавилъ въ себѣ желанія кольнуть ее, напомнить ей, съ кѣмъ она туда явилась, какими поклонниками она теперь не пренебрегаетъ. Ему припомнилось то, что разсказывалъ Низовьевъ о какомъ-то петербургскомъ лѣсопромышленникѣ-сектантѣ.

— Тебѣ, небось, Низовьевъ говорилъ про Шуева?

— Какого Шуева?

— Ну, того... изъ „бѣлыхъ голубей".

Она не докончила и разсмѣялась.

— Правда это? — спросилъ онъ, и его губы сложились въ усмѣшку жалости къ ней.

Она схватила это глазами и отняла руку.

— Ты думаешь, я его вожу?..

— Съ такими трудно иначе,—шутливо выговорилъ онъ

— Ну, все равно, думаешь, я обираю его? Могла бы!.. Такъ какъ онъ... страсти-ужасти!.. Ты не знаешь!.. До изступленія влюбленъ... Да... И онъ душу свою заложитъ, не только что отдастъ все, что я потребую... Дядя у него — въ семи милліонахъ и полная довѣренность отъ него... Слышишь: семь милліоновъ! И онъ—единственный наслѣдникъ...

— Хорошо, хорошо!

Ему стало уже досадно на себя, зачѣмъ онъ намекнулъ на этого сектанта.

— Я запретила ему за мной слѣдомъ ѣздить... Провалились они всѣ! — вскричала она и, обернувшись къ нему, опять взяла его подъ руку. — Вонъ туда сядемъ... Пожалуйста!.. Тамъ такъ славно!

Онъ не противился. Серафима опустилась прямо на траву въ тѣнь, между двумя деревьями.

— Садись сюда же... Ну, вотъ спасибо. Ты не желаешь, чтобы я тебя, по-старому, Васей звала и „ты" тебѣ говорила?.. А?

— Мнѣ пожалуй...

— Ну, хоть и на томъ спасибо.

Надъ ними сбоку наклонились вѣтви большой черемухи, и къ ногамъ ихъ спадали бѣлые мелкіе лепестки.

Серафима подняла голову и громко потянула въ себя воздухъ.

— Господи!—перебила она себя.—Такъ хорошо!.. Воздухъ!.. Пахнетъ какъ! Рѣка наша—все та же. Давно ли? Какихъ-нибудь два года, меньше того... Тоже на берегу... и на этомъ самомъ... А? Вася? Тебѣ непріятно? Прости, но я не могу. Во мнѣ такъ же радостно ёкаетъ сердце. Точно все это сонъ былъ, пестрый такой, тяжелый, — знаешь, когда домовой давитъ, — и вотъ я проснулась... въ очарованномъ саду... И ты тутъ рядомъ со мной! Господи!..

Волненіе перехватило ея рѣчь. Она отвернула голову

и взялась руками за лицо. Теркинъ сидѣлъ немного повыше ея, прислонившись спиной къ одному изъ молодыхъ дубовъ. И его противъ воли уносило въ прошлое. Какъ тогда задрожали его колѣни, когда онъ, у памятника, въ садикѣ, завидѣлъ ее издали. Онъ себя испытывалъ, почти боялся, что вотъ не явится этого признака, по которому онъ распознавалъ страсть... И признакъ явился. Въ чувствѣ этой роскошной и пылкой женщины онъ находилъ потомъ больше глубины и честности, чѣмъ въ себѣ. Ничего мудренаго нѣтъ, что она осталась вѣрна его памяти, даже если и начала кружить головы мужчинамъ... Кто его такъ любилъ?..

Глаза его украдкой остановились на ея профилѣ, на ея станѣ, на линіи ея головы. Да, она смахивала на кокотку; но въ ту минуту вся трепетала влеченіемъ къ нему, жаждой примиренія, любовью, искупающею всякій грѣхъ.

Листки дубовъ и черемухи ласково шептались и слали имъ свое благоуханіе; вблизи ворковала горленка, изъ травы выглядывали головки маргаритокъ.

На сердцѣ Теркина стало помягче. Онъ не хотѣлъ помнить зла; но не могъ и лгать, надѣвать на себя личину или поддаваться соблазну, чтобы сказать тотчасъ же потомъ: „Ты хотѣла добиться своего... Ну, а теперь прощай!“

Чуть-чуть дотронулся онъ до ея руки, немного ниже локтя. Серафима, точно отъ укола, повернулась къ нему отъ одного прикосновенія.

— Во мнѣ,—заговорилъ онъ, не поднимая на нее глазъ,— нѣтъ никакого противъ... тебя,—слово не сразу сошло съ губъ его,—сердца... Все перегорѣло... Можетъ-быть, мнѣ первому слѣдуетъ просить у тебя прощенія, я это говорю, какъ братъ сказалъ бы сестрѣ...

— За что?—почти изумленно перебила Серафима.

— Я тебя на грѣхъ подтолкнулъ... Никто другой.

— Вотъ еще! Съ какой стати ты на себя такое святошество напускаешь, Вася? Это на тебя не похоже... Или...

Она хотѣла сказать: „или Калерія тебя такъ передѣлала?“

— Никакого тутъ святошества нѣтъ. Я употребляю слово „грѣхъ“ попросту. Я тобой хотѣлъ овладѣть, зная, что ты чужая жена... и даже не думалъ ни о чемъ другомъ. И это было низко... Остальное ты знаешь. Стало,

я же передъ тобой и виноватъ. Я—никто другой—и довелъ тебя до покушенія и перевернулъ всю тебя.

За три минуты онъ не ожидалъ ничего похожаго на такой приговоръ себѣ. Это вылилось у него прямо, изъ какой-то глубокой складки его совѣсти, и складка эта лежала внѣ его обычныхъ душевныхъ движеній... И ему стало очень легко, почти радостно.

— Не фарисействую я, Сима. Осуждаю себя и готовъ всячески поддержать тебя, не дать тебѣ катиться внизъ... Встрѣтилъ я тебя нехорошо... Не то испугался, не то разозлился... А вотъ теперь все это отлетѣло. И никакихъ счетовъ между нами, слышишь—никакихъ...

— Никакихъ?—захлебываясь, выговорила она и наклонила къ нему низко трепетное лицо.

— Никакихъ!..

XXVIII.

— Вася!.. Прости!..

Съ этимъ воплемъ Серафима припала головой къ нему. Рыданія колыхали ее.

— Что ты! Что ты!..

Теркинъ не находилъ словъ. Руками онъ старался поднять ее за плечи. Она не давалась и судорожно прижимала голову къ его колѣнамъ.

— Прости! Окаянную!.. Жить не могу... не могу... безъ тебя!—прерывистымъ звукомъ, съ большимъ усиліемъ выговаривали ея губы, не попадая одна на другую.

Все ея тѣло вздрагивало.

Такъ прошли минуты... Ему удалось поднять ее за плечи и усадить рядомъ.

Внезапный взрывъ страсти и раскаянія потрясъ его, и жалость влилась въ душу быстро, согрѣла его, перевернула взглядъ на эту женщину, сложившійся въ немъ въ теченіе года... Но порыва взять ее въ объятія, осыпать поцѣлуями не было. Онъ не хотѣлъ обманывать себя и подогрѣвать. Это заставило его тутъ же воздержаться отъ всякой неосторожной ласки.

Съ помутившимися, покраснѣвшими глазами сидѣла она у ствола, опиралась ладонями о дернъ и силилась подавить свои рыданія.

— Полно, полно! — шопотомъ успокоивалъ онъ, наклоняясь къ ней.

За талію онъ ея не взялъ и даже не прикоснулся къ ея плечу кистью руки.

— Ты добрый, чудный... Я не оправдываюсь... Я, Вася, милостыни прошу! Все опротивѣло... вся жизнь... разъѣзды... знакомства... ухаживанія... мужчины всякіе, молодые, старые... Стая псовъ какихъ-то... Ужины... шампанское... франтовство... тряпки эти... — Она схватила свою шляпку и швырнула ее.—Не глядѣла бы!..—И такимъ же порывистымъ движеніемъ она прижалась къ нему и положила голову на его плечо.—Вася! Жизнь моя!.. Не оттолкни!.. Возьми... Ничего мнѣ не нужно... Никакихъ правъ... Ежели бы ты самъ предложилъ мнѣ законный бракъ — я не соглашусь... Да и какъ я посмѣю! Тебя... тебя... слышать, сидѣть рядомъ... знать, что вотъ ты тутъ... что никто не отниметъ... никто, кромѣ... тебя самого или смерти... Да я умру раньше... Я это знаю. Мнѣ хоть бы годковъ пять... Много... Хоть два года! Хоть годъ!

Въ ея отрывистой рѣчи проглядывали неслыханные имъ звуки, что-то наивно-дѣтское и прозрачное по своей безавѣтной пылкости. Никогда и прежде, въ самые безумные взрывы страсти, ея слова не проникали такъ въ самую глубь его души, не трогали его, не приводили въ такое смущеніе.

Онъ чуть не остановилъ ее возгласомъ: „Не нужно!.. Не говори такъ!“

Слезы подступили къ глазамъ, онъ ихъ уже ощущалъ въ углахъ, и губы вздрагивали... Жалость къ ней росла,— жалость сродни той, какая пронизала бы его у постели умирающаго или человѣка, приговореннаго къ смерти, въ ту минуту, когда онъ прощается съ жизнью и хватается за нее послѣдними хватками отчаянія сквозь усиленный подъемъ духа.

Но больше ничего не было въ сердцѣ—онъ это созналъ безповоротно.

— Сима, — заговорилъ онъ нетвердо, боясь расплакаться, — ты меня тронула, какъ никогда... Въ любовь твою вѣрю...

— Вѣришь!—вскричала Серафима и выпрямила станъ. Глаза заблистали. Лицо мгновенно озарилось.

— Вѣрю, — повторилъ Теркинъ и отвелъ отъ нея взглядъ.—Но я прошу, умоляю тебя... Не насилуй моей души... Назадъ не вернешь чувства...

Докончить у него не хватило жестокости.

— Да-а,—протянула она глухо и поникла головой. Руки

тотчасъ же опустились, и опять она уперла ихъ ладонями въ траву.—Я знала, Вася... могла предвидѣть... Вы, мужчины, не то, что̀ мы. Но я ничего не требую! Пойми! Ничего!.. Только не гони. Вѣдь ты одинъ... свободенъ... Если ты никого еще не полюбилъ, позволь мнѣ дышать около тебя! Вѣдь не противна же я тебѣ?.. Не уродъ... Ты молодой...

Серафима вдругъ покраснѣла. Ей стыдно стало своихъ словъ.

Оба промолчали больше минуты.

— Зачѣмъ... унижать себя! — вымолвилъ первый Теркинъ и почуялъ тотчасъ безполезность своихъ словъ.

— Унижать!..—повторила она безъ слезъ въ голосѣ, а какимъ-то особеннымъ полушопотомъ.—Унижать! Развѣ я могу считаться съ тобой! Пойми! Милостыни у тебя просятъ, а ты съ нравоученіями!

Это его задѣло. Онъ поднялъ голову, строже взглянулъ на нее, и она ему показалась жалка уже на другой ладъ. Что жъ изъ того, что она не можетъ жить безъ него? Какъ же ему быть со своимъ сердцемъ?.. Любви къ ней нѣтъ... Взять ее къ себѣ въ любовницы потому только, что она красива, что въ ней темпераментъ есть, онъ не позволитъ себѣ этого... Прежде, быть-можетъ, и пошелъ бы на такую сдѣлку, но не теперь.

Отъ всего ея существа, даже и потрясеннаго страстью, повѣяло на него только женщиной, царствомъ нервовъ, расшатанныхъ постоянной жаждой наслажденій, все равно какихъ: любовныхъ или низменно-животныхъ. Психопатія и гистерія выглядывали изъ всего этого. Не то, такъ другое, не мужчина, такъ морфинъ или еще какое средство опьянять себя. А тамъ — изступленіе клиническихъ субъектовъ.

Запахъ сильныхъ духовъ шелъ отъ нея и началъ бить его въ виски. Этотъ запахъ выѣдалъ изъ сердца даже хорошую жалость, какую она пробудила въ немъ нѣсколько минутъ назадъ.

— Не хочу лгать, Серафима, — сказалъ онъ твердо и сдѣлалъ движеніе, которымъ какъ бы отводилъ отъ себя ея станъ.

— Я не требую... Не гони!

— Не гнать! Значитъ, жить съ тобой... жить... Иначе нельзя... Я не картонный. А жить я не могу не любя!

— Боишься?—перебила она и съ расширенными зрачками уставилась на него.

— Боюсь?.. Да! Не стану таиться. Боюсь.

— Чего?

— Все того же! Распусты боюсь!.. Тебя никакая страсть не передѣлаетъ. Ты не можешь сбросить съ себя натуры твоей... Съ тобой я опять завяжу сначала одинъ ноготокъ въ тину, а потомъ и всю лапу.

— А теперь ты, небось, праведникъ?

Она достала шляпку, стала надѣвать ее.

— Не праведникъ. Куда же мнѣ!..

— Въ гору пошелъ... Крупнымъ дѣльцомъ считаешься.

— Потому-то и долженъ за собою слѣдить... чтобы деньга всей души не выѣла...

Серафима поднялась на ноги однимъ движеніемъ своего гибкаго тѣла.

— И все это не то!

Щеки ея мгновенно поблѣднѣли, глаза ушли въ орбиты.

— А что же?—тихо спросилъ Теркинъ.

— Не барышню ли присматриваешь? — она указала правой рукой въ сторону дома. — Вмѣстѣ съ усадьбой и породниться желаешь?.. Ха-ха! И на такого суслика, какъ эта толстощекая дѣвчонка, ты мѣняешь меня... мою любовь!.. Вѣдь она не женщина, а сусликъ, сусликъ!..

Слово это она схватила съ злорадствомъ и готова была повторять до безконечности.

— Почему же сусликъ?—остановилъ ее Теркинъ и тоже поднялся.

Они стояли близко одинъ къ другому, и дыханіе Серафимы доходило до его лица... Глаза ея все чернѣли, и вокругъ рта ползли змѣйки нервныхъ вздрагиваній.

— Ну, да!.. Мы влюбляемъ въ себя крупичатыя, раздутыя щеки... И дворянскую вотчину намъ хочется оставить за собою. А потомъ въ земцы попадемъ... Жаль, что нельзя въ предводители... Ха-ха!..

Смѣхъ ея зазвучалъ истерической нотой.

— Полно, Серафима! Какъ не стыдно!.. — еще разъ остановилъ онъ ее.

— Если такъ... на здоровье!.. Прощай!

Она начала-было выгибать на особый ладъ пальцы и закидывать шею, переломила себя, перевела плечами, на-

тянула перчатки, отряхнула полы пальто, повернулась и пошла вверхъ, промолвивъ ему:

— Владѣй своимъ сусликомъ!.. Совѣтъ да любовь!.. Провожать меня не надо—найду дорогу... Дорогу свою я теперь знаю!..

XXIX.

Онъ не сталъ ее удерживать и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Серафима пошла порывистой поступью и стала подниматься по крутой тропинкѣ, нервно оправляя на ходу свою накидку.

Слѣдовало бы проводить ее, объяснить какъ-нибудь хозяевамъ такой быстрый отъѣздъ странной гостьи: она вѣдь прислала сказать съ человѣкомъ, что явилась „по дѣлу". Ему не хотѣлось вставать съ земли, не хотѣлось лгать.

Не могъ онъ заново отдаться этой женщинѣ. Обвинять ее онъ ни въ чемъ не способенъ. Протянуть ей руку готовъ, но вѣдь ей не того нужно. „Или все, или ничего"—какъ всегда было въ ней и всегда будетъ. Отъ него въ лицѣ этой разъяренной женщины уходилъ соблазнъ, власть плоти и разнузданныхъ нервовъ. Онъ облегченно вздохнулъ. И сейчасъ же всплыло въ душѣ стремленіе къ чему-то другому. Надо перестать „блудить"—ему вспомнилось слово Серафимы, изъ первой ихъ любовной борьбы, когда она ему еще не отдавалась. Къ чему непремѣнно искать страсти? Развѣ не лучше, когда сближеніе съ женскимъ существомъ—доброе дѣло?.. Простой мужицкій бракъ, только безъ корысти и жесткости. Судьба посылаетъ молоденькую дѣвушку, здоровую, простодушную—дѣлай изъ нея что хочешь, вызови въ ней тихое и прочное чувство, стань для нея источникомъ всякой правды, всякаго душевнаго свѣта. Если ты не возьмешь ея, она сгинетъ, потому что она безпомощна.

Теркинъ все еще не двигался съ мѣста.

Покажись на верху обрыва свѣтлое платье Сани—онъ бы вскочилъ и окликнулъ ее. Какъ будто что-то виднѣется за деревьями. Не ищутъ ли его? Мелькнуло что-то темное. Онъ сталъ пристально всматриваться и узналъ фигуру Хрящева.

— Антонъ Пантелеичъ!—крикнулъ онъ ему снизу.—Я здѣсь! Спускайтесь.

Хрящевъ ускорилъ шагъ и спустился къ нему прямо

по пригорку, съ картузомъ въ рукахъ, немного запыхавшійся.

— Къ вамъ, Василій Иванычъ, гонцомъ. Сейчасъ отъявился и нашелъ тамъ всѣхъ господъ Черносошныхъ въ большомъ волненіи. Позволите присѣсть маленько на травку?

— Садитесь. Что же такое?

Теркинъ спросилъ это съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ.

— Да сюда какая-то госпожа къ вамъ пр ѣзжала. Я разминулся съ ней у воротъ... Въ коляскѣ... Шляпка такая съ цвѣтами, и вообще съ большимъ эффектомъ.

— Ну, и что жъ?

— Меня сейчасъ всѣ обступили. И горбуля, и братецъ ихъ... и ловкачъ-таксаторъ: что, молъ, за особа? Не желаетъ ли какъ-нибудь помѣшать продажѣ?.. Ужъ не знаю, почему они такъ вдругъ заподозрили. Говорятъ, по дѣлу пріѣхала, Василія Иваныча увела въ садъ, и сначала въ бесѣдкѣ сидѣли, а потомъ внизъ пошли. И въ недолгомъ времени барыня эта прошла цвѣтникомъ въ экипажъ... Въ большомъ находятся смущеніи и просили васъ отыскать. Ха-ха!.. А вы въ цѣлости и невредимости находитесь!

— Такъ они испугались не насчетъ того, что барыня эта въ меня купороснымъ масломъ плеснетъ, а насчетъ нашей купли-продажи?

— Извѣстное дѣло. Однако, долженъ присовокупить, Василій Иванычъ, что барышня въ смущеніи и насчетъ именно васъ, не случилось ли чего... Проводила меня на балконъ и тихонько проронила: дайте, молъ, мнѣ знакъ... можетъ, что-нибудь нужно... Я по аллеѣ похожу, говоритъ.

— Александра Ивановна?

— Такъ точно... И въ глазкахъ мелькань е. Очень въ ней много еще этой младости переливается.

Теркинъ сѣлъ и подобралъ ноги. Его потянуло наверхъ, но ему не хотѣлось показать это сейчасъ Хрящеву.

— Спасибо, Антонъ Пантелеичъ,—заговорилъ онъ мягкимъ дѣловымъ тономъ.—Покончили съ обзоромъ дальняго урочища?

— Покончилъ, Василій Иванычъ.

— И что нашли?

— Порубочки есть... болотца два. Не мало и старыхъ, гнилыхъ корчагъ. Но въ общемъ не плохо.

— А я васъ могу порадовать: того жуличка въ красномъ галстукѣ сегодня же фьють!

— Подорожную изволили прописать ему?

— Прописалъ.

Хрящевъ присѣлъ сразу на корточки и сбросилъ на траву свой бѣлый картузъ. Лицо его повела забавная усмѣшка съ движеніемъ ноздрей. Теркинъ разсмѣялся.

— Василій Иванычъ!.. Кормилецъ!.. Позвольте васъ такъ по-крестьянски назвать. Ей-Богу, я не изъ ехидства радуюсь... Только зачѣмъ же къ вашему чистому дѣлу такихъ мусьяковъ подпускать!..

И точно спохватившись, Антонъ Пантелеичъ нагнулся къ Теркину и шопотомъ спросилъ:

— Какъ же... къ милой барышнѣ сами подниметесь или мнѣ прикажете ее успокоить?

— Я самъ.

Однимъ взмахомъ всталъ на ноги Теркинъ и оправился.

— Александра Ивановна тамъ, въ аллеѣ?

— Такъ точно. Около бесѣдки ее найдете. А мнѣ позвольте здѣсь маленько поваляться. Очень ужъ я полюбилъ этотъ паркъ, и такъ моя фантазія разыгрывается здѣсь, Василій Иванычъ... Все насчетъ дендрологическаго питомника...

— Будетъ и питомникъ... Какъ вы называете? Ден... Ден..?

— Это по-ученому: дендрологическій, а попросту: древесный.

— Все будетъ, Антонъ Пантелеичъ. Все будетъ!—радостно крикнулъ Теркинъ и почти бѣгомъ сталъ взбираться по откосу, даже не цѣпляясь за мелкую поросль.

Наверху мелькнуло свѣтлое платье Сани. Она шла къ бесѣдкѣ. Тамъ началось ихъ объясненіе съ Серафимой, какой-нибудь часъ назадъ.

Почему-то онъ не могъ понять—вдругъ, въ свѣтѣ жаркаго іюльскаго дня, ему представился голый загороженный садикъ буйныхъ сумасшедшихъ женщинъ, куда онъ глядѣлъ въ щель, полный ужаса отъ мысли о возможности сдѣлаться такимъ же, какъ онѣ. И не за Серафиму испугался онъ, а вонъ за ту дѣвчурку, за ту, кого она назвала презрительнымъ словомъ „сусликъ“. Не пошли

его судьба сюда—и какой-нибудь негодяй-таксаторъ въ красномъ галстукѣ обезчестилъ бы ее, а потомъ бросилъ. Она стала бы матерью, не выдержала бы сраму—и вотъ она на выжженной травѣ, въ одной грязной рубашкѣ, и воетъ, какъ выла та баба, что лежала полуничкомъ и что-то ковыряла въ землѣ.

Дрожь прошлась по немъ съ маковки до щиколокъ, когда этотъ образъ выплылъ передъ нимъ ярко, въ краскахъ и линіяхъ. Онъ въ эту минуту былъ уже на краю обрыва... Точно подъ захватомъ страха за Саню, онъ бросился къ ней и издали закричалъ:

— Александра Ивановна, Александра Ивановна! Я здѣсь!

Саня—она уже подходила къ бесѣдкѣ—быстро обернулась и ахнула своимъ милымъ дѣтскимъ „ахъ!..“

Теркинъ подбѣжалъ къ ней и повелъ ее въ бесѣдку.

Оба они видны были съ того мѣста, подъ дубкомъ, куда перебрался Антонъ Пантелеичъ. Его бѣлый картузъ лежалъ на травѣ. Загорѣлый лобъ искрился капельками пота... Онъ жмурилъ глаза, поглядывая наверхъ, гдѣ фигуры Теркина и Сани уже близились къ бесѣдкѣ.

Юморъ проползалъ чуть замѣтной линіей по доброму рту Антона Пантелеича... Потомъ глаза получили мечтательный налетъ.

„Такъ, такъ! — думалъ онъ словами и слышалъ ихъ въ головѣ, — мать-природа ведетъ всѣ твари, каждую къ своему предѣлу... Гдѣ схватка за жизнь, гдѣ влюбленіе, а исходъ одинъ... Все во всемъ исчезаетъ, и опять изъ невидимыхъ сѣмянъ ползетъ злакъ, и родится человѣкъ, и душа трепещетъ передъ чудомъ вселенной!..“

Стѣны бесѣдки, обвитыя ползучими растеніями, скрыли пару отъ глазъ его. Онъ тихо улыбался.

XXX.

Грудь Сани замѣтно колыхалась и щеки пылали, когда Теркинъ велъ ее усиленно къ бесѣдкѣ.

— Милая моя барышня, вы меня искали?.. Безпокоились?

Подъ взглядомъ его большихъ глазъ она еще сильнѣе смутилась; губы ея раскрывались въ усмѣшку ласковаго и точно въ чемъ-то пойманнаго ребенка.

Ее послали узнать не о томъ, не приключилось ли чего

съ Василіемъ Иванычемъ, а не вышло ли какой „каверзы“ отъ этой дамы, не разстроилось ли дѣло продажи.

Лгать Саня не смѣла.

— Милый Василій Иванычъ! — она взяла его за обѣ руки и отвела голову, чтобы не расплакаться, — папа боится... и тетка Павла также... вы понимаете... Думаютъ— что-нибудь эта дама насчетъ имѣній... вы понимаете... Папу жалко... ему нужно продать.

— А вамъ самимъ жалко усадьбы, жалко парка?

— Да... жалко.

Слезинки задрожали на рѣсницахъ.

— И вы на меня смотрите какъ на хищнаго звѣря какого? Возьметъ да и пожретъ ваше родное гнѣздо!

— Нѣтъ! Нѣтъ! — Саня начала трясти его за руки.— Не думайте такъ! Вы добрый! Вы хорошій!.. Они говорятъ: больше васъ никто не дастъ. Но вы спрашиваете, жалко ли? Какъ же не жалѣть!

— Сядьте, сядьте! — усаживалъ ее Теркинъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.—Лгать не умѣете! Милая... Вы вѣдь ребеночекъ. Дитятко! — такъ на деревнѣ говорятъ. Не то, что мы всѣ, великіе грѣшники!

— А я-то!

Этотъ возгласъ вырвался у Сани порывисто, вмѣстѣ съ движеніемъ головы, которую она еще сильнѣе отвернула, и одну руку высвободила, чтобы вынуть платокъ и утереть глаза.

— Вы-то?

— Да, я, я, Василій Иванычъ... Вы со мной какъ другъ обошлись... какъ старшій братъ... Думаете, я безгрѣшная, херувимъ съ крылышками, а я гадкая!

— Ну, ужъ и гадкая!

— Гадкая!

Саня выдернула и другую руку и обѣими ладонями закрыла лицо.

— Что жъ вы такое натворили?

— До васъ мнѣ не было стыдно... Я позволяла...

— Цѣловать себя? — подсказалъ Теркинъ, и его этотъ вопросъ пронизалъ жуткимъ ощущеніемъ... Ему не хотѣлось, чтобы она отвѣтила: „да“.

— Позволяла! — шопотомъ выговорила Саня, и слезы перешли въ рыданія.

Сквозь нихъ онъ различилъ слова:

— Будете презирать... Тетка Павла говоритъ: „развратная дѣвчонка“... Неужели правда? Господи!

И у него навернулись слезы. Онъ не выдержалъ, схватилъ ее за руки, потомъ притянулъ къ себѣ и горячо, долго поцѣловалъ въ лобъ.

Рыданія прекратились; она только чуть слышно всхлипывала.

Ни одной секунды не подумалъ онъ: „Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты судьбу свою рѣшаешь, подъ вѣнецъ хочешь вести этого „суслика“!

„Сусликъ“ сталъ ему въ нѣсколько минутъ еще дороже. Никакого прилива мужской хищности онъ не почуялъ въ себѣ. Только бы утѣшить Саню и поставить на честный путь.

Она вся затихла, и въ груди у нея точно совсѣмъ замерло. И такъ сладко было это замираніе. Радость охватила ее оттого только, что „милый Василій Иванычъ“ знаетъ теперь, въ чемъ она гадко поступала, что онъ простилъ ее, не отвернулся отъ нея, какъ отъ развратной дѣвчонки. Никакой надежды быть его невѣстой не промелькнуло передъ ней. Она забыла даже, какъ ее десять минутъ назадъ схватило за сердце отъ пріѣзда нарядной красавицы.

Когда Теркинъ цѣловалъ ее въ голову, онъ почувствовалъ, до какой степени она далека въ эту минуту отъ всякаго дѣвичьяго расчета... И онъ умиленно взялъ ее опять за руки, поднесъ ихъ къ губамъ и долго глядѣлъ ей въ глаза, откуда тихо текли слезы.

— Дитятко! — повторилъ онъ мужицкимъ звукомъ.— Дитя малое... неразумное!.. Все это стряхнули вы разомъ... И слѣда не будетъ. Все уладимъ. Не разорять я ваше гнѣздо пришелъ, а заново уладить!

— Какъ? — спросила Саня и сквозь слезы улыбнулась ему.

— За собой оставлю... усадьбу и паркъ. Только это я вамъ на ушко говорю... Вамъ стоитъ сказать одно словечко. Вы вѣдь знаете, я мужичьяго рода... По-мужицки и спрошу: любъ вамъ, барышня, разночинецъ Василій Ивановъ Теркинъ... а? Коли не можете еще самой себѣ отвѣтить, подождите.

— Любъ! — звонко откликнулась Саня и неудержимо засмѣялась.

Этому смѣху вторилъ и онъ, и его широкая грудь слегка вздрагивала, а на глазахъ навертывались слезы.

Оба они опять сѣли рядомъ, рука въ руку.

— Если я вамъ любъ, не нужно вамъ будетъ разставаться съ роднымъ гнѣздомъ.

Глаза Сани удивленно расширились.

— Какъ же не нужно? Вы, стало-быть, не покупаете?

— Покупаю. Ахъ, простота вы младенческая!.. Не понимаете?

Глаза его пояснили ей то, чего онъ не досказалъ.

До ушей залила ей кровь пышныя щеки; она вся рванулась, прошептала:

— Пустите, голубчикъ, Василій Иванычъ! — и выбѣжала изъ бесѣдки.

Онъ рукъ не удерживалъ, но вдогонку окликнулъ:

— Александра Ивановна!

Саня остановилась, вся трепетная.

— Уговоръ лучше денегъ! Никому ни гу-гу, пока я съ папашей самъ не переговорю... Можетъ, вѣдь и коляску мнѣ подадутъ.

Смущеніе Сани смѣнилось тихимъ смѣшкомъ. Она подошла къ нему, протянула руку и низко наклонила голову къ его лѣвому уху.

— Можно объ одномъ спросить?

— О чемъ хотите, дитятко!

— Та дама... ваша знакомая или родня?

— Ту даму, — весело отвѣтилъ Теркинъ, — вы больше никогда не увидите въ жизни вашей!..

— Да?..

Ея губы чуть-чуть приложились къ виску Теркина, и она еще быстрѣе, чѣмъ въ первый разъ, выбѣжала на аллею. Щеки горѣли огнемъ; въ груди тоже жгло, но пріятно, точно отъ бокала шампанскаго. Въ головѣ все какъ-то прыгало. Она не могла задержать ни одной опредѣленной мысли.

И вдругъ, около пятой или шестой липы, она встала какъ вкопанная. Холодокъ проползъ по ней и отдался внутри. Все ей стало ясно. Это было предложеніе. И она дала согласіе. Но какъ? Звонко, чуть не съ хохотомъ, выпалила мужицкое слово: „любъ“.

— Ахъ, я несчастная!

Она схватилась рукой за стволъ дерева: ноги у нея подкашивались.

Развѣ такъ даютъ свое согласіе порядочныя барышни?! Что онъ подумалъ?.. „Обрадовалась, матушка, что я тебя беру за себя. Ты нищей можешь остаться, а я хоть и разночинецъ, да милліонщикъ. Вотъ ты и закричала: „любъ“, точно въ лото самый большой номеръ тебѣ вынулся!“

— Господи! Господи!—шептала она растерянно.

Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, и даже въ глазахъ у нея начало пестрѣть. Но это было не больше десяти секундъ.

„Нѣтъ! Онъ не такой!“—радостно и убѣжденно вскричала она про себя и пошла скорой и легкой походкой къ дому, не глядя передъ собою.

— Александра Ивановна! Гдѣ вы пропали?

Ее остановилъ рѣзкій мужской возгласъ. Первачъ преградилъ ей дорогу съ руками, вытянутыми къ ней. Онъ ими почти касался ея плечъ.

— Николай Никанорычъ!—громко выговорила она, на ходу уклоняясь отъ него.—Подите, скажите всѣмъ: Василій Иванычъ что разъ рѣшилъ, того не измѣнитъ.

— Да что вы такая торжественная? Точно онъ васъ чѣмъ осчастливилъ. Потѣха!

— Онъ больше того сдѣлалъ!.. Онъ меня отъ васъ избавилъ... Прощайте!

Мимо террасы, гдѣ еще сидѣли за чайнымъ столомъ, Саня пробѣжала во флигель разсказать обо всемъ нянѣ Ѳедосеевнѣ.

XXXI.

Тихое и теплое утро, съ мелкими кудрявыми облачками въ сторону полудня, занялось надъ заказникомъ лѣсной дачи, протянувшейся за усадьбой Заводное. Дача, на версту отъ парка, внизъ по теченію, сходила къ берегу и перекидывалась за Волгу, гдѣ занимала еще не одну сотню десятинъ. Тамъ обособился сосновый лѣсъ; по заказнику шелъ еловый пополамъ съ чернолѣсьемъ.

Часу въ седьмомъ утра на одной изъ недавнихъ просѣкъ, уже заросшихъ травой и мелкимъ кустарникомъ, на широкомъ мшистомъ пнѣ съ оголенными корнями присѣли два пѣшехода, бродившіе по лѣсу съ разсвѣта.

Это были Теркинъ со своимъ подручнымъ, Хрящевымъ.

Они условились наканунѣ чѣмъ-свѣтъ встать, отпра-

виться въ заказникъ пѣшкомъ, натощакъ, и никого въ домѣ не будить. Вчера вотчина Черносошныхъ съ этимъ заказникомъ перешла во владѣніе компаніи, и вчера же обручили Теркина съ Саней.

Ему нужно было отвести душу въ лѣсу. Хоть онъ и сказалъ Хрящеву: „произведемъ еще смотръ заказнику", но Антонъ Пантелеичъ понялъ, что его патрону хочется просто „побрататься" съ лѣсомъ, и это его особенно тронуло. Ихъ обоихъ всего сильнѣе сблизило чувство любви къ родной природѣ и жалости къ вѣковымъ угодьямъ, повсюду обреченнымъ на хищеніе.

Оба немного утомились, но ни голодъ, ни жара не безпокоили ихъ.

Передъ ними, черезъ узкую прогалину, съ тропкой вдоль ея, вставали могучія ели съ синѣющей хвоей. Иныя, снизу обнаженныя, съ высохшими вѣтвями, казались издали соснами. Позади стѣны хвойныхъ деревьевъ протянулась полянка, густо-зеленаго цвѣта, а тамъ, дальше, шли кусты орѣшника и рябины. Кое-гдѣ стройно и весело высились бѣлые стволы березъ. Вправо солнце заглянуло на прогалину, шедшую узкой полосой, и цвѣтъ травы переходилъ въ ярко-изумрудный.

На немъ остановился ласкающій взглядъ умныхъ и смѣшливыхъ глазокъ Антона Пантелеича, онъ указалъ Теркину на эту полосу пухлымъ пальцемъ правой руки:

— Мурава-то какая, Василій Иванычъ, точно совсѣмъ изъ другого царства природы! Что солнышко-то можетъ выдѣлывать... И какая это красота—ель!.. Поспоритъ съ дубомъ... Посмотрите вотъ хоть на сего исполина! Что твой кедръ ливанскій, нужды нѣтъ, что не даетъ такихъ сладкихъ орѣшковъ и произрастаетъ на низинахъ, а не на южныхъ высотахъ!

— На ель я сосны не промѣняю,—возразилъ Теркинъ и боковымъ пріятельскимъ взглядомъ поглядѣлъ на „созерцателя".

— Ахъ, нѣтъ! Не скажите, Василій Иванычъ! Сосна, на закатѣ солнца, тоже красавица; только ей далеко до ели. Эта, вонъ видите, и сама-то шатромъ ширится и охраняетъ всякую былинку... Отчего здѣсь такая мурава и всякіе кусты, ягоды? Ея благодѣяніями живутъ!.. А въ сосновомъ бору все мертво. Правда, идешь какъ по мягкому ковру, но коверъ этотъ бездыханный... изъ мертвой хвои, сложился десятками лѣтъ.

— Нужды нѣтъ, Антонъ Пантелеичъ! Сосна — царица нашихъ хвойныхъ породъ... Домъ ли строить, мачту ли ставить... Поспоритъ съ дубомъ не въ одной красотѣ, а и въ крѣпости... Она по здѣшнимъ мѣстамъ — основа всего лѣсного богатства. И дрова-то еловыя, сами знаете, не въ почетѣ обрѣтаются.

— Знаю, знаю! И полагаю, что это предразсужденіе... Горятъ они слишкомъ споро оттого, что въ нихъ смолы больше; но развѣ назначеніе такихъ вотъ великановъ — топка?.. Въ нихъ хватитъ жизни на вѣкъ и больше. И все въ тѣни ихъ шатровъ цвѣтетъ и радуется.

По краямъ просѣкъ и подъ ихъ ногами, и вокругъ елей, по густой травѣ краснѣли шапочки клевера, мигала куриная слѣпота, выглядывали вѣнчики мелкихъ лѣсныхъ маргаритокъ, и бѣлѣли лепестки обильной земляники... Чуть примѣтными крапинками, точно притаившись, мелькали ягоды; тонкое благоуханіе подползало снизу, и слабый, только что поднявшійся вѣтерокъ смѣшивалъ его съ болѣе крѣпкимъ смолистымъ запахомъ хвои.

Надъ ихъ головами зашелестѣли листы одинокой осины, предвѣщая перемѣну въ погодѣ. И шелестъ этотъ сейчасъ же распозналъ Хрящевъ, поднялъ голову и оглянулся назадъ.

— Нашъ приволжскій тополь!

— Это осина-то?—спросилъ смѣшливо Теркинъ.

— Въ чемъ же она виновата, что ее съ Іудой Искаріотскимъ повѣнчали?.. А какой трепетъ въ ней... Музыка! И стройность! Не все же на хозяйскій аршинъ мѣрять.

Эти слова могли показаться обидными Теркину. Хрящевъ даже покраснѣлъ и взглядомъ попросилъ въ нихъ извиненія.

— Не обезсудьте... Я отъ простоты.

— Понимаю!—благодушно откликнулся Теркинъ и положилъ ему руку на плечо.—Въ васъ, я вижу, вся душа трепещетъ на лонѣ природы! И это мнѣ чрезвычайно любо, Антонъ Пантелеичъ.

— Весьма счастливъ!—съ особеннымъ вздохомъ и конфузливо вымолвилъ Хрящевъ, тотчасъ же смолкъ и прикрылъ глаза.

Изъ чащи, позади ихъ, въ тишинѣ, наступившей послѣ мимолетнаго шелеста листьевъ осины, — такая тишь бы-

ваетъ передъ перемѣной погоды, — просыпались нотки пѣвчей птицы.

— Щегòлъ!..—чуть слышно произнесъ Хрящевъ.

— Щегленокъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Онъ самый! А вотъ и пѣночка отъявилась.

Дорогой до нихъ не доходило пѣніе и щебетаніе; а теперь въ ихъ ухо входилъ каждый завитокъ мелодіи серебристымъ дрожаніемъ воздуха.

Еще какая-то птица подала голосъ уже изъ-за прогалины, гдѣ все еще свѣтлѣе изумрудовъ зеленѣла трава отъ закравшихся лучей.

— Не хочу наобумъ говорить, Василій Иванычъ, а сдается мнѣ—снѣгирь.

Она вскорѣ смолкла, но пѣночка разливалась и гдѣ-то очень близко.

Никогда еще въ жизни не было Теркину такъ глубоко спокойно и радостно на душѣ, какъ въ это утро. Пѣночка своими переливами разбудила въ немъ не страстную, а теплую мечту о его Санѣ. Такъ напѣвала бы здѣсь и Саня своимъ высокимъ вздрагивающимъ голоскомъ. Стыдливо почувствовалъ онъ себя съ Хрящевымъ. Этотъ милый ему чудакъ стоитъ довѣрія. Навѣрное, нянька Ѳедосеевна—они подружились—шепнула ему вчера, подъ вечеръ, что барышня обручена. Хрящевъ ни однимъ звукомъ не обмолвился насчетъ этого.

— Антонъ Пантелеичъ!—съ опущенной головой окликнулъ Теркинъ.

— Ась?

— Птицы поютъ и у меня на душѣ...

— Лучше всего это, Василій Иванычъ.

— И вы, небось, знаете по какой причинѣ?

Онъ весело подмигнулъ ему.

— Ежели позволите... Лгать не буду... Еще вчера...

— Ѳедосеевна, поди, не утерпѣла?

— Такъ точно. Позвольте отъ всего сердца и помышленія пожелать вамъ...

Хрящевъ протянулъ ему ладонь. Теркинъ крѣпко пожалъ.

— Побѣду полную одержали. Во всѣхъ статьяхъ... Виватъ! Небось будущій тестюшка вашъ спасовалъ, а, кажется, довольно высоко себя ставитъ... судя по обхожденію....

— А вы скажите-ка мнѣ, Антонъ Пантелеичъ, только

безъ утайки, — вы небось думаете, что я тестюшку-то поддѣлъ, по-дѣлецки: сначала руки дочери попросилъ; а, молъ, откажешь — не куплю у тебя ни одной десятины.

— Ни Боже мой!.. Конечно, такой подходъ былъ бы, пожалуй, и самый настоящій, ха-ха! — На глазахъ Хрящева показались слезинки смѣшливости.—Но вы не такой... Вы, какъ на Окѣ говорятъ... тамъ, въ горбатовской округѣ, вы *боэсъ!* Это они, видите, „молодецъ“, „богатырь“, „боецъ“ выговариваютъ на свой ладъ...

— Спасибо!

Теркину заново пріятно стало оттого, что онъ сначала заключилъ предварительную сдѣлку съ Иваномъ Захарычемъ, а потомъ ужъ попросилъ руки дочери... Тотъ было хотѣлъ поломаться, но какъ-то сразу осѣкся, началъ что-то такое мямлить, вошла Павла Захаровна—и все было покончено въ нѣсколько минутъ.

— Тайна!—выговорилъ Хрящевъ, опустивъ обѣ руки.— Какъ и все!—прибавилъ онъ и смолкъ.

Ничего ему не сказалъ и Теркинъ. Оба сидѣли на мшистомъ пнѣ и прислушивались къ быстро поднявшемуся шелесту отъ вѣтерка. Ярко-зеленая прогалина начала темнѣть отъ набѣгавшихъ тучекъ. Ближнія осины, березы за просѣкой и большія рябины за стѣной елей заговорили наперебой шелковистыми волнами разныхъ звуковъ. Потомъ поднялся и все крѣпчалъ гулъ еловыхъ вѣтвей, вбиралъ въ себя шелестъ листвы и расходился по лѣсу, въ родѣ негромкаго прибоя волнъ.

Птицы смолкли. Но сквозь гулъ отъ налетѣвшаго вѣтра тишина заказника оставалась все такой же, и малѣйшій сторонній звукъ былъ бы слышенъ.

— Тукъ!—раздалось около нихъ въ двухъ саженяхъ.

— Шишка упала съ ели,—шопотомъ сказалъ Хрящевъ и поднялся.

— Ай-да, Антонъ Пантелеичъ!—крикнулъ Теркинъ.— Пожалуй, еще дождь хлынетъ; а мнѣ хочется вонъ въ тотъ край.

Они пошли молча, бодрымъ, не очень спѣшнымъ шагомъ. Солнце совсѣмъ спряталось, и все разомъ потемнѣло.

XXXII.

Съ четверть часа шли они „скрозь“, держались чуть замѣтной тропки и попадали въ чащу. Обоимъ былъ

любъ крѣпнувшій гулъ заказника. Съ одной стороны неба тучи сгустились. Справа еще оставалась полоса чистой лазури. Кусты чернолѣсья мѣстами заслоняли имъ путь. На концахъ свислыхъ еловыхъ вѣтвей весенняя поросль ярко-зеленымъ кружевомъ разсыпалась по старой синѣющей хвоѣ.

Птицы смолкли, чуя возможность дождя, а то и бури. Одинъ только дятелъ тукалъ гдѣ-то, должно-быть далеко: звуки его клюва доносились отчетливо и музыкально.

— Старается старина! — вдумчиво выговорилъ Хрящевъ, отстраняя отъ себя вѣтви орѣшника и низкорослаго клена, которыя то и дѣло хлестали ихъ обоихъ по плечамъ и задѣвали за лицо. — Ишь какъ старается! Мудрѣйшая птица и пользительная. Знаете, Василій Иванычъ, дятлы и дрозды — это указатели добра и зла въ жизни природы.

— Какъ такъ? — съ тихимъ смѣхомъ спросилъ Теркинъ.

Онъ пробирался впереди.

— Который стволъ дятелъ обработываетъ—тотъ, стало, обреченъ на гніеніе, на смерть... Дроздъ также тычетъ да тычетъ себѣ, улавливая чужеядныхъ мурашекъ. Истребляетъ орудіе смерти. По-нынѣшнему — микробовъ... Хорошо бы такихъ людей имѣть на виду... Бьетъ кого примѣрно, тотъ, значитъ, душу свою давно продалъ духу тьмы.

— Какъ будто мало пресмыкается по свѣту рабовъ и прихлебателей около властныхъ мерзавцевъ и распутниковъ, бросающихъ имъ подачку!

— Это точно. И по нимъ можно діагнозъ свой поставить, по-медицински выражаясь. Но тѣ сами въ родѣ песьихъ мухъ или жуковъ, питающихся навозомъ и падалью. А эти — чистыя птицы, долголѣтнія и большого разума. Дроздъ умнѣе попугая и сталъ бы говорить промежду собою, если бъ онъ съ первыхъ дней своего бытія съ людьми жилъ въ ежедневномъ общеніи.

Теркинъ опять разсмѣялся и даже мотнулъ головой.

За чащей сразу очутились они на берегу лѣсного озерка, шедшаго узковатымъ овалomъ. Правый затонъ затянула водяная поросль. Вдоль дальняго берега шли кусты тростника, и желтые лиліевидные цвѣты качались на широкихъ гладкихъ листьяхъ. По водѣ, больше къ срединѣ, плавали бѣлыя кувшинки. И на фонѣ стѣны

изъ елей, одна отъ другой въ двухъ саженяхъ, стройно протянулись вверхъ двѣ еще молодыя сосны, отражая полоску свѣта своими шоколадно-розовыми стволами.

— Антонъ Пантелеичъ! — вскрикнулъ Теркинъ — они оба стали у воды. — Что я вамъ говорилъ! Гляньте-ка сюда! Сосны! Какая краса! Всю картину озарила!

Хрящевъ прищурился и долго глядѣлъ молча.

— Не спорю! Въ родѣ столповъ эллинскаго храма... Однако на ель и кедръ не промѣняю.

— Кто-то и порубочку произвелъ... только хозяйственную.

Теркинъ указалъ на недоложенную до полной мѣры сажень дровъ.

— Лѣсникъ на зиму приготовилъ, — замѣтилъ Хрящевъ, воззрившись. — Полсажня срубилъ, не вѣдая, что хозяева будутъ новые. И дрова-то ольховыя,—не больно поживился.

Оба разомъ усмѣхнулись и пошли вдоль берега къ тому мѣсту, гдѣ перешеекъ раздѣлялъ два озерка. Мѣсто выдалось особенно милое, — точно ландшафтъ, набросанный мастеромъ, воспитавшимъ свой талантъ и умѣнье на видахъ русской лѣсной природы.

Дальнѣйшій конецъ второго озерка, въ видѣ четырехугольника, весь сплошь заросъ зеленью, и только ея рѣзкій цвѣтъ и матовость не позволяли впасть въ обманъ и принять ее за мураву.

— Плѣсень-то, плѣсень!—громко замѣтилъ Теркинъ.— Что твоя ботвинья!

— Плѣсень, — повторилъ за нимъ Хрящевъ и, взявшись рукой за мясистый добрый подбородокъ, усмѣхнулся. — Вы скажете — умничаетъ Антонъ Пантелеичъ, все подъ видомъ агрономіи въ ученые мѣтитъ. Плѣсень, извѣстное дѣло. И съ ботвиньей сходство не малое. А тутъ цѣлое море низшихъ произрастаній. И какая въ нихъ найдется красота, ежели подъ стеклышкомъ разсматривать...

Взгляды ихъ встрѣтились. Теркинъ съ благодушнымъ любопытствомъ слушалъ своего лѣсовода и думалъ подъ его негромкую, немного слащавую рѣчь:

„А развѣ онъ не правъ, чудакъ-созерцатель? Урокъ мнѣ отличный преподалъ, не желая умничать, а только любя правду. Ботвинья — для нашего брата, дешеваго

остроумца; плѣсень—для того, кто на обухѣ рожь молотитъ; а для него—чудо!"

Онъ уже запомнилъ теплое восклицаніе Хрящева: „все чудо!" — гдѣ прорвалось его отношеніе къ жизни всего сущаго.

Послѣднюю полоску свѣта заволокло; но тучи были не грозовыя, темноты съ собой не принесли, и на широкомъ перелѣскѣ, гдѣ притулились оба озерка, лежало сѣроватое, ровное освѣщеніе, для глазъ чрезвычайно пріятное. Кругомъ колыхались нешумныя волны лѣса, то отдавая шелковистымъ звукомъ лиственныхъ породъ, то переходя въ гудѣніе хвои, заглушавшее всѣ остальные звуки.

И среди этой музыки не переставалъ проноситься одинъ лишь птичій звукъ:

— Тю-ить! Тю-ить! Тю-ить!..

Помнилъ его Теркинъ съ дѣтства самаго ранняго. Навѣрное зналъ мальчикомъ, какая птица издаетъ его, но теперь не могъ сказать. Это его какъ будто огорчило. Спрашивать у Хрящева онъ не захотѣлъ. Ему уже больше не говорилось... Весь онъ ушелъ въ глаза и слухъ.

Замедленнымъ, немного усталымъ шагомъ держались они лѣвой руки. Тамъ, по ихъ соображеніямъ, шла новая просѣка, проведенная недавно таксаторомъ Первачомъ.

— Тю-ить, тю-ить, тю-ить! — пускала все оттуда же неизвѣстная Теркину птица.

Онъ шелъ опять впереди. Нога его попадала то на корни, то на муравьиныя шишки. Кусты лиственныхъ породъ все густѣли.

— Антонъ Пантелеичъ!—окликнулъ онъ Хрящева, пробиравшагося осторожно.

— Здѣсь.

— Не сбиться бы намъ?

— Помилуй Богъ, Василій Иванычъ!

Изъ-за колючихъ вѣтвей лѣсного шиповника, покрытаго цвѣтами, выглянуло широкое лицо Хрящева. Въ одной рукѣ онъ держалъ что-то блестящее.

— Что это у васъ?—спросилъ Теркинъ.

— Карманный компасъ, никогда не разстаюсь. Мы идемъ правильно. Вотъ сѣверъ. Усадьба лежитъ на югъ-востокъ. Выйти намъ надо на сѣверо-западъ.

Вѣтеръ притихъ, а небо все еще оставалось сѣренькимъ, съ разрыхленными облаками, и между ними блѣдная лазурь проглядывала тамъ и сямъ.

Лѣсъ порѣдѣлъ. Подъ ними зачуялся покатый подъемъ. На небольшой плѣшинкѣ выдѣлялось округлое мѣсто, обставленное матерыми елями, похожее на шатеръ.

— Не угодно ли отдохнуть?.. Вонъ тамъ... въ гнѣздѣ?

Они присѣли на самой срединѣ, гдѣ совсѣмъ плоскій пень столѣтней ели, почернѣлый и обросшій кругомъ папоротникомъ, служилъ имъ покойнымъ диваномъ.

— Я такія мѣста гнѣздами называю, Василій Иванычъ,—отозвался Хрящевъ своимъ особымъ тономъ, какой онъ пускалъ, когда говорилъ по душѣ. — Вотъ, изволите видѣть, подъ елями-то, даже и въ такихъ гнѣздахъ, всякій злакъ произрастаетъ; а подъ соснами не было бы и на одну пятую. Рябина и сюда пробралась. Презорство! Зато и для желудка облегчительна... И богородицыны слезки!

Онъ говорилъ это вполголоса, какъ бы для себя.

— Чего-чего вы не знаете, Антонъ Пантелеичъ! А поглядишь на васъ спервоначалу — какъ прибѣдниваетесь! Ну, вотъ былинка! — Теркинъ сорвалъ стебелекъ съ цвѣтомъ и подалъ Хрящеву. — Я ее съ дѣтства знаю и попросту назову, а вы, поди, навѣрное и по-латыни скажете...

— Ужъ эту-то не назвать, Василій Иванычъ!.. За что же меня обучали на счетъ общества?

— Однако, какъ?

— Leontodon taraxacum.

— Вотъ я не знаю. И не слыхалъ даже. А я три рѣчи Цицерона въ гимназіи зналъ наизусть, и на какой онѣ мнѣ шутъ?

— Все нужно, Василій Иванычъ.

Надъ самыми ихъ головами жалобно протянулся птичій крикъ высоко въ небѣ.

— Ястребъ?—вопросительно сказалъ Теркинъ.

— Ждетъ бури... только бури-то не будетъ, — съ капелькой яда выговорилъ Хрящевъ, особенно не любившій хищниковъ.

Они сидѣли тутъ молча, среди сильнаго гула хвои и густой травы, каждый въ своихъ мысляхъ.

Въ лѣсу совсѣмъ смолкло. Зачирикали и залились птицы. Небо надъ ними голубѣло. Минутъ черезъ пять вдали гдѣ-то, не то сзади, не то сбоку, начало какъ будто хрустѣть.

Хрящевъ уже прислушивался къ этому звуку, когда Теркинъ окликнулъ его.

— Не узнаете?— спросилъ Хрящевъ и подмигнулъ.

— Порубка?

— Никакъ нѣтъ. Это—Топтыгинъ Михаилъ Иванычъ.

— Медвѣдь?

— Онъ, онъ!..

Глазки Хрящева ласково заискрились.

— Въ какую же сторону ломитъ?

Теркинъ подавилъ въ себѣ безпокойство и желаніе встать.

— Какъ будто вотъ сюды, въ эту сторону... Да вѣдь онъ не тронетъ. Только его не замай. Онъ теперь сытый... Идетъ побаловаться чѣмъ-нибудь къ опушкѣ... Звѣрь мудрѣйшій и нрава игриваго... Травоядный! Грызунъ, по-ученому.

Спокойно и достолюбезно вымолвилъ Хрящевъ послѣднія слова. Теркинъ вытянулъ ноги, подложилъ подъ голову обѣ руки и, глядя въ ленту неба, глядѣвшую внизъ, между высокихъ елей, сладко зѣвнулъ и повернулся къ своему подручному.

— Тайна все, въ насъ и вокругъ насъ, такъ вѣдь, Антонъ Пантелеичъ?

— Тайна!—съ замедленнымъ вздохомъ выговорилъ Хрящевъ и тоже прилегъ на мураву.

Веселая птичка пустила опять надъ ними свое: тю-ить, тю-ить, тю-ить!

XXXIII.

Со стола еще не убрали десерта, бутылокъ съ виномъ и чашекъ отъ кофе.

Въ залѣ городской квартиры Низовьева, часу во второмъ, Серафима и Первачъ, низко наклонившись надъ столомъ, сидѣли и курили. Передъ ними было по рюмкѣ съ ликеромъ.

Разговоръ пошелъ еще живѣе, но безъ раскатовъ голоса Серафимы, какъ въ началѣ ихъ завтрака. Прислуга не входила.

— Да вы полноте, Николай Никанорычъ, не извольте скромничать... Вѣдь я для господина Теркина — особа безразличная. Правъ на него никакихъ не имѣю... значитъ. Цѣлованье у васъ было съ тѣмъ сусликомъ, а?..

Первачъ сидѣлъ красный, съ возбужденными вѣками своихъ масленистыхъ и плутоватыхъ глазъ, весь въ цвѣтномъ. Кольца на его правой рукѣ блестѣли. Мизинцемъ

онъ снималъ пепелъ съ папиросы и поводилъ смѣшливо глазами.

Въ головѣ его немножко шумѣло. Серафима угощала его усиленно, пила и сама, но гораздо меньше. Она расшевелила въ немъ всѣ его позывы, расчеты, влюбленность въ свою красоту, обиду за то, какъ съ нимъ обошлись въ Заводномъ, откуда его удалили такъ быстро и рѣшительно. Въ Серафимѣ онъ нашелъ нежданную покровительницу. Черезъ нее онъ получилъ у Низовьева мѣсто завѣдующаго всѣми его лѣсными угодьями... Да, такой женщины онъ еще и не встрѣчалъ. Низовьевъ—въ ея рукахъ, и врядъ ли она ему отдалась. Кто знаетъ!.. Можетъ, она выберетъ сначала его въ тайные друзья...

— Да ну же! кайтесь! — понукала Серафима и черезъ столъ дернула его за рукавъ.

Ея янтарная блѣдность перешла въ золотистый румянецъ... Легкій, полупрозрачный пеньюаръ развѣвался на рукахъ; волосы были небрежно заколоты на маковкѣ.

— У меня есть на это правило,—выговорилъ Первачъ, поводя глазами,—даже когда та, кто была со мной близка и не заслуживала бы джентльменскаго отношенія къ себѣ.

— Да ужъ нечего!.. Чмокъ-чмокъ было?

— Если угодно, да.

— А можетъ, и больше того?

— Не находилъ нужнымъ торопиться.

— И навѣрно эта дѣвчонка сама первая полѣзла къ вамъ цѣловаться? Такъ только, цыпъ-цыпъ ей сдѣлали? Это сейчасъ видно: рыхлая, чувственная, съ первымъ попавшимъ мужчиной сбѣжала бы! И господинъ Теркинъ, выходитъ, тутъ же и врѣзался; и начали они продѣлывать Германа и Доротею.

— Какъ вы назвали?

— А вы не читали?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Есть такая поэма Гёте... Я въ русскомъ переводѣ въ гимназіи читала. Еще старѣе исторіи есть: Дафнисъ и Хлоя, Филемонъ и Бавкида, въ такомъ же миндальномъ вкусѣ...

Глаза ея метали искры; ротъ, красный и влажный, слегка вздрагивалъ. Внутри у нея гремѣло одно слово: „подлецы!“

Всѣ мужчины—презрѣнная дрянь, всѣ: и этотъ землемѣришка, и тотъ баринъ-женолюбъ, котораго она оберетъ

не такъ, какъ его парижская „сударка“, а на все его остальное состояніе. Но презрѣннѣе всѣхъ—Теркинъ, ея идолъ, ея цаца, промѣнявшій такую любовь, такую женщину на что и на кого? На „суслика“, котораго землемѣришка довелъ бы до „нолнаго градуса“ въ одну недѣлю!

— Ха-ха! — разнесся по комнатѣ ея смѣхъ. — Ха-ха! Чудесно! Превосходно! Отчего же вы ему не отрапортовали... хоть въ письмѣ? Благо по его приказу его будущая роденька васъ вытурила такъ безцеремонно!

— Я выше этого.

— Полноте! Оттого, что сусликъ этотъ ужъ больно легко вамъ доставался! А можетъ, она и продалась ему... знаете... въ институтско-дворянскомъ вкусѣ...

— Врядъ ли!.. Я и самъ не ожидалъ отъ нея того... какъ бы это сказать... тона, съ какимъ она...

— Вамъ коляску подала? На это подлости хватитъ у всякой безмозглой бабенки.

Сама Серафима не входила въ это число. Она положила всю себя на одну безраздѣльную страсть — и такъ гнусно брошена человѣкомъ, пошедшимъ въ гору „на ея же деньги“! Еще добро бы на ту „хлыстовскую богородицу“ онъ промѣнялъ ее въ порывѣ глупаго раскаянія, въ которомъ никто не нуждался. Святостью взяла Калерка, да распущенными волосами, да ангельски-прозрачной кожей. А тутъ? Пузырь какой-то, золотушный помѣщичій выводокъ. Захотѣлъ дворянку пріобрѣсти вмѣстѣ съ усадьбой, продалъ себя своему чванству; а поди, воображаетъ, что онъ облагодѣтельствовалъ всю семью и осчастливилъ блудливую дѣвчонку законнымъ бракомъ!

Все это казалось ей такъ низко и пошло. А между тѣмъ она не могла оторваться отъ всего этого, и если бъ Первачъ зналъ подробности того, какъ Теркинъ сближался съ „сусликомъ“, она бы разспрашивала его цѣлый день... Но онъ ничего не зналъ или почти что ничего.

— Помолвка была ли? — спросила она, не дожидаясь отвѣта на свои безцеремонныя слова насчетъ „коляски“, поданной ему барышней.

— Не знаю-съ!—выговорилъ чопорнѣе Первачъ.—Да и нимало не интересуюсь.

И этому „лодырю“,—она такъ уже про себя называла его,—хотѣлось ей показать, что онъ такой же пошлякъ и плутъ, какъ и всѣ вообще мужчины. Но онъ сейчасъ понялъ и не хвасталъ. Дѣвчонка амурилась съ нимъ передъ

самымъ пріѣздомъ Теркина въ Заводное. Чего бы лучше преподнести Василію Ивановичу сюрпризецъ въ видѣ письма, и прописать въ немъ, какое сокровище онъ обрѣлъ, съ лодыремъ-землемѣришкой? Точно горничная въ саду амурилась,—такъ, здорово живешь! Вотъ такъ идеалъ! Вотъ такъ желанная пристань, куда онъ причалилъ!

Въ груди у нея стянуло точно судорогой. Она уже писала въ воображеніи это письмо, и ядъ лился у нея съ пера. О! она сумѣетъ показать, что и ее не даромъ выпустили съ золотой медалью. Не чета она тупоголовой и мучнистой дѣвчонкѣ изъ губернскаго института...

Внезапная мысль брызнула на нее холодной струей. Та могла вѣдь и сама повиниться ему, когда онъ попросилъ ея руки; поди, разрюмились оба, и онъ, что твой раскольничій начетчикъ, далъ ей отпущеніе въ грѣхахъ, все простилъ, и себя въ собственныхъ глазахъ возвеличилъ.

Да если бъ и этого не было — не хочетъ она рукъ марать. Писать безъ подписи, измѣненнымъ почеркомъ— подло! А отъ своего имени — только бо̀льшаго срама наѣсться!

Все равно. Она рѣзнула себя по живому мясу. Любовь ухнула. Ея мѣсто заняла безпощадная вражда къ мужчинѣ, не къ тому только, кто держалъ ее три года на цѣпи, какъ рабыню безотвѣтной страсти, а къ мужчинѣ вообще, кто бы онъ ни былъ. Никакой жалости... Ни одному изъ нихъ!.. И до тѣхъ поръ, пока не поблекнетъ ея красота—не потеряетъ она власти надъ тѣми, кто подверженъ женской прелести, она будетъ пить изъ нихъ душу, истощать силы, выжимать всѣ соки и швырять ихъ какъ грязную ветошь.

Небось! Въ нихъ не будетъ недостатка. Первый Низовьевъ уже весь охваченъ старческимъ безумiемъ. Она не положитъ охулки на руку. Если его парижская любовница—графиня—сто́ила ему два милліона франковъ, то на нее уйдутъ всѣ его непроданныя еще лѣсныя угодья, покрывающія десятки тысячъ десятинъ по Волгѣ, Унжѣ, Ветлугѣ, Камѣ!

И, точно спохватившись, какъ бы не потерять много времени, она откинулась на спинку стула и дѣловымъ, отрывистымъ тономъ окликнула:

— Первачъ!

— Что угодно, Серафима Ефимовна?

— Павелъ Иларіонычъ долженъ вернуться къ обѣду?

— Такъ точно.

— Долго я съ вами растабарывать не стану. Вы меня поняли вчера? А?

— Превосходно понялъ, Серафима Ефимовна.

— Хотите быть главноуправляющимъ — не забывайте, кто ваше начальство.

— Хе-хе! — сдержанно пустилъ Первачъ веселымъ и злобнымъ звукомъ. — Мать-командирша — Серафима Ефимовна. Такъ и подобаетъ.

— То-то!.. А теперь я васъ не удерживаю. Мнѣ надо одѣться.

— Имѣю честь кланяться.

Онъ удалился съ низкимъ поклономъ, но въ его масленыхъ глазахъ мелькнула змѣйка. Влюбленный въ себя хищникъ подумалъ тутъ же: „дай срокъ — и ты поймаешься".

По уходѣ его Серафима сидѣла минуты съ двѣ въ той же откинутой позѣ, потомъ порывисто положила на столъ полуобнаженныя руки, опустила на нихъ голову и судорожно зарыдала. Звуки глохли въ ея горлѣ, и только грудь и плечи поводило конвульсіей.

XXXIV.

Огненной полосой вползала вечерняя заря въ окна, полузатворенныя ставнями. На постели лежала Серафима, въ томъ же утреннемъ пеньюарѣ, въ какомъ завтракала съ таксаторомъ.

Съ ней сдѣлался припадокъ, и она не могла одѣться къ возвращенію Низовьева. Припадокъ былъ упорный и долгій. Ея горничная Катя, вывезенная изъ Москвы, ловкая и нарядная, въ первый разъ испугалась и хотѣла послать за докторомъ, но барыня ей крикнула:

— Не хочу доктора!.. Оставьте меня!..

Нѣсколько часовъ пролежала она одна, съ полузакрытыми ставнями, осиливая приступъ истерики. Такой „сильной гадости" съ ней еще ни разу не бывало, даже тогда, какъ она была выгнана съ дачи послѣ покушенія на Калерію.

Это ее возмутило и срамило въ собственныхъ глазахъ. Все изъ-за него, изъ-за презрѣннаго мужчины, промѣнявшаго ее на суслика. Надо было пересилить глупый бабій

недугъ — и она пересилила его. Осталась только тупая боль въ вискахъ. Незамѣтно она забылась и проспала. Когда она раскрыла отяжелѣвшія вѣки, вечерняя заря уже заглянула въ скважины ставенъ. Въ домѣ стояла тишина; только справа, въ комнаткѣ горничной, чуть слышно раздавался шопотъ... Она узнала голосъ Низовьева.

Навѣрное онъ уже въ десятый разъ приходитъ узнавать, какъ она себя чувствуетъ и не лучше ли послать за докторомъ.

Чего еще ей надо? Этотъ баринъ въ нѣсколько разъ богаче Теркина. Первачъ далъ ей полную роспись того, что у него еще остается послѣ продажи лѣсной дачи Теркинской компаніи... На цѣлыхъ два милліона строевого лѣсу только по Волгѣ. Изъ этихъ милліоновъ сколько ей перепадетъ? Да все, если она захочетъ.

Развѣ она сразу попустила себя до положенія его временной содержанки? Какъ бы не такъ! Она и здѣсь живетъ какъ благородная дама, которая осчастливила его тѣмъ, что согласилась помѣститься въ его квартирѣ; а самъ онъ перешелъ во флигелекъ черезъ дворъ. Между ними — ни малѣйшей близости.

Низовьевъ прекрасно понимаетъ, что пріобрѣсти ее будетъ трудно, очень трудно. На это пойдетъ, быть-можетъ, не одинъ годъ. Въ Парижъ онъ не вернется такъ скоро. Гдѣ будетъ она, тамъ и онъ. Ей надо ѣхать на Кавказъ, на воды. Печень и нервы начинаютъ шалить. Предписаны ей Эссентуки, номеръ семнадцатый, и Нарзанъ. И онъ тамъ будетъ жариться на солнцѣ, ѣсть тошную баранину, бродить по пыльнымъ дорожкамъ на ея глазахъ, трястись на казацкой лошади позади ея въ хвостѣ другихъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ. А потомъ — въ Петербургъ!

У нея есть еще свои деньги. Она тамъ заживетъ дамой „изъ общества“. Имѣетъ на то законное право. Кто она? Какъ прописывается? Вдова коллежскаго совѣтника Рудичъ. Свекоръ ея — сановникъ... И до того она доберется.

Нужды нѣтъ, что убѣжала отъ его сынка. Сановникъ,— ей это донесли, — такъ же, какъ и сынъ, любитъ карты и всякое транжирство; состоянія нѣтъ, жалованья всего семь тысячъ — не раскутишься! — долговъ множество, состоитъ прихвостнемъ у какого-то банкира... Ничего не

будетъ стоить подобраться къ нему,—онъ ея никогда не видалъ, — заставить полюбить себя, помочь ему въ его дѣлишкахъ. Одного Шуева — ея „ангела“ — достаточно. Тотъ не то что дастъ взаймы свекру, сколько она прикажетъ, — самъ себя заложитъ, взломаетъ сундукъ дяденьки-благодѣтеля. Только она такихъ „ангельскихъ“ денегъ не хочетъ... И отъ Низовьева можетъ пользоваться свекоръ.

Потомъ настанетъ чередъ Парижа. Тамъ она заберетъ его уже вплотную! И у нея будетъ „отель“ на милліонъ франковъ. Ея имя прогремитъ. Не кокоткой она себя поставитъ, а настоящей барыней. Въ годъ ея французскій языкъ получитъ парижскій звукъ. Захочетъ — будетъ зваться „madame la comtesse Rouditsch“; поди, разбирай, графиня она или нѣтъ, когда въ „Figaro“ станутъ такъ называть ее репортеры! Еще жену его заставитъ и дочерей ѣздить къ себѣ съ визитомъ и на вечера съ „tout Paris“, гдѣ она будетъ пѣть русскіе романсы съ самимъ Иваномъ Решке. Все будетъ!

И только?.. Неужели только?—Серафима закрыла глаза и повела по лицу ладонью правой руки.

Передъ ней, — точно живой, съ трепетомъ дубовой листвы, съ зеленой муравой, съ порханьемъ мягкаго вѣтерка,—тотъ склонъ, гдѣ они сидѣли подъ дубомъ въ Заводномъ, съ нимъ, съ „Васей“!

Она слышитъ его голосъ, гдѣ дрожитъ сердечное волненіе. Съ ней онъ хочетъ братски помириться. Ее онъ жалѣетъ. Это была не комедія, а истинная правда. Такъ не говорятъ, такъ не смотрятъ, когда на сердцѣ обманъ и презрительный холодъ. И что же ему дѣлать, если она для него перестала быть душевно-любимой подругой? Развѣ можно требовать чувства? А брать въ любовницы безъ любви — только ее позорить, низводить на ступень вещи или красиваго звѣря!

Какъ это ясно и просто! Ни въ чемъ онъ не виноватъ. Она—безумная и злая баба—распалилась къ нему злобой, не поняла его души, не схватилась за его жалость къ ней, за братскую доброту, какъ за драгоцѣнный кладъ!..

Глаза ея дѣлались влажны; но она не заплакала; лежала недвижно, опустивъ руки на одѣяло... Ей такъ сладко вдругъ стало мыслью своей ласкать образъ Васи, припоминать его слова, звукъ голоса, повороты головы и

всего тѣла, взгляды его въ началѣ и въ срединѣ ихъ разговора.

Такъ отрадно ей было чуять, что съ души у нея что-то такое спадаетъ, что̀ грызло тѣло и мутило разумъ.

Образы — все на томъ же зеленомъ косогорѣ парка — измѣнились. Не она сидитъ съ нимъ, а другая... та дѣвчонка... Какъ отчетливо видитъ она ее; нужды нѣтъ, что только мелькомъ оглядѣла, когда проходила на балконъ: это пухлое розовое личико, ясные глаза, удивительныя руки, косу, дѣвичій станъ. Да, она—непорочная дѣвица, даромъ что цѣловалась съ таксаторомъ. Ея голубиная кротость и простоватое дѣтство притянули Васю... Великая есть сила въ такихъ „ничевушкахъ“, когда онѣ пышутъ свѣжестью восемнадцати лѣтъ и цѣломудрія. Да, цѣломудрія! Ни у кого она въ объятіяхъ не была, не подпадала еще подъ звѣрство мужского обладанія.

И онъ теперь вотъ, на закатѣ, сидитъ съ своей невѣстой, на томъ же мѣстѣ, гдѣ она, какъ блудница, съ воплемъ простиралась по травѣ и чуть не цѣловала его ногъ... Онъ смотритъ на нее любовно-отеческимъ взглядомъ, гладитъ по головѣ, ласкаетъ русую косу; а потомъ цѣлуетъ каждый пальчикъ ея крохотной ручки.

— Нѣтъ!—громко крикнула Серафима, вся потянулась, подняла станъ и сѣла въ кровати.

Въ груди зажгло нестерпимо, до потребности крика. Кровь хлынула къ лицу. Судорожно подняла она кулаки.

Нѣтъ, нѣтъ пощады гнусному вору, ограбившему ея душу! Судьба знаетъ, что̀ творитъ. Не даромъ свела она ее съ этимъ Низовьевымъ, владѣтелемъ несмѣтныхъ лѣсовъ. Теркинъ мечтаетъ о сохраненіи народнаго богатства. Не мало рацей слыхала она отъ него. У расхитителей-дворянъ будетъ онъ скупать ихъ добро и дуть на него. А она станетъ разорять лѣсного милліонщика, доводить его до продажи не такимъ радѣтелямъ, какъ Теркинъ съ его компаніей, а на срубъ жаднымъ и безстыднымъ барышникамъ. И чтобы въ три-четыре года всѣ эти заказники и прирѣчныя дебри пошли прахомъ. И вездѣ Васька Теркинъ встрѣтитъ ее, и кто кого осилитъ—старуха на-двое сказала.

— Ха-ха-ха! — вырвался у нея глухой смѣхъ, и она еще выше подняла голову.

Въ щель двери раздался сдержанный голосъ Кати:

— Барыня! къ вамъ можно?

— Погодите.

Горничная понизила еще голосъ.

— Павелъ Иларіонычъ въ залѣ и безпокоятся насчетъ вашего здоровья. Что прикажете сказать? Можно имъ къ двери подойти?

— Можно.

Заслышались тихіе мужскіе шаги по залѣ и къ другой двери, около нижней спинки кровати, подошелъ Низовьевъ.

— Серафима Ефимовна! Ради Бога! Какъ вы себя чувствуете?

— Ничего. Все прошло.

— Не позволите взглянуть на себя?

— Не сейчасъ.

— Такъ я посижу здѣсь... въ залѣ.

„Сиди! — злобно и весело подумала она: — сиди, голубчикъ! Долго ты будешь ждать. Не одинъ мѣсяцъ!“

И вслѣдъ затѣмъ она порывисто позвонила и спустила ноги на полъ.

Низовьевъ перевелъ дыханіе и такъ же тихо присѣлъ къ окну.

XXXV.

— Ахъ, няня, какъ ты копаешься! Поскорѣе! — кричала Саня въ аллеѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обрыва, гдѣ на скамьѣ виднѣлась мужская широкая спина и русая голова въ черной низкой шляпѣ.

Ѳедосеевна бережно несла блюдце съ ягодами, посыпанными сахаромъ.

— Приспичило! Успѣешь!

— Ну, подай... Я сама донесу.

Саня взяла у нея изъ рукъ блюдце и поцѣловала ее въ голову.

— Няня, милая! Спасибо!

Старуха смотрѣла ей вслѣдъ, заслоняя рукой глаза отъ послѣднихъ лучей заката.

Вечеръ подходилъ къ закату, — ласковый, теплый, съ міріадами мошекъ по дорожкамъ цвѣтника.

Вотъ Саня уже подбѣжала къ скамьѣ, гдѣ сидитъ ея женихъ. Сдержанная усмѣшка смягчаетъ строгое лицо Ѳедосеевны. Про себя она смекаетъ, что счастіе своей воспитанницы вышло черезъ нее. Не наберись она тогда

смѣлости, не войди прямо къ пріѣзжему, чужому человѣку и не тронь его сердца—не вышло бы ничего.

И онъ за это не оставитъ. Не такой человѣкъ. Сейчасъ видно, какой онъ души. Успокоитъ ее на старости. И все здѣсь въ домѣ и въ саду будетъ заново улажено и отдѣлано. Слышала она, что въ верхнемъ ярусѣ откроютъ школу, внизу, по лѣтамъ, сами станутъ жить. Ее во флигелѣ оставятъ; а тѣ — вороны съ братцемъ — переберутся въ другую усадьбу. По своей добротѣ Василій Ивановичъ позволилъ имъ оставаться въ Заводномъ; купчая уже сдѣлана, это она знаетъ. Самъ онъ ютится пока въ одной комнатѣ флигеля, рядомъ съ нею.

Ѳедосеевна еще разъ, въ полъ-оборота, поглядѣла на пару, сидѣвшую на скамейкѣ, и пошла, не ускоряя шага, во флигель.

— Ахъ, какая земляника! Восторгъ!

Саня ѣла ягоды съ ложки и немного причмокивала.

— Жаднюга вы! — проговорилъ Теркинъ и шутливо взглянулъ на нее.

Они еще были на „вы“.

— Жаднюга, да, — кротко повторила она и даже вздохнула. — Люблю сладкое поѣсть. Развѣ это большой грѣхъ?

— Чревоугодіемъ называется.

— Ха-ха! чревоугодіемъ! какъ страшно!

Но по лицу ея пробѣжала тѣнь. Она вспомнила про послѣ-обѣда у тети Марѳы, про ея наливки и все, что отъ нихъ вышло.

— Ей-Богу, я и наливки... полюбила...

— Оттого, что сладки?

— Да, да!

— А отъ сладкаго-то зубки испортятся. Потомъ каяться будете.

— Буду! — вымолвила Саня и перестала ѣсть землянику. — Довольно!

— Докончимъ! На двоихъ это не больно много.

„Зачѣмъ онъ говоритъ: „больно“? — подумала Саня. Говоръ Теркина показался ей совсѣмъ простымъ. Но это ее не огорчило. Весь онъ былъ такой статный, красивый, такъ хорошо одѣвался, по-своему, и такъ умно говорилъ со всѣми и обо всемъ. Ей даже нравился небарскій звукъ его рѣчи и нѣкоторыя слова, въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ мужики и дворовые. Прискучили ей говоръ и

складъ рѣчи ея тетокъ и отца. У тети Маруси она знаетъ впередъ каждое слово; тетка Павла точно вся шипитъ или язвитъ и по книжкѣ читаетъ. У отца выраженія благородныя, только все одни и тѣ же, и кажется, будто онъ говоритъ на какомъ-то засѣданіи и отстаиваетъ свое достоинство. Отъ самаго звука его голоса по ея спинѣ пробѣгаютъ всегда мурашки дремоты и челюсти начинаетъ поводить.

— Дитятко вы мое!..

Теркинъ поставилъ блюдце ягодъ, откуда онъ ихъ ѣлъ, на край скамейки, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Саня вся зардѣлась и робко прикоснулась губами къ его головѣ. Женихъ былъ съ ней сдержанъ, не лѣзъ цѣловаться, не позволялъ себѣ никакой фамильярности въ жестахъ. Это ее трогало, и чувство почти дочерней нѣжности назрѣвало въ ней. Она прекрасно понимала его деликатность и каждый день, какъ только онъ утромъ встрѣчался съ ней съ-глазу-на-глазъ и цѣловалъ въ лобъ, она стыдила себя мысленно, спрашивая: какъ могла она дойти съ таксаторомъ до такихъ „цѣловушекъ“? — ея институтское выраженіе.

— Закатъ-то какой! — продолжалъ съ тихимъ волненіемъ Теркинъ, отведя голову въ другую сторону. — Посмотрите, какъ вправо-то, вонъ гдѣ за селомъ лѣса начинаются, въ сосновомъ заказникѣ, стволы зажглись розовымъ свѣтомъ.

— Да. Какъ красиво!.. Василій Иванычъ. И все это ваше теперь!

— Не мое, а компанейское.

— Это все равно.

— Какъ все равно? Что вы, голубушка!

— Вы у нихъ всему голова.

Саня обернулась къ нему и дурачливо кивнула головой. Теркинъ разсмѣялся и замолчалъ. Совсѣмъ еще неразумное чадо, барышня-институтка, не знаетъ жизни, ума непрыткаго, натуры рыхловатой. И онъ ее выбралъ въ подруги на всю жизнь!.. И никакой въ немъ думы и тревоги и жалости къ своей холостой свободѣ.

„Чудно!“ — вымолвилъ онъ про себя, чувствуя, какъ что-то простое, мужицкое, только безъ мужицкаго презрѣнія къ „бабѣ“, заливаетъ его душу. Что тутъ разбирать да анализировать? Надо семьей обзаводиться; сладко и лестно — отдать свою тихую, прочную любовь вотъ

такому немудрому, беззащитному „суслику“. Это слово, брошенное Серафимой въ припадкѣ женской ярости, полюбилось ему.

— Василій Иванычъ! — окликнула его Саня. — Посмотрите... тамъ за селомъ вправо, за вашимъ лѣсомъ... дымъ какой... Что это? Неужели пожаръ?

Онъ встрепенулся, всталъ, отошелъ къ самому обрыву, воззрился своими дальнозоркими большими глазами, и внутри его сейчасъ же ёкнуло.

Дымъ въ надвигавшихся сумеркахъ разстилался дѣйствительно правѣе отъ села, за сосновымъ заказникомъ.

„Лѣсной пожаръ!“ — выговорилъ онъ про себя, и ладони рукъ у него захолодѣли. Заказникъ шелъ по лѣвому берегу Волги широкой полосой и сливался съ другой лѣсной дачей.

— Вѣдь тамъ предводительское имѣніе?— спросилъ онъ быстро Саню.

— Кажется... Тамъ онъ не живетъ... а заводъ у него...

— Заводъ?

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по площадкѣ.

— Вы боитесь, Василій Иванычъ, за вашъ лѣсъ?..

— Только бы лѣсъ не горѣлъ! Выше этой бѣды нѣтъ!

Саня ничего не отвѣтила и опустила голову.

Въ аллеѣ показалась длинная фигура отца ея.

— Иванъ Захарычъ! — громко окликнулъ Теркинъ. — Пожалуйте сюда поскорѣе! Видите дымъ? Что это можетъ быть?

Иванъ Захарычъ двигался такъ же медленно. Въ домашней голубоватой тужуркѣ, выбритый и съ запахомъ одеколона, онъ курилъ сигару и шелъ не сгибая колѣнъ. Съ самаго дня продажи усадьбы онъ имѣлъ видъ человѣка, чѣмъ-то обиженнаго и съ достоинствомъ носящаго незаслуженный имъ крестъ.

— Что вы изволите?—спросилъ онъ чопорно.

— Да вотъ дымъ... Что это?

— Едва ли не лѣса горятъ,—процѣдилъ онъ.

— Едва ли!.. Ха-ха!..

Теркина взорвало. Онъ подошелъ къ нему, взялъ его за пуговицу его сюртука и заговорилъ пылко и скоро:

— Ну, а если бъ вотъ на вашихъ глазахъ начало драть заказникъ — вы бы тоже ухомъ не повели, благо вы его продали?

— Не знаю-съ...

— Вотъ такъ вотчинное чувство!.. Что не мое, то пропадай пропадомъ.

— Это еще далеко,— все такъ же упорно и невозмутимо продолжалъ Иванъ Захарычъ.— Тамъ заводъ Петра Аполлосовича и еловый лѣсокъ... Гдѣ-нибудь тамъ занялось; деревень въ той мѣстности нѣтъ; да и дымъ, надо полагать...

— Надо полагать!— чуть не передразнилъ его Теркинъ.—Да вы бы спосылали кого-нибудь.

Но онъ сдержалъ себя, приподнялъ шляпу и насмѣшливо выговорилъ:

— Извините... Потревожилъ ваше спокойствіе.

До Сани долетѣлъ весь этотъ разговоръ.

На террасѣ показался въ эту минуту Хрящевъ и добѣжалъ до нихъ запыхавшись, блѣдный, но съ рѣшительнымъ видомъ, какого у него еще никогда не подмѣчалъ Теркинъ.

— Что?—окликнулъ онъ его издали.

— Василій Иванычъ! Пожаръ въ имѣніи господина Звѣрева. Заводъ загорѣлся и ельникъ. До заказника рукой подать. Надо дѣйствовать.

— Еще бы! Ѣдемъ верхами! Коли нужно — сбить народъ въ Заводномъ. Иванъ Захарычъ, вашими лошадьми я распоряжусь... А васъ не приглашаю... Александра Ивановна, прощайте! — онъ подбѣжалъ къ ней и пожалъ ей только руку. — Не безпокойтесь! Можетъ, тамъ и ночевать придется.

Иванъ Захарычъ пустилъ кольчики дыма вслѣдъ двухъ разночинцевъ, полетѣвшихъ спасать заказникъ. Саня въ сильномъ смущеніи опустилась на скамью.

XXXVI.

Измученная, потная, непривычная ходить подъ верхомъ, лошадь спотыкалась о пни и кочки. Теркинъ нервно понукалъ ее, весь черный отъ дыма и сажи, безъ шапки, съ разодраннымъ рукавомъ визитки.

Весь вечеръ и всю ночь, не смыкая глазъ до утра, распоряжался онъ на пожарѣ. Когда они съ Хрящевымъ прискакали къ дальнему краю сосноваго заказника, переѣхавъ Волгу на поромѣ, огонь былъ еще за добрыхъ три версты, но шелъ въ ихъ сторону. Начался онъ на винокуренномъ заводѣ Звѣрева въ послѣобѣденное время. Заводъ стоялъ безъ дѣла, и никто не могъ сказать, гдѣ

именно загорѣлось; но драть начало шибко въ первыя же минуты, и въ два какихъ-нибудь часа остались однѣ головешки отъ обширнаго—правда, стараго и деревяннаго—зданія.

Перекинуло на еловый лѣсъ Звѣрева, шедшій подковой въ ста саженяхъ отъ завода, въ сторону заказника Черносошныхъ, теперь уже компанейскаго. „Петьки“ такъ онъ и не дождался. Предводитель уѣхалъ въ губернскій городъ. На заводѣ оставался кое-кто, но тушить лѣсной пожаръ, копать канавы, отмахивать вѣтвями некому было. Пришлось сбивать народъ въ деревушкѣ верстъ за пять и посылать нарочныхъ въ Заводное, откуда, посуливши имъ по рублю на брата, удалось пригнать человѣкъ тридцать.

Что можно было сдѣлать съ такой командой?

Звѣревскій ельникъ отдѣляла отъ заказника порядочная полоса пашни, стоявшей въ пару. Копать канаву не было надобности: пожаръ шелъ сначала только по верху, а не по землѣ. Перекинетъ—займется заказникъ, не перекинетъ—пронесетъ бѣду.

Перекинуло къ полуночи; вѣтеръ перемѣнился, подуло съ юго-запада прямо на опушку того мѣста, гдѣ росъ самый ядреный строевой лѣсъ.

Когда онъ увидалъ, какъ занялись первыя деревья, онъ чуть не заплакалъ; потомъ сталъ метаться на лошади вдоль опушки, кричать на народъ, схватилъ вѣтку березы и, сознавая, что это безполезно, махалъ ею. Хрящевъ успокоивалъ его, распоряжался толково, безъ крика и брани, съ яснымъ и болѣе строгимъ лицомъ. Онъ былъ неузнаваемъ.

Ужъ отхватило съ десятину и подошло къ узкой просѣкѣ.

— Василій Иванычъ!—предложилъ ему Хрящевъ, весь въ копоти и дымѣ, подъ трескомъ и гуломъ, — позвольте зажечь съ этой стороны? Огонь огнемъ остановить—одно средство.

— Что вы, съ ума сошли? — гнѣвно крикнулъ онъ, поднимаясь въ стременахъ.

Онъ и забылъ, что къ такому крайнему средству прибѣгаютъ въ лѣсныхъ пожарахъ.

— Какъ угодно! Все равно займется!

И занялось. Онъ чуть не волосы на себѣ рвалъ, но потомъ вдругъ успокоился и въ подавленномъ настроеніи,

близкомъ къ чувству потери близкаго существа, ѣздилъ вдоль пожарища, самъ не распоряжался, но и не сходилъ съ сѣдла ни на минуту.

Пожаръ то стихалъ, то опять занимался. Начала тлѣть и земля. Пошелъ особый запахъ торфяной гари: огонь добрался до той части заказника, гдѣ наполовину росъ черный лѣсъ и были низины.

Утромъ, въ восьмомъ часу, продирался онъ сквозь чащу, заскакивая какъ въ псовой охотѣ доѣзжачіе, желая прервать путь огню. Тлѣла жирная земля и мѣстами, гдѣ росъ мелкій можжевельникъ и сухой вересковъ, занималась полосами пламени, чуть виднаго на дневномъ свѣтѣ.

Теркинъ соскочилъ на лошади съ полукруглаго вала въ плѣшку, покрытую мхомъ и хвоей. Густой дымъ скрывалъ змѣйки огня и тлѣніе низины. Онъ круто повернулъ лошадь—она фыркнула и не хотѣла идти дальше. Онъ ударилъ ее нагайкой и направилъ туда, гдѣ должны были рыть канаву подъ надзоромъ Антона Пантелеича. И вдругъ изъ-подъ копытъ по сапогу его лизнулъ огненный языкъ — точно онъ выскочилъ изъ земли. Лошадь еще сильнѣе шарахнулась. Онъ повернулъ ее въ другую сторону и только что доѣхалъ до дальняго края этой пространной колдобины, какъ тамъ тоже занялось и подъ ногами лошади начало тлѣть все сильнѣе и сильнѣе.

— Батюшка!.. Василій Иванычъ! Господь съ вами! Сгорите! Сюда!

Кричалъ Хрящевъ, пѣшій, весь черный, въ одной рубашкѣ, съ березовой обгорѣлой вѣтвью въ рукѣ. Онъ схватилъ лошадь подъ-уздцы и сильно дернулъ ее. Не успѣла она перепрыгнуть черезъ подъемъ почвы, какъ огненный кругъ замкнулся.

— Батюшка! Погибли бы! Въ мшару попали!

— Куда?—спросилъ Теркинъ растерянно и злобно.

— Въ мшару, Василій Иванычъ! Въ такую низину... Торфъ тутъ подъ ногами. Сгорѣли бы до тла! Боже мой!

Хрящевъ почти плакалъ отъ радости.

— Спѣшьтесь вы! — упрашивалъ онъ. — Сейчасъ вотъ просѣка будетъ... А тамъ успѣютъ, Богъ дастъ, окопать. Малый одинъ толковый изъ Заводнаго. Я его въ наряд-чики произвелъ.

Теркинъ слѣзъ съ лошади. Онъ очутился на полянкѣ.

Саженяхъ въ ста видна была цѣпь мужиковъ, рывшихъ канаву... Жаръ стоялъ сильный. Дымъ стлался по низу и сверху шелъ густымъ облакомъ, отъ той части заказника, гдѣ догоралъ сосновый лѣсъ. Но огонь заворачивалъ въ сторону отъ нихъ, дышать еще было не такъ тяжко.

— Ахъ, ручейка нѣтъ! — заговорилъ Хрящевъ, подсаживаясь на корточкахъ къ Теркину.—Умыться бы вамъ... родной!

Эта заботливость проняла Теркина. Онъ сейчасъ вспомнилъ, что вѣдь Хрящевъ спасъ его, пять минутъ назадъ.

— Антонъ Пантелеичъ! — голосъ Теркина дрогнулъ,— безъ васъ я въ мшарѣ-то погибъ!

— На все произволеніе Божіе!

— А небось ни одинъ вонъ изъ тѣхъ православныхъ не сталъ бы меня спасать. Ну, скажите,—голосъ его становился все нервнѣе,—вы, кому лѣсъ дороже не меньше, чѣмъ мнѣ... развѣ они не скоты? Какъ они вчера повели себя?.. Только на деньги и позарились! А чтобы у нихъ у самихъ на душѣ защемило, чтобы жалость ихъ взяла— какъ бы не такъ! Гори, паря! По цѣлковому-рублю получилъ—и похаживаетъ себѣ вдоль опушки, да лапкой помахиваетъ, точно отъ мухъ... А чуть мы съ вами отвернемся, такъ спину себѣ чешетъ. Одинъ подлецъ даже курить началъ. Я его чуть самого въ огонь не бросилъ! Скоты! Скоты! Непробудные!

Онъ не совладалъ съ чувствомъ и глухо зарыдалъ... Старая непріязнь къ крестьянскому міру всплыла въ немъ и перемѣшалась съ жалостью къ тому лѣсному добру, что уже стлѣло, и къ тому, что можетъ еще погибнуть.

Раза два всхлипнулъ онъ и потомъ тихо заплакалъ.

— Самый-то лучшій край отхватило!.. — силился онъ выговорить.—Сосны въ два обхвата!.. Отстоялъ отъ дворянской распусты, такъ огонь донялъ. Да и огонь-то откуда? Отъ завода Петьки Звѣрева... Онъ могъ его и поджечь! Страховую премію получить. Онъ теперь и на это способенъ.

И опять вернулся онъ къ мужикамъ.

— Вонъ какъ копаются! Грядки подъ рѣпу отбиваютъ, какъ бывало на барскомъ огородѣ. Словно мухи пьяныя!.. Эхъ!..

Слезы онъ обтеръ рукавомъ и сосредоточенно и гнѣвно поглядѣлъ еще разъ въ ту сторону, гдѣ работали мужики.

— Василій Иванычъ, — особенно тихо, точно на исповѣди, заговорилъ Хрящевъ, наклонившись къ нему и держа за поводъ лошадь, — не судите такъ горько. Мужикъ обиженъ лѣсомъ. Поспрошайте—здѣсь такія богатства, а чьи? Казна, баринъ, купецъ, а у общины что? На дровенки осины нѣтъ, не то что строевого заказника... Въ немъ эта обида, Василій Иванычъ, засѣла, все равно что наслѣдственный недугъ. Она его дѣлаетъ равнодушнымъ, а не другое что. Чувство ваше понимаю. Но не хочу лукавить передъ вами. Надо и имъ простить.

Ничего не возражалъ Теркинъ. Простыя, полныя задушевности слова лѣсовода отрезвили его. Ему стало стыдно за себя. Хрящевъ указалъ на истинную причину того, что его возмутило до слезъ. Онъ радѣетъ о родныхъ богатствахъ... А кому ими пользоваться, хоть чуточку, хоть на свою немудрую потребу?.. Развѣ не народу?

Онъ быстро поднялся, нагнулся надъ Хрящевымъ, положилъ ему руку на лысую и влажную голову, всю засыпанную пепломъ и черную, точно сажа.

— Спасибо, Антонъ Пантелеичъ! Это такъ!.. А все-таки надо ихъ пришпорить.

— Всеконечно!.. Вѣрьте слову, дальше не пойдетъ огонь... Выхватило сотню-другую десятинъ. Дѣло наживное. Была бы только голова на мѣстѣ да душа не теряла своего закона. Оставимъ лошадь здѣсь, стреножимъ ее. Сюда огонь не дойдетъ. Вѣрьте слову!

— Вѣрю!—вскричалъ Теркинъ и—не выдержалъ—поцѣловалъ своего лѣсовода.

XXXVII.

— Ты должна это сдѣлать для отца твоего. Его пріятель и сослуживецъ въ такомъ положеніи. Ты хоть каплю имѣй дворянскаго чувства.

Павла Захаровна пропускала эти слова съ усиліемъ сквозь свои тонкія синеватыя губы и подъ конецъ злобно усмѣхнулась.

Саню призвали въ гостиную. Въ креслѣ сидѣла старшая тетка; младшая, съ простовато-сладкимъ выраженіемъ своего лоснящагося лица, присѣла на уголъ одного изъ длинныхъ мягкихъ диванов, обитыхъ стариннымъ ситцемъ.

Съ полчаса уже старшая тетка говоритъ Санѣ, настраиваетъ на то, чтобы она подѣйствовала на своего жениха.

Когда ее позвали, она испугалась, думая—не вышло ли чего-нибудь? Вдругъ какъ ея обрученіе нарушено? Отецъ въ послѣдніе дни ходилъ хмурый и важный, все молчалъ, а потомъ заговорилъ, что надо торопиться поправкой дома въ той усадьбѣ, чтобы тотчасъ послѣ ихъ свадьбы переѣхать. Тетка Павла поддакивала ему и даже находила, что будетъ гораздо приличнѣе для Черносошныхъ перебраться до свадьбы, а не справлять ее въ чужомъ домѣ, гдѣ ихъ держатъ теперь точно на хлѣбахъ изъ милости!

Василій Иванычъ послѣ пожара два раза ѣздилъ въ губернскій городъ и дальше по Волгѣ за Нижній; писалъ съ дороги, но очень маленькія письма и чаще посылалъ телеграммы. Вчера онъ только что вернулся и опять уѣхалъ въ уѣздный городъ. Къ обѣду долженъ быть домой.

Она такъ испугалась, что въ первыя минуты даже не понимала хорошенько, о чемъ говоритъ тетка Павла.

Теперь поняла. Предводителя Звѣрева посадили въ острогъ. Его обвиняютъ въ поджогѣ завода для полученія страховой преміи. „Вася“,—она про себя такъ зоветъ Теркина,—уже зналъ объ этомъ и сказалъ ей передъ второй своей поѣздкой: „Петькѣ Звѣреву я его пакости никогда не прощу: мало того, что самъ себѣ краснаго пѣтуха пустилъ, да и весь заказникъ могъ намъ спалить“.

И много потомъ говорилъ гнѣвнаго о „господахъ дворянахъ“, которые по всей губерніи въ лоскъ изворовались; разсказывалъ ей теплыя „дѣла“ въ банкѣ, гдѣ предсѣдатель тоже арестованъ за подлогъ, да въ кассѣ оказалась передержка въ триста слишкомъ тысячъ.

Она не могла ему не сочувствовать... Что жъ изъ того, что она дворянка? Развѣ можно такія дѣла дѣлать—мало того, что транжирить, въ долги лѣзть, закладывать и продавать, да еще на подлоги идти, на воровство, на поджигательство? Этотъ Звѣревъ и до подлога растратилъ сорокъ тысячъ сиротскихъ денегъ.

А вотъ отъ нея требуютъ, чтобы она „добилась“ отъ своего жениха—шутка сказать!—внесенія залога за Звѣрева. Почему же самъ отецъ не вноситъ? Деньги у него теперь есть или должны быть. Они съ нимъ товарищи, кажется, даже въ дальнемъ родствѣ.

— Ты какъ будто все еще не понимаешь?—раздался болѣе рѣзкій вопросъ Павлы Захаровны.—Что же ты молчишь?

— Я не знаю... тетя. Василій Иванычъ самъ...

— Самъ!.. Какъ ты это сказала? Точно горничная дѣвка—Ѳеклуша какая-нибудь или Устюша. Онъ въ тебя влюбился, а ты сразу такъ ставишь себя. Значитъ, тебѣ твой родъ—ничего: люди твоего происхожденія!.. Вотъ и выходитъ...

Павла Захаровна не договорила и махнула рукой. Сестра ея поняла намекъ, и ей стало жаль Санечку—какъ бы Павла чего-нибудь не „бацнула“ по своей ехидности. Она грузно поднялась, подошла къ ней, обняла ее и начала гладить по головкѣ.

— Милая моя! Какъ же ты такъ на себя смотришь? У тебя амбиціи нѣтъ, маточка. Женихъ тебя обожаетъ, и ты слово скажи—сейчасъ же тебѣ все предоставитъ, хоть птичьяго молока.

„Ну, нѣтъ!“—убѣжденно подумала Саня и безъ всякой досады. Ее то и влекло къ жениху, что онъ съ характеромъ, что у него на все свои мысли и свои слова.

— Колокольчикъ!..

Саня рванулась отъ тетки Маѳы къ дверямъ и, проходя мимо Павлы Захаровны, торопливо шепнула:

— Тетя, я скажу, если вамъ и папѣ угодно...

— То-то! И не съ-глазу-на-глазъ, а теперь, здѣсь... Слышишь?

— Хорошо!

Въ гостиную она привела Теркина прямо изъ передней.

Онъ прошелъ бы къ себѣ во флигель умыться, но она ему на ухо шепнула:

— Пожалуйста!.. Милый!.. Для меня!

Онъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее, но не возражалъ больше. Изъ города вернулся онъ недовольный—это она сейчасъ же почуяла. Навѣрное и тамъ къ нему съ чѣмъ-нибудь приставали. Точно онъ въ самомъ дѣлѣ какой милліонщикъ; а у него своихъ денегъ совсѣмъ немного—онъ ей все разсказалъ на-дняхъ и даже настаивалъ на томъ, чтобы она знала, „каковъ онъ есть богатей“.

Одного взгляда на Павлу Захаровну достаточно было, чтобы распознать какой-то семейный „подходъ“. Она поздоровалась съ нимъ суховато, къ чему онъ уже привыкъ. Маѳа при сестрѣ только присѣдала и омахивалась платкомъ. Въ гостиной было очень душно.

Саня усадила его на тотъ же диванъ, гдѣ сидѣла Маѳа, только на другомъ концѣ.

— Вы прямо изъ города? — спросила она его, и ея тонъ сейчасъ выдалъ ее.

— Оттуда,—отвѣтилъ Теркинъ спокойно.

— Про Петра Аполлосовича ничего новаго не слыхали?

— Ничего!.. Я по своимъ дѣламъ.

Онъ началъ понимать.

— Его посадили!

Саня выговорила это вполголоса, отвернувшись къ нему отъ тетки Павлы.

— Значитъ, за дѣло!

Протянулась пауза. Саня въ спинѣ своей чувствовала попукающій взглядъ Павлы Захаровны.

— Онъ вѣдь вашъ товарищъ былъ въ гимназіи? — заговорила Саня и не докончила.

Взглядъ Теркина смутилъ ее, и она начала краснѣть.

— Былъ, — отвѣтилъ онъ менѣе спокойно, оглядѣлъ всѣхъ и остановилъ взглядъ на Павлѣ Захаровнѣ.

— Пожалѣйте его!.. Онъ въ острогѣ сидитъ!.. Милый!

Стремительно выговорила это Саня и поникла головой подъ его плечомъ.

Теркинъ увидалъ въ дверяхъ Ивана Захаровича, почему-то въ длинноватомъ парадномъ сюртукѣ, до верху застегнутомъ.

„Подстроили Саню!“—подумалъ онъ шутливо, но ощутилъ въ то же время досаду на свою невѣсту за такую подстроенную сцену.

Иванъ Захарычъ могъ слышать послѣднія слова дочери. У него въ лицѣ и выраженіе было такое именно, что онъ слышалъ ихъ и ждетъ, какой эффектъ произведетъ просьба Сани на его будущаго зятя.

Безцвѣтные глаза на этотъ разъ какъ будто даже заискрились. Въ нихъ Теркинъ прочелъ:

„Посмотримъ, молъ, какія ты нляхетныя чувства выскажешь. Тянешься на линію землевладѣльца и чуть не важнаго барина, а, поди, остался какъ есть кошатникомъ и хамомъ!“

Внутри у него защемило. Онъ всталъ, немного отстранивъ рукой Саню, подошелъ къ дверямъ и поздоровался съ Иваномъ Захарычемъ молча, пожатіемъ руки.

— Саня проситъ Василія Иваныча,—начала тетка Павла безстрастно и вѣско,—помочь своему товарищу по гимназіи, Петру Аполлосовичу, въ теперешней бѣдѣ.

— Василій Иванычъ, — отозвался Иванъ Захарычъ, —

кажется, не въ особенно пріятельскихъ чувствахъ къ своему товарищу. Пожалуй, и не знаетъ до сихъ поръ въ какомъ онъ положеніи.

— Слышалъ сейчасъ,—отвѣтилъ Теркинъ немного рѣзче и заходилъ по комнатѣ въ другомъ ея углу.— То, что я сказалъ Александрѣ Ивановнѣ, то повторю и вамъ, Иванъ Захарычъ: должно-быть, не зря арестовали Звѣрева и въ острогъ посадили. Особенно сокрушаться этимъ не могу-съ,— воля ваша. Разумѣется, отъ тюрьмы да отъ сумы никому нельзя открещиваться... Однако...

Онъ хотѣлъ сказать: „завѣдомымъ ворамъ мирволить не желаю“, но во-время воздержался. Звѣревъ самъ ему открылъ о своей растратѣ. Было бы „негоже“ выдавать его, даже и въ такомъ семейномъ разговорѣ. Слышалъ онъ еще на той недѣлѣ, что Звѣрева подозрѣваютъ въ поджогѣ.

— Позвольте спросить,—продолжалъ онъ, подходя ближе къ Ивану Захарычу,—по какому же дѣлу онъ попалъ въ острогъ?

— Донесли... будто онъ поджегъ заводъ для полученія страховой преміи.

Иванъ Захарычъ повелъ плечами.

— И вы не считаете его на это способнымъ? — спросилъ въ упоръ Теркинъ!

— Не считаю-съ!.. Дворянинъ можетъ зарваться, легкомысленно поступить по должности... Но пускать краснаго пѣтуха...

— Вы такой вѣры?.. Ну, и прекрасно. Но опять что же я-то могу во всемъ этомъ? Мы были товарищи, но вамъ вѣдь неизвѣстно, въ какихъ мы теперь чувствахъ другъ къ другу. Довольно и того, что отъ него нашему обществу убытокъ нанесенъ слишкомъ въ десять тысячъ рублей. А не заключи мы съ вами какъ разъ передъ тѣмъ сдѣлки—вы бы пострадали. Будь это за границей, противъ него помимо уголовнаго преслѣдованія начали бы искъ. А я — представитель потерпѣвшей компаніи — махнулъ рукой, хотя, каюсь, сгоряча самъ хотѣлъ начать разслѣдованіе—почему это заводъ загорѣлся точно свѣча, когда работы въ немъ никакой не было! Какъ же прикажете ему помогать?

— Залогъ внести, очень просто,—отвѣчала тетка Павла.

— Для сохраненія его достоинства? — почти гнѣвно

вскричалъ Теркинъ. — Почему же господа дворяне не сложатся?

— Я бы внесъ, — выговорилъ обидчиво Черносошный и поднялъ высоко голову, — но у меня такихъ денегъ нѣтъ... Вы это прекрасно знаете, Василій Иванычъ. Во всякомъ случаѣ, товарищъ вашъ осрамленъ. Простая жалость должна бы, кажется... Тѣмъ болѣе, что вы при свиданіи обошлись съ нимъ жестковато. Не скрою... онъ мнѣ жаловался. Слѣдственно ему обращаться къ вамъ съ просьбою — слишкомъ чувствительно. Но всякій поймётъ... всякій, кто...

— Бѣлой костью себя считаетъ! — воскликнулъ Теркинъ и, проходя мимо Ивана Захарыча къ двери, бросилъ ему: — Извините, я сказалъ, что умѣлъ; а теперь мнѣ умыться съ дороги нужно.

Глаза Павлы Захаровны уставились на Саню, сидѣвшую въ стѣсненной позѣ, и говорили ей:

„Радуйся, милая, за хама идешь. Дворянина ты и не стоишь".

XXXVIII.

На широкой немощеной улицѣ вѣтеръ взбивалъ пыль стѣной въ жаркій полдень. По тротуару, мѣстами изъ досокъ, мѣстами изъ кирпичей, Теркинъ шелъ замедленнымъ шагомъ по направленію къ кладбищенской церкви, гдѣ, немного полѣвѣе, на взлобкѣ, бѣлѣлъ острогъ, съ круглыми башенками по угламъ.

Онъ пошелъ нарочно пѣшкомъ изъ своей въѣзжей квартиры. Вчерашнее объясненіе съ семействомъ Черносошныхъ погнало его сегодня чѣмъ свѣтъ въ городъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ вяло, и всѣ на него поглядывали косо; только Саня приласкала его раза два глазами.

Съ нею онъ погулялъ въ паркѣ и сказалъ ей, когда они возвращались на террасу:

— Вы, Саня, не думайте, что у вашего жениха хамскія чувства; только я не жалую, чтобы мнѣ въ душу залѣзали.

Саня только вздохнула и ничего не промолвила. Она стояла за него, но боялась высказываться—какъ бы „не наговорить глупостей".

Всегда утромъ при пробужденіи совѣсть докладываетъ, въ чемъ онъ провинился. Сильно не понравилось ему самому, какъ онъ повелъ разговоръ въ гостиной; едва ли

не сильнѣе недоволенъ онъ былъ, чѣмъ своей встрѣчей и перебранкой съ Петькой Звѣревымъ, здѣсь въ городѣ, на его—тогда еще предводительской—квартирѣ.

И однако онъ ничѣмъ тогда не загладилъ своего мальчишества и обидчивой рѣзкости и просто „озорства", каковъ бы ни былъ самъ по себѣ Петька.

Какъ-никакъ, а тотъ первый повинился ему. Ну, онъ расхититель сиротскихъ денегъ, плутъ и даже поджигатель; но развѣ это мѣшало ему—Васькѣ Теркину—тому товарищу, предъ которымъ Петька преклонялся въ гимназіи, быть великодушнымъ?..

„Душонка-то у меня, видно, мелка!"—вырвалось у него восклицаніе подъ конецъ утреннихъ счетовъ съ совѣстью. И тотчасъ же приказалъ онъ закладывать, а въ девятомъ часу былъ уже въ городѣ.

Узналъ онъ отъ хозяевъ, что предводителя держатъ чуть не въ секретной, что слѣдователь у нихъ — лютый, не позволялъ Звѣреву въ первую недѣлю даже съ больной женой повидаться; а она очень плоха. Поговаривали въ городѣ, будто даже на себя руки хотѣла наложить... И къ нему никого не пускали.

Надо было начать съ визита слѣдователю. Не раньше десяти тотъ проснулся. Теркину пришлось долго и убѣдительно разсказывать, кто онъ, и выгораживать всякую возможность стачки съ подсуднымъ арестантомъ.

— Положимъ, мы съ нимъ вмѣстѣ учились: но вѣдь онъ своимъ пожаромъ спалилъ у компаніи лѣсу слишкомъ на десять тысячъ.

Этотъ доводъ подѣйствовалъ на слѣдователя больше всего остального.

— Такъ что же васъ побуждаетъ видѣться съ нимъ? Изъ жалости или великодушія? — спросилъ онъ не безъ язвы.

— По человѣчеству! — выговорилъ почти смущенно Теркинъ.

Въ слѣдователѣ онъ увидалъ полнѣйшую фактическую увѣренность въ томъ, что Звѣревъ поджегъ свой заводъ. Онъ ничѣмъ не проговорился, смотрѣлъ вообще „нутрякомъ" съ порядочной долей злобности, но по его губамъ то и дѣло скользила особаго рода усмѣшка.

Записку тюремному смотрителю Теркинъ, однако, добылъ отъ него. Слѣдователь, провожая его до двери, сказалъ ему:

— Вы теперь его не застанете...

— На допросъ приведутъ? — спросилъ Теркинъ.

— Нѣтъ! Я разрѣшилъ ему побывать у больной жены; но къ часу своего обѣда онъ долженъ быть въ острогѣ.

И вотъ онъ идетъ туда пѣшкомъ, и жалость не покидаетъ его. Поговорка, пущенная имъ въ ходъ вчера въ объясненіи съ Черносошнымъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не открещивайся"—врѣзалась ему въ мозгъ и точно дразнила. Со дна души поднималось чисто мужицкое чувство—страхъ неволи, сидѣнья взаперти, вѣра въ судьбу, которая можетъ и невиннаго отправить въ кандалахъ въ сибирскую тайгу.

Справа, около самаго тротуара, проплелась въ клубахъ пыли одноконная городская долгушка.

Теркинъ поднялъ голову равнодушнымъ жестомъ и остолбенѣлъ.

Лицомъ къ нему сидѣлъ сгорбившись Звѣревъ, въ арестантскомъ халатѣ и шапкѣ безъ козырька; по бокамъ два полицейскихъ съ шашками и у обоихъ револьверы.

Теркинъ хотѣлъ крикнуть, и у него перехватило въ горлѣ.

Звѣревъ узналъ его и тотчасъ же отвернулся... Облако пыли скрыло ихъ.

Сермяжный халатъ всего больше поразилъ Теркина. Первое лицо въ цѣломъ уѣздѣ и — колодникъ еще до суда. Можетъ-быть и понапрасну заподозрѣнъ въ поджогѣ? Растрата по опекѣ еще, кажется, не обнаружена. Въ сермягѣ!

Искренно порадовался онъ за Петьку, что улица была совсѣмъ пустая. Только вправо, туда къ выѣзду въ поле, тащилась телѣга, должно-быть, съ кулями угля.

До самаго острога не покидало его жуткое чувство—точно саднило въ груди, и ладони рукъ горѣли; даже въ концахъ пальцевъ чувствовалъ онъ какъ будто уколы булавки.

Не больше пяти минутъ взяло у него съ того мѣста, гдѣ онъ увидалъ долгушку, до воротъ острога. Инвалидный солдатикъ грузно ходилъ подъ ружьемъ, донашивая свое кепи, и служитель сидѣлъ на скамьѣ подъ навѣсомъ воротъ.

Теркинъ предъявилъ ему записку къ надзирателю и

всунулъ рублевую бумажку. Тотъ снялъ шапку и тотчасъ же повелъ его.

Въ острогъ попадалъ онъ въ первый разъ въ жизни. Все тутъ было тѣсно, съ грязцой, довольно шумно,—начался обѣдъ арестантовъ, и отовсюду доносился гулъ мужскихъ голосовъ.

— Они кушаютъ,—сказалъ ему тотъ же старшій сторожъ, остановившись передъ дверью камеры, помѣщенной особенно, въ темныхъ сѣнцахъ, и звонко щелкнулъ замкомъ.

Теркинъ вошелъ вслѣдъ за нимъ. Сторожъ захлопнулъ дверь, но не заперъ ея.

За столикомъ, въ узкой, довольно еще чистой комнатѣ, Звѣревъ, въ халатѣ, жадно хлебалъ изъ миски. Ломоть чернаго хлѣба лежалъ нетронутый. Увидя Теркина, онъ, какъ ужаленный, вскочилъ, скинулъ съ себя халатъ, подъ которымъ очутился въ жилетѣ и свѣтлыхъ модныхъ панталонахъ, и хотѣлъ бросить его на койку съ двумя хорошими—видимо своими—подушками.

— Василій Иванычъ! Ты!—глухо воскликнулъ онъ и сразу не подалъ Теркину руки.

— Здравствуй, братъ!—съ невольной дрожью выговорилъ Теркинъ и также невольно протянулъ къ нему обѣ руки.

Они обнялись.

Звѣревъ былъ красенъ. На глаза навертывались слезы.

— Ѣшь! Ѣшь!.. Ты голоденъ... Я посижу,—сказалъ Теркинъ.

Первой мыслью Звѣрева при входѣ Теркина было: „вотъ, другъ любезный, пожаловалъ на мой срамъ полюбоваться“.

Но когда тотъ обнялъ его, онъ сразу размякъ.

Послушно присѣлъ онъ къ столу и доѣлъ похлебку, потомъ присѣлъ къ Теркину на койку, гдѣ они и остались. Въ камерѣ было всего два стула и столикъ, подъ высокимъ рѣшетчатымъ окномъ, въ одномъ мѣстѣ заклееннымъ синей бумагой.

Говорить про свою вину Звѣревъ упорно избѣгалъ, только два раза пустилъ возгласъ:

— Въ поджигатели произвели!

Онъ полонъ былъ не того, что̀ ему предстоитъ, а негодованія на прокурора и слѣдователя, которые „извели“

его жену. Когда онъ былъ посаженъ въ острогъ, она въ тотъ же день заболѣла.

— Не вѣрю я докторамъ, — шепталъ онъ Теркину на ухо.—Они дурачье, олухи, шарлатаны. Толкуютъ: невропатія, астма какая-то. А я вижу, что она себя опоила чѣмъ-то. И не сразу... а, можетъ, каждый день подсыпаетъ себѣ въ ихъ лѣкарства.

И вотъ сегодня только допустили его побывать у нея.

— Мерзавцы!.. Кровивное сѣмя!

Онъ не выдержалъ и сталъ всхлипывать.

— Краше въ гробъ кладутъ. Какъ бросилась ко мнѣ!.. И сейчасъ же обомлѣла. Столбнякъ! Не доживетъ до субботы... Любовь какая, Вася! Понимаешь ты! Кабы ты видѣлъ ее! Первая женщина въ имперіи!

Его охватила струя мужского самодовольства, — сознанія, что изъ любви къ нему женщина отравляется. О томъ, что изъ-за нея, для ея транжирства, онъ сталъ расхитителемъ и поджигателемъ,—онъ не тужилъ.

— Для какого чорта, — крикнулъ онъ и заходилъ по камерѣ,—для какого чорта онъ меня въ колодники произвелъ, этотъ правовѣдишка-гнуснецъ! Что я за границу, что ли, удеру? На какія деньги? И еще толкуютъ о поднятіи дворянства! Ха-ха! Хорошо поднятіе! Возили меня сегодня по городу въ халатѣ, съ двумя архаровцами. Да еще умолять пришлось, чтобы позволили въ долгушкѣ проѣхать! А то бы пѣшкомъ, между двумя конвойными, чтобы тебѣ калачикъ или мѣдякъ Христа ради бросили!

Губы его брызгали слюной и болѣзненно вздрагивали. Онъ опять присѣлъ къ Теркину, весь какъ-то ушелъ въ плечи и одну ладонь положилъ ему на колѣни.

— Кто старое помянетъ... Ты знаешь!.. Тогда ты со мной форсить началъ, Василій Иванычъ... Ну, поквитались!.. Отъ моего ельника и у тебя выдрало сколько десятинъ. Я тебѣ мстить не хотѣлъ. Извини, братъ! Да вѣдь это не твое собственное, а компанейское... Ну, и то сказать, и попросилъ я у тебя тоже здорово — сорокъ тысячъ. Имѣлъ резонъ отказать. Только ужъ очень ты... тогда...

Звѣревъ тряхнулъ головой и замолчалъ.

— Петя! — тихо и робко выговорилъ Теркинъ, — тебя подъ залогъ выпустятъ?

— Мало ли что! Десять тысячъ заломилъ правовѣдишка! У кого есть нынче такія деньги? Всѣ прожились!

Всѣ прогорѣли! Вся губернія не лучше меня грѣшнаго. А въ банкѣ-то какихъ дѣловъ надѣлали!...

— Слушай! Заяви слѣдователю, что я внесу.

— Что?..

Краска залила сразу лицо Звѣрева. Онъ откинулся корпусомъ въ сторону и, заикаясь, выговорилъ:

— Ты—зря? Грѣшно!.. Лежачаго не бьютъ!

— Не зря, а вправду.

— Нѣтъ?!..

Съ нервнымъ крикомъ онъ вскочилъ, схватилъ за руку Теркина и сталъ цѣловать.

XXXIX.

Тарантасъ, открытый, четырехмѣстный, запряженный тройкой бурыхъ лошадей, стоялъ въ тѣни опушки, въ той части сосноваго заказника, которая уцѣлѣла отъ недавняго пожара. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ карликъ Чурилинъ.

Въ глубинѣ лужайки, около мшистаго пня, разлеглось нѣсколько человѣкъ. Они только-что вышли изъ тарантаса. Посрединѣ высилась голова Теркина, сидѣвшаго спиной къ лѣсу. Немного въ сторонѣ прилегъ Хрящевъ, въ парусинной блузѣ и парусинной же большой шляпѣ, на зеленомъ подбоѣ; онъ называлъ ее почему-то „брылёмъ“. По бокамъ, подобравъ ноги угломъ, сидѣли капитанъ Кузьмичевъ и Аршауловъ, все такого же болѣзненнаго вида, какъ и годъ назадъ; очень слабый и потемнѣвшій въ лицѣ, одѣтый тепло, въ толстое драповое пальто, хотя было и въ тѣни градусовъ восемнадцать.

Онъ все еще жилъ въ Кладенцѣ, гдѣ Теркинъ нашелъ ему постоянную работу — надзоръ за складами по его пароходно-торговому дѣлу. Здоровье его падало, но онъ этого не примѣчалъ и вѣрилъ въ то, что поправится.

Его послали на кумысъ; онъ съ трудомъ согласился; но захотѣлъ навѣстить сначала Теркина и прибѣжалъ къ нему наканунѣ на пароходѣ. Капитанъ Кузьмичевъ—теперь командиръ „Батрака“—зашелъ въ Заводное грузить дрова и мѣстный товаръ; но просидѣлъ цѣлыя сутки изъ-за какой-то починки. Онъ долженъ былъ везти Аршаулова книзу, до самой Самары.

Всякому было видно, какъ бѣдняга плохъ; но Аршауловъ, еще болѣе спавшій съ голоса, смотрѣлъ весело и

порывался говорить. Кашель затруднялъ его рѣчь и часто доходилъ до судорожныхъ припадковъ; онъ хватался за грудь, ложился бокомъ и томительно отхаркивалъ, а потомъ, со словами: „Это ничего! извините!“— вступалъ такъ же пылко въ новый разговоръ.

Теркинъ показывалъ имъ сегодня оба заказника, на обоихъ берегахъ Волги; показалъ и пожарище. Въ усадьбѣ онъ успѣлъ представить ихъ невѣстѣ; но остальныхъ членовъ семьи они не видали, чему онъ былъ, въ сущности, радъ.

Какъ-то особенно отрадно было у него на душѣ въ эту минуту вмѣстѣ съ горькимъ осадкомъ отъ мысли, что такой славный „фанатикъ“, какъ Михаилъ Терентьевичъ Аршауловъ, обреченъ на скорую смерть... Но онъ не сознавалъ этого, стало—не страдалъ.

Живо вспомнились ему всѣ переходы ихъ бесѣдъ въ Кладенцѣ... Съ того времени многое запало ему въ совѣсть, подъ горячимъ обаяніемъ вѣры въ народъ и жалости къ нему этого горюна, считающаго себя теперь счастливцемъ.

— Очень бы мнѣ, братцы, хотѣлось,—заговорилъ онъ,— сдѣлать васъ участниками моего перехода въ состояніе женатыхъ людей, да грѣшно было бы задерживать васъ.

— Я бы остался, Василій Иванычъ,—сказалъ Аршауловъ чуть слышнымъ звукомъ.

— Нѣтъ, поѣзжайте!.. Обвѣнчаемся мы не то черезъ двѣ недѣли, не то черезъ мѣсяцъ. Гдѣ же вамъ ждать!.. Вы мою Саню видѣли; кажется, она вамъ обоимъ пришлась по вкусу?..

— И весьма!—крикнулъ весело Кузьмичевъ.

— Вотъ и мудрецъ одобряетъ,—Теркинъ кивнулъ головой Хрящеву, который придвинулся къ нимъ.—Я Антона Пантелеича въ шафера за это возьму.

— Мнѣ непозволительно,—шутливо замѣтилъ тотъ и снялъ свой „брыль“:—я вѣдь вдовьяго сана.

— Ничего!.. Свидѣтелемъ, во всякомъ случаѣ, можно быть.

— Много благодаренъ за честь. Только, кажется, это мнѣ не по чину будетъ.

— Это почему?—возразилъ Теркинъ, дѣлая въ его сторону жестъ правой рукой.—Вы, господа, Антону Пантелеичу не вѣрьте! Онъ только прибѣдняется, а у него

въ головѣ столько есть всякаго добра... да и въ сердцѣ также,—добавилъ онъ пониже тономъ.

Хрящевъ стыдливо отвернулся.

— Нечего, нечего конфузиться-то!.. Униженіе паче гордости. Здѣсь Антонъ Пантелеичъ въ своемъ царствѣ.

— Что твой лѣшій! — подсказалъ Хрящевъ и дѣтски разсмѣялся.

— Не лѣшій, а лѣсной пѣстунъ и созерцатель!.. Господа! — Теркинъ обратился къ своимъ гостямъ: — ежели мы съ вами сегодня любовались этимъ заказникомъ, тѣмъ, что уцѣлѣло отъ пожара,—это дѣло рукъ Антона Пантелеича.

— Ни Боже мой!

— Толкуйте!.. Безъ васъ я бы совсѣмъ зарвался, да и самъ бы сгинулъ во мшарѣ.

— Какъ это?— вскричалъ заинтересованный капитанъ.

— Василій Иванычъ! Пожалуйста!— заговорилъ просительно Хрящевъ. —Никакого тутъ подвига не было... Вы бы и сами...

Но Теркинъ не далъ ему договорить и разсказалъ гостямъ, какъ онъ могъ сгорѣть во мшарѣ, не явись ему на помощь Антонъ Пантелеичъ.

Тотъ сидѣлъ съ поникшей головой, обращенной къ лѣсу, и видно было, что ему дѣйствительно было неловко.

Когда Теркинъ кончилъ, онъ обернулъ къ нимъ свое загорѣлое, съ лоскомъ, пухлое лицо и, часто мигая сѣрыми глазками, выговорилъ съ юморомъ:

— Этакъ вы меня заставите, Василій Иванычъ, подать прошеніе о выдачи мнѣ медали за спасеніе погибающихъ.

— Ладно! Толкуйте!—крикнулъ Теркинъ, и его начало еще сильнѣе подмывать: выставить напоказъ передъ этими отличными ребятами — сотрудниками и пріятелями — достоинства своего лѣсовода-мудреца.

— Вѣдь вотъ, господа, — онъ оторвалъ вѣтку отъ молодой сосенки, стоявшей около него, — для васъ и для меня лѣсъ — извѣстно что такое. Я вотъ сбираюсь даже удивить матушку-Россію своими дѣлами по сохраненію лѣсовъ; а ничего-то я не знаю. Да и профессора иного, который книжки спеціальныя писалъ, приведи сюда—онъ наговоритъ много; но все это будетъ одна книжка; а у Антона Пантелеича каждое слово въ глубь прозябанія идетъ.

— Книжка!—перебилъ его Хрящевъ и еще ближе подо-

двинулся къ нимъ.—Не извольте относиться къ ней высока. Откуда же и я-то извлекъ то, о чемъ маракую? Изъ книжекъ. Безъ науки ничего нѣтъ и быть не можетъ въ человѣческомъ разумѣніи.

— Нѣтъ, не изъ книжки, а изъ своего проникновенія, изъ души. Вы влюблены, дружище, во все естество, въ каждую былинку, въ каждую козявку.

— Есть тотъ грѣхъ! Хе-хе!

Хрящевъ засмѣялся и шутливо закивалъ головой.

Всѣмъ стало очень весело.

— Да вотъ,—указалъ Теркинъ,—хоть эта сосенка! Пари держу, что Антонъ Пантелеичъ до тонкости опредѣлитъ, сколько ей лѣтъ, такъ, на глазомѣръ, а не подъ микроскопомъ.

— Ну, это не большая премудрость, Василій Иванычъ! Это каждый мужикъ бывалый знаетъ.

— Однако!..

— Сколько же ей лѣтъ?—спросилъ и задорно подмигнулъ капитанъ.

Хрящевъ подползъ къ соснѣ, поглядѣлъ на нее снизу вверхъ, пощупалъ стволъ и сталъ что-то считать, дотрогиваясь до вѣтвей.

— Видите ли,—началъ онъ медленно и тихо закрылъ глаза,—каждый годъ сосна даетъ вѣнчикъ въ нѣсколько вѣтвей. Сколько вѣнчиковъ, столько и лѣтъ,—безъ ошибки. Въ этомъ деревцѣ вѣнчиковъ до пятнадцати—стало-быть, и лѣтъ ему пятнадцать. Это вѣрнѣе, чѣмъ ежели теперь срубить у корня и пласты считать, особливо въ старомъ деревѣ. Къ корѣ пласты сливаются, и ихъ надо подъ лупой разсматривать, чтобы не ошибиться.

— Ну, вотъ видите, господа!—крикнулъ Теркинъ.— И всякое дерево у Антона Пантелеича—точно живой человѣкъ: свою, какъ бы это сказать, душу имѣетъ, психологію.

— А то какъ же!—со вздохомъ подтвердилъ Хрящевъ, лаская рукой тонкій стволъ сосенки.

— Ель онъ до обожанія любитъ... А я—сосну!.. У насъ всегда насчетъ этого идутъ диспуты.

— И сосна—почтенное дерево,—выговорилъ вдумчиво Хрящевъ, оглядывая всѣхъ троихъ,—и притомъ цѣломудренное.

— Какъ это?

Кузьмичевъ расхохотался.

— Потому что въ бракъ она вступаетъ рѣдко—разъ въ шесть, въ семь лѣтъ, а не ежегодно, какъ столько другихъ произрастаній. Ей приходится вести жизнь строгую. На посноряденіи стоитъ всю жизнь—и въ какія выси поднимается. На чемъ держится корнями, сами изволите знать. Потому и не можетъ она вокругъ себя разводить густой подлѣсокъ, обречена на одиночество, и подъ нею привольно только развѣ вереску. Но и въ немъ есть большая краса. Не угодно ли поглядѣть... Вонъ онъ въ полномъ цвѣту!

Всѣ трое поглядѣли въ сторону опушки, гдѣ позади стволовъ протянулась лиловая полоса.

— Лѣсъ,—продолжалъ Хрящевъ, попадая на свою любимую зарубку, — настоящее царство живыхъ существъ. Мы въ своей гордынѣ думаемъ, что только въ насъ вся суть, а кромѣ насъ ничто не чуетъ, не любитъ, никакихъ нѣтъ стремленій и помысловъ... А это неправда,—выговорилъ онъ горячо и мягко,—неправда! Не то что вотъ эта сосна,—камень—и тотъ живетъ!.. А ужъ о пернатыхъ и говорить нечего! Тѣ еще такъ живутъ, какъ многимъ изъ насъ ни единожды на своемъ вѣку не удастся. Вездѣ одна сила, одинъ духъ... Я въ это вѣрю, грѣшный человѣкъ... И куда ни обернусь—вправо, влѣво—вездѣ чудо... И одинъ нашъ мятущійся, ограниченный духъ все фордыбачитъ, коритъ, судитъ, рядитъ, приговоры изрекаетъ. И все всуе! Никто не правъ, никто не виноватъ... И ежели для насъ зло существуетъ, то для насъ только. А для сосны—вотъ этой самой — есть свое зло, а для муравья или червя — свое... Ихъ-то мы не слушаемъ и не разумѣемъ, а только со своей подоплекой носимся!

XL.

— Нѣтъ, позвольте!..

Аршауловъ весь заволновался; его жилистая шея точно проглотила съ трудомъ кусокъ; онъ развелъ руками и тотчасъ послѣ того сталъ сжимать ими грудь.

— Позвольте, — стремительно заговорилъ онъ, съ усиліемъ поднимая глухой, сиплый звукъ голоса.— Съ такой теоріей Антона Пантелеича и обовшивѣешь, по-мужицки выражаясь! „Никто не правъ, никто не виноватъ! Все — чудо въ міроздании!“

— Чудо-съ!—повторилъ Хрящевъ.

— Не знаю, да и знать не хочу! Такъ и всѣ изувѣры

разсуждаютъ, гасильники. Съ этимъ дойдешь до непротивленія злу... Прибаутку-то эту мы теперь вездѣ слышимъ.

— Слыхалъ и я,—твердо выговорилъ Хрящевъ.

— То-то!.. Мы не муравьи, не черви, не сосны и ели! Мы—люди!—все распалялся Аршауловъ, и щеки его начинали пылать сквозь бурую кожу, натянутую на мышцахъ, изъѣденныхъ болѣзнью.—Мы люди, господа! А потому имѣемъ священное право — руководиться нашимъ разумомъ, негодовать и радоваться, класть душу свою за то, во что мы вѣримъ, и ратовать противъ всякой пакости и скверны...

— Всеконечно,—прервалъ Хрящевъ, и мягкое выраженіе смѣнилось на его пухломъ лицѣ другимъ, сосредоточеннымъ и немножко насмѣшливымъ. — Всеконечно, Михаилъ Терентьичъ, но ни разсуждать мы по существу, ни судить безъ апелляціи не можемъ, не токмо что о вселенной, а о томъ — откуда мы и куда идемъ. Это все равно, какъ если бы муравьи — а они какъ мудро свое общежитіе устроили—стали все къ своей кучѣ приравнивать. Такъ точно и людское суемудріе... Жалости достойно! Я это говорю не какъ изувѣръ,—Василій Иванычъ знаетъ, божественнымъ я не зашибаюсь, — а такъ, быть-можетъ, по скудоумію моей головы.

— Не въ этомъ дѣло!—ослабшимъ голосомъ возразилъ Аршауловъ, и руки его упали сразу на костлявыя бедра.— Не въ этомъ дѣло!.. Теперь въ воздухѣ что-то такое... тлетворное, подъ обличьемъ исканія высшей истины. Не суетнымъ созерцаніемъ намъ жить на свѣтѣ, особливо у насъ, на Руси-матушкѣ, а нервами и кровью, правдой и закономъ, скорбью и жалостью къ черной массѣ, къ ея невѣжеству, нищетѣ и рабской забитости. Вотъ чѣмъ!..

Въ горлѣ у него захрипѣло. Онъ закашлялся и приложилъ платокъ къ губамъ. Теркину показалось, что на платкѣ красныя пятна, но самъ Аршауловъ не замѣтилъ этого, сунулъ платокъ въ наружный карманъ пальто и опять сталъ давить грудь обѣими руками своимъ обычнымъ жестомъ.

— Голубчикъ! Михаилъ Терентьичъ! — остановилъ его Теркинъ,—вамъ вѣдь не весьма полезно такъ волноваться. Да и не о чемъ..

— Нѣтъ, позвольте!—отстранилъ его одной рукой Аршауловъ и порывисто подался впередъ всѣмъ туловищемъ.—

Вотъ я прямо изъ нашего села, гдѣ Василій Иванычъ родился и выросъ,—добавилъ онъ въ сторону Хрящева.— Ежели въ эмпиреяхъ пребывать и на все смотрѣть съ азіатскимъ фатализмомъ, такъ надо плюнуть и удрать оттуда навѣки: такая тамъ до сей поры идетъ безтолочь, столько тупого, стаднаго приниженія, кулачества, злобы, неосмысленности во всемъ, и въ общинныхъ дѣлахъ, и въ домашнихъ, особливо между православными. Анъ нѣтъ! Надо тамъ оставаться... Ни за какую чечевичную похлебку не слѣдуетъ мѣнять своей вѣры въ народъ и свой неблагодарный завѣтъ. Ни за какую!.. Такъ-то!

— Да что вы, голубчикъ, на моего мудреца такъ накинулись?—заговорилъ веселѣе Теркинъ.—Вы его совсѣмъ не знаете. Быть-можетъ, изъ насъ троихъ Антонъ Пантелеичъ никому не уступитъ въ жалости къ мужику и въ желаніи ему всякаго благополучія.

— Опять вы меня не по заслугамъ хвалите, Василій Иванычъ,—пустилъ жалобной нотой Хрящевъ и отвернулся.

— Не замайте!—крикнулъ ему Теркинъ.—Кто меня образумилъ на пожарѣ, вонъ тамъ, когда я даже разревѣлся отъ сердца на мужичье, не показавшее усердія къ тушенію огня? Вы же! И самыми простыми словами... Мужикъ повсюду обиженъ лѣсомъ... Что жъ мудренаго, коли въ немъ нѣтъ рвенія, даже и за рубль-цѣлковый, къ сохраненію моихъ ли, компанейскихъ ли маетностей?

— Еще бы!—вырвалось у Аршаулова, и онъ ласковѣе взглянулъ на жирный затылокъ Хрящева.

— И выходитъ,—подхватилъ капитанъ, закуривая толстую папиросу въ мундштукѣ,—Антонъ-то Пантелеичъ не токмо что изъ мшары васъ высвободилъ, да еще мудрымъ словомъ утишилъ?

— Именно!—вскричалъ, вскакивая обѣими ногами, Теркинъ.—И пожаръ пошелъ съ той минуты на убыль, да и во мнѣ все улеглось. Тамъ же въ лѣсу, около полудня, какъ бухнулся въ траву, такъ и проспалъ до вечерней зари, точно коноплю продалъ.

— Коноплю продалъ!—повторилъ со смѣхомъ капитанъ.—Самая простецкая прибаутка—и какая вѣрная!

— За Москвой въ большомъ употребленіи,—скромно подсказалъ Хрящевъ,—гдѣ этой коноплей нарочито занимаются. Только нынче пришло и это въ умаленіе. Нефть подкузьмила... Смазочныя масла.

— Все знаетъ! — крикнулъ Теркинъ. — Ну, господа, пора!.. Андрей Ѳомичъ! — окликнулъ онъ капитана,— поглядите-ка, какъ на вашихъ часахъ?

Кузьмичевъ вынулъ часы, тряхнулъ своей курчавой головой и сказалъ:

— И весьма!

Аршаулову Теркинъ помогъ подняться. Они всѣ вчетверомъ сѣли въ тарантасъ и по узковатой дорогѣ шажкомъ пустились къ рѣкѣ.

Тамъ Теркинъ крикнулъ кучеру: „стой!"—и началъ прощаться съ Аршауловымъ и капитаномъ.

— А вы какъ же?—спросилъ Кузьмичевъ.

— Я пѣшкомъ добреду до перевоза. На паромѣ переѣду. Антонъ Пантелеичъ проводитъ васъ до Заводнаго. Ну, дорогой Михаилъ Терентьевичъ! въ добрый путь!.. На пароходѣ не извольте храбриться. Какъ семь часовъ вечера — въ каюту... Капитану я строго-настрого вмѣняю въ обязанность имѣть надъ вами надзоръ. И въ Самарѣ не извольте умничать—противиться лѣкарямъ... Пейте бутылокъ по пяти кумысу въ день—и благо вамъ будетъ.

— Слушаю!—съ смѣшливой кротостью выговорилъ Аршауловъ.—Досадно, ужасно досадно, что не удастся расписаться въ книгѣ „по женихѣ" или „по невѣстѣ".

— Ну, мы наверстаемъ! — сказалъ капитанъ. — Черезъ годикъ, а можетъ и раньше на крестины попадемъ.

— Всенепремѣнно!—пустилъ Хрящевъ въ ходъ свое любимое слово.

Всѣ разсмѣялись.

— Нарочно прибѣгу! Вотъ на „Батракѣ" же,— заговорилъ съ усиліемъ Аршауловъ, и въ его блестящихъ зрачкахъ тяжко-больного заиграла увѣренность, что онъ будетъ пить шампанское на этихъ крестинахъ.

Теркинъ поглядѣлъ-было на него, но тотчасъ же отвелъ глаза.

„Бѣдняга!—подумалъ онъ. — Хорошо, если до Самары-то тебя доставятъ".

То же подумали капитанъ и Хрящевъ.

— Ну, трогай! Путь добрый!—кричалъ Теркинъ, стоя на разсыпчатомъ грунтѣ прибрежной дороги, и замахалъ рукой.

— До свиданія, Василій Иванычъ! Спасибо вамъ, большое спасибо!—долетѣли до него хриплые, прерывистые звуки голоса Аршаулова.

— Пошелъ!—пискнулъ Чурилинъ и снялъ картузъ.

„Болѣзный!“ — подумалъ Теркинъ крестьянскимъ словомъ, какимъ, бывало, его пріемная мать жалѣла его, когда онъ, мальчикомъ, заболѣвалъ. По ему отрадно стало отъ этого,—конечно, предсмертнаго — свиданія съ Аршауловымъ. Ничто не сокрушило вѣры энтузіаста: ни послѣдній градусъ чахотки, ни та вѣчная кладенецкая сумятица, про какую онъ сейчасъ такъ самоотверженно и пылко высказался.

Безъ чванства и гордости почувствовалъ Теркинъ, какъ хорошо имѣть средства помогать горюнамъ, въ родѣ Аршаулова. Безъ денегъ нельзя ничего такого провести въ жизнь. Одной охоты мало. Вотъ и мудреца-лѣсовода онъ пригрѣлъ и даетъ полный ходъ всему, что̀ въ немъ кроется цѣннаго на потребу роднымъ угодьямъ и тому же трудовому, обездоленному люду. И судьбу капитана онъ обезпечилъ—взялъ его на свою службу, видя, что на того начали коситься другіе пайщики изъ-за исторіи съ Перновскимъ, хотя она и кончилась ничѣмъ.

Деньги!.. Онѣ будутъ у него всегда, и все больше и больше ихъ будетъ. Не глупая удача, а что-то въ немъ самомъ сулитъ ему это. И находятся же такіе суесловы, что требуютъ одного личнаго ручного труда. Что̀ бы онъ сдѣлалъ мужицкой работой хоть бы для Аршаулова?

— Ха-ха!—разсмѣялся онъ и замедлилъ шагъ.

Ему показалась впервые эта проповѣдь такою юродивою, что онъ даже не огорчился.

Взглядъ его упалъ на синѣющій вблизи плёсъ рѣки, далѣе—на темную стѣну заказника и повернулъ вправо и назадъ, къ нагорному берегу, гдѣ за полверсты виднѣлись паркъ и усадьба.

Спасти великую рѣку отъ гибели, положить предѣлъ истребленію лѣсныхъ богатствъ... Поди!.. Добивайся этого ручной работой одного человѣка!

— Ха-ха!..

Теркинъ всталъ лицомъ къ рѣкѣ и вдругъ глубоко задумался.

Тамъ, въ усадьбѣ, его невѣста. Неужели онъ въ ней нашелъ свою желанную?.. Кто знаетъ! Да и къ чему эта погоня за блаженствомъ? Лучше онъ, что ли, своего отца, Ивана Прокофьича? А тому развѣ былъ досугъ мечтать о сладостяхъ любви? Образы двухъ женщинъ зашли въ его душу: одна — вся распаленная страстью, другая — въ

бѣломъ, съ крыльями, вся чистая и прозрачная, какою видѣлъ онъ ее во снѣ въ первую ночь, проведенную съ ней подъ одною кровлей... Живи Калерія — она бы его благословила...

Глаза его стали влажны.

Онъ поднялъ голову и радостно оглянулся кругомъ, прислушиваясь къ бодрящему шопоту великой рѣки.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ 12-ти томамъ

СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Безвѣстная. Разсказъ . . . . . Т. II стр. 270
Безъ мужей. Повѣсть . . . . . „ II „ 3
Василій Теркинъ. Романъ. Часть 1-ая . . . „ XI „ 147
„ „ „ Части 2-ая и 3-я. „ XII „ 3, 187
Вторая отъ воды. Разсказъ . . . . . „ VI „ 228
Въ отъѣздъ. Разсказъ. . . . . „ VI „ 263
Голубой лифъ. Разсказъ . . . . . „ III „ 146
Горленки. Разсказъ . . . . . „ VIII „ 247
За красненькую. Разсказъ. . . . . „ III „ 47
Измѣнникъ. Повѣсть . . . . . „ X „ 134
Изъ новыхъ. Романъ. Часть 1-ая. . . . . „ III „ 217
„ „ „ Части 2-ая и 3-я . . „ IV „ 3, 150
Китай-городъ. Романъ. Книги 1, 2, 3. . . . „ I „ 5, 92, 173
„ „ „ „ 4 и 5-ая . . . „ I „ 256, 344
„Морзъ“ и „Юзъ“. Разсказъ. . . . . „ X „ 252
На ущербѣ. Романъ. Части 1, 2 и 3-я. . . „ V „ 5, 141, 253
Обречена. Повѣсть . . . . . „ VI „ 3
Перевалъ. Романъ. Части 1-ая и 2-ая. . . „ VII „ 5, 166
„ „ Часть 3-я . . . . . „ VIII „ 3
Послѣдняя депеша. Разсказъ. . . . . „ III „ 90
Поумнѣлъ. Повѣсть . . . . . „ X „ 3
По чужимъ людямъ. Разсказъ . . . . . „ III „ 3
Пристроился. Повѣсть . . . . . „ II „ 199
Проѣздомъ. Повѣсть. . . . . „ VI „ 156
Псарня. Очеркъ . . . . . „ II „ 122
Ранніе выводки. Повѣсть. . . . . „ XI „ 3
Съ убійцей. Повѣсть . . . . . „ VIII „ 180
Три афиши. Разсказъ . . . . . „ III „ 101
Трупъ. Разсказъ . . . . . „ XI „ 108
Умереть—уснуть. Разсказъ . . . . . „ II „ 164
У плиты. Разсказъ . . . . . „ III „ 181
Ходокъ. Романъ. Части 1, 2 и 3-я . . . . „ IX „ 5, 141, 271

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ЗООЛОГІИ

со 175-ю рисунками.

Соч. К. Э. ЛИНДЕМАНА,

бывшаго профессора Петровской Академіи.

„Основы общей зоологіи" представляютъ собою курсъ, выработанный проф. К. Э. Линдеманомъ въ теченіе его тридцатилѣтней профессорской дѣятельности. Книга эта предназначается для студентовъ, врачей, естествоиспытателей и всѣхъ интересующихся естественными науками и философіею. За научныя достоинства книги вполнѣ ручается хорошо извѣстное имя ея автора. Но на ряду съ этимъ книга написана такъ литературно и просто, форма ея изложенія настолько общепонятна и интересна, что, несмотря на всю серьезность и научность ея содержанія, она читается очень легко и съ несомнѣнной пользою можетъ служить серьезнымъ по содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ популярнымъ по изложенію руководствомъ для каждаго образованнаго человѣка, даже неспеціалиста, желающаго ознакомиться съ этою областью знанія. Помѣщенные въ книгѣ, отчетливо исполненные самимъ авторомъ или подъ его руководствомъ рисунки облегчаютъ пониманіе и усвоеніе текста.

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе. Глава I. Объ измѣненіяхъ природы, какъ театра жизни животныхъ. Глава II. Методы зоологическаго изслѣдованія. Глава III. Объ основныхъ формахъ животныхъ. Глава IV. Объ измѣненіяхъ формы тѣла животныхъ во время ихъ развитія. Глава V. Объ основныхъ свойствахъ животныхъ. Питаніе животныхъ. Приспособляемость. Размноженіе. Глава VI. О систематическихъ группахъ. 1. Особь. 2. Виды. 3. Роды, семейства, классы. 4. Типы животнаго царства. Глава VII. О географическомъ распространеніи животныхъ. Глава VIII. О взаимоотношеніяхъ типовъ животнаго царства.

Объемистая, изящно изданная книга въ 8-ю долю листа, 449 страницъ, отпечатанная на хорошей бумагѣ красивымъ, четкимъ шрифтомъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкою 2 р.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НЕБУ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ астрономическимъ наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ и малой трубой.

Соч. К. Д. ПОКРОВСКАГО,

астронома-наблюдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго университета

Второе, дополненное изданіе. Съ 5 картами звѣзднаго неба, картой луны, 2 хромолитографіями (изображающими карту Марса и полное лунное затменіе) и 104 рисунками.

Многимъ, вѣроятно, приходилось слышать или читать, что астрономическія наблюденія представляютъ чрезвычайный интересъ, и что имъ посвящали свои досуги наиболѣе любознательные и выдающіеся умы всѣхъ временъ. Не мало найдется также въ литературѣ трогательныхъ, поэтическихъ описаній тѣхъ возвышенныхъ чувствъ и рѣдкаго эстетическаго наслажденія, которыя испытываютъ люди, впервые увидѣвшіе, въ трубу какого-нибудь астронома-любителя, невѣдомый имъ дотолѣ чудный звѣздный міръ. Мало того, всѣ мы знаемъ нѣкоторыя звѣзды по ихъ названіямъ и по положеніямъ, и съ какой радостью привѣтствуемъ мы нашихъ знакомыхъ незнакомцевъ, когда намъ удастся различить ихъ среди міріадъ имъ подобныхъ! Но очень немногимъ извѣстно, что вовсе не такъ трудно обратить эти случайныя наслажденія въ постоянную пищу для ума и чувства въ часы досуга и отдыха, и рѣдко кто знаетъ, какъ это можно сдѣлать. Помочь въ этомъ отношеніи и имѣетъ задачей предлагаемое руководство К. Д. Покровскаго.

Указавъ на богатый запасъ интереснаго матеріала, вполнѣ доступнаго для наблюденій невооруженнымъ глазомъ и биноклемъ, авторъ продолжаетъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „Еще болѣе важны экскурсіи по небу съ трубой. Для общаго знакомства съ безчисленными чудесами неба нѣтъ нужды въ огромныхъ, могущественныхъ телескопахъ. Небольшой, сравнительно, обыкновенной любительской трубы совершенно достаточно, чтобы получить высокое эстетическое наслажденіе"... „Можно съ пользой поработать и для науки. Астрономія не разъ пользовалась услугами любителей"... „Не нужно бояться технической стороны общихъ астрономическихъ наблюденій. Они просты и легко осуществимы. Можно настоятельно рекомендовать всякому эти благородныя занятія"... „Мы обращаемъ исключительное вниманіе на практическую сторону дѣла, поставивъ себѣ задачей указать, что можно наблюдать невооруженнымъ глазомъ и трубой отъ 2 до 5 дюймовъ въ діаметрѣ, и пояснить, какъ нужно наблюдать".

Въ приложеніи къ книгѣ помѣщены 7 таблицъ и два алфавитныхъ указателя: русскій и латинскій, необходимыхъ при различныхъ справкахъ. Книга издана очень изящно, на превосходной бумагѣ, въ 8 д. л., 290 стр. СПБ. 1897 г.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія первое изданіе „Путеводителя по небу" рекомендовано для библіотекъ основныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для подарковъ ученикамъ.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, № 22.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ 1898-го г

СОДЕРЖАЩУЮ

„ИСТОРІЮ ИСКУССТВ

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч., и проч.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи **П. П. ГНѢДИ**

Выходящее въ 1898 году изданіе «Исторіи Искусствъ» предста собою повтореніе и точную копію стереотипнаго изданія 1897 года

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1898 г. также въ видѣ 12-ти еже ныхъ выпусковъ,—по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца,—которые сос три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 страницъ, 2000 гравюръ и около 50 хромолитографій и рисунковъ на цвѣтномъ

Открытая нами въ истекающемъ 1897 г. подписка на „Исторію искусствъ“ въ ежемѣсячныхъ выпускахъ имѣла крупный успѣхъ, и каждый новый выпускъ встр весьма сочувственный пріемъ въ публикѣ и лестные отзывы печати. Но вышедшем изданію, которое разошлось въ очень значительномъ количествѣ экземпляровъ, судить о томъ, насколько объемъ, число рисунковъ и внѣшній роскошный видъ и. соотвѣтствуютъ даннымъ нами обѣщаніямъ. Въ настоящее время осталось очень не полныхъ экземпляровъ изданія, цѣна за которые повышена до 16 руб. (безъ пересы Но въ виду множества продолжающихъ поступать къ намъ заявленій о желаніи п саться на „Исторію Искусствъ“ съ разсрочкою платежа, мы рѣшили на 1898 годъ открыть подписку на это изданіе въ 12 выпускахъ, которые будутъ выходить по од выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца, съ сохраненіемъ прежней (неповышенной) цѣны тѣхъ же условіяхъ разсрочки, какъ и въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по од выпуску ежемѣсячно: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 12 р., безъ доставки въ Мо въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, 13 р.; съ доставкою въ С.-Петер и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстн. Россіи 14 р.; съ пересылк границу 16 руб.

Допускается разсрочка платежа на 2 3, 4 и 6 сроко

Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Отдѣльные выпуски „ИСТОРІИ ИСКУССТВЪ“ не продаются, и изданіе съ женнымъ платежемъ не высылается. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ ніемъ, продается отдѣльно, съ пересылкою, за 1 р., который можно присылать почто марками въ заказныхъ письмахъ. Лица, выписавшія первый выпускъ „ИСТО ИСКУССТВЪ“, могутъ подписаться на нее со 2-го выпуска, уплачивая, понятно, од рублемъ меньше.

При подпискѣ „ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ“ высылается только выпусками, по од выпуску ежемѣсячно, причемъ, на основаніи правилъ Газетной Экспедиціи, изданіе переплетахъ не высылается. По для подписчиковъ имѣются въ отдѣльной продаж изящныхъ переплета по цѣнѣ 3 руб., съ перес. 4 руб.

Желающимъ же получить сразу все изданіе (12 выпусковъ) 1897 г. оно мо быть выслано изъ числа немногихъ оставшихся экземпляровъ по повышенной ц уплачиваемой сполна при требованіи: безъ пересылки—16 р., а въ 3 изящныхъ ко ровы переплетахъ съ кожаными корешками—20 р. За ящикъ и упаковку взима 75 к. пересылка—по жел. дорогѣ или чрезъ транспортную контору, съ уплатою ея стоим на мѣстѣ, или почтою (слишкомъ дорого) за 27 ф., въ перепл. за 30 ф. по разстоя

Для любителей особо роскошныхъ изданій отпечатано **50 нумерованны** экз. „Исторіи Искусствъ“ на **слоновой** бумагъ. Цѣна каждаго экз. безъ пересы **50 руб.**, въ 3 переплетахъ—**55 руб.**; вѣсъ 37 фунтовъ, въ переплетахъ—40 фу условія упаковки и пересылки—тѣ-же (см. выше).

Требованія и деньги адресовать: **въ контору изданій А. Ф. Маркса, С тербургъ, Малая Морская, № 22.**

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

20p.